

В. Рунов, А. Седых

ОРУДЖЕВ

ЖЗЛ

ОРУДЖЕВ

Валентин
Рунов
Александр
Седых

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1586

(1386)

Валентин Рунов
Александр Седых

ОРУДЖЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

УДК 622.32
ББК 65.304.13
Р 86

Биография крупного государственного деятеля, известного ученого Сабита Атаевича Оруджева создана на базе архивных материалов, различных публикаций и личных воспоминаний ветеранов нефтяной и газовой промышленности, друзей, родных и близких С. А. Оруджева.

ISBN 978-5-235-03557-7

© Рунов В. А., Седых А. Д., 2012
© Шмаль Г. И., вступительная статья, 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

С именем Сабита Атаевича Оруджева связаны самые значительные достижения в нефтяной промышленности и непревзойденные показатели газовой промышленности СССР. Пройдя путь от нефтепромыслового инженера до министра газовой промышленности СССР, став видным государственным деятелем, выдающимся производственным, плодотворным ученым, С. А. Оруджев всегда оставался человеком с большой буквы, был высочайшим профессионалом, талантливым организатором и творческой личностью. Возглавляемое им в 1970-е годы Министерство газовой промышленности в конце 1980-х годов довело добычу газа до 800 миллиардов кубометров в год. Вряд ли в текущем столетии, да и в последующих веках, в какой-либо стране будет достигнут подобный уровень добычи газа.

Мне, как современнику Сабита Атаевича, хорошо известна его созидательная роль в развитии нефтегазового комплекса СССР. Особо хочу подчеркнуть его вклад в развитие нефтяной промышленности Азербайджана. В послевоенный период перед нефтяниками была поставлена задача ускоренного увеличения добычи нефти. С. А. Оруджева назначили управляющим трестом «Азнефтеразведка». Под его руководством и при его непосредственном участии были начаты работы по освоению месторождений нефти Каспийского моря. Первым объектом стали Нефтяные Камни. Высокая эрудиция и богатый производственный опыт позволили С. А. Оруджеву успешно решать сложные технологические задачи по разведке и освоению этого морского месторождения.

На высоких постах заместителя министра нефтяной промышленности СССР, затем министра газовой промышленности СССР особенно ярко раскрылся организаторский талант С. А. Оруджева. Он добился организации при Министерстве газовой промышленности Главного управления, которое осуществляло работы по разведке морских нефтяных и газовых

месторождений на Каспийском, Охотском, Балтийском, Белом и других морях. Велики заслуги Сабита Атаевича в развитии нефте- и газодобычи в Азербайджане, Западной Сибири, Оренбуржье, Краснодаре, Туркмении, Узбекистане и других регионах. Многие крупные достижения в техническом переоснащении нефтяной и газовой промышленности, комплексном освоении, в частности крупноблочного строительства в морских акваториях и районах Крайнего Севера, связаны с деятельностью С. А. Оруджева.

И это далеко не полный перечень вклада легендарного министра в процветание Советского государства. На какой бы должности ни работал этот человек, он повсюду оставлял след как новатор производства, проповедник новых идей и начинаний. Нужно, чтобы об этом помнили не только современники, но знали наши дети и внуки. Хочется выразить уверенность, что сохранение памяти о легендарных людях и их славных делах даст новый импульс развитию нефтегазового комплекса, повышению эффективности использования отечественных энергоресурсов и расширению сферы научно-технического прогресса.

*Президент Союза нефтегазопромышленников России
Г. И. Шмаль*

ВВЕДЕНИЕ

В истории нашего Отечества слишком много событий для того, чтобы вывести одну линию изложения столь разнообразного материала и по одному явлению или человеку увидеть весь спектр происходившего. Но даже из этого правила есть исключения, и одно из них — жизнь и деятельность Сабита Атаевича Оруджева.

Сегодня это имя знают немногие. Мы спрашивали о нем у работников нефтяной и газовой отрасли. Подавляющее большинство в недоумении пожимало плечами. И это не удивительно. В этих отраслях практически не осталось людей, которые бы работали при Оруджеве, и уж точно нет таких, которые бы знали его лично. И это притом что и нефтяная и газовая отрасли получили самое бурное развитие как раз во времена Сабита Атаевича.

Свой жизненный путь и трудовую деятельность С. А. Оруджев начал в 1930-е и 1940-е годы на бакинских нефтяных промыслах, которые были главным источником добычи нефти в СССР в предвоенные и военные годы. После войны он отстраивал народное хозяйство страны, затем был заместителем министра нефтяной промышленности СССР. В 1972 году он возглавил газовую промышленность, которой руководил почти десять лет, выведя ее в число ведущих отраслей народного хозяйства.

Однако вскоре после смерти Сабита Атаевича в стране начались большие перемены, которые, в итоге, привели к горбачевской перестройке, развалу Советского Союза и переходу на капиталистические формы хозяйствования. На смену руководителям, выросшим через все должности в своей отрасли, пришли ловкие менеджеры, ни разу не видевшие, как добывают нефть или газ, но умеющие с выгодой продавать их. На первый план были выдвинуты совершенно другие ценности, среди которых нет уже места ни простому человеку труда, ни руководителю-производителю. Поэтому не удивительно, что в

нефтяных и газовых объединениях современной России очень редко вспоминаются имена Николая Константиновича Байбакова, Алексея Кирилловича Картунова, Сабита Атаевича Оруджева...

В советский период о министрах писать было не принято. Считалось, что всё, что создано в стране — дело рук советского народа, а народ, как известно, своего конкретного лица не имеет. Поэтому на него можно было списывать всё: как неудачи, так и достижения. Правда, в последнем случае из безликой огромной массы всегда находили возможным выделить нескольких, произведя их в герои и сделав маяком для остальных. Лозунг «Слава советскому народу — народу-победителю!» красовался на воротах едва ли не каждого предприятия, и только проходившие под этим лозунгом рабочие знали, кого и за сколько они победили. Вначале они побеждали отсталость, затем фашиста-врага, затем послевоенную разруху... А в ходе этой непрерывающейся борьбы создавали новые отрасли промышленности, развивали нефтяное и начинали великое газовое дело.

О состоянии газовой промышленности в СССР в первое время не было принято ни говорить, ни тем более писать. Каждая газовая скважина, каждый газопровод относились к объектам стратегической важности. Поэтому строились они под наблюдением НКВД и контролировались специальными подразделениями этой организации. В 1960-е годы дело несколько изменил А. К. Картунов, который развил газовое дело и впервые вывел его на уровень отдельного самостоятельного союзного министерства. С. А. Оруджев подхватил эту эстафету и нес ее дальше в течение девяти с лишним лет с полной отдачей знаний, сил и энергии. В апреле 1981 года Сабита Атаевича не стало. Руководство в то время уже мощной газовой отраслью принял Василий Александрович Динков, затем на этом посту его сменил Виктор Степанович Черномырдин. Все это время отрасль продолжала динамично развиваться.

Но наступили другие времена и заговорили не о плановости развития отечественной газовой промышленности, а о ее рентабельности. Министерство газовой промышленности СССР было преобразовано в Государственный газовый концерн «Газпром», от которого после событий августа 1991 года начали отваливаться республиканские объединения. Затем были РАО «Газпром» и ОАО «Газпром»...

Крайне важно и то, что Сабит Атаевич, азербайджанец по национальности и истинный сын своего народа, в своей работе смог переступить всевозможные местнические и национальные барьеры для того, чтобы решать вопросы в интересах

всего государства. Так, в молодости он преподавал в армянской школе, а затем работал в организациях и отраслях, где бок о бок трудились люди самых разных национальностей. И кроме незначительного акцента и любви к национальной кухне в нем ничего не выдавало азербайджанца. Он был одинаково требователен ко всем и прежде всего к самому себе, и совместными усилиями эти люди делали большое общее дело. Крайне обидно, что осенью 1990 года, когда, как предвестник будущего развала Советского Союза, в Баку начался межнациональный конфликт, именно экипаж судна под названием «Сабит Оруджев» встал на сторону сепаратистов, опозорив тем самым имя Сабита Атаевича — интернационалиста и патриота.

В XXI век Россия вступила прежде всего как нефтегазодобывающее государство. От экспорта минерального сырья на мировой рынок во многом зависят ее бюджет, укрепление обороноспособности, развитие собственной экономики, зарплаты учителям, пенсии, пособия. Но основная материальная база этих отраслей была создана в советское время, и во главе этого процесса стояли такие люди, как Николай Константинович Байбаков, Алексей Кириллович Кортунов, Борис Евдокимович Щербина, Владимир Григорьевич Чирсков и, безусловно, Сабит Атаевич Оруджев. Таким образом, рассказывая о Сабите Атаевиче, со дня рождения которого прошло более ста лет, мы говорим о событиях поистине исторического значения, тесно связанных с прошлым, настоящим и будущим нашей Родины.

К истории отечественной газовой промышленности авторы данной книги прикоснулись не случайно. Александр Дмитриевич Седых на различных руководящих должностях в газовой промышленности работал с середины 1950-х до начала 2000-х годов, на протяжении ряда лет работал в центральном аппарате и был членом коллегии Министерства газовой промышленности СССР, лично знал эту отрасль и ее руководителей и работников, в том числе и С. А. Оруджева. Валентин Александрович Рунов — профессиональный историк, который более пятнадцати лет занимается историей газовой промышленности СССР и является автором двух десятков книг по истории отрасли.

Для того чтобы написать о прошедшем времени и человеке, давно уже ушедшем из жизни, мало быть историком. Нужно буквально перенестись в то время, проникнуться его духом и, по возможности, встретиться с людьми, лично знавшими

нашего героя. Поэтому книга о С. А. Оруджеве была бы не полной, если не сказать о тех людях, которые своими воспоминаниями помогли в ее создании.

Эту страницу повествования, безусловно, нужно открыть с Николая Константиновича Байбакова, с которым авторам посчастливилось встречаться при его жизни. Выпускник Азербайджанского индустриального института, бакинский нефтяник с 1931 года, заместитель наркома нефтяной промышленности с 1940 года, нарком нефтяной промышленности СССР с 1944 года, председатель Госплана СССР с 1965 года — его поистине нужно считать советским нефтяником номер один и крупнейшим руководителем планового народного хозяйства страны на протяжении двадцати лет ее истории. В этом человеке гармонично сочетались профессиональные знания нефтяной отрасли и исключительная житейская мудрость с десятилетиями наработанными качествами крупного руководителя государственного уровня и масштабного хозяйственника. От него мы услышали о проблемах нефтегазовой отрасли и о Сабите Атаевиче Оруджеве, которого Николай Константинович хорошо знал на протяжении четырех десятилетий. К сожалению, 31 марта 2008 года Н. К. Байбакова не стало.

Долгие годы рядом с Оруджевым работал Юрий Васильевич Зайцев. Он родился в Баку, в 1953 году окончил Азербайджанский индустриальный институт, работал на различных должностях в нефтяной промышленности, а с 1965 по 1972 год — начальником Управления по развитию техники, технологии и организации добычи нефти и газа Миннефтепрома СССР. В 1973 году Сабит Атаевич пригласил Зайцева на должность заместителя министра вновь созданного Министерства газовой промышленности СССР, а с 1978 по 1983 год он был первым заместителем министра газовой промышленности СССР.

Достаточно продолжительное время рядом с Сабитом Атаевичем работал Василий Александрович Динков. Он также окончил Азербайджанский индустриальный институт, после чего непрерывно работал в нефтяной и газовой промышленности и до 1962 года прошел путь от инженера вторичных методов эксплуатации нефтяных скважин до начальника отдела добычи и переработки нефти объединения «Краснодарнефть». Последующие 23 года его трудовой деятельности связаны с газовой промышленностью. Работал начальником Краснодарского управления магистральных газопроводов, начальником объединения «Кубаньгазпром». С 1965 года Василий Александрович трудился в центральном аппарате Мингазпрома СССР начальником Главгаздобычи, заместителем и первым заместителем министра газовой промышленности СССР С. А. Оруд-

жева. Вполне понятно, что он очень хорошо знал Сабита Атаевича и проблемы газовой отрасли того периода. Поэтому не удивительно, что после смерти С. А. Оруджева министром газовой промышленности СССР был назначен В. А. Динков, который занимал эту должность до 1985 года. Авторам удалось неоднократно встретиться с этим человеком, которого, к сожалению, не стало 25 июня 2001 года.

Поиски людей, лично знавших С. А. Оруджева, привели к встрече с Грантом Джаваншировичем Маргуловым, который в 1945 году начал свой трудовой путь на бакинских нефтепромыслах, в 1954 году окончил Азербайджанский индустриальный институт, после чего в течение пяти лет работал в нефтяной промышленности Узбекистана. В период с 1973 по 1981 год он трудился в должности начальника планово-экономического управления Мингазпрома СССР и был членом коллегии этого министерства.

Достаточно много о личности С. А. Оруджева поведал Степан Романович Дерезов, который с 1966 года работал в центральном аппарате Мингазпрома СССР, вначале начальником отдела новой техники для добычи, хранения и транспортировки газа, а затем — начальником управления внешнеэкономических связей. В 1977 году он был назначен на должность заместителя министра газовой промышленности СССР. По роду своей деятельности Степан Романович постоянно сопровождал Оруджева во всех его зарубежных командировках и был свидетелем этой стороны жизни и деятельности Сабита Атаевича.

Яркий след оставили после себя встречи с Сергеем Степановичем Кашировым. Он работал в газовой отрасли с 1946 года, участвовал в строительстве объектов газопровода Саратов — Москва, где прошел путь от аппаратчика и начальника цеха до начальника Кологривовского районного управления, в 1963 году стал начальником Горьковского управления магистральных газопроводов. С 1970 года Сергей Степанович трудился в центральном аппарате Министерства газовой промышленности СССР и в 1973 году был назначен начальником Всесоюзного объединения «Союзинтергазпром». Но в 1975 году по решению С. А. Оруджева С. С. Каширов вначале назначается начальником Центрального диспетчерского управления Мингазпрома СССР, а в 1977 году становится заместителем министра газовой промышленности СССР.

Центральное диспетчерское управление долгие годы было главным распорядительным органом управления той сложной и многоплановой структурой, которую представляло собой Министерство газовой промышленности СССР. Поэтому ру-

ководителей ЦДУ подбирали особенно тщательно. В период с 1977 по 1990 год эту должность занимал Владимир Иванович Халатин. В газовую отрасль после окончания Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина он пришел в 1957 году. В последующем прошел путь от инженера экспедиции до главного инженера Московского управления магистральных газопроводов. В 1965 году был приглашен на работу в центральный аппарат министерства, где трудился рядом с А. К. Кортуновым, а затем с С. А. Оруджевым, был членом коллегии Мингазпрома СССР.

Известно, что в 1972 году Министерство газовой промышленности СССР, созданное выдающимся организатором отрасли Героем Советского Союза Алексеем Кирилловичем Кортуновым, по решению правительства было разделено на два: Министерство газовой промышленности СССР и Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, которые затем очень тесно сотрудничали друг с другом. Заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР в 1970-е годы работал Юрий Петрович Баталин.

Юрий Петрович окончил Уральский политехнический институт и свою трудовую деятельность начал на предприятиях угольной промышленности Башкирии. Но в 1965 году, в самом начале грандиозной эпопеи освоения Западной Сибири, он переводится в Министерство газовой промышленности СССР и назначается главным инженером Главтюменьнефтегазстроя — объединения, которое занималось обустройством первых нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири и прокладкой первых трубопроводов в этом регионе. С 1970 года Ю. П. Баталин — заместитель министра газовой промышленности СССР. Но после раздела министерств в 1972 году он, как строитель, становится первым заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР и работает в этой должности до 1983 года. Именно в эти годы Министерство газовой промышленности СССР под руководством С. А. Оруджева сделало тот грандиозный рывок, который вывел отрасль на одно из первых мест в списке энергетического комплекса страны. Встречи с Юрием Петровичем были полезны еще и тем, что в последующем, занимая должности председателя Госкомтруда СССР и заместителя председателя Совета министров СССР, он с высоты этого положения смог дать оценку деятельности С. А. Оруджева во время его работы первым заместителем министра нефтяной промышленности СССР и министром газовой промышленности СССР.

Особое слово благодарности за память ветеранов нефтяной и газовой отрасли хочется сказать Владимиру Григорьевичу Чирскову.

Владимир Григорьевич после окончания Саратовского нефтепромыслового техникума в 1955 году начал свой трудовой путь в строительных организациях в Башкирии, пройдя там путь от механика до главного механика треста «Башнефтепромстрой». Но затем его, как и Ю. П. Баталина, позвала к себе Западная Сибирь. С 1966 по 1978 год он в Тюмени, где последовательно прошел должности от начальника отдела механизации до руководителя главного территориального производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири. С 1978 года Чирсков работал заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, а с 1984 по 1991 год возглавлял это министерство. Весь долгий трудовой путь Владимира Григорьевича был неразрывно связан с развитием и укреплением топливно-энергетического комплекса страны, в котором долго и также плодотворно работал и Оруджев. Поэтому не удивительно, что, решая общие сложные и объемные задачи, эти люди хорошо знали друг друга и постоянно общались, и не только на служебном уровне. Поэтому воспоминания В. Г. Чирскова о Сабите Атаевиче поистине бесценны.

Но хочется особо отметить еще одно уникальное качество Владимира Григорьевича — его трепетную память о ветеранах, о людях, которые работали и много сделали для нефтегазовой отрасли Советского Союза. Уже долгие годы он возглавляет совет ветеранов строительства объектов нефтегазовой промышленности, из-под его пера вышло в свет несколько книг по истории отрасли и ее работниках.

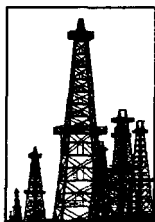
К сожалению, нет возможности подробно рассказать о всех людях, кто своими воспоминаниями оказал помощь в разработке этой книги. Но нельзя не отметить, что в их числе были такие известные в нефтяной и газовой промышленности люди, как Н. И. Белый, И. С. Никоненко, Ф. Г. Гайнуллин, Н. В. Петличенко, К. А. Демидов, С. М. Гамзатов, П. А. Арушанов, П. М. Тонконогов, А. А. Джавадян, М. П. Геранин, Д. А. Мадьяров. При этом крайне важно было то, что некоторые из них знали Сабита Атаевича не только по работе, но и в личной жизни. Авторы выражают глубокую благодарность этим людям.

Но рассказ о любом человеке был бы неполным, если бы не те некоторые подробности личного характера, которые всегда скрашивают сухие факты биографии, раскрывая новые грани его жизни. К сожалению, у моих рассказчиков сведений

такого характера было крайне мало. Сабит Атаевич, как чисто восточный человек, никогда не выносил на широкое обсуждение подробности своей личной жизни и не разрешал никому в нее вторгаться. На момент разработки книги жена его, Фати-ма Алекперовна, уже умерла, дочери разъехались. Поэтому большим счастьем была встреча с удочеренной внучкой Сабита Атаевича Сабиной, которая в определенной степени и восполнила этот пробел.

Еще в древности мудрецы отметили, что большое хорошо видно только издалека. Более тридцати лет нет среди нас Сабита Атаевича, и память о нем начала постепенно стираться у представителей нового поколения газовиков. Развалился бывший Советский Союз, частично распалась Единая система газоснабжения страны, которую создавал С. А. Оруджев, самостоятельным государством стал его родной Азербайджан, ушли из жизни многие соратники, друзья, родные... Но нефтяное и газовое дело, которое неразрывно связано с именем Сабита Атаевича Оруджева, до сих пор не только живо, но и является достоянием и силой современной России.

Часть первая
НА СЛУЖБЕ
У БОЛЬШОЙ НЕФТИ

Глава первая

В НАЧАЛЕ БОЛЬШОГО ПУТИ

Зарождение нефтяного дела в России

В начале XX века, когда начали активно развиваться двигатели внутреннего сгорания и на мировом рынке резко выросли цены на нефть и нефтепродукты, главным центром нефтедобычи Российской империи был район в окрестностях города Баку.

Нефть в районе Баку добывалась с давних времен. Об этом свидетельствует тот факт, что в поселке Балаханы, находящемся вблизи Баку, в нефтяном колодце глубиной 35 метров был найден камень, на котором указывалось, что этот колодец был вырыт в 1594 году мастером Мамедом Нур оглы.

В 1733 году Баку посетил известный врач Иван Яковлевич Лерхе (1708—1780), который указывал в своем отчете, что в Балаханах в то время было 52 «нефтяных кладезя глубиною в 20 сажений (42,6 метра), из коих некоторые сильно бьют и ежедневно доставляют 500 батманов (около 3 тонн) нефти»¹.

Столетиями нефть добывалась ручным способом путем рытья простых колодцев. В окрестностях Баку таких заброшенных колодцев было множество. Нефть с этих колодцев черпали ручным способом ведрами, поднимали наверх обычными воротами и сливали в большие бочки.

Со временем на смену ручному способу добычи нефти постепенно приходили другие. Прежде всего это касалось бурения скважин. Простейшим буровым устройством (станком) первая скважина под нефть была случайно пробурена в США в 1826 году. В России первые попытки разведки нефти с помощью шуп-бура, или земляного бура, предпринимались на Тамани черноморским войсковым начальством с 1835 года.

Вскоре после этого технический прогресс дошел и до Баку. В 1846 году в Баку на Биби-Эйбате по предложению члена Совета Главного управления Закавказского края Василия Нико-

¹ Энциклопедия / Нефтяной Баку — http://www.bakupages.com/enc-show.php?cmm_id=276&id=95532&c=1926

лаевича Семенова была пробурена первая скважина глубиной 21 метр для разведки нефти. По этому поводу в докладной записке от 14 июля 1848 года наместник императора на Кавказе князь Михаил Семенович Воронцов писал: «Я разрешил провести новые разведки на нефть в Бакинском уезде на берегу Каспийского моря в урочище Бей-Бат посредством земляных буров. Директор Бакинских и Ширванских минеральных промыслов доносил, что пробурена на Биби-Эйбате буровая скважина, в которой найдена нефть».

Нефтяное дело было настолько выгодное, что желающих вложить в него деньги было немало.

В 1876 году в Баку по каким-то своим делам приехал предприниматель Роберт Нобель. Дела не ладились, и он был вынужден на некоторое время задержаться в этом городе. Жил в одной из лучших гостиниц, много гулял, бывал в ресторанах и на базарах и, как всегда, внимательно прислушивался к разговорам. А в городе в то время больше всего говорили про нефть, которой было в изобилии в его окрестностях.

Наслушавшись и насмотревшись, Роберт написал письмо своему отцу Эммануэлю Нобелю, который вместе с другим своим сыном Людвигом в то время находился в Швейцарии, организуя динамитный бизнес. Посоветовавшись, отец и сын решили рискнуть. Роберту было поручено купить участок земли в окрестностях Баку для того, чтобы развернуть там нефтяные промыслы. Он успешно выполнил эту задачу, а 25 мая 1879 года Роберт и Людвиг учредили Товарищество нефтяного производства братьев Нобель (сокращенно «Бранобель»). Вскоре нефтяной промысел братьев Нобель стал крупнейшей нефтедобывающей фирмой не только России, но и всего мира. В конце XIX столетия она добывала 18 процентов российской и 8,6 процента мировой нефти, производила половину потребляемого в стране керосина.

В начале XX века нефть в районе Баку добывалась с помощью «тартания желонкой». Желонка — обычная труба диаметром около 250 миллиметров и длиной 10 метров. Опускалась она в скважину и поднималась, наполненная нефтью, наверх с помощью лебедки, которая приводилась в движение быками, мулами или лошадьми. Производительность труда при таком способе добычи была крайне низкой. И все же нефтедобыча была хотя и тяжелым, но весьма выгодным делом: Нобели своим рабочим платили хорошо, и другие хозяева были вынуждены с этим считаться.

Перед Первой мировой войной три иностранные компании: «Рашен дженерал ойл компани», «Шелл» и «Товарищество Нобель» владели 88 процентами всех акционерных капита-

лов нефтяной отрасли и контролировали 60 процентов всей добычи нефти в России. Самыми крупными магнатами русской нефти были Нобели и Ротшильд, совершенно безразличные к интересам страны и ее народа. Более того, опасаясь конкуренции, они всячески тормозили развитие нефтяной промышленности в других регионах страны. Так, известно, что фирма братьев Нобель ежегодно выплачивала большие деньги крестьянским общинам, чтобы они не сдавали свои земли в аренду для бурения скважин на нефть.

Отец

Кроме непосредственного строительства и развития промыслов в Баку и его окрестностях было развернуто масштабное гражданское строительство. Строились рабочие поселки, дома, другие социальные объекты, прокладывались дороги. В поисках работы и хороших заработков на бакинские нефтепромыслы собирались рабочие из различных уголков страны. Но больше всего среди них было местных жителей-азербайджанцев. В их числе оказался и Атабаба Оруджев — отец будущего советского министра.

В соответствии с существующими в роду преданиями фамилия Оруджев произошла от названия горы Орудж, на которой один из предков Сабита Атаевича сыграл свою свадьбу. Сделал он это для того, чтобы люди, которые не захотели прийти к нему на это торжество, всё же увидели, как он начинает новую жизнь.

Причина, по которой односельчане побоялись приходить на эту свадьбу, была проста. Местный полицейский также претендовал на руку и сердце этой девушки, но она отказала столь важному жениху. Тогда разгневанный полицейский оскорбил удачливого соперника в ее присутствии и был им избит. За это молодой человек был заключен под стражу. Через некоторое время его освободили и он вернулся в свою деревню. Невеста его дождалась, и они сыграли свадьбу на горе Орудж, на радость друзьям и на зависть врагам. Так появились Оруджевы.

О жизни Атабабы Оруджева не сохранилось документальных сведений, а рассказы его потомков весьма противоречивы. Известно только, что родился он в 1871 году в азербайджанском селении Новханы, расположенном в 30 километрах от Баку. В юности Ата освоил профессию каменщика и зарабатывал тем, что строил дома для своих односельчан и жителей окрестных селений.

Атабаба был высоким, сильным и красивым мужчиной, хорошим специалистом, правоверным мусульманином, совершившим хадж в Мекку. Он не имел никакого образования, но умел читать, увлекался старинной персидской поэзией, знал много стихов наизусть и любил декламировать их в кругу друзей. Кроме того, этот человек обладал большой природной мудростью. Ата умел внимательно слушать людей, не спешил давать советы, а если уж говорил, то к его словам прислушивались.

Накопив немного денег, Атабаба построил в селе собственный дом и привел в него жену Месму-ханум. В этом доме у них родилось трое сыновей, в числе которых был Сабит. Несмотря на все старания главы семейства, семья Оруджевых жила бедно, поэтому его жена Месма-ханум вынуждена была постоянно подрабатывать шитьем одежды на заказ. Она умерла от скоротечной чахотки рано, в возрасте 39 лет.

Бурное развитие нефтяной промышленности на каспийском побережье обусловило быстрый рост Баку. В городе постоянно строились новые каменные дома и другие сооружения.

Что собой представлял Баку в те годы? Уроженец этого города и фактически сверстник Оруджева Николай Константинович Байбаков рассказывает, что «тогда Баку олицетворяли нефтяные промыслы и шумные восточные базары. Причем если базары были со всех сторон сжаты древним каменным городом, то промыслы, свободно раскинувшиеся на многие десятки километров вдоль побережья Каспийского моря, казались бесконечными. И нам, мальчишкам, было непонятно, то ли промыслы находятся при городе, то ли город при промыслах. Все жили нефтью, торговлей и ремеслом. А мы носились среди всего этого — русские, азербайджанцы, армяне, дагестанцы, украинцы, иранцы — полуголодные, испачканные нефтепродуктами и по-детски счастливые»¹.

В поисках заработка Атабаба надолго уходил из родного села в город, где трудился в составе строительной артели. Позже он с гордостью показывал сыну большой дом с колоннами, построенный с его участием на Приморском бульваре, в котором в советский период размещался руководящий аппарат объединения «Азнефть».

Для того чтобы вести хозяйство и воспитывать детей, Атабаба был вынужден снова жениться. Но вторая жена прожила недолго, и он женился в третий раз.

¹ Здесь и далее воспоминания Н. К. Байбакова приводятся авторами по личным с ним беседам и по книгам: *Байбаков Н. К. Моя родина Азербайджан*. М., 2001; *Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина*. М., 2005 и др.

Атабаба прожил 102 года. Он имел пятерых детей. От первой жены у него было три сына, среди них был и Сабит Атаевич, от последней жены — сын и дочь. Атабаба умер в 1973 году, в то время, когда его сын Сабит уже стал министром газовой промышленности СССР.

В огне Гражданской войны

После Октябрьской революции в России турецкое военнополитическое руководство быстро почувствовало ослабление Кавказского фронта и слабость нового советского правительства в этом регионе. Большевики, затеяв мирные переговоры с представителями германского, австро-венгерского, болгарского и турецкого командования 9 декабря 1917 года в Бресте, сразу же заявили, что готовы на мир «без аннексий и контрибуций». Для полуразгромленной Турции это было равносильно победе. Более того, турецкому представителю дали понять, что его государству будут возвращены все территории, занятые русскими войсками в 1915—1917 годах. Это было предательство не только государственных интересов, но и памяти многих тысяч россиян, отдавших жизни в борьбе с внешними врагами. Такая политика лишь подогревала аппетиты недавних противников, толкала их выдвигать новые требования, подкрепляя их действиями...

В двадцатых числах января 1918 года многочисленные вооруженные отряды азербайджанских националистов внезапно напали на станции Шамхор (близ Гянджи) и Хачмас (около Баку), где скопились войсковые эшелоны, направлявшиеся с фронта в Россию. Солдаты, застигнутые врасплох, лишённые воинской организации и командиров, не смогли оказать сопротивления и начали разбегаться во все стороны. Мусаватисты¹, наслаждаясь легкой победой, безжалостно рубили и расстреливали бегущих. В тот день только на этих двух станциях были убиты и ранены более тысячи русских солдат.

Подобные акции произошли и в других местах Закавказья. Они не способствовали укреплению внешнего Кавказского фронта и стабилизации внутренней обстановки в крае. Единственным их результатом стал массовый захват оружия, боеприпасов и снаряжения формированиями, которые в большинст-

¹ Мусаватисты — члены азербайджанской буржуазно-националистической партии «Мусават» («Равенство»), возникшей в 1911 году в Баку. Основываясь на идеях панславизма и пантюркизма, мусаватисты требовали создания под эгидой Турции единой мусульманской державы, в которую входил бы и Азербайджан.

ве своем не контролировались органами местной власти. Это привело к возникновению массового бандитизма, разбоям и грабежам среди местного населения.

Турецкое командование умело использовало сложившуюся обстановку. 11 февраля 1918 года турецкие войска перешли в наступление на Кавказском фронте. Командующий Кавказской армией генерал Илья Зурабович Одишилидзе, будучи не в силах остановить противника, начал отводить части. 13 февраля турки овладели Эрзинджаном, через девять дней — Мамахатумом, а 12 марта, после двадцатидневной осады, заняли Эрзурум. К концу месяца предвоенная русско-турецкая граница была восстановлена практически на всем ее протяжении.

В самом городе Баку в то время правил Совет народных комиссаров во главе со Степаном Шаумяном. Но в Закавказье власть принадлежала Закавказскому комиссариату, созданному из представителей националистических и социал-демократических партий. Последний попытался остановить наступление турецких войск своими силами и заставить их командование сесть за стол переговоров. Он дал команду срочно приступить к формированию корпусов по национальному признаку. Так были созданы Армянский и Грузинский корпуса. Но азербайджанский корпус из-за религиозных проблем создать не удалось.

Тем не менее фронт обороны против турок был создан. Но, несмотря на то, что в составе этих формирований насчитывалось более 30 тысяч человек, их боеспособность была очень низкой. Это стало известно турецкому командованию, решившему перенести военные действия на территорию Закавказья. 5 апреля, перейдя границу бывшей Российской империи, турецкие войска заняли Сарыкамыш, а десять дней спустя — Батум. После этого их командование добилось созыва Закавказского сейма, который 22 апреля 1918 года провозгласил создание независимой от советской России Закавказской демократической федеративной республики. Этот акт не столько определял самостоятельность Грузии, Армении и Азербайджана, сколько представлял их отношения с Турцией как особое дело, независимое от политики Антанты, Тройственного союза и особенно нового правительства советской России. Он окончательно развязывал руки агрессору, целью которого стал захват всего Закавказья.

Федерация закавказских республик неудержимо разрушалась под напором турецких войск и разлагающей деятельности большевиков. 26 мая Закавказский сейм сложил свои полномочия. На следующий день мусаватисты объявили Азербайджан независимой республикой.

Захват большевиками власти в Баку вызвал сопротивление со стороны местных мусаватистов, которые располагали значительными военными силами. В Гяндже был сформирован 1-й Мусульманский корпус под командованием князя Мачалова — бывшего командира Татарского полка Дикой дивизии. В этом корпусе было 6 тысяч человек и 10 орудий.

Для разгрома мусаватистской группировки Бакинский Совнарком назначил 1-й Кавказский корпус Красной армии общей численностью 13 тысяч человек во главе с бывшим полковником Казаровым. В середине июня 1918 года корпус подошел к Гяндже. К тому времени туда же начали прибывать передовые части 15-тысячного турецкого корпуса.

Турецкие и мусаватистские части, начав наступление 7 июля, постепенно теснили советские войска. Создалась угроза Баку, где антисоветские силы начали активную агитацию за приглашение англичан. Население города, уставшее от боев, мобилизаций, голода, опасаясь прихода турок, поддержало дашнаков¹.

4 августа 1918 года первый отряд англичан численностью до 400 человек прибыл морем в Баку. На следующий день туда вошли турки. За три дня было убито около 30 тысяч человек, а город полностью разграблен. Советские войска, потерпев поражение, попытались на 17 пароходах покинуть Баку и уйти в Астрахань. Но дашнакско-английские власти силами нескольких военных кораблей вернули пароходы в Баку, войска разружили, комиссаров арестовали.

Обстановка начала меняться к осени 1918 года. 11 ноября Германия подписала перемирие на условиях полной капитуляции. 30 октября было заключено перемирие между Турцией и Антантой, по условиям которого Турция обязалась немедленно начать эвакуацию войск из Закавказья. В Баку высадились англичане. Так к концу 1918 года Азербайджан оказался в сфере новой политики, направленной не столько на борьбу с большевизмом, сколько на защиту британских интересов в Кавказском регионе.

Но и власть англичан в Азербайджане оказалась непродолжительной. Во второй половине июня 1919 года матросы английских судов Каспийской флотилии выдвинули требования немедленной отправки их на родину. Под давлением этих выступлений 26 августа английские войска были эвакуированы из Баку. Вскоре после этого на территории Азербайджана была установлена советская власть.

¹ Дашнаки — члены армянской буржуазно-националистической партии «Дашнакцутюн» («Союз»), возникшей в 1890 году в Тбилиси.

Первые шаги

Сабит родился 31 мая 1912 года. Тогда его отцу исполнилось 40 лет, он был полон сил и энергии, много работал. Семья жила сравнительно неплохо. Но вскоре возникли неприятности. Началась Первая мировая война, и заказы на выполнение строительных работ резко сократились. Месяцами Атабаба оставался без работы, а семья без заработка.

Детские годы Сабита Оруджева прошли вблизи нефтяных промыслов. В окрестностях их села стояли станки-качалки, резервуары для нефти, различная техника. Круглые сутки по железной дороге гроыхали железнодорожные составы, груженные нефтью. Любопытные вездесущие мальчишки, среди которых был и Сабит Оруджев, любили наблюдать за работой взрослых. Нередко после завершения детских игр он возвращался вечером домой, весь перепачканный нефтью. Мать журрила замарашку, он винился, обещал быть аккуратнее. Но на следующий день снова был в группе мальчишек, которые крутились вблизи нефтяных объектов. Так с раннего детства Оруджев познакомился с работой нефтяников, привык к ней и полюбил это трудное дело на всю свою жизнь.

Свою мать, Месму-ханум, Сабит Агаевич всегда вспоминал как очень красивого и доброго человека. Так как семья жила бедно, то чтобы прокормить себя и детей, мать постоянно много работала — шила платья и другую одежду для более обеспеченных соседок. Когда она умерла, трое ее сыновей были в подростковом возрасте.

Сабит тяжело переживал потерю матери. Затем в дом пришла вначале одна мачеха, а спустя некоторое время — другая, появились маленькие дети.

В селе, где жили Оруджевы, была школа при мечети, ее посещали старшие дети, и маленький Сабит начал постигать там азы грамоты. Общеобразовательная школа находилась в нескольких часах ходьбы. Сабит принял самостоятельное решение пойти туда учиться и стал водить с собой двух младших братьев. Семья не имела денег на обувь, поэтому мальчишки в теплое время года ходили в школу босиком, а зимой — в старых калошах матери.

Во время Гражданской войны Баку становится центром важнейших политических событий, происходивших в Закавказье, и семье неоднократно приходилось переживать большие трудности. Тем не менее для мусульманской части населения условия жизни были намного лучшими, чем для «иноверцев». Но стихли войны, Азербайджан стал частью Закавказской Советской Федеративной Социалистической Рес-

публики, а район Баку — одним из самых динамично развивающихся.

Время несло большие перемены. В повседневной жизни на смену предписаниям ислама все больше приходили светские законы. Стали меняться школьные программы, учебники, состав учителей. Усиленно пропагандировались коммунистическая идеология и советский образ жизни.

В 1920-е годы советское правительство взяло курс на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Быстрыми темпами вводились в строй новые предприятия, другие производственные мощности. На колхозные поля вышли тысячи тракторов. Проводилась широкая электрификация страны, прежде всего на базе тепловых электростанций. Все это требовало большого количества топлива, особенно нефти. Основное количество этого сырья добывалось в СССР в то время в районах Баку и Грозного. К концу 1920-х годов практически все насосные скважины в Баку уже работали на электродвигателях. Ударники нефтяного производства постоянно пропагандировались в прессе, не сходили с экранов документального кино. Профессия нефтяника стала одной из самых престижных в стране, и старшеклассники уже сознательно мечтали пополнить ряды добытчиков нефти.

В то же время Сабит Оруджев ничем не отличался от своих сверстников и не был исключением из общего правила. Собранный и упорный в учебе, он пользовался авторитетом у своих учителей и товарищей. В 1928 году он окончил советскую школу II ступени.

В те годы добыча нефти на промыслах Баку постоянно прогрессировала. Уже в 1920-е годы на промыслах вместо желонки появились насосы и станки-качалки. Произошла замена ударного способа бурения вращательным с выносом на поверхность разрушенной породы глинистым раствором. Затем паровые двигатели и двигатели внутреннего сгорания были заменены электрическими. Причем большинство оборудования было отечественного производства. Газета «Бакинский рабочий» в 1927 году писала: «Станки и бурильные инструменты, изготавливаемые на советских заводах, не уступают по качеству заграничным. Сормовские станки, коломенский насос — любимцы каждого бурового мастера».

Сабит Оруджев, который постоянно наблюдал труд нефтяников, после окончания школы также решил связать свою жизнь с промыслами. Он даже написал заявление в райком комсомола с просьбой разрешить ему поступление в институт. В отличие от большинства своих сверстников Сабит окончил не семилетку, а престижную девятилетнюю школу. Этого считалось

достаточным, чтобы не учиться на рабфаке, а сразу же поступать в институт. В справке о получении среднего образования отмечалось, что Сабит Оруджев «как окончивший полный курс советской единой трудовой школы II ступени получает право поступать в высшие учебные заведения АСС согласно Положения, утвержденного коллегией НКП 20 ноября 1922 года».

Но жизнь распорядилась иначе.

Сельский учитель

В 1928 году в Советском государстве после фактического разгрома православной церкви началось гонение на ислам. Был введен запрет на паломничество в Мекку, начали закрывать мечети. Это вызывало недовольство мусульманской части населения Кавказа, которое решили «сгладить» активной пропагандистской работой, проводившейся в том числе и под видом ликвидации неграмотности. Поэтому по окончании школы шестнадцатилетний Оруджев был направлен на ликвидацию неграмотности населения (так называемый ликбез). Один год он учительствовал в школе селения Ширазлы в Армении, а затем, до середины 1930 года, был учителем школы колхозной молодежи селения Хизы в Азербайджане. Во время работы в Армении Сабит довольно быстро выучил армянский язык.

В те годы между азербайджанцами и армянами то и дело вспыхивали межнациональные конфликты. Во время одного из них ученики спрятали Сабита Атаевича от националистов в колодце и тем спасли ему жизнь. Он вспоминал об этом случае без страха, считая, что жизнь его спасло то обстоятельство, что его отец не единожды укрывал у себя в доме армян от расправы азербайджанских националистов.

Преподавательская работа заставляла молодого человека постоянно учиться самому, повышать свои знания, обретать опыт работы с людьми. Ведь его учениками, как правило, были уже взрослые люди, нередко значительно старше своего учителя. Работа с ними требовала особых подходов, настойчивости, воли, а нередко и жесткости. Она воспитывала будущего руководителя, ковала его характер.

На пути к профессии

В то же время преподавательская деятельность Оруджеву не особенно нравилась. Его неудержимо влекло нефтяное производство, которое в те годы развивалось с особой силой. И в

1930 году Сабит Оруджев поступает на учебу в Азербайджанский нефтяной институт.

В то время это был ведущий нефтяной вуз страны. Свою историю он вел с 1887 года, когда в Баку было основано городское ремесленное училище. После установления советской власти в Азербайджане 14 ноября 1920 года на базе училища был создан Бакинский политехнический институт. В последующем название этого вуза менялось неоднократно. В 1928 году он был переименован в Азербайджанский политехнический институт, в 1930-м — в Азербайджанский нефтяной институт, а в период с 1934 по 1959 год назывался Азербайджанским индустриальным институтом им. М. Азизбекова. В начале 1920-х годов в его стенах некоторое время даже учился известный в последующем Л. П. Берия, но, увлекшись революцией, предпочел прервать учебу. Но не этим именем гордилось это учебное заведение. Достаточно напомнить, что в 1930-е годы его закончили такие известные специалисты, как М. А. Евсеенко, М. В. Сидоренко, С. А. Везиров, В. А. Каламкарров, А. Я. Кремс, В. С. Мелик-Пашаев, В. И. Муравленко, А. Т. Шмарев и многие другие.

Революционной биографии у Сабита Оруджева не было, а для поступления требовались соответствующие рекомендации. Выручила преподавательская работа. Местная партийная ячейка, рассмотрев заявление Оруджева, дала ему положительные рекомендации.

В 1929 году в Азербайджанском политехническом институте началась серьезная реорганизация, вызванная необходимостью форсированной подготовки квалифицированных инженерных кадров для нефтяной промышленности. Дефицит их был огромный. Так, в ведущем на то время тресте «Азнефть» на 48 тысяч рабочих приходилось всего 588 инженеров и техников, что составляло 1,2 процента общей численности работающих. Но производство постоянно расширялось. В 1929 году нехватка инженеров составляла 570 человек, в 1930 году — 675, в 1931 году — 817 человек.

Пришлось менять сроки обучения. Если раньше инженера готовили за пять-шесть лет (а на деле время учебы нередко растягивалось до семи-восьми лет), то отныне был установлен четырехлетний срок. Также вводилась трехсеместровая система обучения: прием студентов и выпуск специалистов осуществлялись три раза в год.

Учебные планы были пересмотрены в пользу приобретения практических навыков. Соотношение между теоретическим и практическим обучением практически уравнивалось, поэтому студенты были вынуждены значительную часть времени про-

водить непосредственно на промыслах. Считалось, что если раньше студент после окончания вуза шел на незнакомое ему производство, то теперь он, окончив вуз, пойдет на уже хорошо знакомый ему промысел или завод. Для этого, как вспоминал один из студентов института того времени, каждый учебный класс разбивался на бригады по четыре-пять человек. Проходимые предметы делились на разделы, которые после прочтения по ним лекций этими бригадами сдавались доцентам или профессорам. На сдачу определенного зачета шла вся группа. Преподаватель задавал вопросы, и любой из группы мог на них отвечать. Практически отвечать мог один, а зачет засчитывался всей группе.

Во время учебы в институте Сабит Оруджев почти ничем не отличался от остальных студентов, разве что своей волей и упорством в достижении поставленных целей. Это позволяло ему успешно осваивать учебную программу и числиться в списках лучших студентов, но материальных благ не давало.

В этот же институт двумя годами раньше поступил Николай Байбаков, в последующем известный нефтяник и государственный деятель. В своих воспоминаниях, характеризую учебу в институте, Николай Константинович написал: «Академическая программа была не столь обширной, как ныне, зато очень насыщена практикой на производственной базе. Часто сразу после лекций мы вместе с преподавателями отправлялись на промысел и там, на месте, могли конкретно изучать то, что нам говорилось на лекциях, увидеть своими глазами, пощупать руками детали.

В этом заключалась, безусловно, главная особенность вузовского обучения тех лет: мы знали, что нас, будущих инженеров, ждали на промыслах, и мы, еще учась в институте, знали, где, с кем и как будем работать.

Хотя в моих анкетах всегда значилось, что инженером Ленинского промысла я числюсь с 1 января 1932 года, на самом же деле с середины 1931 года я выполнял работу инженера на промысле, только потом, получив диплом, был оформлен на службу официально. Вот так жизнь торопила нас, все мое поколение, всю страну».

Сам Сабит Атаевич не оставил воспоминаний о времени учебы в институте. Но на основании этих записей можно предположить, что и учеба Оруджева в институте была столь же насыщенной производственной практикой. Кроме того, Сабит Оруджев активно участвовал в общественной жизни вуза, в результате чего был избран членом бюро комсомола.

В период учебы в институте Сабит Оруджев вступает в брак с Верой Трофимовой, дочерью русского инженера, приехавше-

го на бакинские промыслы в начале XX века и работавшего в компании Нобелей. Она тоже окончила этот институт и была инженером-нефтяником. (От этого брака родились три дочери — Элеонора, Юлиана и Роксана. Сабит Атаевич и Вера Михайловна прожили вместе десять лет, а затем развелись, причем дети остались с отцом.)

Глава вторая

ПЕРВЫЕ ВЫСОТЫ

Прикосновение к нефти

В 1936 году Сабит Оруджев оканчивает институт, успешно защитив диплом по специальности «горный инженер-нефтепромысловик». На работу он был направлен в трест «Орджоникидзенефть», управление которого находилось в Баку.

О довоенных годах работы Оруджева сохранилось мало воспоминаний. Тем ценнее некоторые, дошедшие до нас. Одно из них принадлежит Вартану Александровичу Каламкарову.

«С Оруджевым я познакомился и подружился в 1934 году, когда он был еще студентом Политехнического института и работал на промысле треста “Орджоникидзенефть”. В 1936 году меня назначили управляющим этим трестом, и мы с ним могли общаться чаще. Учился и работал он хорошо. Я по вечерам читал лекции по промысловой механике и сопротивлению материалов в этом институте. Когда Сабит Атаевич окончил институт и стал инженером, он попросил меня поговорить с директором института о том, чтобы его оставили работать в тресте “Орджоникидзенефть”, и я добился этого.

Придя в трест, Оруджев решил работать на компрессорной станции. Я с трудом отговорил его от этого. Я объяснил, что на компрессорных станциях установлены старые, отработавшие свой срок компрессоры иностранных фирм. Новые отечественные компрессоры только начали выпускаться и еще не были доведены до нормы. Из-за этого на компрессорных станциях часто бывали аварии и взрывы с тяжелыми последствиями. Поэтому у нас на компрессорных станциях работали опытные механики с большим стажем работы.

Я ему посоветовал идти работать на промысел, где было больше шансов для дальнейшего продвижения по работе. Оруджев сначала возражал, а затем все же согласился с моими доводами. Так он стал промысловиком».

Время больших перемен

Сабит Атаевич относительно недолго работал мастером по добыче нефти 5-го промысла треста «Орджоникидзенефть». Наступил зловещий 1937 год. В Москве по делу Маршала Советского Союза Н. М. Тухачевского была арестована большая группа военачальников. Немедленно начались допросы, появились следственные дела о массовой измене и антиправительственном заговоре в высших руководящих кругах. Метастазы надуманной раковой опухоли быстро распространились по всему организму страны. Дотянулись они и до Азербайджана, где был арестован ряд руководящих работников республики.

Репрессии 1937 года отрицательно сказались и на нефтяной промышленности страны. Вместо плановых 44 миллионов тонн «черного золота» было добыто всего 28,5 миллиона тонн. Бакинский нефтедобывающий район выполнил план на 75,4 процента. По остальным предприятиям ситуация была намного хуже.

Правительство решило принять «соответствующие» меры. Из Москвы в Баку направляется специальная комиссия во главе с наркомом топливной промышленности Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Местное руководство в панике.

Каганович — профессиональный революционер, он, после того как генеральным секретарем стал Сталин, в мае 1922 года был назначен на работу в аппарат ЦК РКП(б). В 1930 году он стал уже членом политбюро. Был персонально ответственным за репрессии второй половины 1930-х годов. С 1937 года он руководил Наркоматом путей сообщения СССР. В январе 1939 года стал наркомом топливной промышленности.

Каганович не имел никакого представления о добыче нефти. Но обладал большими организаторскими способностями и за жесткий характер руководства получил прозвище Железный Лазарь. В своей работе он всегда опирался на конкретных людей и добивался результатов, требуя от этих людей полной отдачи.

Нехватка руководящих кадров в нефтяной промышленности и в руководстве республикой в связи с арестами была налицо. Но обсуждать этот вопрос с Кагановичем было не только бесполезно, но и опасно. Он считал, что дела не терпят простоев и образовавшиеся пустоты должны быстро заполняться новыми преданными партии и делу людьми.

На этой волне в 1937 году Сабит Атаевич назначается заведующим отделом политечебы и вторым секретарем Орджони-

кидзевского райкома ЛКСМ Азербайджана, затем, почти сразу, — заведующим отделом школ Бакинского райкома ЛКСМ Азербайджана.

Всесоюзное совещание нефтяников

В середине февраля 1938 года в Баку снова приезжает Лазарь Моисеевич Каганович. На этот раз 19 февраля в этом городе он проводит Всесоюзное совещание нефтяников. В большом зале собираются не только «капитаны» нефтяного производства, но и практически все руководство республики. Среди последних — комсомольский вожак Сабит Оруджев.

Появление Кагановича зал встречает бурными и продолжительными аплодисментами, переходящими в овации. Несутся возгласы: «Да здравствует товарищ Каганович!» Но Железный Лазарь властным жестом прерывает овацию и возгласы.

Ему предоставляется слово.

— Мы собрали совещание в Баку, а не в Москве потому, что Баку является не только самым крупным, но и самым культурным центром нашей нефтяной промышленности, — сказал он. — Здесь центр опыта, накопленного десятками лет. Кроме того, Баку и его партийная большевистская организация имеют свои замечательные традиции. Это крупнейший революционный центр нашей страны, крепость большевизма. Ее создавал, укреплял, закалял лучший, величайший человек мира, руководитель и учитель пролетариата нашей страны и всего мира товарищ Сталин.

— Да здравствует великий Сталин! — взорвались выкриками вскочившие со своих мест люди.

И на этот раз Каганович не стал прерывать их. И только когда зал несколько успокоился, продолжил:

— Я вам скажу, что нефтяное дело на меня произвело сильное впечатление. Но при этом я бы сказал, что труд нефтяников не тяжелый и даже приятный. Вы все время на воздухе. Вы должны быть самыми здоровыми людьми...

При этих его словах многие в зале в недоумении переглянулись. До сих пор никто не считал труд нефтяников легким. Неужели Каганович не понимает, что нередко нефтяникам работать «на воздухе» приходится в любую погоду, в морозы, на пронизывающем холодном ветру? Но Лазарь Моисеевич, почувствовав трибуну, уже оседлал своего любимого «конька», на котором вскачь неся все дальше:

— В нефтяном деле первым и решающим вопросом является скважина как основной источник нефти. Это есть государ-

ственное добро, и в нее вложены кровные рабочие и колхозные копейки. Любите эту скважину, и она вас кормит, она кормит государство. Это наша дойная корова, и сколько бы она молока ни давала — много ли, мало ли — она наша. Она нам молоко дает, она нам нефть дает, и мы ее любить должны, а не преступно и легкомысленно к скважине относиться...

И опять переглядывание недоумевающих нефтяников. Скважину сначала пробурить надо, затем постоянно обслуживать. Только тогда она даст нефть, и всё это делают люди.

Наконец-то нарком вспомнил и о людях.

— У нас люди хорошие, но кадры нужно немножко перераспределить, — резюмировал он. — Я считаю, что в Баку кадров много и люди замечательные. Я не собираюсь паники нагонять на вас, бакинцы, не собираюсь производить черный передел. Вы можете сидеть уверенно. Но частично мы должны будем инженеров и техников послать в новые районы...

И снова нефтяники переглядываются в недоумении. О каких новых районах говорит нарком? Какие кадровые перемены готовятся? В последнее время в каждом подобном заявлении они привыкли видеть вполне конкретный и достаточно злобещий смысл.

Перестановка кадров все-таки произошла. В 1938 году Сабит Атаевич становится секретарем Шаумяновского райкома ЛКСМ столицы республики.

Период 1937—1938 годов был одновременно и созидательным, и разрушительным для нашей страны. Быстрыми темпами развивались тяжелая индустрия, машиностроение, военная промышленность. Бакинская нефть играла ведущую роль в топливно-энергетическом комплексе страны. В то же время это был период жестокой волны сталинских репрессий, когда тысячи высококлассных специалистов оказались в лагерях и тюрьмах, многие из них были расстреляны.

Сабит Атаевич успешно справлялся с возложенными на него обязанностями. В те годы он часто бывал в учебных заведениях Баку и в трудовых коллективах нефтяников. По путевкам комсомола, подписанным Оруджевм, в нефтяное производство пришли сотни новых людей.

Заявление Л. М. Кагановича на Всесоюзном совещании нефтяников не было голословным. Вскоре после окончания этого совещания управляющий трестом «Лениннефть» Н. К. Байбаков был назначен начальником недавно созданного объединения «Востокнефтедобыча», а вскоре он стал заместителем Кагановича. Туда же уехало много и других крупных руководителей, а также инженеры, техники, квалифицированные рабочие. Среди нефтяников Баку снова стал ощущаться кадровый голод.

Возвращение к нефти

В то же время Сабита Атаевича неудержимо тянуло к себе производство. Об этом он неоднократно заявлял своим руководителям, прося их по возможности освободить его от комсомольской работы и направить обратно на промысел. Наконец-то острая нехватка специалистов и постоянное стремление Оруджева вернуться в нефтяное производство дали положительный результат.

В марте 1939 года в Москве прошел очередной XVIII съезд ВКП(б). На нем было заявлено, что в СССР «завершена основная историческая задача второй пятилетки — окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком». В отношении развития советской экономики указывалось, что объем промышленной продукции СССР в 1938 году составил в сравнении с уровнем 1913 года 657 процентов, а объем крупной промышленности — 911 процентов.

Съезд утвердил новый третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В интересах обеспечения преимущественного роста тяжелой индустрии план — при среднем темпе роста промышленной продукции в 14 процентов в год — устанавливал среднегодовой прирост средств производства на 15,7 процента, а средств потребления — на 11,5 процента.

По новому пятилетнему плану предусматривался рост производства электроэнергии на 106 процентов, добычи каменного угля на 90 процентов, выплавки чугуна — на 52 процента, стали — на 58 процентов.

Отдельной строкой в плане третьей пятилетки проходило требование к нефтяной промышленности. В нем предполагалось повысить добычу нефти на 77 процентов. Для этого предлагалось между Волгой и Уралом создать новую нефтяную базу — «Второй Баку».

«Второй Баку»

В конце 1930-х годов советские ученые и геологи во весь голос заговорили о больших нефтяных возможностях Волго-Уральской области. Вскоре там начали создавать предприятия нефтяного комплекса, возникла острая необходимость в квалифицированных кадрах.

В 1938 году начальником объединения «Востокнефтедобыча», центральный аппарат которого располагался в городе

Куйбышеве, назначается Николай Константинович Байбаков. В состав этого объединения вошли вновь созданные тресты «Башнефть», «Сызраньнефть» и «Эмбанефть». Квалифицированных кадров катастрофически не хватает. Байбаков приглашает специалистов из Баку, в том числе и Оруджева. Но начальство категорически против этого — Сабит Атаевич нужен в Азербайджане. На новое место уезжают многие, в том числе и Михаил Васильевич Сидоренко, который становится старшим инженером технического отдела объединения «Востокнефтедобыча». Вся страна следит за успехами нового нефтяного объединения, подразделениями которого уже в 1938 году было добыто около четырех миллионов тонн нефти. Многие промышленные единицы вышли на положенные им мощности.

Оруджев несколько раз обращался в министерство с заявлениями перевести его на работу во «Второй Баку», предвидя огромные перспективы этого развивающегося региона. Но на всех его заявлениях стояла одинаковая короткая подпись — «отказать».

В 1939 году в Наркомате топливной промышленности было образовано Главное управление по добыче нефти в восточных районах страны. Н. К. Байбаков был назначен начальником нового главка.

Предвоенные годы были временем напряженного созидательного труда и больших надежд. К сожалению, в последние годы господствует мнение, что это было время безграничного культа личности И. В. Сталина, беззакония и повальных репрессий. Объективно об этом судить сложно.

Для ответа на данный вопрос достаточно сравнить показатели развития народного хозяйства страны и роста уровня жизни населения в период с 1925 по 1941 год с показателями за последние 15 лет, чтобы многие вопросы отпали сами собой. Если взять только добычу нефти, то с пяти миллионов тонн, добытых в 1922 году, к 1941 году этот показатель увеличился до 40 миллионов тонн. К 1941 году в эксплуатации находилось 4,1 тысячи километров магистральных трубопроводов для перекачки нефти и нефтепродуктов с суммарной годовой производительностью около восьми миллионов тонн. Улучшились условия жизни и быта населения. В стране были введены бесплатное дошкольное, школьное, среднее специальное и высшее образование, медицинское обеспечение. Отдых в пионерских лагерях, домах отдыха и санаториях могла позволить себе каждая семья рабочего или служащего. Работу найти было несложно. Интенсивный ввод в строй новых предприятий, особенно в крупных промышленных центрах, создавал потребность в миллионах новых рабочих мест.

Безусловно, культ личности вождя, необоснованные репрессии, незаконные действия со стороны органов власти и карательных органов имели место. В воздухе пахло грозой. Каждая тонна нефти была на вес золота. Нужно было отслеживать качество ее добычи, транспорта, хранения и переработки. В Москве при Наркомнефти создается специальная инспекция из профессиональных нефтяников, знакомых с нефтяным производством. Перед ней стоит задача — обеспечить максимальную эффективность и сохранность продвижения нефти от скважины к потребителю.

Управляющий трестом

Обстановка в мире становилась все более и более напряженной. Германский фашизм неудержимо набирал силу. В 1938-м и начале 1939 года власть Берлина распространилась на территории Австрии и Чехословакии, после чего на службу Гитлера были поставлены сырьевые ресурсы, промышленность и военные предприятия этих стран. В первой половине 1939 года в Германии начали разворачивать крупную войсковую группировку, предназначенную для достижения агрессивных целей. 11 мая 1939 года Япония, которая владела частью Китая, совершила нападение на Монгольскую Народную Республику. В воздухе сильно запахло порохом.

В то время уже никто не сомневался, что новая война будет прежде всего войной моторов. Поэтому перед бакинскими нефтяниками были поставлены новые объемные и сложные задачи по добыче и переработке углеводородного сырья. При определении путей их решения в очередной раз остро встал вопрос о руководящих кадрах, которых по-прежнему катастрофически не хватало. И тут кто-то вспомнил об Оруджеве.

В апреле 1939 года Сабит Атаевич был назначен управляющим трестом «Орджоникидзенефть». При его назначении первый секретарь ЦК компартии Азербайджанской ССР Мир Джафар Багиров, внимательно разглядывая собеседника сквозь толстые очки, заметил:

— Я рад, что мы вырастили достойные национальные кадры. Но и ты помни, что это налагает на тебя особую ответственность. Я буду внимательно следить за каждым твоим шагом, и если что — не пощажу.

Позже Сабит Атаевич хорошо понял всю значимость этих слов. В то время в Азербайджане о Багирове ходили слухи как об очень жестоком и беспощадном человеке, который ради своей карьеры не пощадит любого. Но у Сабита Атаевича вы-

бора не было, и, возглавив трест, он полностью отдался работе. Приходилось решать множество проблем. Страна требовала все больше и больше нефти. Титаническими усилиями управляющего и его подчиненных всего за год показатели треста по добыче нефти удалось увеличить в два раза.

1939 год в жизни Оруджева был отмечен еще одним важным событием — рождением дочери Юлианы, которую он уже привез в отдельную служебную квартиру, выделенную ему от предприятия.

Глава третья

НАКАНУНЕ БОЛЬШОЙ ГРОЗЫ

Железный Лазарь

Период управления нефтяной промышленностью Лазарем Моисеевичем Кагановичем вошел в историю как очень тяжелое, но весьма продуктивное время. Позже Николай Константинович признался, что работая под началом Кагановича, он должен был соответствовать стилю руководства своего начальника, а уговаривать «железный» нарком не умел. Говоря о нем, Байбаков вспоминал следующее:

«Ему ничего не стоило грубо и часто ни за что обругать, обидеть и оскорбить подчиненного. А необузданная вспыльчивость зачастую вредила и делу. Мог он, толком не разобравшись, под влиянием “минуты” подмахнуть приказ о снятии с должности лично ему не угодившего чем-то, но дельного работника. Хозяйственным управленцам наркомата нередко приходилось менять стекла на его письменном столе, потому что он их разбивал вдребезги, швыряя на стол трубку в бешеной ярости после какого-нибудь неприятного разговора. А иногда до того раскалялся, что грозил карами и тюрьмой за невыполнение его, наркомовских, указаний. Я догадывался, что это не пустые угрозы, что он вполне мог выполнить и выполнял их. Доходило дело и до рукоприкладства.

Вспоминается мне один из таких случаев... По вине ответственных работников Наркомата путей сообщения была дважды подряд сорвана подача цистерн для вывоза нефти из Ишимбая, что привело к остановке промыслов. В этой тяжелой ситуации я вынужден был обратиться к Кагановичу, чтобы при его содействии выйти из почти безнадежного положения. Признаюсь — не без тревоги шел я к нему, зная его вспыльчивость и буйный нрав.

— Лазарь Моисеевич, опять сорвали поставку нефти из Ишимбая, не подали цистерн, остановили промыслы.

Каганович вспыхнул и тяжело поднялся из-за стола. Сообщение мое было ему явно неприятно.

— А ты разговаривал с Арутюновым? Ты там был? — резко спросил он.

— Я не был, но по телефону разговаривал. И с другими товарищами говорил. Но должных мер не приняли.

Глаза Кагановича гневно сверкнули. Чувствовалось, что он изнутри все больше накаляется.

— Черт бы вас побрал! — разъяренно закричал он, выходя из-за стола. — Это бюрократизм — говорить только по телефону! Надо съездить туда! Или вызвать сюда! Я, что ли, за всех вас должен работать?!

Голос звенел на предельных нотах, губы нервно дрожали, пальцы сжимались в кулаки. В ярости нарком схватил меня за грудки — в этот момент он действительно был страшен и неуправляем — и с бешеной силой отбросил меня от себя. Я, скорее всего, упал бы, но успел схватиться за край тяжелого стола.

— Немедленно поезжай в наркомат. И чтоб цистерны были!..

Тут же схватил трубку и на чем свет стоит распек по телефону своего заместителя (по Наркомату путей сообщения) Арутюнова и со всего маху хватил трубкой о стол — брызнули осколки разбитого в очередной раз стекла».

Нарком Седин

В начале 1940 года Каганович по решению политбюро был отозван с должности наркома нефтяной промышленности. У него, как у заместителя председателя Совета народных комиссаров и наркома путей сообщения, было много других задач. Руководство отраслью было поручено бывшему заместителю Кагановича Ивану Корнеевичу Седину.

В конце лета 1940 года в Баку приехал Седин, месяц назад назначенный министром нефтяной промышленности СССР. На служебное совещание были приглашены не только руководители нефтяных предприятий региона, но также и все высшее партийное руководство Азербайджана.

Оруджев знал, что в октябре 1939 года Седин был назначен первым заместителем народного комиссара нефтяной промышленности СССР и что ему из-за большой загруженности наркома Кагановича на других высших постах приходится на-

прямою решать важнейшие вопросы деятельности наркомата. Теперь же он непосредственно отвечал за всю нефтяную отрасль Советского Союза со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отношение к И. К. Седину у работников отрасли было неоднозначным. В то время ему было всего 34 года. Немногие из присутствующих знали, что с 14 лет Иван Седин был бойцом кавалерийского эскадрона батальона частей особого назначения, в 1928 году окончил Майкопский педагогический техникум и вступил в ряды ВКП(б). В начале 1930-х учился в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве, в 1937 году окончил Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева, получив диплом инженера-технолога химического производства. До этого никакого опыта работы в нефтяной промышленности у него не было.

Даже после окончания института положение его существенно не изменилось. Седин был назначен начальником цеха Химико-пищевого завода им. Д. И. Менделеева, затем — заместителем начальника цеха завода № 39 им. В. Р. Менжинского Наркомата авиационной промышленности СССР в Москве. Но и в этих должностях он проработал очень недолго. В условиях острого дефицита кадров в период массовых репрессий конца 1930-х годов инициативный инженер с безупречной биографией, к тому же с опытом партийной работы (на всех предыдущих местах работы и учебы Седин был либо членом, либо председателем первичных ячеек партии), был выдвинут на крупные партийные посты. В феврале 1938 года он был избран по рекомендации ЦК ВКП(б) вторым секретарем, а в апреле того же года — первым секретарем Тамбовского областного комитета ВКП(б), стал депутатом Верховного совета РСФСР. В июле того же 1938 года он был переведен в Иваново и избран первым секретарем Ивановского обкома ВКП(б), а вскоре после этого избран членом ЦК ВКП(б). Но и на этой должности Иван Корнеевич задержался очень недолго. В октябре 1939 года он был переведен в Москву и назначен первым заместителем народного комиссара нефтяной промышленности СССР и менее чем через год после этого стал наркомом. О какой организаторской и тем более профессиональной деятельности Седина можно было говорить?

По своему стилю руководства Седин сильно отличался от Кагановича. Всегда сдержанный, внимательный к собеседникам, ценивший в первую очередь профессиональные качества, он очень бережно и внимательно относился к кадрам. С его приходом в отрасль работать стало несколько легче.

В сентябре 1939 года немецко-фашистские войска вторглись в Польшу. Началась Вторая мировая война. Менее чем за один год немецкие войска скоротечными операциями захватили большую часть Польши, Бельгию, Голландию, Данию, Францию. В это же время советские войска нанесли поражение армии Финляндии, оккупировали прибалтийские республики, Западную Белоруссию, Западную Украину, Северную Буковину, Бессарабию. После этого две гигантские, до предела милитаризованные силы встали друг перед другом. До ожесточенной схватки между ними оставалось менее года.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что в 1930-е годы Советский Союз, а значит, и И. В. Сталин готовились к войне. Это было видно по всему — от создания мощной экономики и военно-промышленного комплекса страны до военнизированной подготовки допризывной молодежи.

С 1938 года в СССР активно ведется работа по выполнению третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. Выполнение этого плана было главной заботой И. В. Сталина и его ближайшего окружения. Результаты этой работы были более чем впечатляющими. К концу 1930-х годов Советский Союз обладал огромной собственной экономической базой, независимой от экономики других стран.

В последние предвоенные годы постоянно происходил прирост производства промышленной продукции. Если в стране в 1939 году было выплавлено 17,6 миллиона тонн стали и добыто 30,3 миллиона тонн нефти, то в 1940 году было выплавлено 18,3 миллиона тонн стали и добыто 31,1 миллиона тонн нефти. Кроме того, за последний предвоенный год в СССР было добыто 165,9 миллиона тонн угля, произведено 14,9 миллиона тонн чугуна, 48,3 миллиарда киловатт электроэнергии, выпущено 145,5 тысячи автомашин (136 тысяч грузовых). В целом производство валовой продукции всей промышленности страны к тому времени, по сравнению с 1913 годом, увеличилось в 8,5 раза.

Приезд Байбакова

В 1940 году на нефтяные предприятия Баку приехал Н. К. Байбаков. По уже сложившейся традиции он сразу же собрал всех управляющих трестами и передал указания наркома о необходимости увеличения добычи и поставок нефти сверх плана еще на 20 процентов. Некоторые из управляющих пытались возражать, уверяя, что и так работают на пределе

возможностей. Но Байбаков не стал слушать этих возражений, заявив, что международная обстановка выдвигает перед партией новые задачи и нефть нужна прежде всего для повышения обороноспособности страны.

— Кто этого не понимает — пусть пишет заявление и уходит, предварительно сдав партийный билет, — сказал он.

После таких «аргументов» спорить было бесполезно.

Оруджев и не собирался спорить с Байбаковым. Трест работал устойчиво, показатели добычи были высокими. Правда, пришлось приложить немало усилий, чтобы повысить их еще на 20 процентов.

В конце своего визита в Баку Николай Константинович пожелал посетить несколько нефтедобывающих предприятий, в том числе и трест «Орджоникидзенефть». Осмотрев предприятие, он пригласил управляющего остаться с ним наедине. К тому времени германские войска уже оккупировали значительную часть Европы, советские войска провели не совсем удачную для них войну с Финляндией и заняли районы Западной Белоруссии и Западной Украины, установив общую границу с фашистской Германией. В высших правительственных кругах СССР о возможности и характере новой войны говорили все чаще.

— Стране и Красной армии нужно все больше топлива, и вашему тресту придется еще раз пересмотреть свои планы, — сказал Байбаков.

— Но мы и так работаем на пределе своих возможностей, — попытался возражать Оруджев.

— Я хорошо знаю это. Но кто, если не воспитанники бакинской нефтяной школы покажут всем пример в этом деле, — заметил Николай Константинович, а затем после небольшой паузы добавил: — Можете считать, что это также и моя личная просьба.

Как видно, просьба Байбакова оказалась по силам молодому руководителю. Об этом свидетельствует тот факт, что за трудовые достижения в 1940 году Сабит Атаевич получил свою первую государственную награду — орден Трудового Красного Знамени. Напомним, что тогда ему было всего 28 лет, а этим орденом, учрежденным в 1928 году, до 1940 года было награждено не так уж много советских руководителей.

В октябре 1940 года нарком нефтяной промышленности И. К. Седин доложил по телефону Сталину, что его указание о добыче ежесуточно 100 тысяч тонн нефти выполнено. Сталин поздравил наркома с трудовой победой, сказав, что намерен лично встретиться и поговорить с нефтяниками.

Встреча со Сталиным

В декабре 1940 года Иосиф Виссарионович пригласил к себе на беседу руководителей наркомата, нефтекомбинатов и всех нефтяных трестов страны. В числе приглашенных был и Оруджев.

Встреча состоялась в 17 часов в кабинете Сталина. Об этом событии воспоминаний Сабита Атаевича не осталось. Но саму встречу описывает Н. К. Байбаков. Поэтому предлагаю представить ему слово.

«Помню, Сталин вышел навстречу опоздавшему Саакову — управляющему трестом “Ворошиловнефть” — и подал ему стул, негромко сказав при этом:

— Возьмите, надо экономить время.

И этот жест вождя запомнился как многозначительный, означавший одновременно и строгость, и шутку, и товарищескую теплоту. Я думаю, что он запомнился опоздавшему навсегда».

С информацией о текущем положении дел в нефтяной отрасли выступил Байбаков. Сталин внимательно слушал, расхаживая по кабинету, и время от времени задавал уточняющие вопросы. Некоторые моменты доклада он записывал и тут же давал указания Берии и Вознесенскому.

Многие выступавшие жаловались на качество утяжеленных бурильных труб. Когда Сталин обратился к наркому Седину по этому поводу, тот сильно растерялся, почему-то встал навытяжку, руки по швам, но ничего вразумительного не смог сказать.

«Да и понятно, — пишет Н. К. Байбаков. — Седин никогда не был нефтяником и на пост наркома был назначен совсем недавно, по рекомендации Маленкова. Чем больше Седин говорил, тем больше путался, сбивался. И бессильно замолчал. Сталин чуть-чуть покачал головой и деликатно ждал продолжения.

Пришлось мне, как первому заместителю наркома, подробно объяснять причины, вызывающие большое количество аварий при бурении скважин. В частности, я посетовал на Наркомчермет, который срывает поставку качественных буровых труб. Сталин тут же подошел к столу и позвонил наркому черной металлургии И. Ф. Тевосяну.

— Вы не очень заняты?.. Тогда прошу прибыть ко мне... Да, незамедлительно.

Буквально через считанные минуты появился Тевосян. Сталин кивком головы указал ему на свободное место за столом и, выждав паузу, сказал:

— На вас жалуются нефтяники, — и, указывая угасшей трубкой в мою сторону, добавил:

— Товарищ Байбаков, уточните, пожалуйста, о чем идет речь. Дело известное, человек, на которого жалуются, обычно сразу же начинает обороняться и немедленно переходит в атаку. Так поступил и Тевосян. Возникла перепалка. Сталин не перебивал и молча ходил по кабинету, слушая и взвешивая все наши доводы и контрдоводы, порой останавливался перед каждым из нас, пристально всматривался в лицо, шурился и, наконец, недовольно поморщился и негромко проговорил:

— Ладно, вы поспорьте, а мы послушаем.

Мы оба сразу взглянули на Сталина и замолчали. А Сталин, иронично улыбнувшись в усы, глядел на нас и ждал. В кабинете стало тихо.

— Трубы, о которых идет речь, — первым прервал молчание Тевосян, но уже ровным, спокойным голосом, — получают при бурении скважин слишком большую нагрузку и лопаются. Пробовали изготавливать даже из оружейной стали — все равно не выдерживают.

— Что же будем делать? — спросил Сталин.

— Будем осваивать, — мрачно и неопределенно ответил Тевосян.

Сталин строго посмотрел на него, но тут же, мягко усмехнувшись, с иронией произнес:

— Не получится ли у вас, товарищ Тевосян, как у того старичка, который женился на очень молодой, мучил ее и сам мучился? Лучше скажите, что нужно, чтобы изготавливать эти трубы качественными.

Тевосян немного помолчал, что-то обдумывая, а потом попросил выделить 300 тонн молибдена.

— А что вы скажете, товарищ Вознесенский? — Сталин повернулся в сторону председателя Госплана, но Н. А. Вознесенский чутко стоял на страже остродефицитных, редких материалов.

— Молибден весь распределен по наркоматам. Имеется лишь НЗ — неприкосновенный запас, — сухо ответил он.

Решение насущного вопроса явно заходило в тупик. Я почувствовал, что мне нужно вмешаться в разговор, и сказал:

— Каждая поломка труб вызывает аварию, устранение которой обходится в десятки тысяч рублей, а иногда такая авария приводит вообще к ликвидации бурящейся скважины.

Этот довод показался Сталину убедительным, и он опять обратился к Вознесенскому с мягкой улыбкой, видимо, щадя его самолюбие и зная твердый, принципиальный характер этого человека.

— Товарищ Вознесенский, а для чего создается НЗ? — спросил Сталин и сам ответил: — Для того создается, чтобы

все-таки есть, питаться, когда есть больше нечего. Не так ли? Давайте выделим 300 тонн молибдена, а вас очень попросим восстановить это количество в НЗ.

Помолчав, Сталин посмотрел на озабоченного этим разговором непроницаемого Молотова:

— Вячеслав Михайлович, проголосуем?

Молотов согласился. Дело было решено».

Подробности этого заседания приводятся не потому, что они напрямую связаны с Оруджевым, который был только немым свидетелем этого разговора. Они должны помочь читателю лучше понять ту атмосферу, в которой приходилось работать Сабиту Атаевичу да и другим руководителям нефтяной отрасли в последние предвоенные годы.

Вернувшись из Москвы, С. А. Оруджев с новыми силами включился в работу. Оценивая работу бакинских нефтяников в последние предвоенные годы, Н. К. Байбаков в последующем писал:

«В предвоенные годы, вплоть до начала войны, в результате перевооружения материально-технической базы нефтяной промышленности, внедрения прогрессивных технологических процессов, бурного развития социалистического соревнования и его высшей формы — стахановского движения нефтяники Азербайджана добились серьезных успехов: в 1941 году они дали стране более двух третей всей нефти.

Строительство новых, более мощных и совершенных переносных установок обеспечило переработку всей добываемой нефти. Бакинская нефть в большой мере способствовала успешному решению таких первостепенных народно-хозяйственных задач, как развитие автомобильного, воздушного, морского и речного транспорта, механизация сельскохозяйственных работ, электрификация страны. Она сыграла значительную роль в укреплении обороноспособности страны, обеспечивая горючим и смазочными маслами танки, бронетранспортеры, боевые самолеты — словом, всю оборонную технику».

Глава четвертая

ЧЕРНАЯ «КРОВЬ» БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

«Внезапное» нападение

В советский период утвердилось мнение, что нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года было внезапным для советской стороны, которая якобы не готовилась к войне на Западе. В 1990-е годы появился ряд публикаций о том, что совет-

ское правительство хорошо знало о намерениях противника и даже само готовилось упредить его в начале военных действий. Оставим дискуссию о «превентивном ударе» открытой, но отметим тот факт, что к войне Советский Союз готовился основательно. В частности, стремительно наращивался парк самолетов и танков. Авиационные дивизии и полки перебазировались на аэродромы, расположенные вблизи западной границы СССР, все танки сводились в 29 механизированных корпусов, каждый из которых должен был иметь в своем штате по 1031 танку, не считая другой техники. И Германия, и СССР готовились к «войне моторов», которая в то время уже стала главной отличительной чертой вооруженного противоборства сторон. А для ведения такой войны нужно было прежде всего горючее, и И. К. Седин, который непосредственно руководил организацией бесперебойного снабжения топливом Красной армии в период советско-финских войн, хорошо знал это.

Стенограммы августовского совещания работников нефтяных предприятий Баку в архиве не сохранилось. Но можно не сомневаться, что оно носило вполне направленный и конструктивный характер. На фоне повышения напряженности международной обстановки в директивной форме были поставлены задачи всем предприятиям, а их выполнение и перевыполнение стало делом персональной ответственности каждого местного руководителя. Позже Н. К. Байбаков вспоминал: «В то время ни у кого не спрашивали о его желаниях и возможностях. В ходу было одно слово “надо”. Всякая попытка расшифровки этого слова расценивалась, как саботаж».

Но вернемся к нашему герою. Став управляющим трестом, Сабит Атаевич быстро вошел в курс дела и развернул работу за повышение трудовых показателей. Тогда такая инициатива всячески поощрялась партийным руководством. Тем более что предприятию удалось добиться хороших результатов и стать одним из лучших нефтяных трестов Бакинского региона. По итогам 1940 года Оруджев был награжден первым в своей жизни орденом Трудового Красного Знамени.

На посту управляющего трестом он находится до 1942 года, то есть весь предвоенный период и самый тяжелый для всего советского народа первый период Великой Отечественной войны. О том, что в это время нефть стала важнейшим компонентом обеспечения боеспособности войск, говорить не приходится. Но проблемы возникли, в том числе и в связи с тем, что на фронт с нефтяной отрасли были мобилизованы тысячи лучших специалистов. Поэтому Наркомату нефтяной промышленности и руководителям нефтяных предприятий на местах сразу же пришлось разворачивать широкую работу по органи-

зованному набору новых рабочих кадров. На нефтяные промыслы пошли старики, женщины, подростки, большинство из которых требовали предварительного обучения.

В тресте «Орджоникидзенефть» этот процесс был налажен четко и грамотно. Несмотря на недостаток рабочих рук, Оруджев приказал для новичков организовать двухнедельные курсы, где их обучали азам будущей профессии. Затем они распределялись по бригадам и прикреплялись к наставникам, которые лично были ответственны за дальнейшее обучение своего подопечного. Благодаря такой системе Сабиту Атаевичу в течение полугода удалось восстановить нарушенную войной работу треста и даже вывести его на довоенные показатели по добыче «черного золота».

Надо сказать, что в этом деле Оруджев был не одинок. Все нефтяники Баку, тогда главного нефтедобывающего района СССР, с честью выполнили все государственные задания 1941 года. В это время на Апшеронском полуострове были открыты и введены в промышленную разработку месторождения белой нефти. Эта нефть была знаменита тем, что дает очень высокий выход бензина (во время войны к скважинам Суруханского месторождения подъезжали автомашины и заправлялись нефтью). Суточная добыча суруханской нефти была доведена до двух тысяч тонн. В первый год войны ее было добыто больше, чем за 20 предыдущих лет.

Только в 1941 году бакинские специалисты пробурили 930 тысяч метров, что позволило ввести в эксплуатацию 752 нефтяные скважины. Воюющая страна вовремя получила крайне необходимые 23 миллиона 541 тысячу тонн нефти. Это была рекордная цифра за всю историю нефтяной промышленности Азербайджана.

Враг рвется на Кавказ

Но наступил 1942 год. В результате неудачных операций Красной армии в районе Харькова и в Крыму фронт оказался открытым, и враг начал стремительное наступление на Сталинград и Северный Кавказ. Но механизированная немецкая военная машина начала все чаще и чаще давать перебои. 1 июня 1942 года на совещании высшего командования группы армий «Юг» Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен буду покончить с этой войной». Дальнейшей задачей фашистских войск был захват Грозного и Баку. Следовательно, борьба за нефть для гитлеровского руководства становилась одной из главных стратегических задач 1942 года.

В этих условиях от советского руководства требовалось любой ценой не дать фашистам реализовать эти планы. Кроме того, правительством страны и лично Сталиным было предусмотрено в случае крайней необходимости уничтожение майкопских, грозненских и бакинских промыслов. Последняя задача была поставлена Н. К. Байбакову. Сам Николай Константинович в книге «От Сталина до Ельцина» об этом пишет так:

«В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом проговорил:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам.

И чуть-чуть ужесточив голос, Сталин добавил:

— Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

Я до сих пор помню этот голос, хоть и спокойный, но требовательный, спрашивающий, его глуховатый тембр, твердый кавказский акцент.

Сталин не спеша прошелся туда-сюда вдоль стола и после некоторой паузы снова добавил:

— Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Тогда, когда почти снова повторилось лето 1941 года, очевидно, иначе и нельзя было говорить. Я молчал, думал и, набравшись духу, тихо сказал:

— Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Сталин остановился возле меня. Медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте вопрос на месте.

Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку».

Секретная миссия

14 августа 1942 года было издано специальное постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) «О специальных подготовительных мероприятиях по Бакинской нефтяной

промышленности», имевшее гриф «Совершенно секретно» и подписанное лично И. В. Сталиным. В нем указывалось:

«В связи с создавшейся военной обстановкой Государственный Комитет Оборона постановляет:

Обязать НКВД СССР совместно с Наркоматом нефтяной промышленности провести специальные мероприятия по подготовке к выводу из строя объектов нефтяной промышленности (скважин, емкостей, предприятий и оборудования) Бакинской нефтяной промышленности, которые к началу проведения этих мероприятий окажутся не вывезенными.

Командировать в Баку зам. наркома внутренних дел СССР т. Меркулова и зам. наркома нефтяной промышленности т. Байбакова, которым провести следующие мероприятия:

а) выделить на каждом объекте тройки в составе оперработника НКВД, руководителя объекта и секретаря парторганизации объекта для разработки и проведения подготовительных мероприятий;

б) рассчитать и завезти на объекты потребное количество взрывчатых веществ с необходимыми приспособлениями;

в) установить круглосуточное дежурство на объектах лиц, намеченных для участия в проведении специальных мероприятий.

Т.т. Меркулову и Байбакову всю работу проводить совместно с секретарем ЦК КП(б) Азербайджана т. Багировым и председателем СНК Аз. ССР т. Кулиевым.

К реализации специальных мероприятий на объектах Бакинской нефтяной промышленности Военному Совету Закавказского фронта приступить по указанию Государственного Комитета Оборона с таким расчетом, чтобы в распоряжении троек на проведение этих мероприятий было время не менее 48 часов»¹.

Уже на следующий день после выхода в свет постановления Государственного Комитета Оборона СССР на местах было принято решение о срочном создании группы специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. Непосредственно в Баку были направлены такие опытные инженеры-нефтяники, как Н. Тимофеев и Ю. Боксерман, а также специалисты-подрывники из Наркомата внутренних дел. Перед ними была поставлена задача немедленно выехать на промыслы и подготовить их к уничтожению. Причем было решено первыми уничтожать, в случае опасности, малодобитные скважины, а особенно богатые использовать до последней возможности.

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 52. Лл. 20.

На каждом предприятии были назначены ответственные за уничтожение этих скважин, как правило, это были их руководители, в их числе и С. А. Оруджев. Задача ему ставилась в том же плане, как она была поставлена Сталиным перед Байбаковым, то есть расстрел за несвоевременный подрыв. В то же время предприятие активно работало, бесперебойно давая нефть фронту.

К счастью, выполнять эту задачу Сабиту Атаевичу не пришлось. Фашистские войска вначале были остановлены героическими защитниками Кавказа, а затем, после стремительного контрнаступления советских войск под Сталинградом, они начали отход на запад, опасаясь нового окружения. Главные нефтяные районы Советского Союза были спасены. Но чего это стоило тем людям, которые находились непосредственно на промыслах.

Бойцы трудового фронта

По воспоминаниям членов семьи, летом и осенью 1942 года Сабит Атаевич почти не бывал дома, проводя все время на промысле. Ежедневно он посещал каждую буровую, разговаривал с рабочими, оперативно решал возникавшие проблемы. В ряде случаев он даже становился на место бурового мастера. Но главными в его работе были организация труда всего предприятия, борьба за выполнение и перевыполнение плана. И это ему сполна удалось. Лучшим доказательством этого может служить то, что в 1942 году Сабит Атаевич получил высшую государственную награду Советского Союза — орден Ленина — как сказано в личном деле, «за образцовое выполнение заданий Правительства по увеличению добычи нефти, производству оборонных нефтепродуктов и боеприпасов».

Один из старейших нефтяников страны И. М. Бройде вспоминал, как на одном из заседаний коллегии бывший нарком нефтяной промышленности И. К. Седин после посещения Азербайджана сказал, что из всех руководителей нефтяных трестов этой республики только управляющий «Орджоникидзенефть» не просил у него ни оборудования, ни материалов, ни капиталовложений, ни повышения окладов. При встрече наркома с Оруджевым речь шла только о новых методах разработки месторождений, о совершенствовании геологической службы, перспективах развития района, об улучшении системы финансирования бурения скважин, подготовки инженеров и мастеров, о решении наиболее насущных проблем бытового устройства людей.

В конце 1942 года С. А. Оруджев назначается заместителем начальника Азнефтекомбината по бурению. На этой должности он работает до 1944 года. Что это были за годы и какая выполнялась тогда работа, рассказывает Н. К. Байбаков, который в годы войны постоянно бывал в Баку и встречался с руководителями нефтяных предприятий:

«Уже с середины декабря 1942 года, когда фронт, благодаря стойкости защитников Сталинграда, отодвинулся от Баку, ГКО принял решение — возобновить работу временно законсервированных нефтяных скважин Азербайджана, ибо вынужденное снижение добычи кавказской нефти обескровливало нашу военную технику. Баку становится главной топливной кладовой Союза. О его громадной роли в нашей победе маршал Г. К. Жуков сказал так, что лучше не скажешь: “Нефтяники Баку давали фронту и стране столько горючего, сколько нужно было для защиты нашей Родины, для ее победы над врагом”.

Более 80 процентов горючего и смазочных материалов, поступавших для фронта, приходилось на долю Азербайджана. За эти годы бакинские переработчики нефти дали 22 миллиона тонн бензина и других видов топлива. Они намного перевыполнили установленные планы. И все это сделано было при огромной нехватке квалифицированных рабочих. Правда, по решению ГКО в 1943 году сюда вернулась часть нефтяников, в первые военные дни переброшенных в восточные районы. Вернулась и часть оборудования и технических средств. Но специалистов катастрофически не хватало. Кадры подбирались из ветеранов-пенсионеров, а также вернувшихся с фронта инвалидов. Бурильщиками и их подсобниками, как и в начале войны, продолжали работать женщины и подростки».

Башкирия в годы войны

В 1930-е годы главными нефтедобывающими районами страны являлись Баку и Грозный. Из 18,5 миллиона тонн нефти, добывавшейся в СССР, нефтяные промыслы Баку и Грозного давали 17,6 миллиона тонн. Но уже в то время Башкирия начала заявлять о себе как об одном из важнейших в стране центров добычи и переработки нефти. Постепенно роль и значение ее стали возрастать. В 1940 году из добывавшихся в стране 30,8 миллиона тонн нефти из районов Баку и Грозного получали 24,6 миллиона тонн, а остальные 6,2 миллиона тонн — из других районов, в том числе и с Ишимбаевского месторождения, находившегося в Башкирии.

Росло значение Башкирии и как центра переработки нефти. В 1931—1935 годах вошли в действие шесть нефтеперерабатывающих заводов: в Батуми, Ухте, Саратове, Туапсе, Орске и Верхнечусовских Городках. В 1935—1939 годах было введено в строй еще несколько заводов: в Бердянске, Краснодаре, Москве, Одессе, Хабаровске, Херсоне и два завода в Башкирии — Ишимбаевский и Уфимский. Таким образом, в предвоенном 1940 году переработка нефти осуществлялась в 19 районах Советского Союза, в том числе и в Башкирии.

Развитие нефтяной промышленности в Башкирии началось с 1932 года, когда ударил первый фонтан нефти в Ишимбаеве. Развертывание Ишимбаевского нефтепромысла выдвинуло практическую и неотложную задачу — строительство в Башкирии нефтеперерабатывающих заводов. Это открывало широкие перспективы для развития в республике нефтехимии и химии. С этой целью два года спустя была построена железная дорога Ишимбаево — Уфа, в 1936 году в Ишимбаеве построен нефтеперерабатывающий завод, в 1937 году начал работать нефтепровод Ишимбаево — Уфа.

Уфимский нефтеперерабатывающий завод начали сооружать в 1935 году, а сдали в эксплуатацию в 1938 году. Он по праву считался лидером в освоении и переработке сернистых нефтей в нашей стране. Основные нефтеперерабатывающие заводы в СССР располагались в Грозном, Баку, Уфе и Ярославской области (Константиновский завод).

Война внесла свои коррективы в значение нефтеперерабатывающих районов страны. В связи с наступлением фашистов нефтеперерабатывающие заводы Краснодара, Одессы, Туапсе были демонтированы и частично эвакуированы в другие регионы. Снабжение нефтепродуктами с бакинских заводов через Каспийское море и Среднюю Азию было крайне затруднительным.

Государственный Комитет Оборона принимает решение о немедленном развитии добычи и переработки нефти на территории Башкирии. Для этого Н. К. Байбаковым создается специальная комиссия. Состав комиссии формируется в основном из бакинских нефтяников. В ее состав был включен и С. А. Оруджев. О работе этой комиссии Н. К. Байбаков в книге «От Сталина до Ельцина» пишет:

«Чтобы задействовать весь нефтяной потенциал Баку, напрашивалось куда более масштабное и радикальное решение: нужно было обратить этот потенциал на быструю разработку нефтеносных районов между Волгой и Уралом, о чем мы думали еще до войны... Условия 1942 года заставили нас форсиро-

вать наши планы и задумки, приступить немедленно к разработке и добыче нефти в этом районе.

И вот Государственный Комитет Оборона обратился к бакинским промысловикам с призывом срочно перебазироваться в необжитые районы для поднятия нефтяной целины... Как первый заместитель наркома я был назначен уполномоченным ГКО по перебазированию большого количества нефтяников и техники из кавказских районов на Восток».

Но, как известно, перебазирование техники и кадров — это только часть дела. Нужно было немедленно, буквально с колес, организовать добычу и переработку нефти. Нужно было начать масштабные буровые работы, организовать выкачку нефти, сбор ее в емкости, строительство местных нефтепроводов, запустить нефтеперерабатывающие заводы... Для организации этой масштабной работы нужны были руководители.

Сабит Атаевич, используя опыт руководства трестом «Орджоникидзенефть», по заданию Байбакова решал ряд конкретных вопросов, связанных с организацией первых нефтедобывающих предприятий. На это ушло несколько месяцев, но задание было успешно выполнено. Башкирская нефть начала поступать на Уфимский нефтеперерабатывающий завод.

«Прошло больше чем полвека с той поры, — пишет Н. К. Байбаков, — а и ныне участники того небывалого “переселения”... удивляются сами, как удалось в столь короткие сроки осуществить это при минимальных потерях в людях и технике и прямо “с колес” начать бурение на новых площадях!»

Но нужно помнить, что если руководство народным хозяйством в годы войны осуществлял Государственный Комитет Оборона, то нефтяную промышленность курировал лично Л. П. Берия. И нетрудно себе представить, что стоило Байбакову, Оруджеву и другим под «бдительным оком» этого человека вовремя и в полном объеме выполнить задание партии.

В сложившейся обстановке основная тяжесть в снабжении всех фронтов бензином и дизельным топливом легла на Уфимский НПЗ, который стали называть почтовым ящиком № 417, и Ярославский завод им. Д. И. Менделеева (почтовый ящик № 406). Кроме того, нефтеперерабатывающие заводы также функционировали в Москве, Саратове, Орске, Батуми, Горьком. Но в Ишимбаеве уже в 1942 году работала группа из трех заводов — Ишимбаевского нефтеперерабатывающего, расположенного на правом берегу реки Белая, газолинового и пиролизного заводов, находившихся на левом берегу этой реки.

Шаги в море

С конца 1943 года на бакинских промыслах началась интенсификация буровых работ, возродились и работы по дальнейшей разведке нефти, в том числе и в акватории Каспийского моря. В 1943 году инженер В. Рачинский предложил заготавливать для морских буровых оснований крупные блоки строительных конструкций на берегу, а затем перебрасывать их на морские месторождения, что явилось началом нового вида строительства морских оснований в море. И уже в 1944 году в Баку стал создаваться трест морского бурения, который вел бурение скважин глубиной две-три тысячи метров с морской части нефтеносной складки Бухты Ильича.

Эти успехи в значительной мере были обеспечены технической мощью бакинских промыслов, а также гибким и умелым маневрированием кадрами. Лучшие руководители, организаторы и специалисты нацеливались на решение главных задач, а решив их, тут же перенацеливались на новые. В числе таких специалистов был и Оруджев — одна из самых видных личностей военного нефтяного Баку.

В трудные военные годы Оруджев заявил о себе не только как ответственный работник нефтяной отрасли, но и как талантливый ученый. В 1943 году он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Свои научные изыскания Сабит Атаевич тут же делает достоянием специалистов. В том же году в издательстве «Азнефтеиздат» на 35 страницах с иллюстрациями выходит его брошюра «Освоение глубоких нефтяных скважин азризацией». Метод, предложенный Оруджевым, позволял в условиях военного времени минимизировать издержки по добыче нефти из глубоких скважин, увеличить коэффициент нефтеотдачи и тем самым способствовал экономии средств и снижению себестоимости добываемого топлива.

Финал наркома Седина

Завершая рассказ об Иване Корнеевиче Седине, нужно сказать, что судьба его оказалась довольно сложной. На протяжении первых трех лет Великой Отечественной войны, возглавляя стратегически важный для народного хозяйства Наркомат нефтяной промышленности, Седин успешно организовал работу по эвакуации промышленного оборудования отрасли, по увеличению добычи и переработки нефти на промыслах Азербайджана и в восточных районах страны (Поволжье, «Второй

Баку» в Башкирской и Татарской АССР, Казахстане, Туркмении и др.). По его инициативе непрерывно расширялся масштаб геолого-разведочных работ по линии наркомата: за годы войны было открыто 34 новых месторождения нефти и газа, большинство из которых были немедленно введены в промышленную эксплуатацию. Были построены первые трубопроводы от промыслов на нефтеперерабатывающие заводы. Благодаря этому он сумел обеспечить нефтепродуктами непрерывно возрастающие мощности воюющей Красной армии, где за годы войны количество всех единиц техники (танки, самолеты, тракторы, автомобили, различная бронетехника) возросло в десятки раз.

По инициативе наркома Седина в период немецкого наступления на Северном Кавказе была построена перекачная станция у города Гурьева, что на несколько тысяч километров сократило путь к фронту нефтепродуктов из городов Махачкалы, Грозного и Баку.

За особые заслуги в деле развития нефтяной промышленности в трудных условиях военного времени указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1944 года Седину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Несмотря на бесспорные заслуги, 30 ноября 1944 года Седин был внезапно освобожден от занимаемой должности без указания причин и выведен в резерв ЦК ВКП(б). До сих пор не опубликованы какие-либо документы, которые могли бы пролить свет на это решение председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Точно так же внезапно 23 мая 1945 года он был назначен народным комиссаром текстильной промышленности СССР, а в декабре 1948 года при укрупнении министерств — заместителем министра легкой промышленности (министром был А. Н. Косыгин).

Однако в октябре 1949 года в судьбе Седина произошел еще один крутой и опасный поворот. За злоупотребление служебным положением он был снят с поста заместителя министра, осужден Верховным судом СССР и приговорен к шести месяцам исправительно-трудовых работ с отбыванием наказания по месту работы с вычетом 25 процентов зарплаты. «Злоупотребление» заключалось в том, что по заявлению инвалида-фронтовика Иван Корнеевич дал указание о выделении материальной помощи в размере тысячи рублей, однако инвалид вскоре был арестован и оказался известным мошенником-рецидивистом.

В последующем Седин работал директором Карачаровского завода пластмасс, директором Дорогомилловского химического завода, с 1959 года — заместителем директора по научной

части Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева АН СССР, с 1965 года и до конца жизни — директором Научно-исследовательского института технологии лакокрасочных покрытий и опытного завода НИИ в городе Хотькове Московской области. Он умер 3 января 1972 года в Москве.

Нарком Байбаков

1944 год стал годом решающих побед Красной армии, освобождением от врага территории Советского Союза и переноса боевых действий на территорию противника. Победоносно завершилась Белорусская стратегическая операция, в результате которой советские войска вышли к Висле. Прошла Львовско-Сандомирская операция. В результате Яско-Кишиневской операции советские войска вступили на территорию Румынии, которая тут же отказалась от союзничества с Германией и решила стать на сторону победителя. За такую политическую «ловкость» юный король Румынии Михай I, не выигравший в своей жизни ни одной войсковой операции, даже был удостоен высшего полководческого советского ордена «Победа».

В ноябре 1944 года новым наркомом нефтяной промышленности СССР был назначен Николай Константинович Байбаков. Он вспоминает: «Мое назначение на пост наркома нефтяной промышленности в 1944 году предварительно со мной никак не обсуждалось. И только через три месяца после того, как меня назначили на этот пост, Сталин вызвал меня для беседы о состоянии дел в нефтяной отрасли». Значит, это произошло в начале февраля 1945 года.

За это время в стране и отрасли произошло немало событий. Советские войска вошли на территорию Чехословакии, Венгрии, Польши, Восточной Пруссии. Начались Висло-Одерская и Восточно-Прусская наступательные операции. 17 ноября 1944 года на Махачкалинском промысле забил мощный нефтяной фонтан с суточным дебитом скважины 100 тонн нефти и 10 тысяч кубометров газа.

Всего за период вооруженной борьбы с фашистской Германией Советская армия (без ВМФ) израсходовала 13,4 миллиона тонн горючего. На 83 процента этот расход обеспечивался текущим производством отечественной промышленности, на 9 — за счет импорта, 1,2 процента расхода составляло трофейное горючее. Из 83 процентов отечественного горючего более 70 процентов приходится на Баку. В Азербайджане за годы войны было добыто 75 миллионов тонн нефти, произведено

80 процентов общесоюзного бензина, 90 процентов — лигроина, 96 процентов — масел. По авиационному бензину этот район обеспечивал нужды армии более чем на 90 процентов. Таким образом, четыре из пяти самолетов, танков, автомашин были заправлены бензином, выработанным на бакинских нефтеперерабатывающих заводах из нефти, добытой на бакинских промыслах.

Оборотная сторона медали

Но если на всех промыслах мира шел обычный процесс нефтедобычи, с поставками оборудования и других материалов, то Баку в первые три года войны обеспечивал высокую добычу нефти практически без союзных поставок оборудования, леса, металла и др.

Все приходилось «добывать» из местных ресурсов и полностью надеяться только на собственные силы. А этих сил было очень мало. Кроме того, Урал перестает поставлять буровые трубы, которые идут на изготовление минометов. После начала войны первую партию труб с Таганрогского и Мариупольского трубопрокатных заводов Баку получил только в августе 1943 года, а весь промежуток времени с начала войны изыскивал из собственных резервов. Это было уникальное «ноу-хау» бакинских нефтяников — добывать нефть без союзных поставок оборудования и необходимых материалов! Более того, как было изложено выше, у Баку брали оборудование!

Мобилизуя внутренние резервы, нефтяники вырезали обсадные трубы из старых скважин и оборудовали ими новые, восстанавливали отработанные бурильные трубы и снова пускали их в ход. Значительное развитие получило турбинное бурение, применялась безколонная эксплуатация скважин. В массовом количестве скважины аврально возвращались на вышележащие объекты, при этом в недрах оставалось без освоения значительное количество нефти. Газеты тех времен пестрели заголовками «Дадим стране больше возвратов!». Едва перестав фонтанировать, скважины возвращались на вышележащие пласты. Если геологу промысла можно было доказать, что скважина, возвращенная на вышележащий объект, давала бы больше нефти, а он этого не сделал, то судьба его была бы предрешена. Для выявления подобных «фактов» была создана специальная комиссия наподобие пресловутой «тройки». Решение принималось на месте.

Скважины эксплуатировались зачастую без штуцеров, на максимально возможных уровнях отбора нефти. Открытые

фонтаны, пожары, искусственные озера и, как недавно выяснилось, радиоактивное заражение — все это сопровождало подобной эксплуатации месторождений. Каждый месяц на Апшеронском полуострове из-за обильного количества пластовых вод появлялись рукотворные озера. Всех подобных «мероприятий», проводившихся в те годы, не перечислить!

Не выдерживал и металл чудовищного разрушения нефтяных пластов. Из-за обильного пескопроявления, характерного при нарушении режима эксплуатации скважин, штуцеры изнашивались за несколько дней и выходили из строя. Многие скважины работали через корпус. Все это, конечно, вело к разрушению пластов, но другого пути не было. Воюющей стране нужна была нефть в большом количестве!

Но такая интенсивная эксплуатация бакинских нефтяных месторождений имела и свою отрицательную сторону. Как известно, большую информацию о характере разработки нефтяных залежей несут показатели добычи скважин, эксплуатировавшихся различными способами. По способам добычи нефти за 1941—1945 годы отчетливо виден процесс разрушения бакинских промыслов. Сначала высокодебитные скважины нещадно эксплуатировались, без ограничения отбора. Подобную эксплуатацию эти скважины выдерживали пять-шесть месяцев.

Разрушение нефтепромыслов Баку происходило по всем направлениям. Н. К. Байбаков вспоминает:

«...Как было уже отмечено, все емкости были заполнены нефтью. Девать нефть некуда... А армия нуждалась в горючем, нужда в нем — острейшая! Но куда девать излишки? Ведь это ценнейшее сырье, затраченные огромные средства, труд многих людей! Создалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, нефть некуда девать, а с другой — острейшая нужда в ней на фронте... И в этой обстановке вносится невероятное с точки зрения здравого смысла предложение: нефть добывать, гнать ее по трубопроводу на нефтеперегонные заводы в “Черный город”; снимать там верхушку (бензин), а остаток отправлять обратно и закачивать в пласт».

Для решения проблемы с хранением около полумиллиона тонн отбензиненной нефти закачали непосредственно в пласт, из которого ее добыли. Правда, далее Н. К. Байбаков пишет, что «в дальнейшем эту нефть мы снова добыли». Однако специалисты утверждают, что эту дегазированную и окисленную нефть хотя и добыли, но практически угробили тот пласт, в который ее закачали.

Известно, что все познается в сравнении. Для того чтобы до конца оценить степень разрушения бакинских нефтепромыслов за годы войны из-за страшных на них нагрузок, нужно

посмотреть, как в это время менялась добыча нефти в других воюющих странах. Из проведенного анализа видно, что в годы Второй мировой войны в ряде стран добыча нефти сохранилась на уровне 1941 года. В числе этих стран были Румыния, Аргентина, Колумбия, Тринидад и Тобаго, Бахрейн, Перу, Венгрия и Япония. Увеличили добычу нефти Венесуэла, Иран, Ирак, Мексика, Саудовская Аравия. Особенно заметно добыча увеличилась в Венесуэле, США и Иране. В США общий рост производства нефти за годы Второй мировой войны вырос с 3,7 миллиона баррелей в день в 1940 году до 4,7 миллиона баррелей в день в 1945 году.

Страшным прецедентом по добыче нефти в рассмотренные годы является Азербайджан, потерявший более половины своих нефтяных запасов. И это разрушение было не природным, а рукотворным. Румынские нефтепромыслы, которые поочередно оккупировали немецкие и советские войска, бомбила и советская, и немецкая авиация, пострадали куда меньше, чем нефтепромыслы Баку. Бакинские нефтяные промыслы не бомбили и не оккупировали, но они пострадали больше всех в мире.

По модели развития нефтедобычи в 1945 году относительно уровня добычи в 1940 году видно, что наибольшему разрушению подверглись нефтепромыслы Германии и Азербайджана. Но если важнейшие промышленные объекты Германии были разрушены непрерывными бомбежками союзников и впоследствии были оккупированы, то нефтепромыслы Баку были разрушены страшными нагрузками на благодатные апшеронские нефтяные пласты. И это притом что на нефтепромыслы Баку не упала ни одна бомба, там не было ни одной серьезной диверсии.

С начала войны на бакинских промыслах была введена трехсменная работа — две смены работы были обязательны, а некоторые, исполняя обязанности ушедших на фронт, работали в три смены. С целью маскировки нефтяники ночью работали при свете синих лампочек. Спали и ели прямо у буровых, в наспех построенных фанерных будках.

Кроме трудового напряжения над нефтяниками Баку дамокловым мечом висел сталинский режим. На всех промыслах в поисках диверсантов и врагов народа постоянно работали парткомы ЦК и сотрудники НКВД, которые то там, то здесь находили «диверсантов» и «вредителей». Первой и обязательной версией любой аварии на скважинах было вредительство. Из-за каждой аварии измотанные, издерганные нефтяники давали показания и писали объяснения в заведении, одно посещение которого выводило из равновесия на долгое время.

Что же касается аварий, то на самом деле их причиной, особенно при бурении скважин, было некачественное отечественное оборудование.

В Азербайджане в годы войны была самая дешевая и самая разрушительная для пластов нефть в мире за всю историю промышленной нефтедобычи. Она развивалась на собственной базе, без инвестиций, без поставок оборудования. Нефтяники за свой напряженный труд получали крошечную зарплату и паек по карточкам — на одного работающего полагалось 500 граммов черного хлеба в день и немного жмыха.

Новые задачи

Рассказ о работе нефтяников в годы Великой Отечественной войны был бы не полным, если упустить один очень важный момент, связанный с развитием еще одного важнейшего направления в создании топливно-энергетического баланса страны, а именно — газового дела. Его зарождение можно отнести к 1942 году, крайне тяжелому для СССР второму году войны. После неудачи под Харьковом в мае—июне 1942 года немецко-фашистские войска начали стремительное наступление на южном крыле советско-германского фронта. В августе они выходят на подступы к Волге в районе Сталинграда и к предгорьям Кавказа. Возникает реальная угроза и других основных нефтеносных районов.

К этому времени за Волгой разворачиваются сотни эвакуированных с западных районов страны предприятий, туда переселяются сотни тысяч беженцев. Создается мощный экономический рубеж, основные усилия которого нацелены на дело обороны. Но все это требует огромных энергетических ресурсов.

Начинается поиск новых или других источников топлива. Ищут в первую очередь нефть. Но внимание обращается и на природный газ, месторождения которого в то время были открыты в Поволжье. Эти задачи возлагаются на Народный комиссариат нефтяной промышленности.

Для быстрой разработки новых нефтяных и газовых месторождений руководство страны действует в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 года. В нем, в частности, говорилось:

«1. Военное положение, в соответствии со ст. 49 п. “п” Конституции СССР, объявляется в отдельных местностях или по всему СССР в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

<...>

3. В местностях, объявленных на военном положении, властям предоставляется право:

а) в соответствии с действующими законами и постановлениями Правительства привлекать граждан к трудовой деятельности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важных объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями, стихийными бедствиями;

<...>

в) объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных целей;

г) производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан;

<...>

ж) воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении;

з) выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, и из отдельных ее пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой.

4. По всем вопросам, предусмотренным пунктом 3-м настоящего Указа, военные власти имеют право:

а) издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за невыполнение этих постановлений наказания в административном порядке в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3000 рублей...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин»¹.

Поиски нефти и газа под Саратовом были начаты в 1939 году под руководством профессора Саратовского университета Бориса Александровича Можаровского и заместителя начальника Главнефтегеологии Василия Михайловича Сеньюкова. В конце 1940 года вблизи поселка Тепловка, что в 75 километрах от Саратова, ударил первый фонтан газа. В октябре 1941 го-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29 — http://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_22.06.1941_о_военном_положении

да в районе Елшанки Наркомат нефтяной промышленности заложил первую разведочную скважину, которая дала почти 800 тысяч кубометров природного газа в сутки. Так было открыто крупное месторождение природного газа в Саратовской области.

В сентябре 1942 года Совет народных комиссаров СССР принял решение о промышленной разработке Елшанского газового месторождения и строительстве газопровода от этого месторождения до Саратовской электростанции. Для бурения на месторождении были мобилизованы бригады бурильщиков с нефтяных промыслов Баку.

Параллельно с обустройством месторождения строился газопровод Елшанка — Саратов. Стройка была объявлена объектом трудового фронта. На этот фронт направлялось все трудоспособное население Саратова и окрестных сел. Газопровод имел длину 16 километров и был построен из труб диаметром 300 миллиметров.

Затем было открыто нефтегазовое месторождение в районе города Похвистнево и началось строительство трубопровода Похвистнево — Куйбышев. Но сил и средств было слишком мало для выполнения большого объема строительных работ. Поэтому на земляные работы привлекалось местное население.

Сразу же остро встала проблема с трубами для будущего трубопровода. Тогда кто-то предложил разобрать бездействующий нефтепровод Махачкала — Изберг. Курировал работы по демонтажу нефтепровода С. А. Оруджев. Задача была поставлена перед специально созданным в структуре СМУ-5 треста «Азнефтегазстрой» участком спецработ, который возглавил молодой инженер Дзабо Григорьевич Аликов. В его распоряжение поступило около 700 человек из числа местных жителей, на которых даже не хватало лопат. Кислород для резки труб привозили самолетом из Баку. Работы по демонтажу продолжались со 2 июня по 5 декабря 1942 года. Затем собранные в Махачкале трубы были погружены на баржи и водным путем доставлены в Красноводск. Оттуда уже по железной дороге к концу года они прибыли в Куйбышев, затем тракторами и гужевым транспортом на санях развозились по всей трассе строящегося трубопровода.

Много проблем возникло с очисткой труб бывшего нефтепровода, которые до изъятия их долгое время пролежали в земле. Требовалось освободить их от земли, старой изоляции, очистить от ржавчины и покрыть новой изоляцией. Все эти работы первое время производились только вручную, пока инженер Джаффаров не придумал механический способ очистки труб.

Когда проложили более 130 километров магистрали, закончились привезенные с Кавказа трубы. И тогда решили оставшийся участок от станции Кинель до Безымянки построить из асбоцементных труб. Но и эти трубы вскоре кончились. Тогда оставшийся 1,6-километровый участок был проложен из оружейных стволов.

Газопровод вступил в строй 15 сентября 1943 года. По нему природный газ с месторождения под естественным давлением начал поступать на ТЭЦ и группу авиационных заводов, расположенных на Безымянке — предместье Куйбышева.

1943 год стал годом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Советские войска нанесли поражение фашистским армиям под Сталинградом, выиграли битву за Кавказ, Курскую битву, вышли к Днепру. В конце ноября в Тегеране встречаются И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, решая вопросы открытия второго фронта в Европе и послевоенного обустройства мира.

Но фронт и тыл требуют от страны огромного напряжения усилий. Начинается восстановление экономики в освобожденных от врага районах, прежде всего шахт Донбасса. Топливный кризис требует все больше и больше нефти, угля, природного газа...

19 июня 1943 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об организации Главного управления искусственного жидкого топлива и газа при Совнаркоме СССР». После этого все объекты добычи и транспорта природного газа были выведены из ведома Наркомата нефтяной промышленности, основные усилия которого были сосредоточены на добыче, транспорте и переработке нефти.

Таким образом, советские нефтяники и газовики в годы Великой Отечественной войны сделали все от них зависящее не только для того, чтобы обеспечить действующую армию топливом, но и чтобы дать качественное топливо на предприятия народно-хозяйственного комплекса.

Долгожданная Победа

Но вот победоносно для Советского Союза завершилась Великая Отечественная война. Огромный вклад в достижение победы над врагом внесла отечественная нефтяная промышленность. В числе ее активных руководителей был и Сабит Атаевич Оруджев. Вместе со всеми работниками нефтяной промышленности Азербайджана он стойко переносил все трудности работы в военный период. Фронт и проблемы восстанов-

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ

Главный инженер Азнефти

В 1945 году Сабит Атаевич Оруджев назначается главным инженером — заместителем начальника объединения «Азнефть». В первые послевоенные годы проблема интенсификации добычи заставляла нефтяников вести постоянный поиск новых технологических решений, изучать, обобщать и внедрять передовой опыт различных объединений и трестов. Азнефть неоднократно оказывалась в числе лучших экспериментальных объединений. Туда приезжали специалисты с соседних трестов, а иногда и с самого наркомата. Об одной из таких командировок вспоминал профессор Владимир Николаевич Щелкачев:

«Летом 1944 года по постановлению Государственного Комитета Оборона при Наркомнефти была организована специальная группа по интенсификации нефтедобычи, на работу в которой я был приглашен из Грозного. Летом следующего, 1945 года мне и Г. К. Максимовичу было поручено выехать в Баку, чтобы с местными специалистами наметить первоочередные объекты и составить конкретные планы работы по внедрению новейших методов нефтедобычи. Руководство “Азнефти” с большой заинтересованностью отнеслось к нашим замыслам и поручило Сабиту Атаевичу всячески помогать нам в деле. Тогда-то я и познакомился впервые с этим человеком.

Уже в ходе первой нашей беседы мы увидели, что имеем дело с прекрасным специалистом и большим энтузиастом. Оруджев сразу же заинтересовался новым делом и загорелся желанием его организовать. Он повез нас на буровые, находившиеся на острове Артема, а затем в тресты “Лениннефть” и “Орджоникидзефть”. Везде мы встречались и подолгу беседовали с местными геологами и инженерами, выбирая наиболее подходящие для эксперимента объекты. То, с каким вниманием и инженерной интуицией подходил Сабит Атаевич к обсуждению каждого вопроса, внушало уверенность, что все задуманное и намеченное будет выполнено успешно».

Волонтаристские решения

14 марта 1946 года Совет народных комиссаров был преобразован в Совет министров СССР, председателем которого становится Иосиф Виссарионович Сталин. Бывшие наркомы переименовываются министрами. Образуется два министер-

ства нефтяной промышленности: Министерство нефтяной промышленности восточных районов во главе с Михаилом Андриановичем Евсеенко и Министерство нефтяной промышленности южных и западных районов, руководителем которого назначается Николай Константинович Байбаков.

18 марта на сессии Верховного Совета СССР был принят четвертый пятилетний план восстановления и развития экономики СССР на период 1946—1950 годов. Поставлена цель достичь и превзойти довоенный уровень производства. В качестве первоочередных мер было намечено осуществить восстановление и развитие тяжелой промышленности и транспорта. При этом планируется годовую добычу нефти довести до 60 миллионов тонн.

Байбаков эту цифру впервые услышал несколько раньше, в феврале 1946 года, когда Сталин в Большом театре произнес свою предвыборную речь кандидата в депутаты Верховного Совета СССР.

«Когда я услышал эту цифру, — позже вспоминал Николай Константинович, — у меня волосы встали дыбом. До войны мы добывали 33 миллиона тонн нефти в год, чему предшествовали десятилетия развития нефтяных промыслов. Теперь же страна, обессиленная грандиозной битвой с фашизмом и потерявшая в ней многие миллионы жизней, должна была в кратчайшие сроки не только возродить разрушенные промышленные и сельскохозяйственные районы, но и довести добычу нефти с 19 до 60 миллионов тонн. Иначе говоря, за короткий срок дать почти вдвое больше, чем до войны».

На другой день нарком позвонил Берии — заместителю председателя Совета народных комиссаров, курирующему топливную отрасль, и поинтересовался, откуда у Сталина такие цифры.

— Не твое дело! — грубо ответил Берия. — Тебе генеральный сказал? Вот теперь думай и делай, чтобы эти 60 миллионов были.

Байбаков тут же позвонил в Баку и потребовал повысить уровень добычи нефти, но бакинские нефтяники, услышав требование наркома, начали наперебой доказывать, что все предприятия и так работают на пределе своих возможностей. Но это не соответствовало требованиям партии.

После завершения работы сессии Верховного Совета СССР для обсуждения четвертого пятилетнего плана в Баку был собран партийный актив, который проводил Багиров и на который прибыл Байбаков. Выступивший на этом активе Оруджев не стал критиковать партийный план, а предложил «лучше поискать пути для его выполнения».

Первый магистральный

В феврале 1946 года Оруджев назначается начальником отдела добычи нефти Главзападнефтедобычи Министерства нефтяной промышленности СССР. В этой должности ему невольно пришлось столкнуться с мероприятиями, связанными с завершением строительства первого в стране магистрального газопровода Саратов — Москва, так как эту стройку курировало его министерство.

В ходе войны был выявлен острый дефицит топлива для крупных промышленных центров и предприятий, в числе которых на одном из первых мест была Москва. Поэтому вопросы обеспечения Москвы топливом постоянно поднимались на заседаниях правительства и министерств. Эшелоны с углем, дровами, нефтью и мазутом постоянно неслись к Первопрестольной с различных концов страны, загрязняя этот мегаполис. Руководители постоянно жаловались Сталину на эти проблемы. Решение о строительстве газопровода Саратов—Москва было принято в сентябре 1944 года Государственным Комитетом Обороны. Этот газопровод, который имел протяженность 788 километров и строился из труб диаметром 300 миллиметров, стал первой магистралью для транспорта газа на большие расстояния.

По решению Государственного Комитета Обороны строительство этого газопровода началось в 1944 году. Он должен был быть построен в двухлетний срок из труб и оборудования, поставляемых из США по ленд-лизу. Однако Соединенные Штаты в 1944 году прекратили поставки. Пришлось Советскому Союзу решать эту проблему собственными силами. Руководило строительством Главное управление аэродромного строительства (ГУАС) НКВД СССР (начальник — генерал-лейтенант Л. Б. Сафразьян, заместитель — генерал-майор В. А. Пачкин).

На этой стройке, которую в то время можно было назвать для СССР «стройкой века», нашло применение огромное количество новых технологий, в связи с которыми туда постоянно выезжали различные комиссии, в том числе и от Министерства нефтяной промышленности южных и западных районов. Сабит Атаевич неоднократно включался в состав таких комиссий. В связи с этим в последующем он называл себя не только нефтяником, но и газовиком номер один.

Газопровод был принят в эксплуатацию Государственной комиссией 7 марта 1946 года, а 11 июня 1946 года саратовский газ впервые пришел в Москву. Так было положено начало обеспечению столицы природным газом.

Конфликт с Багировым

В августе 1946 года Сабит Атаевич Оруджев назначается главным инженером и заместителем начальника объединения «Краснодарнефть». О причинах его частых переводов с одной должности на другую нефтяники в 1946 году говорили разное, но на самом деле случилось так, что Сабиту Атаевичу пришлось срочно уехать из родных мест, спасая свою жизнь и жизни родных ему людей. И все только потому, что он оказался в «черном списке» людей, составленном первым секретарем ЦК КП Азербайджана М. Д. Багировым, подлежащих уничтожению как «враги народа».

Имя Багирова в этой книге встречается так часто и история Азербайджана на протяжении более 30 лет была связана с ним настолько сильно, что возникает необходимость коротко сказать об этом человеке.

Известно, что Мир Джафар Багиров родился 5 сентября 1896 года в городе Куба Кубинского уезда в крестьянской семье. Работал учителем сельской школы. В 1917 году он вступил в ВКП(б) и тогда же стал заместителем председателя Кубинского революционного комитета. С 1918 года Мир Джафар участвовал в коммунистической деятельности в Закавказье, тогда же познакомился с Микояном и подружился с Берией. В 1919 году под руководством Кирова он участвовал в подавлении Астраханского восстания, а затем вернулся в Азербайджан после установления там советской власти.

В 1920 году Багиров — заместитель председателя Революционного комитета Карабахской области, затем военком Азербайджанской стрелковой дивизии, председатель военного трибунала Азербайджанской стрелковой дивизии и заместитель председателя военного трибунала 11-й армии. С начала 1921 года — председатель ЧК (ГПУ) Азербайджанской ССР. Одновременно он являлся наркомом внутренних дел Азербайджана и заместителем председателя СНК Азербайджанской ССР.

В октябре 1932 года Багиров возглавил Совет народных комиссаров Азербайджанской ССР, в декабре 1933 года стал первым секретарем Бакинского городского комитета КП(б) Азербайджана, а 15 декабря 1933 года его избрали первым секретарем ЦК КП Азербайджана. Он стал вначале кандидатом, а затем и членом ЦК ВКП(б), активно участвовал в репрессиях конца 1930-х годов. По некоторым данным, к 1940 году примерно 70 тысяч азербайджанцев погибли в результате чисток, осуществляемых Багировым. Интеллигенция была сломлена и ликвидирована как общественная сила, «старая гвардия» коммунистов также была уничтожена.

В то же время нужно отметить, что в годы Великой Отечественной войны Багиров достаточно много сделал для того, чтобы обеспечить фронт нефтепродуктами и другим имуществом, производимым в Азербайджане. После окончания войны он активно работал по восстановлению народного хозяйства своей республики, развитию ее нефтяной промышленности. Правда, и в этот период методы его руководства были не просто жесткими, а фактически жестокими.

О конфликте между Оруджевым и Багировым, по рассказу его дочери Роксаны, которая, в свою очередь, ссылалась на рассказ самого Сабита Атаевича, произошло следующее.

Однажды в результате сильного шторма на Нефтяных Камнях волнами смыло несколько буровых оснований, в результате чего прекратилась добыча нефти. По этому поводу Багиров вызвал Оруджева к себе в кабинет и начал страшно орать, обвиняя его в случившемся. Рассвирепев, он схватил мраморное пресс-папье и запустил его в Оруджева. Сабит Атаевич уклонился от удара, а затем от ужаса нырнул под стол. Это рассмешило Багирова, и он решил повременить с арестом Оруджева. Так, благодаря случайности, Сабит Атаевич покинул кабинет «вождя» без конвоя.

Правда, через некоторое время в Баку из Москвы прибыла специальная комиссия, которая установила, что со стороны Оруджева не было допущено технологических просчетов, тем более не было намеренного саботажа нефтедобычи на Нефтяных Камнях. Это спасло его от ареста, но заставило покинуть Баку. Отношения с Багировым были испорчены, и можно было ожидать новых провокаций.

О Багирове и его «деятельности» Н. К. Байбаков пишет:

«М. Д. Багиров, который более 20 лет был первым секретарем ЦК партии Азербайджана, человек с тяжелым нелюдимым взглядом, вкрадчиво-властным голосом, а по натуре уголовник. Сколько прекрасных людей погубил он, особенно среди работников нефтяной промышленности. Во время суда над ним, проходившего в Баку, было сказано в обвинительной речи Генерального прокурора СССР Руденко, что Багиров не только санкционировал аресты безвинных людей, но и сам лично расстреливал осужденных.

Еще когда я работал в Наркомате нефтяной промышленности, мне нередко приходилось обсуждать с Багировым различные вопросы работы объединения «Азнефть», в том числе и кадровые. Вот почему, несмотря ни на что, я решил обратиться к нему с просьбой помочь освободить из тюрьмы талантливого и честного человека, известного геолога «Азнефти» Никитина. Я сказал, что это тот самый Никитин, который

предложил новую систему разработки многопластовых месторождений, дающую большую экономию государственных средств, человек порядочный и ответственный. Багиров согласно кивнул головой: “Конечно, если человек нужный и полезный стране, помогу!” В другой раз я опять напомнил о Никитине. И опять озабоченное лицо, и опять уверенное: “Да, да. Дело трудное. Помню”. А в итоге выяснилось, что Никитин уже давно был расстрелян».

Нашелся еще один свидетель, который пролил свет на это белое пятно в биографии Оруджева. Яков Аронович Гельгафт, работавший в 1940-е годы в Наркомате нефтяной промышленности СССР, позже вспоминал:

«Первое мое знакомство с Сабитом Атаевичем состоялось в 1946 году. Тогда в порыве гнева бывший руководитель Азербайджана Багиров уволил некоторых руководящих работников Азнефти, в том числе и Оруджева. Однако Н. К. Байбаков, бывший в то время наркомом нефтяной промышленности юго-западных районов (Минюжзападнефть), дальновидно оценивая необходимость сохранения высококвалифицированных специалистов, устраивал их на работу либо в аппарате наркомата, либо в других организациях. И так получилось, что Сабит Атаевич был назначен начальником отдела Главзападнефтедобычи, где я тогда работал старшим инженером. Начальником и главным инженером этого объединения стали также изгнанные из Баку С. А. Везиров и Г. Т. Овнатанов.

Во время работы Оруджева в Главзападнефтедобыче меня удивляло его общение со всеми сотрудниками, полное отсутствие какой-либо надменности и показного превосходства, которое было характерно тогда для многих высокопоставленных деятелей. Он установил чисто товарищеские отношения и тем запомнился нам. Мы отвечали ему тем же, хотя и отдавали должное прежним заслугам Сабита Атаевича».

Судя по этим двум авторитетным свидетельствам, нетрудно представить, какая опасность нависла над Оруджевым, который чем-то не угодил Багирову. И его отъезд из Баку, пожалуй, был единственной возможностью спастись от ареста. В такой обстановке о каких-либо карьеристских стремлениях Сабита Атаевича говорить не приходится.

Возвращение в Баку

После победоносного завершения Великой Отечественной войны страна активно включается в выполнение первого послевоенного пятилетнего плана восстановления народного хо-

зяйства. Как это всегда было во времена Советского Союза, работы были развернуты на широком фронте и отмечались конкретными результатами. Так, в марте 1947 года был восстановлен Днепрогэс, а 4 декабря того же года были отменены карточки на продовольственные и промышленные товары и проведена денежная реформа (путем обмена денег), позволившая остановить в стране инфляцию и спекуляцию, захлестывшую ее в тяжелое военное время.

Но для быстрого восстановления народного хозяйства страны нужно все большее количество новых источников сырья и энергии. Начинаются масштабные разведывательно-геологические работы, и правительство страны обращает внимание на улучшение условий труда геологов. Совет министров СССР принимает постановление «О преимуществах и льготах для горных и буровых рабочих, горных и буровых мастеров, руководящих и инженерно-технических работников Министерства геологии» (от 17 октября 1947 года). В нем устанавливаются размеры пособий по временной нетрудоспособности и пенсионного обеспечения, определяются размеры премий за выработку определенного срока времени на полевых работах. Для всего инженерно-технического и руководящего состава Министерства геологии были введены специальная форма одежды и знаки различия на петлицах и погончиках.

Укрепляется база предприятий, занимающихся строительством в нефтяной промышленности. Для решения научных и научно-исследовательских вопросов в этой области в Москве создается специальный научно-исследовательский институт — НИИСтройнефть. Для прокладки магистральных трубопроводов на Московском экспериментальном механическом заводе был изготовлен первый отечественный трубоукладчик ТЛ-3 грузоподъемностью шесть тонн.

Поиски новых месторождений нефти и газа все более обращают внимание геологов на районы Западной Сибири. Это приводит к тому, что 10 декабря технический совет Министерства геологии СССР принимает решение «О направлении геолого-поисковых работ на нефть и газ в восточных районах СССР на 1948—1950 гг.». Определяется необходимость развертывания буровых работ в районах Западной Сибири, где в течение последующих трех лет намечено пробурить 12—15 опорных скважин глубиной две-три тысячи метров.

На фоне всех этих дел С. А. Оруджев чувствует себя неуютно в министерских кабинетах. Его неудержимо тянет на промыслы, туда, где бьет фонтаном «живая» нефть. С просьбами

направить на производство он неоднократно обращается к Байбакову и в конце концов добивается своего и уезжает из Москвы в Краснодар. Едва успев осмотреться на новом месте, Оруджев получает новое назначение. Он снова возвращается в Баку управляющим трестом «Бузовнынефть».

В это непростое время Сабит Атаевич продолжал заниматься научными изысканиями, под его руководством осуществлялись крупные производственные эксперименты. Так, применение Оруджевым и его помощниками нагнетания воздуха в пласт на указанном промысле в течение 1947 года дало блестящий результат — было дополнительно получено более 90 тысяч тонн нефти. После этого добыча «черного золота» из месяца в месяц росла, а добыча воды в результате роста пластовых давлений падала. Качество нефти не изменилось, зато снизилась ее себестоимость. Сверхплановая экономия повысилась на 4042 рубля.

В 1948 году под рубрикой «Обмен отечественным опытом. Добыча» выходит трехтысячным тиражом брошюра С. А. Оруджева «Метод поддержания давления. Опыт применения на промысле Широкая Балка Краснодарнефти». Восстановление народного хозяйства страны после Великой Отечественной войны потребовало колоссальных затрат материальных, трудовых, финансовых ресурсов. Повышение эффективности производства было одним из путей изыскания дополнительных средств для этой цели. В области нефтедобычи таковым являлось максимальное увеличение коэффициента нефтеотдачи эксплуатируемых пластов. Предложенный и апробированный автором на промысле Широкая Балка метод закачки воздуха в пласт позволил получить значительное количество дополнительно добытой нефти. Ценность же опыта состояла в том, что он мог широко использоваться на других нефтепромыслах Советского Союза с соответствующими геологическими условиями. Все это было весомым вкладом в восстановление экономики СССР.

Четыре года — четыре должности. Но это не простые перемещения. Страна восстанавливала разрушенное войной народное хозяйство, в том числе и нефтяную промышленность. Специалистов не хватало, добротных хозяйственников также. Естественно, что С. А. Оруджев направлялся в наиболее трудные, «узкие» места, чтобы оказать практическую помощь местным работникам, организовать работы на самом высоком уровне. О том свидетельствует второй орден Трудового Красного Знамени, полученный С. А. Оруджевым в 1948 году.

В марте 1948 года Сабит Атаевич назначается директором объединения «Азнефтеразведка», управленческий аппарат которого находился в Баку. В эти годы на Каспийском море начинается невиданная по масштабам и сложности эпопея освоения подводных месторождений нефти и строительства города-предприятия Нефтяные Камни. Позже об этом Н. К. Байбаков напишет: «Было взято верное направление в развитии всей нефтяной промышленности Азербайджана. Открытие крупного морского месторождения Нефтяные Камни имело огромное значение для экономики страны. За короткий срок в 100 километрах от берега создали крупные морские промыслы. Они сыграли решающую роль в постоянном наращивании добычи азербайджанской нефти в 1950-е и последующие годы».

Казалось бы, работать Сабиту Атаевичу и работать. Но снова возникает конфликт с Багировым, который не любил иметь рядом с собой талантливых людей и стремился всячески скомпрометировать их в глазах высшего руководства. А делать это он умел мастерски. Об этом также пишет в своей книге Н. К. Байбаков:

«Берия и его люди “раскопали” материалы о том, что на дачах и подсобных хозяйствах руководителей партии Азербайджана имеют место злоупотребления: фрукты и овощи нередко поступают на сторону, в продажу. Берия немедленно доложил об этом Сталину, который поручил Мехлису, главе Госконтроля, немедленно проверить факты и доложить лично ему. В Баку срочно выехала большая группа работников партийного контроля во главе с заместителем Мехлиса — Евдокимовым.

Проверка подтвердила, что значительная часть продукции подсобных хозяйств продавалась на сторону, “налево”, как говорят.

Багиров понял, что спасения ему нет. Сталин за подобные дела жестоко наказывал. И теперь, в такой ситуации только решительные “чрезвычайные” меры могли отвести от него суровое наказание. И он пошел на подлую провокацию. Проведав откуда-то, что высокий гость питает слабость к прекрасному полу, Багиров искусно организовал Евдокимову поездку в Махачкалу с одной из бакинских красавиц, а сам тут же доложил Сталину, к письму же приложил интимные, красноречивые фотографии... Понятно, что Сталин был вне себя от негодования. Он приказал вызвать к нему Мехлиса и крепко отчитал его за то, что тот доверяет важные партийные дела морально неустойчивым людям».

Понятно, что карьера, а то и вся жизнь Евдокимова была сломана, а Багиров оправдан.

Таким образом, в Азербайджане в конце 1940-х годов всем приходилось считаться и с всесильным Багировым, и с другими «вождями» сталинской эпохи.

Нефтяные Камни

28 декабря 1948 года издается указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Министерства нефтяной промышленности южных и западных районов, Министерства нефтяной промышленности восточных районов, Главгазтоппрома и Главнефтегазстроя при Совете Министров СССР и Главнефтеснаба при Госснабе СССР в Министерство нефтяной промышленности». Министром нефтяной промышленности был назначен Н. К. Байбаков.

В очередной раз оказавшись под «прицелом» Багирова, Сабит Атаевич решил не испытывать судьбу. В 1949 году он обращается с письмом к Н. К. Байбакову, теперь уже министру нефтяной промышленности СССР, и добивается перевода на работу в Москву. Там Оруджев, как морской нефтяник, назначается начальником Главморнефти и заместителем министра нефтяной промышленности СССР. В этом качестве он мог более спокойно продолжать работы по развитию нефтяной промышленности Азербайджана.

Одним из первых инициаторов добычи нефти со дна моря являлся горный инженер Витольд Леон Юлиан Згленицкий, который еще 3 октября 1896 года обратился в Бакинский горный департамент с прошением разрешить ему произвести бурение скважин на искусственном материке в Биби-Эйбатской бухте. К своему прошению он приложил оригинальный для того времени проект, согласно которому предполагалось построить сооружение специального водонепроницаемого помоста на высоте 12 футов (до четырех метров) над уровнем моря со спуском добываемой нефти в баржи.

Нефтяные Камни — поселок в крайней восточной, сухопутной точке Азербайджана, находящейся в Каспийском море, в 42 километрах к востоку от Апшеронского полуострова. Месторождение Нефтяные Камни числится в списке Книги рекордов Гиннеса как старейшая морская нефтяная платформа.

Название «Нефтяные Камни» имеет историческое значение. Еще задолго до открытия там нефтяного месторождения ученые заметили в Каспийском море черные, покрытые пленкой нефти скалы. Эту зону морской акватории называли «Черные Камни».

Район Нефтяных Камней начали изучать уже с 1859 года. Тогда в случае фонтана одним из инженеров было предложено иметь специальную баржу грузоподъемностью до 200 тысяч тонн нефти, которая и обеспечивала бы безопасный вывоз нефти на берег. Но Кавказское горное управление отклонило это предложение, тем не менее признав, что дно Каспийского моря близ Апшерона является нефтеносным, и было бы желательно проверить как нефтеносность морского дна, так и опытным путем выявить техническую возможность добычи нефти и экономические условия такого способа эксплуатации.

Мощным толчком к разведке нефтяных и газовых месторождений на различных участках Каспийского моря стало получение морской нефти у бухты Ильича из первой в мире скважины № 71, построенной в 1924 году на деревянных сваях. Но впервые нефть из прибрежных месторождений начали добывать с 1925 года. В 1926—1927 годах бакинский шельф уже давал более 700 тысяч тонн нефти.

Позже (в СССР) в 1932—1933 годах, когда уже стало ясно, что контур нефтеносности выходит за пределы засыпанной в 1932 году Биби-Эйбатской бухты, были построены еще два основания. Первое основание, сооруженное на расстоянии 270 метров от восточного ограждения засыпки бухты на глубине моря до шести метров, имело площадь 948 квадратных метров и общую высоту до 55 метров.

Н. К. Байбаков пишет:

«Уже к 1933 году появилась необходимость скорейшей разработки перспективных морских площадей в связи с наметившимся снижением добычи на суше.

В 1934 году на острове Артем началось сооружение металлических оснований для бурения в море. Работы на острове велись по проекту и под руководством Н. С. Тимофеева, который впервые поставил вопрос о разработке морских залежей нефти с металлических оснований. Эти предложения впоследствии нашли широкое применение при разработке морских нефтяных месторождений».

Однако первая практическая работа по изучению геологических структур акватории Нефтяных Камней была осуществлена в 1946 году нефтяной экспедицией Академии наук Азербайджана. В результате ее работы были обнаружены огромные запасы нефти.

Первый десант нефтяников высадился на Нефтяные Камни 14 ноября 1948 года. Он имел достаточно многочисленный состав. В качестве руководителя десанта был Н. К. Байбаков. Вместе с ним прибыли начальник объединения «Азнефтеразведка» Сабит Оруджев, геолог Агакурбан Алиев и специалист

по буровым работам Юсиф Сафаров. Капитаном морского буксира «Победа», на котором плыл десант, был один из опытных послевоенных каспийских капитанов Аждар Садыхов. Кроме того, в составе того первого десанта были строители-вышкомонтажники, инженеры-буровики, которые осуществляли строительство первых производственных объектов на сваях.

Подготовительные работы к бурению первой разведочной скважины на Нефтяных Камнях начались в июне 1949 года. Для создания плацдарма бурения использовали отслуживший свой срок корабль «Чванов», отбуксированный в зону Нефтяных Камней и затопленный на заданной точке. И здесь также не обошлось без участия Сабита Атаевича.

Когда была подготовлена рабочая площадка, остро встал вопрос, кто будет бурить первую скважину. Никто из буровых мастеров не соглашался на такой риск. Пугали сложные гидрометеорологические условия, отдаленность искусственного островка от материка, необустроенность. Для опроса был составлен особый список, который взялся просматривать Оруджев. Ознакомившись с ним, он заметил, что в нем нет фамилии одного из лучших буровых мастеров Михаила Каверочкина.

Оказалось, что Каверочкин находится в отпуске, но никуда из Баку не уезжал. Оруджев приказал послать за ним машину. Каверочкин вскоре приехал и, узнав об опросе, тут же согласился возглавить буровую бригаду, и уже через несколько часов появился соответствующий приказ.

24 августа 1949 года бригада будущего Героя Социалистического Труда Михаила Каверочкина приступила к бурению первой скважины, давшей 7 ноября того же года долгожданную нефть. Это был мировой триумф: скважина имела глубину около тысячи метров, а ее суточный дебит составлял 100 тонн фонтанной нефти. В честь этого события «Черные Камни» было решено переименовать в «Нефтяные Камни».

Для того чтобы увидеть собственными глазами случившееся чудо, в район буровой приехали Н. К. Байбаков, председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Н. Г. Гейдаров и командующий Краснознаменной Каспийской флотилией адмирал Г. Г. Олейник.

Успехи морских нефтяников сразу же стали предметом особой гордости руководства Азербайджана. Так, в декабре 1949 года, в ходе празднования 70-летия И. В. Сталина, М. Д. Багиров с гордостью рапортовал: «Бакинские нефтяники, свято храня и приумножая славные сталинские традиции, добились серьезных успехов в деле подготовки всех необходимых условий для дальнейшего резкого подъема нефтяной промышлен-

ности республики. В этом большая заслуга разведчиков нефти, в особенности славных разведчиков морских месторождений нефти». Безусловно, никакие имена в этом рапорте не назывались...

Позже, для постройки плацдарма бурения второй скважины, туда привели и наполовину затопили еще семь старых, почти непригодных к плаванию кораблей. Так родился искусственный «Остров семи кораблей», где спустя полгода уже добывали нефть.

Вторая скважина, пробуренная бригадой другого Героя Социалистического Труда Курбана Аббасова, примерно с таким же дебитом, как и первая, была сдана в эксплуатацию в первой половине 1950 года. В том году доля нефти, полученной на морских месторождениях Баку, составила 11 процентов нефти, добытой в СССР.

В 1951 году началась промышленная разработка Нефтяных Камней. В феврале этого года танкер с нефтью месторождения Нефтяных Камней встал под разгрузку у причала нефтеналивного порта Дюбенди.

В 1952 году впервые в мировой практике началось строительство эстакады, которая должна была соединить искусственные металлические острова. Добыча нефти ведется более чем с двадцати горизонтов, что представляет собой уникальное явление.

При освоении месторождений Нефтяных Камней в буквальном смысле расцвел конструкторский талант С. А. Оруджева. По мнению ряда ведущих специалистов, предложенные им в то время технические новшества по праву являются прорывом в новое качественное состояние нефтедобычи на море.

Так, Вартан Александрович Каламкаров, хорошо знавший Сабита Атаевича в те годы, вспоминает:

«Разработка морского дна на нефть на Каспии началась в конце сороковых годов с острова Артема. Там было начато бурение с морской эстакады. Я в то время был первым заместителем управляющего и главным инженером треста «Азизбековнефть», куда входил и остров Артема. Я считал, что это дело очень перспективное. Но нашлись противники, которые начали писать письма во все адреса, в том числе и в ЦК КП Азербайджана. Понаехало комиссий, хорошее начинание было поставлено под угрозу свертывания работ. Но Сабит Атаевич, зная всю предысторию морского бурения, не побоялся взяться за это дело.

В освоении морского бурения, когда нужно было бурить скважины в открытом море, в частности, на Нефтяных Камнях, и проявился инженерный и организаторский талант Оруд-

жева. Это была трудная инженерная работа, по которой никакой литературы не существовало. Все надо было постигать своим умом и опытом. Много было сомнений и неудач, однако коллектив, руководимый Сабитом Атаевичем, все преодолел и добился успеха».

Под руководством Оруджева в короткий срок морская разведка и промыслы оснащаются новой техникой. Были сконструированы и построены специальные монтажные краны с дизель-молотами для строительства морских эстакад, оборудованы специальные крановые суда с кранами большой грузоподъемности — 40, 75 и 100 тонн. В Баку были доставлены специальные перегрузочные средства — порталы, гусеничные и автокраны. Там же оборудовали специальные монтажные площадки для сборки крупных блоков индивидуальных оснований, организовали крупные предприятия по изготовлению металлоконструкций и защите их антикоррозийными покрытиями.

В 1949 году совместно с Л. А. Межлумовым и Ю. А. Сафаровым С. А. Оруджев проектирует основание системы МОС для глубины моря 20 метров (до этого использовались конструкции крупноблочных металлических оснований системы ЛАМ для глубины моря до 10 метров, спроектированные инженером Л. А. Межлумовым в 1946 году). В том же году Сабит Атаевич, В. В. Волянский и Л. А. Межлумов получают второе авторское свидетельство за «Устройство для строительства оснований для морских буровых». Оба изобретения были сразу же внедрены в практику разведки и добычи нефти из-под воды.

Был создан транспортный и специальный нефтепромысловый флот, благодаря чему успешно разрешена задача производства гидротехнических работ в море на значительном удалении от берега. Уже к 1950 году нефтепромысловый флот Азнефти состоял из 32 единиц (пять буксировщиков, 23 катера, два буксируемых плавучих крана грузоподъемностью 20 тонн каждый и две баржи).

На Нефтяных Камнях под руководством Сабита Атаевича начали сооружать промысел со всей необходимой промышленной и жилой структурой. Много было сомневающихся в том, что эстакады не выдержат нагрузку, которую создадут тяжелые грузовики, узкоколейная железная дорога, вышки, резервуары и другие сооружения. Одна случайная неудача могла погубить все дело. Так оно едва и не случилось.

В. А. Каламкаргов, в то время уже заместитель министра нефтяной промышленности, вспоминает: «После очередного сигнала “доброжелателей” первый секретарь ЦК Компартии

Азербайджана М. Д. Багиров позвонил министру нефтяной промышленности Н. К. Байбакову и попросил его прислать в Баку комиссию министерства. Байбаков поручил мне и А. О. Асан-Нури выехать в Баку и все тщательно проверить. Над Оруджевым нависла серьезная угроза, окажись он не прав в своих расчетах. Но Сабит Атаевич не ошибся. Мы вместе с проектировщиками всё проверили, убедились в прочности конструкций и больше для перестраховки, чем по необходимости, посоветовали Оруджеву укрепить некоторые узлы. Багирову же сообщили, что дефектов проект не имеет.

К тому времени добыча морской нефти выросла и стала большей, чем на суше. Правда, тут же появились разговоры о том, что ее себестоимость будет значительно выше. И эти прогнозы пессимистов не подтвердились».

Технические новшества в области разведки и добычи нефти, предложенные С. А. Оруджевым и его товарищами, были настолько оригинальны и необходимы стране, все еще возрождавшей разрушенное войной хозяйство, что их признали выдающимися и дважды представили на соискание Сталинской премии.

Сталинская премия, позднее преобразованная в Государственную, по своей значимости в те годы, пожалуй, превосходила Ленинскую и имела три степени: первая — 150 тысяч рублей, вторая — 100 тысяч и третья — 50 тысяч рублей.

В 1949 году С. А. Оруджев был удостоен Сталинской премии третьей степени, а в 1951 году он получил эту же премию, но уже первой степени. Вот дословная выдержка из газеты «Правда» за 16 марта 1951 года:

«Сталинские премии за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы в области разведки и добычи полезных ископаемых

Премии первой степени в размере 150 000 рублей присуждены: Алиеву Курбану Аге, руководителю работы, геологу, Абасову Курбану Абас Кули оглы, Каверочкину Михаилу Павловичу, буровым мастерам, Бабаеву Насрулле Хан Баба оглы, Камладзе Александру Артемьевичу, Гробиштейну Соломону Романовичу, Межлумову Леону Арсеньевичу, Мелик-Пашаеву Врану Самсоновичу, Ногаеву Виктору Антоновичу, *Оруджеву Сабиту Атаевичу* (курсив наш. — В. Р., А. С.), Саакову Николаю Вартановичу, Сафарову Юсуфу Али Гули оглы, Тер-Авакову Гургену Мосесовичу, Якубову Ахаду Алекпер оглы, инженерам — за открытие и освоение морских нефтяных месторождений».

5—14 октября 1952 года в Москве проходит XIX съезд партии, на котором в последний раз выступал И. В. Сталин. Съезд

утвердил директивы нового пятого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны на 1951—1955 годы, в котором топливно-энергетическому балансу было отведено особое место. К тому времени уже были приняты решения по началу разведки на нефть и газ в районах Западной Сибири.

Сабит Атаевич занимался морской добычей нефти до 1953 года. За те четыре года, что он занимал должность начальника Главморнефти, на промыслах Каспийского моря произошли огромные изменения. Если в 1949 году там пробурили в общей сложности около 45 тысяч метров пород и добыли 797 тысяч тонн нефти, то в 1953 году итоговый показатель бурения превысил 94 тысячи метров, а годовая добыча нефти составила 2 миллиона 984 тысячи тонн.

Но и в последующем Нефтяные Камни оставались в центре внимания Сабита Атаевича. Так, Паша Асцатурович Арушанов, который в конце 1950-х годов работал заведующим отделом нефтяной промышленности ЦК компартии Азербайджана, вспоминал:

«В 1957 году на Нефтяных Камнях разразилась невиданной силы шторм. Высота волны достигала 11 метров. Одна из волн смыла основание, с которого бурила очередную разведочную скважину бригада Героя Социалистического Труда Каверочкина. Вся смена бригады и сам Каверочкин погибли. Случилось это ночью. Волны четыремя накатами крушили эстакады и приэстакадные площадки, высота которых от зеркала воды достигала 9 метров.

Утром, когда стало известно о стихии, на Нефтяные Камни была направлена правительственная комиссия во главе с С. А. Оруджевым, в состав которой включили и меня.

Вертолеты тогда еще не летали на морские месторождения. Поэтому мы вышли на Нефтяные Камни на большом судне. Судно это не могло пришвартоваться к причалу, и нам пришлось при большом волнении пересечь в открытом море на катер, который находился на расстоянии двух метров от борта. Надо было прыгать с судна на катер в момент, когда они оказывались на одном уровне, а высота волны доходила до пяти метров. Сабит Атаевич прыгнул первым, за ним последовали остальные члены комиссии.

Когда море немного успокоилось и волны уже не перекатывались через эстакады, мы осмотрели разрушения, постарались выявить их причину. Сабит Атаевич активно участвовал в этой работе, вносил конструктивные предложения, проводил инженерные расчеты. Затем, вернувшись в Баку, подготовили предложения по предупреждению разрушений сооружений от морской стихии в будущем. В частности, было принято реше-

ние на наиболее опасных участках поднять высоту эстакад до 11 метров».

На Нефтяных Камнях по инициативе С. А. Оруджева в 1958 году началось строительство поселка. Были построены две электростанции мощностью 250 кВт, котельная, нефтесборочный пункт, очистные установки, 16 двухэтажных жилых домов, больница, баня и т. д. Эти строения и легли в основу будущего города.

В 1960 году первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрушев посетил Нефтяные Камни. В составе этой делегации был и С. А. Оруджев — в то время постоянный представитель Совета министров Азербайджанской ССР при Совете министров СССР. Перед этой поездкой он проинформировал Никиту Сергеевича о истории создания Нефтяных Камней, а затем все показал и рассказал ему на месте. В результате этой поездки удалось оперативно решить две серьезные проблемы месторождения.

Во-первых, Хрушев дал распоряжение доставлять вахты с берега на месторождение вертолетами Ми-4. До этого людей, продукты, всевозможные товары доставляли с берега только морским путем. Во-вторых, он распорядился строить пяти-девятиэтажные дома на насыпных основаниях. До этого там строились только одно-двухэтажные дома на сваях.

Таким образом, была решена важная проблема жилья для нефтяников-вахтовиков, большая часть из которых в первое же время работы на Нефтяных Камнях жила в каютах старых кораблей, затопленных около островков. Вполне понятно, что условия их жизни были поистине ужасными.

И наконец, в 1981 году от Нефтяных Камней до материка был построен первый подводный нефтепровод.

Но это было значительно позже. Тогда же, в конце 1940-х годов, правительством страны перед Миннефтепромом СССР была поставлена задача создать специальную технику для повышения темпов и качества освоения нефтяных месторождений и строительства магистральных нефтепроводов. В решение этой задачи включился созданный в 1948 году Всесоюзный научно-исследовательский институт по строительству объектов нефтяной и газовой промышленности (ВНИИстройнефть). Первенцем механизации земляных работ в строительстве нефтепроводов стал отечественный роторный экскаватор ЭР-1. Серийное производство этих машин началось в 1949 году.

Таким образом, при участии и последующей разноплановой поддержке С. А. Оруджева на Нефтяных Камнях впервые был отработан полный цикл морских работ: от поисков нефти и газа до сдачи готовой продукции, от экспериментов в обла-

сти морской техники до ее массового освоения и внедрения. В процессе ведения разведочных и эксплуатационных работ на Нефтяных Камнях была создана целая школа подготовки научных кадров. На практике осуществлялись новейшие идеи и разработки ученых, а нефтяники приобретали профессиональный опыт и навыки в сложнейших морских условиях.

Глава шестая

ХРУЩЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Смерть вождя

Смерть Сталина многое изменила в жизни Советского государства. В качестве преемника выдвигается Георгий Максимилианович Маленков, который вскоре был вынужден уступить пост первого секретаря ЦК партии Никите Сергеевичу Хрущеву, оставив за собой руководство Советом министров СССР. Совместными усилиями Хрущев и Маленков «свалили» рвавшегося к власти Лаврентия Берию. Начинается реабилитация ранее незаконно осужденных граждан, постепенно нормализуются отношения в партийных организациях и трудовых коллективах. После этого многим производственникам дышать стало легче.

В 1953 году Оруджев назначается начальником Главного управления по добыче нефти в южных и западных районах (Главзападнефтедобычи) Министерства нефтяной промышленности СССР, которое по-прежнему возглавлял Байбаков. Однажды, увидев Сабита Атаевича на одном из совещаний, Николай Константинович попросил его задержаться. Когда они остались одни, Байбаков, хитро улыбнувшись, сказал:

— А ты знаешь, что наш «друг» Багиров снят с должности первого секретаря ЦК КП Азербайджана? На последнем июльском Пленуме ЦК КПСС он попытался отмыться за свои прежние преступления, заявив, что Берия — это хамелеон, злейший враг партии и народа. Но сам тут же был обвинен, что долгие годы пользовался покровительством этого врага народа. Его вывели из состава ЦК и Президиума Верховного Совета СССР. Правда, и на этот раз подлецу удалось ускользнуть от должного наказания. Он только переведен с большим понижением на должность заместителя начальника по кадрам объединения «Куйбышевнефть». Так что не исключено, что тебе придется встретиться с этим негодяем по работе. Правда, я сделаю все возможное, чтобы избавить от него наше министерство.

И хотя при одном упоминании имени Багирова у Сабита Атаевича сводило скулы, известие о его падении не особенно обрадовало. Было досадно, что такой человек вдруг оказался причастным к нефтяному делу, которому нанес столько вреда в прошлом и которому сам Оруджев верно служил многие годы.

— Хочется верить, что эта грязь не успеет испачкать нашу чистую и благородную нефть, — ответил он с горечью в голосе.

Слова Сабита Атаевича оказались пророческими. В марте 1954 года Багиров был исключен из партии и арестован.

1953 год стал памятным для отечественной нефтяной промышленности еще одним неординарным событием. 21 сентября в районе села Березова в Западной Сибири внезапно ударил мощный фонтан газа. 1 ноября было сделано «Заключение комиссии Министерства нефтяной промышленности СССР о состоянии Березовской опорной скважины треста “Тюмень-нефтегеология” и о значении открытия Березовского месторождения». В этом документе, в частности, указывалось, что «открыта залежь горючего газа с ориентировочным дебитом в несколько сотен тысяч кубических метров в сутки. Открытие горючего газа в Березовском районе имеет очень большое значение. Впервые в Западно-Сибирской низменности получен фонтан газа, свидетельствующий о большой перспективности северо-западного борта Западно-Сибирской впадины».

На основании этого заключения 15 декабря 1953 года была составлена записка министра нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбакова Геологическому управлению министерства (начальник М. Ф. Мирчик), Главнефтегазразведке (начальник Г. Л. Гришин) и Главнефтегеофизике (начальник Ф. А. Алексеев) об увеличении в 1954 году объема работ на Березовском месторождении.

На ликвидацию аварии и закрытие скважины — первооткрывательницы Березовского месторождения потребовалось почти пять месяцев. Только в феврале 1954 года в Березове наступила тишина. После этого началась плановая подготовка к промышленной эксплуатации первого газового месторождения Западной Сибири.

Михаил Евсеенко

В 1955 году министром нефтяной промышленности СССР назначается Михаил Андрианович Евсеенко, жизнь и деятельность которого долгие годы были тесно связаны с Азербайджаном.

ном и Бакинским нефтяным районом. Он родился в 1908 году в городе Хашури (Грузия) в семье рабочего-железнодорожника. Трудовую деятельность начал в 1924 году учеником слесаря. В 1936 году Михаил окончил Азербайджанский индустриальный институт и работал на нефтепромыслах Азнефти: сначала рядовым инженером, а через год после окончания института — управляющим крупнейшим трестом «Лениннефть». Но достаточно поработать в этой должности он не успел, так как был отозван на советскую работу. В 1937 и 1938 годах М. А. Евсеенко был председателем Бакинского совета депутатов трудящихся.

В 1938 году его перевели в Москву на должность начальника Главнефтедобычи НКТП СССР. С 1939 по 1940 год он был заместителем наркома нефтяной промышленности.

Но непосредственно перед войной Михаил Андрианович снова возвращается в Баку, где в период с 1940 по 1942 год возглавлял Азнефтекомбинат.

В 1942 году М. А. Евсеенко снова возвращается в Москву в качестве заместителя, а в 1944 году становится первым заместителем наркома нефтяной промышленности. Все эти годы он непосредственно отвечал за бесперебойное обеспечение фронта нефтепродуктами, занимался перебазированием нефтяных предприятий в восточные районы страны, являлся одним из организаторов освоения месторождений «Второго Баку».

В 1946 году М. А. Евсеенко стал министром нефтяной промышленности восточных районов СССР, при объединении нефтяных министерств в 1948 году — первым заместителем министра. В это время он уделял много внимания развитию геолого-разведочных работ на нефть и газ, совершенствованию техники и технологий бурения глубоких скважин.

И вот в 1955 году Михаил Андрианович становится министром нефтяной промышленности СССР. Он полностью отдается любимому делу, вносит большой вклад в подготовку разведанных запасов нефти и газа, в решение проблем рациональной разработки месторождений и др. Но наступают новые времена. По инициативе Хрущева распускаются министерства и образуются совнархозы. С 1958 по 1963 год Михаил Андрианович являлся председателем Чечено-Ингушского совнархоза. Несмотря на то, что в круг его обязанностей в это время входит очень много различных вопросов, Евсеенко постоянно бывает на грозненских нефтепромыслах, внимательно отслеживая развитие нефтяного дела в этом районе.

Но в последующем Михаилу Андриановичу не удается вернуться к столь любимому нефтяному делу. В 1963 году, по-

сле упразднения совнархозов, его назначают заместителем начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете министров СССР, затем заместителем председателя Геологического комитета РСФСР. А в 1965 году Евсеенко становится первым заместителем министра геологии СССР. В этом качестве он проработал более десяти лет и по состоянию здоровья вышел на пенсию в 1976 году. Он ушел из жизни после тяжелой и продолжительной болезни 2 марта 1985 года.

К середине 1950-х годов назрела необходимость выделения газовой промышленности в самостоятельную отрасль народного хозяйства. По этому поводу весной 1955 года к правительству страны обратился министр нефтяной промышленности Н. К. Байбаков. В мае того же года вопрос о развитии газовой промышленности и задачах по газоснабжению городов в 1955—1960 годах был рассмотрен правительством. Н. К. Байбакову, занявшему к тому времени пост председателя Госплана СССР, было поручено возглавить комиссию, специально созданную для рассмотрения этого вопроса. В ее состав вошли М. З. Сабуров, И. Ф. Тевосян, А. Г. Шереметьев, М. А. Евсеенко и А. Б. Зверев. Комиссия сделала вывод о необходимости выделения газового дела в самостоятельную отрасль народного хозяйства.

В качестве первого шага реализации этого предложения было решено вывести строительную отрасль из Министерства газовой промышленности. Весной 1955 года было создано Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности СССР. Министром назначается А. К. Кортунов.

Министром нефтяной промышленности назначается Михаил Андрианович Евсеенко — нефтяник с большим стажем. В 1946 году он возглавил Министерство нефтяной промышленности восточных районов, а с 1948 года был первым заместителем объединенного Министерства нефтяной промышленности СССР, возглавляемого Н. К. Байбаковым.

Большие перемены

В мае 1955 года Н. К. Байбаков назначается председателем Госплана СССР, а С. А. Оруджев становится заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Расширяется круг решаемых вопросов, появляются новые задачи, требующие оперативного вмешательства. Сабит Атаевич с головой уходит в работу, часто бывает в командировках по стране, изредка выезжает за рубеж.

В том же году он во главе делегации министерства посещает Китайскую Народную Республику и знакомится с ее нефтяной промышленностью. Его поражают бедность и трудолюбие китайского народа, его оптимизм и любознательность. Во время визита решаются вопросы командирования советских специалистов на нефтяные месторождения Китая и подготовки китайских специалистов в техникумах и вузах СССР. Домой Сабит Атаевич возвращается, наполненный впечатлениями и творческими планами.

Но 1956 год принес потрясение советскому народу. Во второй половине февраля проходит XX съезд партии, на котором Н. С. Хрушев выступил с секретным докладом, разоблачающим культ личности И. В. Сталина. Съезд утверждает новый, шестой пятилетний план развития народного хозяйства страны на 1956—1960 годы. По этому плану приоритеты отдаются развитию тяжелой промышленности, энергетики и сельского хозяйства.

2 августа 1956 года в целях обеспечения всемерного развития газовой промышленности и широкого использования газа в народном хозяйстве, увеличения доли газа в топливно-энергетическом балансе страны и организации производства химической продукции из газа Совет министров СССР принял постановление об образовании Главного управления газовой промышленности при Совете министров СССР — Главгаза СССР. Начальником Главгаза СССР был назначен Алексей Тихонович Шмарев. На Главгаз СССР возлагались задачи по ведению поисково-разведочных работ на газ, по добыче и организации использования природных и попутных нефтяных газов, по переработке сланцев, углей и торфа для получения искусственных газов и химических продуктов, по руководству проектированием, строительством и эксплуатацией предприятий по добыче и производству газов и магистральных газопроводов для снабжения населенных пунктов и промышленных предприятий, по руководству научно-исследовательскими работами в области газовой промышленности, по разработке перспективных планов добычи, переработке горячих газов и использованию их в народном хозяйстве.

Оруджев был делегатом исторического XX съезда партии и слушал секретный доклад Хрущева, разоблачающий культ личности Сталина. Стало ясно, что после этого произойдут большие перемены в высших эшелонах власти. Кто-то из делегатов от Азербайджана высказал мысль, что в числе наказанных будет и бывший первый секретарь Азербайджана Багиров, который к тому времени уже больше года ждал суда в одном из следственных изоляторов Москвы.

Справедливость восторжествовала. В 1956 году Багиров, как сообщник Берии, предстал перед судом Военной коллегии, проходившим в Баку. На этом процессе еще раз вскрылась подлая, двуличная сущность недавнего партийного бонзы и практически безраздельного хозяина Азербайджана. «На суде бледный и обмякший Багиров, признавшийся в тяжких преступлениях, заявил, что заслуживает за свои злодеяния не просто расстрела, а четвертования, — пишет Н. К. Байбаков. — Вот, мол, сам осознал, чистосердечно оценил, чего заслуживает — пусть учтут и... тут же попросил о снисхождении к нему, “торжественно” обещая отдать остаток жизни служению Родине. И здесь, на краю смерти, он пытался выторговать смягчение приговора, хоть как, но лишь бы жить. Однако “вышки” ему избежать не удалось».

Военная коллегия Верховного суда СССР «за нарушение социалистической законности» приговорила Багирова к смертной казни. Вместе с Багировым по процессу проходили бывшие наркомы внутренних дел Азербайджана Т. М. Борщев, Дагестана — Р. А. Маркарян и Армении — Х. И. Григорян, которые также были осуждены и расстреляны.

Совнархозы

В конце января 1957 года широкому кругу руководителей страны для обсуждения была разослана записка Н. С. Хрущева об улучшении руководства промышленностью и строительством. Причиной ее появления стал нарастающий дефицит бюджета СССР. В частности, для покрытия валютных расходов страны всё больше золота приходилось продавать за рубеж.

Суть записки заключалась в предложении отменить ведомственное подчинение предприятий и отдать их в ведение регионов, образовав крупные территориальные советы народного хозяйства — совнархозы. Предполагалось, что в этом случае ресурсы будут распределяться рациональнее и все возникающие проблемы будут решаться быстрее. Министерства за ненадобностью ликвидировались.

В ходе обсуждений предложение Н. С. Хрущева поддержали: первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Н. А. Мухитдинов, председатель Совета министров Украинской ССР Н. Т. Кальченко, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ф. А. Козлов, первый секретарь Московского обкома И. В. Капитонов. Против высказались председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, его первый заместитель

М. Г. Первухин, а также В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и первый секретарь ЦК компартии Украины П. Е. Шелест.

Мнение Н. С. Хрущева возобладало, и на сессии Верховного Совета СССР постановление о ликвидации министерств было принято единогласно. На местах создали советы народного хозяйства — совнархозы. Министерства были преобразованы в комитеты с функцией технического контроля над предприятиями, главным органом управления помимо правительства стал Госплан СССР.

В связи с образованием совнархозов и разделом министерств была сделана попытка принизить значение бакинской нефти в энергетическом балансе страны и таким образом лишить Азербайджан значительной доли финансирования из Центра, направив его в другие республики.

В частности, в начале 1957 года в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС поступила аналитическая записка от заместителя председателя Госплана СССР, некоего Мкртчяна, об экономической невозможности вложения средств в разработку нефтяных месторождений в Азербайджане. Другими словами, нефтяная промышленность республики подлежала свертыванию. При этом не бралось в учет то, что все проекты по свертыванию нефтяной отрасли Азербайджана разрабатывались через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны, во время которой экономика Азербайджана работала на износ и еще полностью не была восстановлена.

Узнав об этом, первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Имам Дашдемирович Мустафаев, подготовив встречную докладную записку, немедленно вылетел в Москву и добился приема непосредственно у Хрущева. Байбаков по своим каналам узнал об этой поездке и также, не дожидаясь вызова, направился в Кремль. Позже один из писателей со слов Мустафаева эту встречу описал так:

«Москва. Кремль. Февраль 1957 года. В просторном, обставленном мебелью в духе советского монументализма, кабинете первого секретаря ЦК КПСС в ранние в это время года вечерние сумерки было светло. За широким письменным столом, склонившись над бумагами, в сталинском кресле сидел “первый коммунист”, как любил называть себя Никита Сергеевич Хрущев. Он был погружен в чтение документа. Заметно было, что Хрущев очень раздражен. По другую сторону стола сидел первый секретарь ЦК КП Азербайджана Имам Дашдемирович Мустафаев, терпеливо дожидаясь, пока руководитель Коммунистической партии и фактически руководитель страны дочитает его докладную записку.

Документ, который был представлен Хрущеву, реально обрисовывал создавшееся на то время положение дел в нефтяной промышленности Азербайджана. В нем указывалось:

“Отечественная война нанесла значительный ущерб азербайджанской нефтяной промышленности. В годы войны эксплуатационное и разведочное бурение было свернуто. Квалифицированные кадры частью были мобилизованы в ряды Советской армии, частью перебазированы в восточные нефтяные районы. Значительное количество оборудования также было переброшено на восток. Прекращение разведочного бурения, особенно на новых площадях, сказалось на послевоенном развитии нефтяной промышленности республики. До последних лет (до 1957 года), если не считать морских нефтяных месторождений, на суше не было подготовлено ни одного крупного месторождения. Но, несмотря на это, благодаря возрастающим из года в год темпам добычи нефти на площадях Нефтяных Камней (которые компенсировали ее падение на старых площадях) наблюдалось некоторое увеличение добычи нефти по республике в целом. Если в 1950 году там добывалось 14 776,5 тысяч тонн, то в 1956 году — 15 560,2 тысяч тонн...

Несмотря на это сохраняется рентабельность азербайджанской нефти и нефтепродуктов, вырабатываемых на заводах Азербайджана, по сравнению с другими регионами добычи.

Высокая ценность нефти Азербайджана обуславливается не только большим потенциальным содержанием светлых нефтепродуктов и масел, но также и тем, что они содержат минимальное количество серы (0,1—0,3 процента) по сравнению с нефтью Татарии, Башкирии, Поволжья, Закаспия и Ухты (2—5,0 процента), незначительное количество твердых парафинов, солей и смол. Незначительное содержание серы в бакинской нефти и в вырабатываемых из нее мазутах делает последние единственно пригодными в качестве технологического топлива для металлургической промышленности. Поэтому не случайно вырабатываемые в Баку мазуты полностью вывозятся, а в Баку для нужд промышленности завозятся сернистые мазуты восточных заводов. За один 1956 год из Баку было отправлено 2177 тысяч тонн сернистых мазутов.

Таким образом, благодаря своему высокому выходу получаемые из нефти Азербайджана готовые нефтепродукты, в особенности масла, обходятся дешевле, чем аналогичные продукты, вырабатываемые из нефти восточных нефтяных районов. Например, отпускная цена за тонну авиационного бензина марки 95/130 в Баку составляет 820 рублей (в ценах 1957 года. — В. Р., А. С.), а на Новоуфимском заводе — 1158 руб., на авиа-

ционный бензин марки 91/115 в Баку — 520 рублей, в Грозном — 890 рублей и т. д.”.

Если бы случайный наблюдатель в этот момент видел Хрущева — как он, все более раздражаясь по мере чтения, буквально меняется в лице, сердито постукивает согнутыми в кулак пальцами по столу и порой прерывает чтение недовольными возгласами, — он не узнал бы в нем того добродушного, простоватого человека, посещающего дни рождения и свадьбы знатных колхозников и рабочих, образ которого (быть может, неспроста) навязывался народу казенной пропагандой. То был совершенно иной Хрущев: умеющий вмиг схватить суть прочитанного и давать точную оценку факту.

— Байбакова ко мне! — бросил Хрущев в трубку одного из многочисленных телефонов и опять склонился над бумагами.

Председатель Государственного планового комитета при Совете Министров СССР Николай Байбаков появился так быстро, словно был перед этим не у себя в Госплане, а где-то тут, в одном из кремлевских кабинетов, ожидая вызова.

Хрущев поднял голову, и Мустафаев отметил про себя, что у первого секретаря от волнения даже изменился цвет лица.

— Что это ты там, в Госплане выдумал? — не спросил даже, а скорее выкрикнул Хрущев. — Ты же сам бакинец. Ты что, не знаешь, что для СССР значит Баку и его нефть?

Байбаков слушал, ничего не отвечая.

— Вот, товарищ Мустафаев сам приехал и привез справку — ответ по поводу вашей так называемой аналитической записки. Он и рассказал мне о вашей затее. Почему меня не проинформировали?

Байбаков по-прежнему виновато молчал. Хрущев не успокаивался и даже раз-другой выругался.

— Что ты молчишь, отвечай! Это твое умозаключение?

— Нет, — ответил председатель Госплана.

— А кто это придумал?

— Записку составил заместитель председателя Госплана Мкртчян вместе с заведующим отделом Каламкаровым. Они и направили ее в Комитет Партийного Контроля при ЦК КПСС. (председателем КПК с 1956 года был Николай Михайлович Шверник. — В. Р., А. С.).

— И ты хочешь убедить меня, что не был в курсе, когда готовилась эта чушь? — не унимался Хрущев. — На что рассчитывали ты и этот Мкртчян, передавая, не проинформировав меня, докладную в Комитет Партийного Контроля? Или Шверник тоже в вашей команде?

Байбаков молчал, не зная, что ответить».

Нефтяная промышленность Азербайджана была сохранена. Более того, по решению Хрущева туда были направлены дополнительные средства.

Правда, Мустафаев вскоре после той встречи, 8 июля 1959 года, постановлением IX Пленума ЦК КП Азербайджана был смещен с занимаемой должности. Его обвинили в национализме.

В июне 1957 года С. А. Оруджев был назначен председателем Совнархоза Азербайджанской ССР, став вместе с тем и первым заместителем председателя Совета министров Азербайджана.

В должности председателя азербайджанского совнархоза Сабит Атаевич проработал менее двух лет. Масштабы и новизна новой работы были таковы, что освоить их полностью за короткое время не представлялось возможным. Нескончаемый вал всевозможных дел целиком захватывал руководителя и нес его по намеченному свыше курсу. Изучение директив, постановлений правительства, организация их выполнения и отчеты по этим документам отнимали почти все время. И все же Сабит Атаевич находил возможности для конкретных дел.

Владимир Николаевич Щелкачев вспоминает:

«Оруджев в совнархозе работал всего два года, но за это время сделал очень много. Он оживил деятельность некоторых отраслей промышленности, которые остановились в своем развитии и находились в тяжелом финансовом положении. На базе недостроенных и консервированных предприятий был построен шинный завод, для которого он добился закупки по импорту пресс-форм. На небольшом заводе в Кишлах было налажено производство холодильников и кондиционеров. Много внимания он уделял Сумгаитскому промышленному комплексу, особенно заводу синтетического каучука и трубопрокатному заводу.

Его опыт крупного хозяйственника и организаторский талант позволили бы еще немало сделать для развития всех отраслей промышленности республики, но нашлись критиканы. Они начали необоснованно связывать Сабита Атаевича с бывшим руководством Азербайджана, которое не смогло вписаться в новый курс хрущевской «оттепели» и было отправлено в отставку. Продолжать работу в таких условиях становилось все труднее, и Оруджев решил просить о переводе».

Но не сплетни и не «шептуны» стали истинной причиной ухода Сабита Атаевича из совнархоза. К тому времени, поработав заместителем министра нефтяной промышленности, он убедился в необходимости проведения четкой государственной политики в отношении всех составных топливно-энерге-

тического комплекса страны. Деление нефтяной отрасли по совнархозным «квартирам» сильно мешало ее развитию. Его опасения полностью подтвердились.

Сабит Атаевич с первых дней своей работы на новой должности установил контакт с Отделом тяжелой промышленности ЦК Азербайджана, который в то время возглавлял Паша Асцатурович Арушанов. Совместными усилиями они добились того, что руководство республики решило не передавать в совнархоз объединение «Азнефть» со всеми его предприятиями, а оставить их в составе этого объединения.

Об этом периоде работы Оруджева Арушанов позже говорил:

«За это время Сабит Атаевич сделал очень многое. Он оживил деятельность некоторых отраслей промышленности, которые в связи с их распылением по совхозам остановились в своем развитии и находились в тяжелом финансовом положении...»

Я несколько раз вместе с Сабитом Атаевичем посетил новые предприятия — шинный завод в Баку, завод холодильников и кондиционеров в Кишлах и был свидетелем того, как он в короткой беседе с руководителями вникал в технологию производственных процессов, решал вопросы обеспечения этих важнейших для экономики республики предприятий оборудованием, запасными частями и материалами.

Каждый приезд Оруджева в какой-либо город или на предприятие был поистине знаковым. Так, однажды он позвонил мне и предложил поехать в Сумгаит — крупный промышленный центр республики. Здесь действовали такие предприятия, как завод стальных конструкций, трубопрокатный и химический заводы.

На заводе стальных конструкций мы, после осмотра производственных цехов, зашли в кабинет директора. Там Сабит Атаевич извлек из кармана записную книжку и перечислил вопросы, которые ранее директор этого предприятия поставил перед совнархозом. Он обстоятельно дал ответ по каждому из вопросов и объявил, что все просьбы на уровне руководства совнархоза рассмотрены и в большинстве своем удовлетворены. После этого он спросил, есть ли у директора новые вопросы, которые он может высказать в присутствии представителя ЦК. Директор смутился и заявил, что у него новых заявок нет.

— Тогда давайте поговорим о недостатках в вашей работе, — предложил Сабит Атаевич и так же обстоятельно, по пунктам начал называть все отмеченные им недостатки. Директор завода пытался сразу же парировать некоторые из них, но Оруджев прервал его.

— Не надо спешить. Вы же видите, я внимательно записал каждый из ваших вопросов, проработал его и только затем дал ответ. Рекомендую вам поступить так же. У вас слишком большое хозяйство, и не удивительно, что вы можете чего-то не знать. Но разобраться и обстоятельно ответить вам все же придется.

С таким стилем работы многие руководители предприятий Азербайджана до того времени не сталкивались».

Негативные стороны хрущевской экономики видели и многие другие руководители, но сам Никита Сергеевич и его ближайшее окружение продолжали гнуть ранее намеченную линию, несмотря на ее вред народному хозяйству. Н. К. Байбаков пишет:

«В Госплане Российской Федерации в течение года я занимался в основном организационными вопросами совнархозов. За время этой реорганизации выявились серьезные недостатки: управление промышленностью раздробилось, нарушились хозяйственные связи между районами страны, усилились местнические настроения в республиках.

Госплан много раз предупреждал правительство о возможности возникновения указанных тенденций. Так, в июне 1957 года А. Ф. Засядько, заведующий топливным отделом Госплана, представил в правительство записку о своей поездке в Донбасс. В записке был специальный раздел “о борьбе с местничеством”, о невыполнении совнархозами обязательств по поставкам оборудования. И все это подтверждалось фактами нарушения плановой дисциплины под видом “местных интересов”.

Некоторые совнархозы произвольно уменьшали выпуск своей продукции, как, например, Новосибирский совнархоз, резко сокративший производство дефицитного литейного оборудования.

В своей записке о фактах местничества и других недостатках в работе совнархозов, направленной в Совмин РСФСР, специалисты Госплана писали, что новые организации — карликовые, нередко дублируют друг друга, есть тенденции в хозяйствах к самоизоляции, зачастую местные совнархозы сокращают выпуск продукции, которую они поставляют в другие экономические районы (говоря сегодняшним языком, шла уродливая экономическая суверенизация)».

В феврале 1958 года в Большом Кремлевском дворце состоялось совещание руководителей совнархозов и госпланов всех союзных республик. С докладом выступил председатель Госплана СССР Иосиф Иосифович Кузьмин. Он попытался дать положительную оценку работе совнархозов, но для многих его слова звучали неубедительно.

Затем начались выступления представителей с мест. И эти чиновники, опасаясь за свою карьеру, хвалили «мудрость» правительства, создавшего совнархозы. Свои недостатки в работе они объясняли слабостью и вялостью действий планирующих органов.

Как бы для оправдания слово было предоставлено Байбакову. Но едва Николай Константинович начал говорить, как Хрущев, вдруг побагровев, перебил его и стал беспощадно распекал за работу Госплана РСФСР, который якобы тормозит развитие совнархозов.

В перерыве Оруджев, улучив удобный момент, подошел к Байбакову и постарался его утешить. Но Николай Константинович только махнул рукой. Во взгляде его была нескрываемая обида. В начале мая того же года Байбаков был смещен с поста председателя Госплана РСФСР и назначен председателем Краснодарского совнархоза. Со стороны это выглядело показательным наказанием провинившегося школьника, которого насильно заставляли посещать уроки нелюбимого учителя. Ничего хорошего такой воспитательный эксперимент дать не мог. И, видя все это, Оруджев решил проситься на другую работу. В 1959 году он был переведен в Москву на должность постоянного представителя Совета министров Азербайджана при Совете министров СССР. Но, уезжая, Сабит Атаевич передал свое хозяйство в надежные руки. Председателем Совета народного хозяйства Азербайджана стал старый знакомый Сабита Атаевича по учебе в институте и работе, крупнейший руководитель нефтяного хозяйства этой республики Сулейман Азатович Везиров. Об этом человеке нужно сказать особо.

Сулейман Везиров происходил из дворянского рода Везириных. Он родился в Баку в семье военного, учился в реальном училище в городе Шуша (Нагорный Карабах), затем поступил в Бакинский промышленно-экономический техникум. После окончания техникума в 1927 году работал замерщиком нефти на нефтепромысле в Биби-Эйбате, техником на первом морском нефтяном промысле Бухта Ильича. Работа на промыслах и влияние близкого родственника, главного инженера Азнефти Ф. Рустамбекова, предопределили окончательный выбор его дальнейшего пути.

В 1929 году Везиров поступил на горный факультет Азербайджанского индустриального института, который успешно окончил в 1932 году. После этого он работал на бакинских промыслах и за несколько лет прошел все ступени профессионального роста, от рядового инженера до главного инженера Азнефтекомбината, руководил всеми сферами нефтяного хозяйства Азербайджана от геологии до научно-исследователь-

ских и проектных работ. В те годы нефтяникам приходилось работать в сложных условиях, любые производственные просчеты могли стоить специалисту жизни. Но С. А. Везиров достойно показал себя и в трудном 1941 году был награжден орденом Ленина. А в 1942 году возглавил Азнефтекомбинат, где заместителем начальника по бурению в то время работал Оруджев. Работа этого объединения в годы Великой Отечественной войны была настолько успешной, что 24 января 1944 года за особые заслуги в деле развития нефтяной промышленности С. А. Везирову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1945 года Сулейман Азатович Везиров — начальник объединения «Азнефть». Сабит Атаевич становится его заместителем. Начало их совместной мирной работы было отмечено вводом в разработку богатейшего Бузовнинско-Маштагинского нефтяного месторождения.

В 1946 году Везиров переведен в Москву, в Министерство нефтяной промышленности СССР, на должность начальника Главного управления по добыче нефти южных и западных районов (Главюжзападнефти). Оруджев назначается начальником отдела добычи нефти этого управления.

В последующем на некоторое время судьба развела Везирова и Оруджева. Сулейман Азатович в 1949 году был направлен в Туркмению, где было открыто крупное месторождение Кум-Даг. Он возглавил объединение «Туркменнефть» и приложил немало усилий для того, чтобы в пустынном краю по-новому организовать нефтедобычу: проложить дороги, обустроить промыслы, создать нормальные бытовые условия для нефтяников и их семей. За четыре с половиной года работы Везирова в Туркмении возглавляемый им коллектив удвоил добычу нефти. За освоение Кум-Дагского месторождения С. А. Везиров был удостоен Государственной премии СССР.

В 1954 году после окончания Академии нефтяной промышленности опыт С. А. Везирова потребовался на родине, в Азербайджане, где нефтяная промышленность переживала трудное время. Многие месторождения перешли на позднюю стадию разработки, и необходимы были решительные меры для поддержания уровня добычи, снижения ее себестоимости. В этих условиях он был назначен министром республиканского Министерства нефтяной промышленности. В то время С. А. Оруджев также возвращается в Азербайджан в качестве председателя Совета народного хозяйства Азербайджанского экономического административного района, и они с Везириным опять тесно и плодотворно работают рядом. А после ухода в 1959 году Сабита Атаевича на работу в Москву Сулейман

Азатович назначается на его место. В 1965 году он становится заместителем председателя Совета министров АзССР, а с 1970 года и до последних дней жизни работает в должности заместителя председателя Президиума Верховного совета АзССР. Награжден четырьмя орденами Ленина и шестью орденами Трудового Красного Знамени. С. А. Везиров умер в 1973 году, оставив неизгладимый след в истории Азербайджана и его нефтяной промышленности.

Несмотря на волю Н. С. Хрущева, старания многих людей, в том числе Оруджева и Везирова, идея совнархозов себя не оправдала. Образование этих органов управления народным хозяйством СССР не помогло решить и продовольственные проблемы. За первые 12 лет после смерти Сталина Советский Союз реализовал через Моснарбанк свыше трех тысяч тонн золота, причем большая часть (1244 тонны) была продана в 1963—1964 годах. Несмотря на это в 1964 году в стране возник осязаемый недостаток хлеба, и руководство СССР впервые решилось на закупку зерна за границей.

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1964 года было заявлено, что «управление промышленностью по территориальному принципу, несколько расширив возможности межотраслевой специализации и кооперирования промышленного производства в пределах экономических районов, в то же время сдерживало развитие отраслевой специализации и рациональных производственных связей между предприятиями, находящимися в разных экономических районах, отделило науку от производства, привело к раздробленности и многоступенчатости руководства отраслями промышленности, к потере оперативности в работе... Пленум ЦК КПСС считает необходимым организовать управление промышленностью по отраслевому принципу, образовать союзно-республиканские и общесоюзные министерства по отраслям промышленности».

Через месяц после этого Пленум ЦК КПСС настоял на отставке Хрущева. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Леонид Ильич Брежнев. В октябре 1965 года в СССР были вновь образованы отраслевые министерства, ликвидированные семью годами ранее.

Конфликт властей

8 июля 1959 года пост первого секретаря ЦК КП Азербайджанской ССР в результате конфликта с Никитой Сергеевичем Хрущевым покинул Имам Дашдемирович Мустафаев, который занимал его с февраля 1954 года.

На то время это был еще сравнительно молодой человек (49 лет). В начале 1930-х он окончил Азербайджанский сельскохозяйственный институт, после чего прошел путь от аспиранта кафедры селекции и семеноводии Азербайджанского сельскохозяйственного института до министра сельского хозяйства Азербайджанской ССР. С 1950 по 1951 год трудился в Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1951 года — на партийной работе в должности секретаря ЦК КП(б) Азербайджана. Но после смерти Сталина, в связи со сменой высшего партийного руководства, 16 февраля 1954 года постановлением Пленума ЦК КП Азербайджана был назначен на пост первого секретаря ЦК компартии Азербайджанской ССР.

Мустафаев был первым партийным лидером в Азербайджане, который поставил вопрос об использовании азербайджанского языка в учреждениях и организациях. За это он был обвинен в национализме и 8 июля 1959 года освобожден от занимаемой должности.

Конфликт между Имамом Мустафаевым и Хрущевым возник в начале июля 1959 года на идейной почве — первый секретарь ЦК компартии Азербайджана заступился за писателя Мирзу Ибрагимова, стремившегося внедрить национальный язык в литературу республики.

— Его надо гнать в шею не только из руководства Союза писателей Азербайджана, но и из партии, — заметил Хрущев. — Это не ленинец, не коммунист, это националист, враг, залезший в руководство.

— Он же не работает, — заступился за писателя первый секретарь ЦК компартии Азербайджана.

— Товарищ Мустафаев! Вы не такой наивный человек, чтобы не понимать разницы, — резко ответил Хрущев. — Если вы защищаете националистов, вы сами сомнительный человек. Хоть вы и с партийным билетом, но не коммунист.

Затем, повернувшись к членам президиума ЦК, заметил:

— Он сам такой. Он сам сочувствует этому.

Правда, угрозы первого секретаря ЦК КПСС не подействовали. Мирза Ибрагимов спустя некоторое время стал народным писателем Азербайджана и депутатом Верховного Совета СССР.

Но в тот раз Мустафаеву пришлось выдержать еще один удар со стороны Хрущева. Кто-то доложил, что когда весной 1959 года в Москве проходила декада литературы и искусства Азербайджана, то главный режиссер Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова сказал танцору Баташову, народному артисту республики, лауреату Сталинской премии, что танцевать

он не будет, потому что это смотр национального искусства и в афишах не должно быть слишком много русских фамилий.

Услышав это, Хрущев опять обрушился на Мустафаева:

— И это коммунист называется? Сколько замечательных людей в вашей республике выросло. Но и навоз в бурном потоке несется и крутится в водовороте. Известно, что хозяйка, когда борщ варит, снимает ложечкой накипь и сбрасывает. Так и мы снимем всю эту накипь. В этом всегда нас народ поддержит.

На том совещании также было доложено, что в Азербайджане по распоряжению руководства все собрания проводятся только на азербайджанском языке и перевод на русский не делается. В истории Азербайджана выдвигаются на первый план азербайджанцы, а армяне и русские отодвигаются на второй план, в том числе даже такие известные фигуры, как Степан Шаумян.

Последнее особенно разозлило Хрущева.

— Во что вы превратили Азербайджанскую республику, рабочий класс которой так много сделал для победы советской власти в Закавказье? — гневно спросил он Мустафаева. — Вы забыли, что это не ваша вотчина, а часть огромной страны, уверенно идущей по пути к коммунизму.

Последствия конфликта

Вполне понятно, что после этого судьба Имама Мустафаева как первого секретаря ЦК компартии Азербайджана была решена.

Более поздние исследователи истории Азербайджана периода руководства Советским Союзом Н. С. Хрущевым выдвигают версию идейной несовместимости Мустафаева с хозяином Кремля. Но вполне вероятно совсем другая версия — в республике начинался очередной передел власти, в результате которого на высшие должности в Азербайджане должны были прийти другие люди, а именно — нефтяники, считавшие себя элитой в формировании экономики Азербайджана.

В качестве доказательства этой версии предлагаем рассмотреть биографии людей, которые затем на долгие годы пришли в качестве руководителей Азербайджанской ССР и фактически стали ее полновластными хозяевами.

После смещения Мустафаева новым руководителем ЦК КП Азербайджана был назначен Вели Юсуф оглы Ахундов, по образованию медик. На то время ему исполнилось 43 года.

Вели Ахундов родился 1 (14) мая 1916 года в селении Сарай в семье рабочего. В 1935 году он окончил Бакинский индуст-

риальный техникум, а в 1941-м — Азербайджанский медицинский институт. В годы Великой Отечественной войны Ахундов служил в Советской армии на должностях младшего и старшего врача полка, командира медицинской роты и медико-санитарного батальона.

После войны работал в НИИ медицины Азербайджана. Был замминистра и министром здравоохранения Азербайджанской ССР.

В начале 1958 года Ахундов выдвигается на партийную работу. Он становится секретарем ЦК компартии Азербайджана, а с июля того же года — председателем Совета министров Азербайджанской ССР.

В июле 1959 года он избирается первым секретарем ЦК компартии Азербайджана и занимает эту должность в течение последующих десяти лет.

Казалось бы, личность Ахундова можно рассматривать как вполне нейтральную и практически не имеющую никакого отношения к клану бакинских нефтяников. Но не следует забывать, что до и после назначения на эту должность рядом с ним был Мамед Абдул оглы Искандеров, назначенный в том же 1959 году председателем Совета министров Азербайджана. Этот человек после окончания школы, как и С. А. Оруджев, некоторое время работал учителем сельской школы в Зангеланском районе Азербайджанской ССР. Затем он в 1940 году окончил Азербайджанский индустриальный институт и до конца войны работал в тресте «Азизбековнефть», вначале геологом, а затем освобожденным парторгом промысла.

После войны Искандеров продолжает делать карьеру по партийной линии. Он занимает должности заместителя секретаря Бакинского горкома партии по нефти, с 1947 года — первого секретаря Ленинского райкома партии (города Баку), с 1948 года — заместителя министра государственного контроля Азербайджанской ССР. Все эти годы он плотно сотрудничает с нефтяниками, являясь проводником их политики в высших органах государственной власти республики.

В 1949 году Искандеров возвращается в нефтяную промышленность Азербайджана. Он назначается управляющим трестом «Орджоникидзенефть», в 1951 году — трестом «Лениннефть», а в 1953 году — главным инженером объединения «Азнефть» Министерства нефтяной промышленности Азербайджанской ССР.

В 1953 году после смерти Сталина и отставки Багирова Искандеров вновь переходит на партийную работу и назначается первым секретарем Бакинского горкома партии, с 1954 по 1959 год он — секретарь ЦК компартии Азербайджана.

Представитель при Совмине СССР

Мамед Искандеров, став председателем Совета министров Азербайджанской ССР после смещения Мустафаева в 1959 году, безусловно, делал все возможное, чтобы выпускники Азербайджанского индустриального института и представители бакинского нефтяного клана были выдвинуты на высшие руководящие должности в республике и за ее пределами. Именно тогда Оруджев, который был хорошо знаком Искандерову по многолетней совместной работе в нефтяной промышленности Азербайджана, и был назначен постоянным представителем Совета министров АзССР при Совете министров СССР. Правда, в этом качестве с Искандеровым Оруджеву работать пришлось недолго. В конце 1961 года Мамед Абдул оглы назначается председателем Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР и занимает эту должность до 1969 года.

Но на этом их контакты не прерываются. На новой должности Искандеров продолжает всячески поддерживать Оруджева, который, в свою очередь, постоянно налаживает и поддерживает контакты между Москвой и Баку. К тому же нельзя не учитывать факта, что после перевода Искандерова новым премьер-министром Азербайджана 29 декабря 1969 года назначается потомственный нефтяник Энвер Назарович Алиханов.

Алиханов родился в Баку в семье рабочего-нефтяника, в 1934 году окончил Бакинский нефтяной техникум, а в 1941 году — также Азербайджанский индустриальный институт по специальности «горный инженер». Трудовую деятельность он начал инженером-геологом в геологическом отделе треста «Орджоникидзенефть». Правда, в начале Великой Отечественной войны, в декабре 1941 года, после окончания Тбилисского артиллерийского училища он почти год воевал в Крыму и на Северо-Кавказском фронте. Но в ноябре 1942 года Алиханов был отозван с фронта и назначен старшим геологом нефтепромысла «Лениннефть» в Баку.

После окончания войны Алиханов, как и многие другие видные нефтяники того периода, перешел с промысла на партийную работу. Вначале он стал инструктором нефтяного отдела ЦК компартии Азербайджана, а в конце 1946 года — заместителем заведующего нефтяным отделом Бакинского горкома партии. С весны 1947 года он второй, а затем — первый секретарь Орджоникидзевского райкома партии города Баку. С июля 1950 года — заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК компартии Азербайджана.

В мае 1951 года Алиханов вновь возвращается в нефтяную промышленность Азербайджана. Вначале он назначается начальником объединения «Азнефтеразведка», а с 1952 по 1954 год возглавляет объединение «Азморнефть». И наконец, в 1954 году Энвер Назарович становится заместителем, а в 1958 году — министром нефтяной промышленности Азербайджанской ССР.

Вполне понятно, что когда в декабре 1961 года Алиханову было предложено кресло председателя Совета министров Азербайджанской ССР, он сделал все для того, чтобы окружить себя знакомыми и хорошо проверенными людьми. Личность С. А. Оруджева на посту постоянного представителя Совета министров Азербайджана при Совете министров СССР как нельзя лучше подходила для этой должности.

О непосредственной работе С. А. Оруджева в должности постоянного представителя Совета министров Азербайджана при Совете министров СССР сведений сохранилось очень мало. Обычная рутинная номенклатурная работа, массовая переписка по различным вопросам, постоянное участие в различных заседаниях и выездных сессиях Совета министров СССР, на которых хоть как-то поднимались вопросы Азербайджана. В то же время именно в эти годы Сабит Атаевич детально знакомится с принципом работы Совета министров Советского Союза, с его руководством и многими союзными министрами. Вдумчивый, молчаливый и уважительный, он приобретает те знания и авторитет, которые в последующем помогут ему сделать очередные существенные шаги в его служебной карьере.

Визит в Японию

Знания и опыт Оруджева-нефтяника вскоре вновь потребовались стране, причем на самом высоком уровне. В 1962 году он назначается заместителем председателя Государственного комитета по топливной промышленности при Совете министров СССР.

Заняв столь ответственный пост в высшем органе экономики государства, Сабит Атаевич большое внимание уделял изучению зарубежного опыта разведки и добычи нефти и внедрению его передовых достижений в отечественный нефтепромысел. В это время он проработал большое количество иностранных источников и литературы, а также неоднократно выезжал в составе делегаций за границу, чтобы на месте ознакомиться с состоянием нефтедобычи и извлечь практическую пользу для собственной страны.

По приглашению Японской ассоциации содействия международной торговле советская делегация в составе С. А. Оруджева (руководитель делегации) — заместителя председателя Госкомитета по топливной промышленности, Н. С. Тимофеева — заместителя директора по научной работе — главного инженера ВНИИБТ, М. Ю. Саламова — управляющего трестом «Азморнефтеразведка», Д. К. Мзареулова — начальника отдела эстакадного строительства Гипроморнефти и А. А. Гагельганца — главного инженера морской геофизической экспедиции Министерства геологии и охраны недр СССР с 16 октября по 1 ноября 1962 года знакомилась с предприятиями, институтами и учреждениями нефтедобывающей промышленности Японии, а также с некоторыми заводами-поставщиками нефтяного оборудования.

Они познакомились с методами работы, конструкциями сооружений и специфичным оборудованием, применяемым при работе в море, посетили Главное управление научно-технических исследований министерства промышленности и торговли Японии. Их представили двум ведущим фирмам, осуществляющим поисковые, разведочные, буровые работы, добывающим нефть и газ и частично перерабатывающим их на своих заводах — «Тейкоу ойл компани» и «Джапекс».

Спустя год после посещения Японии в Гостоптехиздате выходит богато иллюстрированная книга, написанная С. А. Оруджевым в соавторстве с Н. С. Тимофеевым и Д. К. Мзареуловым «Нефтегазодобывающая промышленность Японии». Тираж небольшой, всего 660 экземпляров и предназначен не столько для широкого круга читателей, сколько для инженеров и техников нефтяной промышленности. В книге авторы ознакомили читателя с историей и динамикой развития нефтегазодобывающей промышленности в стране и деятельностью организаций, ведущих разведку, бурение, добычу нефти и газа, а также дали описание техники, технологии и организации работ в бурении и добыче нефти и газа. Особое внимание обращено на работы в море, где некоторые технические решения представляли интерес для нефтедобычи на Каспийском море.

Как крупнейший специалист С. А. Оруджев не мог не заметить и не рекомендовать отечественным нефтяникам передовые методы нефтедобычи, которые применялись в Японии. Он обращает внимание советских специалистов на комплексное решение всех вопросов техники и организации буровых работ, особенно на приготовление буровых растворов и их очистку, а также типизацию схем монтажа буровых установок.

В выводах по книге также указывается на необходимость применения кустования направленных скважин в условиях равнинных мест, что является примером экономии земли и средств на монтажно-строительные работы. «Практика разведки и разработки нефтяных месторождений Японии с минимальным отчуждением земли, — пишет он, — может послужить примером для решительного пересмотра установленных норм отчуждения земли для нефтяных промышленных предприятий в нашей стране».

Авторы книги отметили высокое качество труб, изготавливаемых для нефтяной промышленности японскими заводами, в том числе труб, полностью термически обработанных с высоким допусаемым пределом напряжения и герметичными конструкциями резьбовых соединений.

И еще одно важное наблюдение Оруджева — он обращает внимание читателя на высокую степень утилизации попутных нефтяных газов в Японии и экономическую целесообразность строительства и эксплуатации газобензиновых заводов, даже рассчитанных на небольшие объемы газа.

В 1962 году С. А. Оруджеву пришлось курировать подготовку постановления Совета министров СССР «О мерах по усилению геолого-разведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири», которое было принято 19 мая. В первой части этого постановления отмечались большие перспективы нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири и указывалось на недостаточно высокие темпы проведения геолого-разведочных работ в этом регионе. В связи с этим Совету министров РСФСР и Министерству геологии и охраны недр СССР предписывалось в течение текущего года осуществить геолого-поисковые и геофизические работы для подготовки к глубокому разведочному бурению в 1963—1965 годах не менее 120 структур, а также организовать с 1966 года на месторождениях Западной Сибири промышленную добычу нефти и газа «с доведением к 1970 году объема добычи нефти до 5 миллионов тонн в год».

К тому времени поиск в Западной Сибири нефти и газа велся уже несколько лет. Постепенно геологи поднимались все севернее. И вот 27 сентября при бурении скважины бригадой бурового мастера Н. Рындина с глубины 2,2 тысячи метров на Тазовском месторождении был получен открытый газоводяной фонтан. Так было открыто первое газовое месторождение в Ямало-Ненецком округе с суточным дебитом около двух миллионов кубометров и общим запасом 120 миллиардов кубометров.

Требование руководства страны по наращиванию темпов добычи нефти и газа не было случайным. Международная обстановка перерастает в кризис: между СССР и США возникает конфликт из-за Кубы. На Кубе устанавливаются баллистические советские ракеты, правительство США в ответ объявляет Острову свободы морскую блокаду. Продолжают портиться отношения между СССР и Китаем. Возникают первые инциденты на советско-китайской границе. Человечество становится на грань третьей мировой войны.

Но и внутри Советского Союза обстановка напряженная. 19—23 ноября 1962 года проходит очередной Пленум ЦК КПСС, на котором возникает сильная оппозиция Н. С. Хрущеву, вызванная недовольством его экономическими реформами, ошибками и произволом в экономике. На этом пленуме Хрущев настаивает на принятии решения о разделении партийных комитетов на сельскохозяйственные и промышленные. В результате этого районы оказываются разорванными на две части, что нарушает единство действий при решении экономических и политических задач, в том числе в области топливной промышленности.

Перед Государственным комитетом Совета министров СССР по топливной промышленности правительством страны ставится еще одна актуальная задача — подача природных энергоресурсов в Закавказье. В марте 1962 года начинается строительство нового магистрального газопровода Орджоникидзе — Тбилиси протяженностью 357 километров из труб диаметром 720 и 529 миллиметров. Впервые строится трубопровод такой протяженности в высокогорных районах, и Сабиту Атаевичу приходится часто бывать на этой стройке.

Совещание в Баку

В самом начале работы Центральной комиссии по разработке нефтяных и газовых месторождений (ЦКР) под руководством С. А. Оруджева в 1963 году в Баку было проведено всесоюзное совещание, в работе которого приняли участие 400 представителей предприятий нефтяной промышленности, научно-исследовательских, проектных и учебных институтов, СНХ РСФСР, Госплана РСФСР. Оруджев открыл это совещание обширным докладом, посвященным состоянию и задачам нефтяной отрасли в области разработки месторождений. Это совещание было проведено на рубеже важнейших событий в нефтяной отрасли, которая готовилась к началу промышленного освоения нефтяных месторождений нового Западно-Си-

бирского региона и двух новых многопластовых месторождений в Западном Казахстане.

По итогам этого совещания 4 декабря 1963 года было принято постановление Правительства СССР «О начале промышленного освоения газовых месторождений Западной Сибири». После этого 23 декабря того же года Совет министров РСФСР принимает постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геолого-разведочных работ в Тюменской области».

Последним документом предусматривалось организовать в 1964—1965 годах пробную эксплуатацию открытых месторождений нефти и газа в Тюменской области. При этом выдвигалось требование довести на этих месторождениях добычу нефти в 1964 году до 100 тысяч тонн, в 1965 году — не менее 200 тысяч тонн, в 1970 году — до 10 миллионов тонн, а ежегодную добычу газа к 1970 году довести до 14 миллиардов кубометров.

На основании данного постановления организуется Тюменское производственное объединение нефтяной и газовой промышленности (Тюменнефтегаз), подчиненное Средне-Уральскому совнархозу. Начальником объединения назначается А. М. Слепян. Также было решено организовать в Тюмени Государственный научно-исследовательский и проектный институт нефтяной и газовой промышленности (Гипротюменнефтегаз).

Для обсуждения этого вопроса в ноябре 1964 года в Москве было проведено расширенное заседание Центральной комиссии, которую возглавил Оруджев при участии специалистов из научно-исследовательских институтов.

Новые назначения

С 1963 года Сабит Атаевич Оруджев — заместитель председателя Государственного комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР.

Глубокие научные знания Оруджева, богатейший практический опыт работы на нефтепромыслах страны становятся достоянием работников отрасли, воплощаются в конкретные параграфы инструкций и наставлений.

В 1963 году он возглавляет редакционную комиссию по изданию подготовленных совместными усилиями ряда всесоюзных и республиканских научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений отрасли «Правил разработки нефтяных месторождений и эксплуатации скважин». Послед-

ние стали практическим руководством для работников нефтедобывающей промышленности, научно-исследовательских и проектных институтов. В них нашли отражение самые современные нормы и требования в области разработки нефтяных месторождений, технологии и техники эксплуатации скважин, а также организации и эксплуатации нефтепромыслового хозяйства.

Кроме того, при участии Сабита Атаевича в это время выходит в свет еще несколько научных трудов. В частности, в соавторстве с известным ученым-нефтяником Асаном Абдуллаевичем Асан-Нури он разрабатывает и получает авторское свидетельство на изобретение основания для разведочного и эксплуатационного бурения в водоемах с мощным ледовым покровом, а затем в журнале «Нефтяное хозяйство» публикует статью под названием «Плавучая буровая установка итальянского производства».

В ноябре 1963 года Сабит Атаевич становится участником Пленума ЦК КПСС, который подводит итоги выполнения народно-хозяйственного плана в этом году и определяет задачи на последующий. Подготовка доклада по задачам нефтяной промышленности СССР в 1964 году поручается Оруджеву. Эта работа им была выполнена качественно, и по ее итогам в журнале «Нефтяное хозяйство» выходит его статья «Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и технический прогресс в нефтедобывающей промышленности».

В 1964 году, после того как Байбаков был назначен председателем Государственного комитета по нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР, Оруджев становится его заместителем. Он продолжает плодотворно трудиться в области нефтяной науки. В 1964 году в журнале «Изобретатель и рационализатор» публикуется его статья «Нефть из-под льда», в журнале «Нефтяное хозяйство» — обзорная статья «Морская нефть СССР». В конце года Сабит Атаевич вступает в научную дискуссию по поводу статьи В. Д. Шашина, Г. К. Максимовича и Д. Н. Левченко «О подготовке нефти на промыслах», результаты которой публикуются в журнале «Нефтяное хозяйство».

1964 год был последним годом правления Н. С. Хрущева. При этом хорошо известно, что Н. К. Байбаков и С. А. Оруджев на своих новых должностях оставались противниками совнархозов, а значит, действовали вразрез с «генеральной линией партии», которую прокладывал Никита Сергеевич. Безусловно, так долго продолжаться не могло. Несогласные с «вождем» непременно должны были проявиться и покинуть свои руководящие места. Но случилось другое: группой заго-

ворщиков из высшего эшелона власти во главе с Л. И. Брежневым был свергнут сам Никита Сергеевич, и Советский Союз вступил в новый период своего политического и экономического развития.

Глава седьмая

НА ОСТРИЕ НЕФТЯНОЙ НАУКИ

Валентин Шашин

В 1965 году восстанавливаются союзные министерства и министром нефтяной промышленности СССР назначается Валентин Дмитриевич Шашин. Это был человек с достаточно большим опытом работы в нефтяной промышленности.

Шашин родился 16 июня 1916 года в Баку в семье кадрового рабочего-нефтяника. По окончании восьмилетней школы несколько лет работал учеником токаря, а в 1936 году окончил Стерлитамакский (ныне Ишимбайский) нефтяной техникум. После этого два года проработал в каротажной партии треста «Ишимбайнефть».

В 1939 году Валентин Дмитриевич поступил в Грозненский нефтяной институт, но после окончания первого курса перевелся в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, который окончил уже в годы войны, в 1943 году. Во время учебы вместе с другими студентами принимал участие в строительстве оборонительных рубежей на подступах к Москве, нес дежурство по линии противоздушной обороны. Был награжден медалью «За оборону Москвы».

После окончания института В. Д. Шашин работал главным инженером, директором геолого-поисковой конторы бурения, а затем управляющим трестом «Башнефтеразведка». С 1953 года он — начальник Управления по бурению объединения «Татнефть». С 1957 года — начальник управления нефтяной промышленности Татарского совнархоза. В период с 1960 по 1964 год В. Д. Шашин руководил Главным управлением нефтяной и газовой промышленности Совнархоза РСФСР.

И вот в 1965 году В. Д. Шашин становится министром нефтяной промышленности СССР и возглавляет министерство в течение последующих двенадцати лет.

По воспоминаниям современников, годы, когда В. Д. Шашин работал министром, были периодом самого интенсивного развития и огромного подъема нефтяной отрасли Советско-

го Союза. Так, если в 1955 году в СССР добыли 93 миллиона тонн нефти, а в 1960-м — 148 миллионов тонн, то в 1965 году нефтяникам удалось выйти на показатель 243 миллиона тонн. В последующие годы показатель добычи нефти в стране постоянно увеличивался.

В. Д. Шашин умер на боевом посту 22 марта 1977 года, оставив заметный след в нефтяной промышленности страны. Годы руководства отраслью В. Д. Шашиным были годами большого подъема. За это время добыча нефти в стране увеличилась вдвое. Бурными темпами развивалась добыча нефти в Башкирии, Татарии, Пермской и Куйбышевской областях, а также в главном добывающем регионе — Западной Сибири.

Первый заместитель министра нефтяной промышленности

В сентябре 1965 года Сабит Атаевич назначается первым заместителем министра нефтедобывающей промышленности СССР. Он самым непосредственным образом участвовал во всех делах отрасли. Именно благодаря Шашину и Оруджеву началась подготовка производства, техники и разработка технологии выхода на шельфы морей. Шашин поднял на новый уровень социальную обеспеченность населенных пунктов нефтяников, интенсивно помогая развитию городов и поселков. Он являлся подлинным лидером нефтяников второй половины XX века. С именем Валентина Шашина связаны наиболее значительные достижения в истории нефтедобычи страны, мировое признание ее энергетической мощи, техническое перевооружение отрасли, установление и развитие международных связей.

Центральная комиссия по разработке нефтяных и газовых месторождений, возглавляемая Сабитом Атаевичем, вошла в состав Министерства нефтяной промышленности, что значительно укрепило ее статус.

В 1967 году в Минске Центральной комиссией было подготовлено и проведено совместно с Научно-техническим советом министерства и Центральным правлением НТО нефтяной и газовой промышленности заседание по вопросу «Влияние плотности сетки скважин и их размещения на нефтеотдачу пластов». В заседании приняли участие 130 человек — членов организаций, в том числе представители Госплана СССР и Белоруссии, Миннефтепрома СССР, Главтюменнефтегаза, Сибирского отделения АН. Основным коллективный доклад был сделан С. А. Оруджевным, Н. С. Ерофеевым, Г. П. Ованесовым,

М. М. Ивановой, Н. Ф. Черновым. Большое внимание уделили влиянию «редких сеток скважин» на сокращение сроков освоения месторождений и экономию капитальных затрат на бурение. Методы заводнения при «редких сетках» позволили значительно повысить уровень добычи нефти при учете плотности сетки скважин и их размещения на объекте.

С. А. Оруджев, как первый заместитель министра, нередко очень серьезные для отрасли вопросы решал на высшем уровне неординарным способом. П. А. Арушанов вспоминал, как на одном из совещаний на высоком уровне, с участием министров, их заместителей, руководителей управлений внешних связей и других, рассматривались предложения о создании экспозиции павильона СССР на Всемирной выставке в Японии. Высшие чиновники, которые определяли, сколько мест какому министерству предоставить, из пяти экспонатов Миннефтепрома оставили только два. Казалось, вопрос снят. Тогда слово взял Сабит Атаевич. Он начал объяснять, что комиссия недооценивает роль нефтяной промышленности в развитии экономики. Но видя, что его слова не имеют должного действия, он в конце выступления заявил: «Может быть, вы измените отношение к нашей отрасли после вчерашней победы футбольной команды бакинских нефтяников над столичной командой “Торпедо”». Это предложение было настолько неожиданным для присутствующих, что многие засмеялись. Окончательное решение было принято в пользу Миннефтепрома, и все его экспонаты были направлены на выставку.

Ликвидация аварии

12 октября 1967 года на нефтяной скважине № 58 Эльдаровского нефтяного месторождения, принадлежавшего объединению «Грознефть», в 45 километрах от Грозного, в центральной части Терского хребта, возник огромный пожар. Скважина № 58 имела проектную глубину 4,3 тысячи метров. Она была пробурена с целью разведки богатых верхнемеловых отложений нефти. Но когда забой достиг 3817 метров, на этой глубине и грянула беда. Как выражаются нефтяники, «пласт заиграл»: глинистый раствор под большим давлением стал переливаться через устье скважины и быстро заполнять складки местности. Неожиданно вспыхнул пожар, и горящая нефть с шумом вырвалась вверх. Через несколько минут раскаленная буровая вышка рухнула. Языки пламени поднимались на высоту 100—130 метров. Такого в Чечено-Ингушетии, да и в стране в целом, не было за последние четверть века.

Для ликвидации этой аварии была создана правительственная комиссия, руководителем которой был назначен С. А. Оруджев. О его работе в это время вспоминал П. М. Тонконогов, в то время — заведующий отделом нефтяной и химической промышленности Чечено-Ингушского обкома КПСС. Именно ему было поручено встречать Сабита Атаевича и быть при нем постоянным представителем от республики, с тем чтобы координировать вопросы привлечения строительных, монтажных, транспортных организаций и пожарных команд для борьбы со стихией.

14 октября С. А. Оруджев с группой ответственных лиц прилетел в Грозный, где организовал штаб по ликвидации аварии. В состав этого штаба также вошли: заместитель начальника Главного управления пожарной охраны Министерства СССР генерал М. И. Земский, известные бакинские укротители нефтяных пожаров К. В. Ткаченко и подполковник В. П. Сомов, начальник штаба горноспасательной части Северо-Кавказского промышленного района, известный буровой мастер, Герой Социалистического Труда И. Д. Олейников и многие другие специалисты.

По приказу Оруджева на борьбу с пожаром были собраны лучшие специалисты, подведена необходимая техника. Работа кипела круглые сутки. В считанные дни были сооружены два водопровода общей протяженностью шесть километров. Еще четыре трубопровода были смонтированы самими нефтяниками разведывательного участка. Трубоукладчиками возводились котлованы под оборудование, укрытия и резервуары, необходимые для тушения пожара.

Пожар было решено тушить турбореактивными установками. При работе такой установки в зону пламени под большим давлением направляется огнегасительная смесь, состоящая из отработанных газов, распыленной воды и пены. Продукты сгорания через сопловый аппарат поступают в турбину и, пройдя ряд реактивных насадок, выбрасываются наружу, под струю факела. Это должно было обеспечить отрыв пламени от источника и прекращение горения.

Для подготовки места работы по решению Сабита Атаевича было завезено три тысячи кубометров гравия и балласта, построено девять огромных резервуаров для воды, проложены пятикилометровая высоковольтная линия электропередачи и 30 километров водопроводных труб. У бушующей скважины постоянно находилось 30 пожарных машин, три подъемных крана, 12 тягачей, множество другой техники. В работу было вовлечено до 700 человек. Были задействованы 200 бойцов и командиров пожарных подразделений, почти весь состав горноспа-

сательной части. Для круговой охраны горячей скважины были вызваны военные подразделения грозненского гарнизона.

Сабит Атаевич четко координировал выполнение всех работ, предъявляя повышенную требовательность. Он негодовал, если кто-либо проявлял нерасторопность или халатность в работе. Тонконогову запомнился один такой случай.

Так, во время строительства трубопровода обнаружилось, что запасов воды для тушения пожара явно недостаточно. Прибыв к первому водоподъему, находящемуся на реке Терек, Оруджев встретился с работниками нефтепромыслового управления «Горскнефть». Они занимались обвязкой двух дополнительных артезианских скважин, способных увеличить подачу воды в два-три раза.

— Когда закончите? — спросил первый заместитель министра у главного механика.

— Дней через пять, — ответил тот.

Оруджев, едва сдерживая ярость, закричал:

— Что?! Вы понимаете, что вы говорите?! Такой срок! Это трибунальное дело!!! Сутки и ни часа больше! Приеду и лично проверю.

К исходу следующего дня указания Оруджева были выполнены. Но позже Сабит Атаевич не раз с откровенным юмором вспоминал этот случай.

— «Трибунальное дело» — надо же было придумать такие страшные слова! — говорил он. — Чего только не скажешь в горячке! А люди молодцы, не подвели, все сделали в срок.

Чтобы не дать пожару распространиться, нужно было убрать искореженный и раскаленный металл и вывести факел в вертикальное положение. На заседании штаба Оруджев предложил осуществить это путем расстрела устья скважины из пушки или танка. Он добился того, что воинское командование для этого выделило танк из Грозного. Прибывший танковый экипаж произвел 200 выстрелов снарядами-болванками и успешно решил эту задачу. Струе придали вертикальное направление. Затем при помощи тягачей и крюков-якорей из огня извлекли разрушенную при падении вышку и другое металлическое оборудование.

Пожар был потушен, авария ликвидирована.

Основание для морских буровых

Занимая различные должности в правительстве Азербайджанской ССР и в Госплане СССР, Оруджев продолжал заниматься проблемами нефтяной промышленности, особенно свя-

занными с освоением морских месторождений. В эти годы выходит ряд его статей в различных периодических изданиях. Он часто посещает научно-исследовательские институты и нефтяные вузы страны, встречается с учеными и конструкторами.

В августе 1960 года Оруджевым была разработана и запатентована конструкция глубоководного крупноблочного основания морских буровых. И уже в следующем году она была принята к внедрению и изготовлена объединением «Азнефть» Азербайджанского совнархоза.

По итогам этой разработки в 1962 году выходит в свет монография С. А. Оруджева «Глубоководное крупноблочное основание морских буровых: Метод освоения новых нефтяных месторождений Каспийского моря». На основе глубоких теоретических исследований, богатого практического опыта работы в нефтедобывающей промышленности СССР автор дал полную характеристику крупноблочного строительства морских буровых, отметил преимущества и недостатки применяемых в то время конструкций оснований, устанавливаемых в море на глубинах до 30 метров, отразил организацию работы строительного-монтажных баз и площадок, описал специализированный нефтепромысловый флот.

В монографии особое внимание уделено глубоководному основанию, которое, по мнению автора, позволяло осваивать нефтеносные участки, расположенные под стометровой толщей воды. Это было новое слово в технике и технологии морской нефтегазодобычи и добычи «черного золота». При этом автор отработал и описал методику расчета (с примером) глубоководного основания, устанавливаемого на морских участках с глубиной до 60 метров, отразил организацию работы на глубоководном нефтепромысле-острове. Напомним читателю, что до этого времени максимальная глубина морской нефтегазодобычи на Каспии не превышала 30 метров. Вполне понятно, что с увеличением глубины в значительной степени возрастала площадь осваиваемой прибрежной зоны.

Научное исследование С. А. Оруджева было предназначено в первую очередь для инженерно-технических работников нефтяной промышленности, занимавшихся бурением и нефтегазодобычей. Но оно оказалось также весьма полезным и для конструкторов и изготовителей оснований для морских буровых и промыслов.

В предисловии к монографии С. А. Оруджева доктор технических наук профессор Н. Н. Джунковский, оценивая качество проведенных исследований, отмечал, что «преимущественное развитие добычи нефти и газа, повышение их удельного веса в топливном балансе страны является важнейшим на-

правлением развития народного хозяйства СССР. Особую роль в этом процессе должно сыграть освоение богатейших нефтяных месторождений, расположенных под Каспийским морем. Современными же морскими нефтепромыслами охвачена лишь относительно небольшая их часть, находящаяся на сравнительно мелководных участках моря. В то же время качество нефти, добываемой на морских промыслах, очень высокое, и себестоимость получаемых из нее нефтепродуктов значительно ниже, чем из нефтей, добываемых на ряде промыслов, расположенных на суше. И заслуга автора в том, что он показал полную экономическую рентабельность развития добычи нефти на море».

В монографии Сабит Атаевич всесторонне обосновывает необходимость разработки и внедрения крупноблочных глубоководных оснований морских буровых, допускающих переход от глубин 10—25 метров к глубинам 30—60 и далее к 100 метрам.

Об этом профессор Н. Н. Джунковский пишет:

«Широкое развитие добычи нефти на море вызвало необходимость в создании новой отрасли морской гидротехники. Специфические условия возведения этих сооружений в открытом море, а также особенности эксплуатации их при весьма бурном характере Каспийского моря истребовали разработки сооружений специальных типов. Элементы этих сооружений изготовляют на береговых базах, а затем при помощи специальных судов, оборудованных мощными подъемными кранами, перевозят на место установки и монтируют теми же кранами. Так возникла оригинальная конструкция крупноблочных оснований морских буровых.

С. А. Оруджев является одним из авторов сооружения указанного типа, положивший много труда в его разработку и внедрение в отечественную нефтяную промышленность.

Однако необходимость перехода на значительно большие глубины, обоснованная в первой части настоящей работы, ставит задачу разработки глубоководных крупноблочных оснований новых типов и конструкций. Автор книги разработал такую конструкцию с учетом опыта работы аналогичных сооружений на меньших глубинах.

Вторая часть книги посвящена описанию новой конструкции глубоководного основания и методам его расчета. В ней Сабит Атаевич, изложив историю конструкций морских оснований буровых, описывает технологический процесс их изготовления на берегу, приводит типы крановых судов, а также способы транспортировки и монтажа конструкций в море. В связи с освоением больших глубин в книге справедливо указывается на необходимость увеличения мощности крановых

судов. Кроме того, для освоения участков моря у восточных берегов Каспия автор отмечает необходимость создания там своей базы и защищенного порта для нефтепромыслового флота.

После описания конструкции основания отмечена возможность использования “искусственных островов” для устроения куста наклонных скважин (16 и более), что значительно повысит экономическую эффективность освоения морских нефтяных месторождений.

Наиболее сложен расчет глубоководной пространственной системы на волновую нагрузку. Автор приводит в работе разработанный им на основании современной теории действия волны на сквозные конструкции практический способ определения волновых воздействий на отдельные элементы конструкции и всю конструкцию в целом. При этом были использованы результаты натурных исследований, проведенных институтами океанографии, Гидрометеослужбы и Гипроморнефти. В книге приведен достаточно подробный пример расчета, что, несомненно, окажет помощь проектировщикам.

Разработка С. А. Оруджева имеет большое народно-хозяйственное значение и представит значительный интерес для широкого круга специалистов».

Такова лишь одна из позитивных оценок научно-исследовательской и конструкторской работы, проделанной Сабитом Атаевичем в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

На основе этой монографии в 1962 году в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина Сабит Атаевич защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук. Тема — «Метод освоения новых нефтяных месторождений Каспийского моря глубоководными крупноблочными основаниями морских буровых». На защите присутствовало много ведущих специалистов нефтяной отрасли, которые дали высокую оценку научному труду, разработанному соискателем.

К моменту защиты диссертации на соискание ученой степени доктора технических наук Сабит Атаевич имел за спиной не только теоретические разработки, но и внедренные в практику изобретения, позволившие весьма существенно ускорить процессы строительства объектов нефтепромысла в море.

Центральная комиссия по разработке нефтяных и газовых месторождений

В 1960-е годы в Москве регулярно проходили совещания по вопросам разработки нефтяных и газовых месторождений, в которых Оруджев принимал самое непосредственное участие.

По наиболее крупным вопросам организовываются выездные комиссии в нефтяные районы — Татарию, Башкирию, Западную Сибирь. Но различная ведомственная принадлежность этих мероприятий тормозила общее развитие нефтегазового дела в стране. Поэтому было принято решение о создании единой Центральной комиссии по разработке нефтяных и газовых месторождений (ЦКР).

Инициатором создания этой комиссии в 1963 году и бесшестименным председателем в течение последующих десяти лет был С. А. Оруджев. Он определял формы и планы работы, требовал правдивого освещения состояния разработки, тщательно следил за корректировкой технологических решений. Под его руководством ЦКР вместе с нефтедобывающими объединениями и проектирующими институтами много работала над созданием и совершенствованием разработки залежей нефти в Грозненском и других районах Северного Кавказа, Татарии, Башкирии, на территории Волго-Урала, в Западной Сибири. Идеи Оруджева реализуются и поныне на месторождениях Азербайджана, Казахстана, Украины, Белоруссии, Западной Сибири.

О работе С. А. Оруджева в качестве председателя ЦКР вспоминает Минадора Макаровна Иванова, в течение десяти лет работавшая ученым секретарем Центральной комиссии по разработке нефтяных и газовых месторождений. Ей приходилось работать с Сабитом Атаевичем не только в Москве, но и во время частых выездов на месторождения, предприятия и объекты нефтяной отрасли.

Выездные заседания отличались от московских тем, что руководство предприятий представляло возможность обогатить их участников знакомством с объектами месторождений воочию. Западную Сибирь, например, многие члены комиссии во время пребывания осматривали и с вертолетов, и с катеров, и с вездеходов. Аудитории этих совещаний буквально осаждались специалистами района. Председатель совещаний Оруджев покорял слушателей умом, эрудицией, образностью речи, умением слышать другие мнения. Основные доклады, обсуждения всех вопросов по рассматриваемым месторождениям всегда проходили очень интересно и плодотворно. Общение местных специалистов с руководителями и членами Центральной комиссии, крупными специалистами в официальной обстановке и вне ее воодушевляло, наполняло смыслом и интересом дальнейшую работу.

В годы председательства в ЦКР Сабит Атаевич был инициатором периодического проведения представительных всесоюзных совещаний по проблемам разработки нефтяных ме-

сторождений. Под его руководством такие совещания были проведены в Баку (1963), Москве (1964, 1968), Минске (1967). Он участвовал в подготовке важнейшего Всесоюзного совещания в Альметьевске (1973), но в связи с назначением на пост министра газовой промышленности на нем присутствовать не смог. Традиция проведения представительных совещаний по разработке нефтяных месторождений живет и в наше время.

Нефть Западной Сибири

Считается, что пробуждение Западной Сибири началось с того, что на окраине старинного сибирского села Березова 21 сентября 1953 года ударил мощный фонтан газа, возвестивший об открытии первой Западно-Сибирской нефтегазовой провинции.

Но нефть в этом районе была открыта несколько позже. В 1960 году на берегу реки Мулымьи, близ таежного поселка Шаим, из скважины № 6 был получен первый в Сибири фонтан нефти с суточным дебитом около 300 тонн. Первооткрывателем сибирской нефти стал буровой мастер Шаимской нефтегазоразведочной экспедиции Герой Социалистического Труда Семен Никитич Урусов.

В 1961 году были открыты и нефтяные месторождения, а также четвертый по счету Сургутский нефтяной район. Всего на финише этого года на карте Тюменской области было обозначено пять нефтяных и 12 газовых месторождений. Но и после этого открытие новых месторождений продолжалось. Гипотеза газонефтеносности Сибири стала аксиомой.

Наступил период освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. В январе 1964 года в Тюмени было создано объединение «Тюменнефтегаз», которое вскоре преобразовалось в Главное производственное управление по добыче нефти и газа — «Главтюменнефтегаз». Там же создается территориальное Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности — «Главтюменнефтегазстрой».

Началось промышленное освоение мегионской, шаимской и усть-балыкской нефти. В мае 1964 года от причала в Сухом Бору в верховьях таежной реки Конды с первыми 600 тоннами шаимской нефти отошел танкер ТН-652. В это же время по протоке Юганская Обь с первой усть-балыкской нефтью тронулся в путь целый состав — пароход «Капитан» с двумя баржами, в трюмы которых было залито 3,7 тысячи тонн нефти.

В июле с первой мегионской нефтью от причала на Баграссе был отправлен еще один состав — пароход «Ползунов» с двумя баржами вместимостью 3684 тонны каждая.

Естественно, с таким видом транспорта нефтегазовый регион не мог успешно развиваться. Понимая это, Совет министров СССР поручает Министерству газовой промышленности СССР приступить к проектированию и строительству первых магистральных нефтегазопроводов с тюменских промыслов. В те годы строительные организации, соорудившие магистральные трубопроводы, входили в это министерство.

Строительство первых трубопроводов в условиях Тюменской области было самым сложным. Об этом много пишет непосредственный участник этих строек В. Г. Чирсков в своей книге «Артерии жизни»¹.

Первый в Западной Сибири нефтепровод Шаим — Тюмень протяженностью 426 километров был построен из труб диаметром 530 миллиметров. Для сооружения этой магистрали в область прибыли коллективы строительно-монтажных организаций Москвы, Ленинграда, Башкирии, Татарии... Генеральным проектировщиком являлся московский НИИгипротрубопровод.

Перед трассовиками впервые встали специфические проблемы Севера: сезонность завоза материалов в короткий навигационный период, бездорожье, заболоченность, суровые климатические условия, слабая изученность территории.

Строители сами нашли решения, без которых было невозможно сооружение первых трубопроводов в области. Научились быстро прокладывать зимние дороги и лежневки, ускорять промерзание болот и наращивать ледовые переправы, качественно сваривать трубы и наносить антикоррозийное изоляционное покрытие при низких температурах. Преодолевая Тарманское болото, сварочно-монтажная бригада В. В. Мартынова впервые применила метод сплава. Для доставки трубных секций использовали вертолеты Ми-6. Первым, кто рискнул поднять винтокрылой машиной над тайгой секции труб, был И. Т. Хохлов. Вертолеты широко применялись также для оперативного руководства многокилометровой стройкой.

Первая магистраль положила начало прочным связям трассовиков с местными партийными, советскими и хозяйственными органами, со всеми тружениками края. Повседневно курировал строительство Тюменский областной комитет КПСС. Вырабатывались действенные формы партий-

¹ См.: Чирсков В. Г. Артерии жизни: Становление и развитие Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. М., 2003.

но-политической работы, организации социалистического соревнования в передвижных колоннах. По призыву обкома партии трубопроводчики решили закончить сооружение магистрали на полгода раньше срока.

27 ноября 1965 года на 170-м километре трассы Ю. Беляев и В. Каленов сварили «красный стык». 21 декабря трудящиеся области торжественным митингом отметили приход шаимской нефти в Тюмень.

«500 дней подвига» — так охарактеризовал стройку в своей речи на митинге первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина. Приветственные телеграммы трассовикам прислали министры нефтяной и газовой промышленности В. Д. Шашин и А. К. Корунов.

Затем был газопровод Игрим — Серов протяженностью 497 километров. Он был построен из труб диаметром 1020 миллиметров на рабочее давление 55 кгс/см². Начало строительства пришлось на декабрь 1963 года, окончание — на январь 1966 года.

Трубопровод Игрим — Серов был первой газовой магистралью Западной Сибири, причем самой северной в стране. Он соединил промышленный Урал с Березовским, Пунгинским и другими месторождениями «голубого топлива» Приобья.

Наиболее сложный участок трассы пролегал между будущим Пунгинским промыслом и поселком Комсомольский на строящейся железной дороге Ивдель — Обь. Это 200 километров тайги и болот, где не было ни дорог, ни населенных пунктов. Газопровод пересек 180 рек и ручьев, 22 оврага, Уральские горы. Магистраль проектировал ленинградский НИИгипроспецгаз.

Северная стройка ставила перед строителями необычные задачи. Прокладка зимников, поиск площадок для передвижных вагон-домов, знакомство с повадками таежных рек и болот, дальние рейды тракторных поездов — все было впервые.

Первый санно-тракторный поезд отправился на Пунгу в 200-километровый рейс весной 1964 года. Этот «десант» подготовил на речном берегу причал и проложил дорогу к строительной площадке, где летом началась отсыпка грунта под объекты газопромысла.

Медленными казались первые шаги стройки. Немалый срок потребовался для перебазировки подразделений, обустройства жилгородков, подготовки трассы. Но в третью зиму магистраль двинулась к Уралу быстрыми темпами. И 3 февраля 1966 года поток «голубого топлива» стал поступать на предприятия и в квартиры десятков городов Урала.

Следующим был нефтепровод Усть-Балык — Омск протяженностью 964 километра. Он был построен из труб диамет-

ром 1020 миллиметров. Началось строительство этой магистрали в ноябре 1965 года, а завершилось в октябре 1967 года.

Нефтяная магистраль Усть-Балык — Омск была одной из крупнейших в мире. В середине 1960-х годов только 10 процентов общего километража отечественных трубопроводов имело диаметр свыше 800 миллиметров, а в США к этому времени вообще не было ни одной магистрали такого диаметра. К тому же почти 600-километровое тюменское «плечо» этой трассы проходило по местам преимущественно необжитым, пересекая на своем пути 85 водных преград.

28 апреля 1967 года трасса, еще не достигнув финишной черты, начала работать на нефтехимическую индустрию страны: 266 километров стальной магистрали соединили Усть-Балык с наливными сооружениями на берегу Иртыша, расположенными близ села Демьянского, откуда нефть могла продолжить путь на Омский нефтеперерабатывающий комбинат в емкостях танкеров.

26 августа 1967 года северная и восточная ветви магистрали сомкнулись в единую нить. А 31 октября того же года, на 14 месяцев раньше намеченного срока, тюменская нефть по трубопроводу пришла в Омск.

Затем был газопровод Медвежье — Надым — Пунга протяженностью около 800 километров, построенный из труб диаметром 1220 и 1420 миллиметров. Строительство первой очереди было начато в декабре 1969 года, а завершено в мае 1972 года.

На трассе этого газопровода в зимние сезоны 1969/70 года и 1970/71 года было построено около 200 километров газопровода, подключено к действующей магистрали новое Похромское месторождение газа.

В третьем решающем сезоне (зима 1971/72 года) на трассе смонтировали и уложили в траншеи еще 450 километров труб. Особое значение имел 100-километровый отрезок Медвежье — Надым, где впервые в мировой практике были применены трубы диаметром 1420 миллиметров. И уже 28 апреля сборная бригада передовиков, которую возглавил кавалер ордена Ленина П. И. Голованчук, в торжественной обстановке сварила последний стык. 9 мая 1972 года газ Медвежьего месторождения пошел на Урал к городу Серову.

Тушение пожара подземным ядерным взрывом

Сабит Атаевич Оруджев, кроме всего прочего, специализировался на тушении нефтяных и газовых пожаров, которые время от времени возникали на месторождениях. В семейном

архиве Оруджевых сохранилось несколько фотографий, на которых он изображен на фоне такого пожара: огромное до неба пламя и рядом небольшие фигурки людей и техники.

Тушение таких пожаров всегда требовало особых знаний, высочайшей организации, личного мужества. В 1950-е годы по просьбе китайского правительства Сабит Атаевич прибыл в эту страну на тушение нефтяного фонтана. С возникшим там пожаром не могли справиться ни китайские нефтяники, ни их коллеги из других стран. Оруджев организовал успешную операцию, и пожар потушили. За это он получил очередную правительственную награду.

В области тушения нефтяных и газовых фонтанов Сабит Атаевич разработал передовые технологии. В этом деле он плодотворно сотрудничал с Министерством среднего машиностроения СССР, с физиками-ядерщиками. Вместе они тушили нефтяные и газовые фонтаны невероятной силы. Причем для этого применялись самые передовые по тому времени технологии.

Примером тому может служить тушение пожара с помощью подземного ядерного взрыва на газовом месторождении Урта-Булак (Узбекистан) 30 сентября 1966 года.

Эта авария с выбросом природного газа произошла 1 декабря 1963 года. Тогда бур попал в пласт с давлением около 300 атмосфер и высоким содержанием сероводорода. При дальнейшем бурении была допущена ошибка: не было использовано специальное буровое оборудование из стали, противостоящей агрессивной среде. Буровая колонна была выдавлена из скважины, и мощный фонтан газа воспламенился. Под напором газа буровая вышка рухнула и частично расплавилась. В течение короткого времени разрушилась защитная арматура на устье скважины и факел увеличился. Потушить его не смогли. Этот факел горел в течение трех лет (1064 суток). Фонтан достигал высоты 70 метров, а объем сгораемого газа составлял до 12 миллионов кубометров в сутки.

Из-за высокой температуры к факелу было невозможно подойти ближе чем на 250—300 метров. Для защиты от жары вокруг факела зимой с помощью бульдозеров был насыпан песчаный бруствер, но загасить пожар таким образом было невозможно. Для тушения факела применялись различные методы, использовавшиеся в то время, в том числе и артиллерия, но огонь не был потушен.

Для тушения этого пожара по распоряжению министра нефтяной промышленности В. Д. Шашина была создана рабочая группа, которую возглавил С. А. Оруджев. Непосредст-

венно работами руководил К. И. Мангушев, который так описал свое первое посещение места аварии:

«Странное ощущение было, когда вертолет коснулся земли: вибрация усилилась, шум мотора потонул в океане сплошного гула, глухих взрывов. Рев сотен реактивных двигателей, шум канонады — все это был его голос, голос фонтана... Отсюда до фонтана было метров шестьсот... Вся дальняя часть долины была смазана призрачными пологими марева, колыхавшимися вблизи факела. То, что сверху казалось махонькой пепельницей, оказалось валом песка, нагруженным вокруг устья скважины на расстоянии, куда зимой смогли дойти бульдозеры... Отсюда наклоненный факел уходил в небо и терялся где-то в мареве. Как хоровод дьяволят, вокруг факела то тут, то там возникали и пропадали песчаные вихри — настоящие самумы. Все, что могло гореть вокруг, давно сгорело. Теперь это была действительно мертвая раскаленная земля. Живому здесь места не осталось. По ночам стаи перелетных птиц и тучи насекомых, привлеченные светом, попадали в эту огненную пляску смерти и, падая, сгорали, часто даже не долетев до земли».

Тем не менее решать возникшую проблему было необходимо. Поэтому весной 1966 года для тушения этого фонтана был предложен метод подземного подрыва термоядерного заряда. Эту идею одобрили на уровне правительства и поручили выполнять КБ-11. Общим руководством работ занимался все тот же специалист по нефтяным и газовым месторождениям Камиль Ибрагимович Мангушев. Его кандидатура была предложена в том числе по причине того, что он прежде принимал активное участие в успешном эксперименте по подрыву термоядерного заряда. Но первоначально к работам был привлечен высший уровень руководства атомного проекта — ЦК КПСС поставил задачу академику, президенту АН СССР Мстиславу Всеволодовичу Келдышу. В качестве консультантов проекта были привлечены физик академик Михаил Дмитриевич Миллионщиков и директор Института физики Земли академик Михаил Александрович Садовский. После всестороннего обсуждения проблемы привлеченные консультанты подтвердили, что подрыв термоядерного заряда с перекрытием канала скважины является единственным приемлемым вариантом для решения этой задачи. Организационную часть выполнения данного проекта взял на себя Сабит Атаевич Оруджев.

До того времени тушение пожаров на открытой газовой скважине с помощью подземного ядерного взрыва не имело аналогов в мире. Правительство требовало максимальной ско-

рости работ. И это понятно — чем быстрее будет потушен факел, тем меньший объем газа будет утрачен в результате выгорания. Но спешка могла привести к тяжелым последствиям. Оруджеву удалось добиться того, что на местности была проведена тщательная геологическая подготовка. Комиссия несколько раз вылетала на местность. Эти командировки проходили в экстремальных условиях, когда температура достигала 40—50 градусов в тени.

Испытания бурового оборудования были организованы на полигоне в Московской области. В результате этих испытаний были определены угол шахты, глубина заложения заряда, конструктивные особенности устройств.

Сам заряд создавался в КБ-11 под руководством опытных физиков-ядерщиков С. В. Лебедева и В. А. Разуваева. Особенностью разработки была «чистота» ядерного заряда, то есть продукты взрыва должны были иметь минимальный период полураспада. За подрыв заряда отвечала специально созданная комиссия под руководством Е. П. Славского. Решение о дате подрыва было утверждено на заседании Политбюро ЦК КПСС, которое возглавлял лично Л. И. Брежнев.

Непосредственно на месторождении для закладки заряда была пробурена наклонная штольня, в которой заряд был помещен на глубине 1,5 тысячи метров под поверхностью земли. В этой точке была достаточно высокая температура, поэтому опущенный в точку подрыва заряд пришлось дополнительно охлаждать.

Подрыв ядерного заряда был произведен 30 сентября 1966 года. Результат был достигнут полностью: газовая скважина была пережата слоями породы, фонтан пламени погас через 22 секунды после подрыва.

Правда, взрывы и фонтаны на месторождениях далеко не всегда обходились без человеческих жертв. Позже, уже во время работы Сабита Атаевича в Министерстве газовой промышленности, к пожарам прибавились аварии на газопроводах. Так, при аварии газопровода в Туркмении погибли около тридцати школьников, работавших на хлопковом поле недалеко от места взрыва.

Сабит Атаевич был очень подавлен этим фактом и срочно вылетел на встречу с родными погибших детей. Он встретился с ними и признал свою вину за этот несчастный случай, распорядился помочь семьям погибших. Родственники были так тронуты его искренним сочувствием их горю, что простили Сабита Атаевича, заявив, что в случившемся не видят его личной вины. В то время далеко не каждый руководитель был способен на такой поступок.

К концу 1960-х годов многие старые нефтяные месторождения СССР в результате своей интенсивной эксплуатации в годы Великой Отечественной войны и последующие годы восстановления разрушенного народного хозяйства начали давать меньше нефти. В связи с этим перед нефтяниками встал проблема борьбы с обводнением скважин в поздний период разработки месторождений.

Центральная комиссия совместно с Научно-техническим советом и Центральным правлением НТО нефтяной и газовой промышленности провели расширенное заседание по проблеме «Состояние и основные задачи совершенствования разработки нефтяных месторождений в поздней стадии». В нем участвовало 230 человек. Основной доклад был подготовлен группой С. А. Оруджева, Н. С. Ерофеева, Г. П. Ованесова, М. М. Ивановой, В. Г. Лысянским. Получение прироста добычи в фазе снижения требовалось достичь за счет создания новых мощностей.

В то время считалось, что на территории СССР уже открыты все крупные нефтяные месторождения. Поэтому правительству страны с радостью докладывали об открытии в Удмуртии сравнительно небольших Мышкинского, Киенгопского и Архангельского месторождений. Но истинной сенсацией того времени стало открытие крупнейшего в Западной Сибири Самотлорского нефтяного месторождения.

Это месторождение — крупнейшее в России и одно из крупнейших в мире. Его геологические запасы оцениваются в 7,1 миллиарда тонн нефти, а доказанные и извлекаемые запасы — 2,7 миллиарда тонн нефти. Месторождение расположено в Ханты-Мансийском автономном округе, вблизи Нижневартовска, в районе озера Самотлор, что в переводе с языка хантов означает «мертвое озеро» или «худая вода».

Месторождение было открыто 22 июня 1965 года. Тогда из разведочной скважины ударил фонтан небывалой мощности — более тысячи тонн нефти в сутки. Внутрипластовое давление было столь высоким, а нефть рвалась из глубин с такой силой, что нагревались стальные трубы. Залежи нефти находились на глубине 1,6—2,4 километра. Начальный дебит скважин 47—200 тонн в сутки.

Но взять эту нефть было непросто. Самотлор на многие километры окружали непроходимые болота. Зимой геологи пробивались к нему на лыжах. Опыта эксплуатации месторождений на болоте еще не было в мировой практике. Рассматривались два варианта: осушить озеро-болото или построить на нем эс-

такады и бурить с площадок, как на морских нефтепромыслах в Баку. Сабит Атаевич был сторонником второго варианта.

Но после ряда комиссий и совещаний со специалистами первый вариант был отвергнут из-за опасности пожара — сухой торф мог вспыхнуть как порох. Второй — из-за длительности строительных работ. Тогда был найден третий вариант — создавать промысел прямо на озере, отсыпая искусственные острова для буровых вышек. И Оруджев полностью включился в реализацию этого проекта.

Бурение первой эксплуатационной скважины на Самотлоре было начато зимой 1968 года. О начале этих работ заведующий Самотлорским нефтепромыслом Иван Иванович Рынковой вспоминает: «Сейчас до Самотлора по бетонной дороге мы доезжаем за сорок минут. А тогда эти тридцать километров преодолевались по замерзшему болоту месяц. Суровая была зима, стрелы у экскаваторов лопались от мороза, даже солярка замерзала. Но скважину мы пробурили...»

Позже для нефтяников на Самотлоре прямо на болоте был построен город Нижневартовск. Все здания в этом городе пришлось воздвигать на насыпных песчаных основаниях или на сваях. А в 1981 году на Самотлоре была добыта первая миллиардная тонна нефти. К сожалению, Сабит Атаевич уже не дожил до этого дня.

Совещания в Миннефтепроме под председательством Оруджева всегда носили острый полемический характер, но когда напряжение достигало своего предела, для разрядки обстановки Сабит Атаевич «включал» юмор. Об одном из таких совещаний вспоминал П. А. Арушанов:

«Проходило совещание руководителей главков и директоров институтов Миннефтепрома. Обсуждались вопросы обеспечения отрасли современной техникой, проектной документацией. Совещание проходило напряженно. Сабит Атаевич, который остро критиковал недостатки, говорил в несколько повышенном тоне, некоторые также срывались. Но когда обстановка стала особенно напряженной, один из директоров институтов поинтересовался, почему первый заместитель министра на них кричит. Сабит Атаевич, услышав этот вопрос, сразу замолчал, секунду подумал и ответил, что если он будет говорить тихо, то по министерству пойдут слухи, что он заболел. Все присутствующие рассмеялись, напряжение спало, и разговор перешел в деловое русло».

Таким образом, С. А. Оруджев с готовностью отслеживал все новое в нефтяном деле, стремился его осмыслить, обобщить и максимально использовать в интересах отечественной нефтяной промышленности.

Поездка в Нидерланды и Иран

В декабре 1965 года делегация советских нефтяников, возглавляемая Сабитом Атаевичем Оруджевым, посетила нефтяные месторождения и предприятия нефтяной промышленности Нидерландов.

Ровно через год после этой поездки из-под пера Сабита Атаевича вышла в свет брошюра «Нефтегазовая промышленность Нидерландов: Краткий обзор». Автор привел в ней данные о состоянии разработки и разведки нефтяных и газовых месторождений этой страны, рассказал о конструкциях новых морских плавучих буровых установок, с которыми ознакомился во время своего пребывания в Нидерландах в декабре 1965 года. Передовой опыт нефтегазодобычи Оруджев делает достоянием советских специалистов.

В апреле 1967 года в Иране находилась советская правительственная делегация во главе с заместителем председателя Совета министров СССР Н. К. Байбаковым, которая вела с правительством этой страны переговоры о расширении экономических связей между двумя государствами. В составе делегации был и С. А. Оруджев. Для него это было второе посещение этой страны. (Первое — в ноябре 1964 года, по результатам которого была написана солидная брошюра с иллюстрациями «Нефтедобывающая промышленность Ирана», вышедшая в свет в 1965 году.)

Естественно, что специалисты нефтяной и газовой промышленности, а также работники внешнеторговых организаций проявили интерес прежде всего к основным сведениям о состоянии и перспективах развития нефтегазодобывающей промышленности Ирана.

После повторного посещения соседней страны С. А. Оруджев счел целесообразным дополнить опубликованные ранее материалы новыми данными по разработке нефтяных месторождений за 1965—1966 годы. Результатом этого стала брошюра «Состояние нефтедобывающей промышленности Ирана и разработка сходных по условиям залежей Чечено-Ингушской АССР», вышедшая в 1967 году. Автор включил во второе издание книги раздел о современном состоянии разведки и разработки нефтяных залежей Чечено-Ингушской АССР, полагая, что одновременное ознакомление с отечественными и иранскими месторождениями, имеющими сходные трещиноватые коллекторы, представляет значительный интерес для специалистов и может быть полезно на практике.

Доклад на Всемирном конгрессе нефтяников

Активное участие в международных научных форумах нефтяников было нормой жизни ученого и хозяйственника С. А. Оруджева. На VII Всемирном конгрессе нефтяников, который состоялся в апреле 1967 года в далекой Мексике, вниманию участников был представлен его доклад «Прогресс в области добычи нефти в мире». В сравнительно небольшом по объему докладе автор проанализировал состояние нефтедобычи в сорока трех странах всех континентов Земли за 1962—1966 годы, привел обобщающие показатели о добыче нефти в мире в целом.

Главное внимание участников конгресса было привлечено к проблемам развития добычи нефти, совершенствованию технологий разработки нефтяных месторождений, достижениям в области исследований и промышленных испытаний новейших методов увеличения нефтеотдачи, прогрессу в области эксплуатации скважин. При подготовке к докладу Сабит Атаевич использовал наряду с отечественной и иностранную специальную литературу и при этом активно опирался на соответствующий опыт советской нефтяной промышленности.

На службе мирного атома

Положительный результат тушения пожаров подземными ядерными взрывами позволил говорить о перспективности применения такого типа зарядов для тушения газовых факелов. Поэтому советские ученые и лично Сабит Атаевич Оруджев продолжали исследования в этом направлении. По его инициативе в последующем термоядерные заряды применялись для тушения газовых факелов еще трижды: 21 мая 1968 года в Кашкадарьинской области, 11 апреля 1972 года в Марыйской области и 9 июня 1972 года в Харьковской области.

Вполне понятно, что средствами массовой информации эти события были поданы как использование ядерных взрывов в мирных целях и освещены с минимальной дозой подачи информации. Правда, впоследствии сами участники экспериментов несколько расширили информированность в первую очередь специалистов-нефтяников, но доступ к этим сведениям все же был ограничен.

Таким образом, при непосредственном участии Сабита Атаевича в Советском Союзе были осуществлены опытно-промышленные подземные ядерные взрывы в разное время

на двух различных по своему геологическому строению нефтяных месторождениях с целью повышения эффективности эксплуатации залежей. При этом главное внимание было сосредоточено на выяснении возможности безопасного применения подземных ядерных взрывов на действующих нефтепромыслах и получении научно-технической информации о характере воздействия подземного ядерного взрыва (механического, термического, радиационного и др.) на продуктивные пласты и содержащиеся в них флюиды и об эффективности этого воздействия в смысле увеличения производительности эксплуатируемых скважин, интенсификации разработки залежей и увеличения коэффициента конечной нефтеотдачи пласта.

На одном из выбранных месторождений опыт проводился в два этапа: вначале одновременно взорвали два ядерных заряда мощностью по 2,3 килотонны, размещенных в центральной части залежи на глубине 1378 и 1348 метров на расстоянии 200 метров друг от друга, затем еще один ядерный заряд мощностью около 8 килотонн на глубине 1350 метров. В результате взрывов отбор нефти из всей залежи увеличился на 34 процента по сравнению с расчетной ожидаемой добычей. Аналогичные результаты были достигнуты и на другом месторождении, где были подорваны два ядерных заряда мощностью около 8 килотонн, заложенные на глубине 1212 и 1208 метров на расстоянии 1,2 тысячи метров друг от друга.

Проведенные опытно-промышленные эксперименты позволили получить ценнейшую научно-техническую информацию о характере воздействия подземных ядерных взрывов на карбонатные коллекторы и содержащиеся в них углеводороды, а также на сооружения и коммуникации действующих нефтепромыслов. Одновременно в промышленных масштабах была доказана принципиальная возможность проведения подземных ядерных взрывов на действующих месторождениях (при соответствующем выборе мощности заряда) без нанесения существенного ущерба скважинам, сооружениям и коммуникациям, а также населенным пунктам при полной радиационной безопасности обслуживающего персонала и населения района.

Полученные результаты легли в основу специального доклада С. А. Оруджева «Применение подземных ядерных взрывов для интенсификации разработки нефтяных месторождений» на VIII нефтяном конгрессе, состоявшемся в Москве 13—19 июня 1971 года. Подготовленный совместно с группой ученых Московского института нефтехимической и газовой промышленности доклад, осветивший основные этапы прове-

дения экспериментов и их итоги, в полной мере соответствовал главной задаче конгресса — заглянуть в будущее нефтедобычи. При этом докладчик подчеркнул, что нужны дополнительные эксперименты, чтобы полнее выявить экономическую эффективность, а главное, безопасность применения ядерной энергии в мирных целях.

В 1971 году за заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленности, строительства, транспорта и связи (так сказано в указе Президиума Верховного Совета СССР, а на самом деле — за опытно-промышленные ядерные взрывы) Сабит Атаевич был награжден второй по значимости в Советском Союзе государственной наградой — орденом Октябрьской Революции.

Таким образом, в 1960-е годы С. А. Оруджев проявил себя как талантливый ученый, изобретатель и организатор отраслевой науки.

Сабит Атаевич был прекрасным оратором и полемистом, его речь всегда отличалась конкретностью и железной логикой, колоритом и юмором, подаваемым в самой серьезной манере. Он был непримирим к бессодержательным выступлениям, но при этом никогда не унижал докладчиков, наставляя их на более правильный путь.

По инициативе Оруджева при завершении работы комиссии, перед возвращением ее в Москву, как правило, проводился прощальный ужин, на котором все участники комиссии получали возможность высказать свои соображения в непринужденной обстановке. На таких импровизированных капустниках обсуждаемые проблемы преподносились в юмористическом виде; в ершистых стихах и колких эпитафиях «доставалось» всем: и правым в научных суждениях, и заблуждающимся. В итоге возникали дискуссии, которые постепенно приобретали все более и более научный характер. В конце ужина обычно заключительное слово брал Сабит Атаевич, который к тому времени успевал не только выделить основные проблемы, но и наметить пути их решения. Нередко эти его выводы и заключения существенно дополняли и гармонично вписывались в итоговые документы работы комиссии.

Оруджев импонировал многим и своими чисто человеческими качествами: демократичен, дружелюбен в общении, но без тени панибратства. Он ценил в людях чувство человеческого достоинства, но не терпел бестактности и неорганизованности. Он был требователен к тому, как ведет себя человек в самых различных ситуациях.

Ученый секретарь ЦКР Минадора Макаровна Иванова часто вспоминала трехдневную выездную поездку комиссии в

Западную Сибирь. После напряженной работы, вечером накануне отъезда, все были приглашены на прощальный ужин. К тому времени у членов комиссии уже сложилась традиция: если министр уходит, то мероприятие закончено. Но на этот раз традиция была нарушена.

Несколько человек после ухода министра все же остались продолжать застолье. Допоздна слышались хохот и беготня. А банкетный зал гостиницы находился как раз над комнатой, занимаемой Оруджевым и Муравленко.

На следующий день Оруджев подозвал оставшихся на вчерашнем банкете и грозно объявил им:

— Вчера вы недопустимо себя вели. Ваше поведение недостойно работников министерства, поэтому с нами не полетите! На послезавтра я жду вас с объяснениями в своем кабинете.

В это время С. А. Оруджев очень много ездил по стране. По воспоминаниям хорошо знавших его людей, он стойко переносил дорожные невзгоды и был скромен в быту. При выезде в отдаленные малообжитые районы Сабит Атаевич всегда разделял со своими сотрудниками тяжелые условия работы, трудности быта, скудность питания.

Так, при очередном облете Приобского района Западной Сибири под вечер вертолет с работниками Миннефтепрома оказался в зоне сильной грозы и вынужден был сесть на островок суши. Возникли проблемы с ночевкой и питанием. В небольшом поселковом магазине, который с трудом отыскивали «десантники», предлагались одни баранки. Сабит Атаевич, чувствуя себя ответственным за всех, предложил поужинать баранками. Затем он, без тени огорчения, с лукавым задором через весь поселок шествовал впереди всей группы с длинной связкой баранок в руке.

В то время в Миннефтепроме существовала традиция: доклад к 8 Марта всегда делал Оруджев. Он находил столько хороших, теплых слов в адрес женщин, что они выходили из зала веселые и счастливые. Доходило даже до того, что, если Сабит Атаевич задерживался на совещании и кто-то другой из руководителей хотел поздравить женщин, они настойчиво заявляли, что дождутся Оруджева, и действительно дожидались его. И это было не зря. Во время дальних поездок Сабит Атаевич всегда старался создать для женщин максимально удобные условия. Были случаи, когда он, приехав в отдаленный сибирский поселок, в котором не было гостиницы, уступал дамам помещение, отведенное для проживания первому заместителю министра.

Высокие оценки

На всех постах, которые последовательно занимает Сабит Атаевич Оруджев, его усердие отмечается в высших инстанциях, прибавляется количество государственных наград. За выдающиеся успехи в развитии нефтяной и газовой промышленности СССР в 1959 году он награждается вторым орденом Ленина, а в 1966 году за успешное выполнение заданий семилетнего плана по добыче нефти и заслуги в развитии нефтедобывающей промышленности — третьим орденом Трудового Красного Знамени. Год спустя он избирается членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР.

Однако потенциал ученого и организатора производства на этом не иссякает. Архивные документы, научные труды и их оценки современниками позволяют сделать вывод, что каждая достигнутая победа стимулировала Оруджева к новым свершениям. В 1970 году за свои научные изыскания и внедрение их в производство Сабит Атаевич был удостоен Ленинской премии — высшей в СССР почетной награды.

Указ был опубликован в газете «Правда» 21 апреля 1970 года. В нем говорилось: «ЦК КПСС и Совет Министров Союза ССР, рассмотрев представление Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, постановили присудить Ленинские премии 1970 года:

...Крючкову Борису Николаевичу, руководителю сектора Всесоюзного нефтегазового научно-исследовательского института, Максимову Владимиру Павловичу, кандидату технических наук, бывшему начальнику отдела Государственного научно-исследовательского и проектного института «Гипротюменнефтегаз», Московцеву Олегу Алексеевичу, главному геологу нефтепромыслового управления «Юганскнефть», Оруджеву Сабиту Атаевичу, доктору технических наук, первому заместителю министра нефтедобывающей промышленности СССР, Фаину Юрию Борисовичу, заместителю начальника главного управления «Главтюменнефтегаз», Филановскому-Зенкову Владимиру Юрьевичу, бывшему главному инженеру того же главного управления, — за разработку и внедрение высокоэффективных комплексных технико-технологических решений, обеспечивших ускоренное развитие добычи нефти в Тюменской области».

В статье президента Академии наук СССР академика М. В. Келдыша «Правофланговые научного прогресса», опубликованной в «Правде» в тот же день, особое внимание уделено работам, удостоенным премий за вклад в развитие нефтега-

зового комплекса: «Для развития всей нашей промышленности, для расширения энергетической базы страны огромное значение имеют нефть и газ. За последние десятилетия наука привела к открытию богатейших ресурсов нефти и газа в районах, где раньше и не подозревали об их наличии. За открытие и освоение новых огромных месторождений нефти и газа трем авторским коллективам присуждены Ленинские премии.

Крупнейший в мире газоносный район, общие запасы которого составляют более половины всех запасов природного газа по Советскому Союзу, открыт на севере Тюменской области. В числе открытых месторождений имеются такие, как Заполярное, Медвежье и крупнейшее в мире — Уренгойское, запасы которого, по последним данным, оцениваются в несколько триллионов кубических метров газа.

Большие успехи достигнуты в открытии и освоении в Западной Сибири и нефтяных месторождений, в первую очередь в приуральской и центральной частях Тюменской области. Уже в этом году добыча нефти в Западной Сибири достигнет не менее 30 миллионов тонн и в будущем получит громадное развитие.

Крупным достижением явилась и разработка высокоэффективных решений, обеспечивающих ускоренный рост добычи нефти в Тюменской области. Благодаря их осуществлению темпы ввода нефтяных месторождений в крайне неблагоприятных природных условиях Западной Сибири не знают себе равных».

Chomafary

Добыча нефти
на промысле
товарищества
«Бранобель» в Баку.
1913 г.

Предприниматель
Роберт Нобель

Городское ремесленное училище в дореволюционном Баку,
впоследствии Азербайджанский нефтяной институт

Управляющий трестом «Орджоникидзенефть»

Сабит Оруджев (сидит третий слева) с бригадой буровиков. Баку. 1940 г.

Они давали бакинскую нефть фронту. На совещании управляющего трестом «Сталиннефть» С. А. Оруджева (справа). Баку. Ноябрь 1944 г.

С. А. Оруджев (слева) и С. А. Везиров (второй слева) с работниками объединения «Азнефть». Баку. 1946 г.

Семья Оруджевых. Сидят: Сабит Атаевич, его отец Атабаба, жена Фатима Алекперовна; стоят: дочери Юлиана, Диляра, Гюляра и Роксана. *Около 1948 г.*

В редкие минуты отдыха с женой и кошкой. *Баку. 1946 г.*

Начальник
Главзапад-
нефтедобычи
С. А. Оруджев
перед спуском
в шахту.
1954 г.

Во время рабочей
поездки
по Краснодарскому
краю.
1955 г.

Разговор о нефти.
1950-е гг.

На строительстве
нового завода
в Баку.
1950-е гг.

В президиуме правительства Азербайджанской ССР. 1957 г.

С. А. Оруджев и секретарь ЦК компартии Азербайджана
С. А. Везиров (в центре). 1950-е гг.

Нефть из новой скважины. 1950-е гг.

Они начинали освоение месторождения Нефтяные Камни: геологи А. К. Алиев и А. А. Якубов, С. А. Оруджев, буровик Ю. А. Сафаров. *Конец 1940-х гг.*

Подготовка буровой вышки для установки в акватории Каспийского моря

С. А. Оруджев (слева) и Б. А. Гаджиев (второй слева) в теплице в Нефтяных Камнях. *Начало 1960-х гг.*

С. А. Оруджев (в центре) и начальник объединения «Нефтяные Камни» Б. А. Гаджиев (третий слева) с группой специалистов. *Начало 1960-х гг.*

С. А. Оруджев (третий слева) во время поездки в Японию. 1962 г.

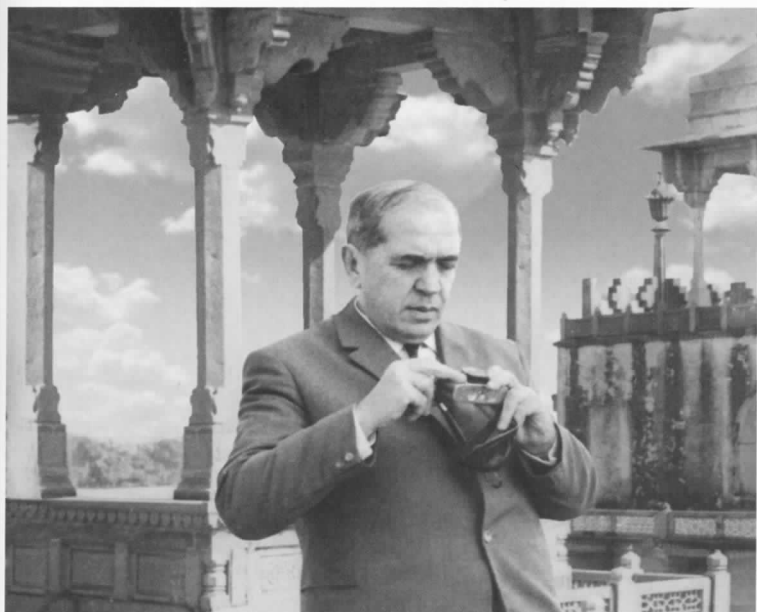
Рабочий визит в Китай. 1960-е гг.

Визит в Иран: А. К. Караев (второй слева),
С. А. Оруджев (третий слева), И. С. Мелик-Пашаев (пятый справа),
Н. И. Чернов (шестой справа). 1964 г.

Сабит Атаевич любил фотографировать

Николай Константинович
Байбаков

Валентин Дмитриевич
Шашин

Министр нефтяной промышленности В. Д. Шашин, С. А. Оруджев,
Ш. С. Дангорян, Р. Ш. Мингареев. 1960-е гг.

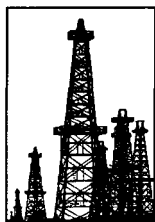

Плавучая буровая

Сабит Атаевич и Фатима Алекперовна с внучкой Сабиной над букварем.
1966 г.

Часть вторая
ВО ГЛАВЕ
ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Глава первая
НАЗНАЧЕНИЕ

Спорный план

Экономические успехи восьмой пятилетки явно вскружили головы некоторым советским руководителям. На девятую пятилетку были взяты повышенные обязательства. Надо признать, что и Госплан СССР в определенной степени попал под «гипноз» положительных итогов структурной политики и без особых колебаний взял курс на продолжение ее в новой пятилетке. Это был курс на ускорение производства средств потребления. Приоритеты в выделении ресурсов получили сельское хозяйство и транспорт. Несколько меньше средств было выделено на развитие базовых отраслей: металлургии, машиностроения, строительства...

На коллегии Госплана ставился вопрос о том, что после рывка в восьмой пятилетке нужно несколько сбавить темпы промышленного производства. Девятая пятилетка должна была стать «санитарной», то есть периодом структурной перестройки с реальным опережением производства продукции в группе Б.

Данный подход не всеми был воспринят однозначно. Разгорелась дискуссия. Одни ученые обвинили Госплан в нарушении экономического закона преимущественного роста средств производства, другие доказывали необоснованность этих обвинений. Однако ничего принципиального никто из них предложить не мог, хотя вокруг данной проблемы шума было много.

Но в 1972 году произошло непредвиденное. Лето выдалось засушливое, неурожайное. В стране не смогли собрать необходимого количества зерна. Плохо было и с кормами. Уже к концу лета стало ясно, что рынок не будет обеспечен продуктами, а следовательно, окажется невозможным покрыть рост заработной платы товарами первой необходимости.

С этими невеселыми выводами Николай Константинович Байбаков и направился в Совет министров, втайне надеясь, что Алексей Николаевич Косыгин поймет его и, возможно,

подскажет какой-то путь решения. Но Косыгин, ознакомившись с представленным проектом, ровным тихим голосом, с трудом сдерживая досаду, спросил:

— Что ты мне представил? Разве тебе не ясно, что при таком плане мы все сожрем и у нас ничего не останется для расширения производства?

Байбаков пытался объяснить, что такие предложения — результат оценки реально сложившейся обстановки, связанной с неурожаем. Внимательно выслушав его, Косыгин только покачал головой:

— Ты хорошо знаешь, Николай, что твои болячки — это и мои болячки. Но ты также должен понимать, что должен поддерживать меня во всем. Ты мой заместитель. Вот тебе семь дней. Иди к себе, собери коллегия, вызови министров и скажи им, что такой план правительство принять не может. Нужно изыскать возможности повышения производительности труда за счет лучшей организации производства, внедрения новой техники и технологий, дать больше товаров широкого потребления.

Байбаков был вынужден подчиниться.

Заседание коллегии Госплана на этот раз проходило особенно долго. Несмотря на то, что все министры к нему тщательно готовились в свете новых требований, рабочих вопросов возникло немало. Часть из них решалась тут же, что называется, на ходу. Другие требовали более глубокой проработки и согласования.

В назначенное время Байбаков опять пришел к Косыгину и доложил, что выполнил поставленную перед ним задачу. Алексей Николаевич не удовлетворился общим докладом и потребовал детальных разъяснений по каждому пункту. И только убедившись, что все хорошо просчитано, заметил, обращаясь к своему помощнику Карпову:

— Ну, вот видите, Анатолий Георгиевич, а вы говорите, что в Госплане нет думающих людей.

Затем он обратился к Байбакову:

— Видишь, Николай, стоило поработать, посоветоваться с людьми, и можно положительно решить любой вопрос. Вы всё просчитали хорошо. Но я думаю, что резервы все-таки у нас есть. Нужно увеличить экспорт нефти и газа, а для этого надо быстрее вводить в строй новые мощности и прежде всего в Западной Сибири. На днях я разговаривал об этом с Леонидом Ильичом, и он согласился со мной.

Через два дня после этого разговора Брежнев пригласил Косыгина, Подгорного и Байбакова к себе на дачу на территории охотничьего хозяйства «Завидово» для обсуждения скорректи-

рованного плана развития народного хозяйства. Обсуждение заняло два дня. Байбаков, по своему обыкновению, доказывал цифрами. Брежнев слушал его со скучающим видом. Наконец он не выдержал:

— Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Цифры оставь для Алексея Николаевича, а нам докладывай только конкретные решения...

Через несколько дней на заседании политбюро Л. И. Брежнев заявил:

— Я два дня слушал Байбакова, а теперь спать не могу.

Несмотря на это заявление, план в новом варианте был принят. Оставалось обеспечить мероприятия по его реализации.

Нелегкое решение

Нужно признать, что вся история развития экономики Советского Союза осуществлялась в рамках пятилетних планов, которые принимались на очередных съездах партии.

В 1971 году в Москве проходил XXIV съезд КПСС, который утвердил директивы девятого пятилетнего плана. Этим планом предусматривались создание в Западной Сибири крупнейшей в стране базы нефтяной и газовой промышленности, строительство ряда газоперерабатывающих заводов и успешная разработка месторождений на севере Тюменской области.

К тому времени отечественная газовая промышленность представляла собой мощную отрасль народного хозяйства. Разведанные запасы природного газа на территории СССР достигали 15,7 триллиона кубометров при годовой добыче 212,4 миллиарда кубометров. Общая протяженность магистральных газопроводов — 72,3 тысячи километров, на которых работало 136 компрессорных станций. В стране имелось 15 подземных хранилищ общей емкостью свыше 14 миллиардов кубометров газа.

Работы по выполнению заданий съезда продолжались. Уже через год, 31 марта 1972 года, был торжественно зажжен факел самого крупного в стране газового месторождения Медвежье, расположенного в Ямало-Ненецком автономном округе. Начались освоение и других месторождений, открытых в районе Западной Сибири, строительство магистральных газопроводов. Министерство газовой промышленности, возглавляемое Алексеем Кирилловичем Картуновым, с огромным трудом справлялось с возрастающим объемом задач.

Проблема усугублялась тем, что Кортунов болел. Как человек железной воли и огромных организаторских способностей, он не отходил от дел. Но тяжелая болезнь давала о себе знать. Вместо него на совещания в Совет министров и Госплан СССР все чаще ездили его заместители, и это не могло не остаться незамеченным.

Весной 1972 года на имя А. Н. Косыгина поступила записка с предложением вывести из состава Министерства газовой промышленности строительную отрасль. Косыгин и сам думал об этом. Но ему не хотелось нарушать четкой структуры, созданной А. К. Кортуновым, которого он глубоко уважал. В то же время Косыгин как хозяйственник с крупным стажем государственного управления хорошо понимал, что время выдвигает новые требования и не считаться с этим нельзя. Поэтому данный вопрос им был поднят на очередной встрече с Н. К. Байбаковым, который подтвердил, что, по его мнению, управленческие возможности газовой отрасли исчерпаны и нужно думать о ее реструктуризации.

Почти сразу же встал и второй вопрос — кто будет руководить новой отраслью? А. К. Кортунов по специальности был строителем, и не было смысла отрывать его от этого важного и трудного дела. Но кому поручить добычу, транспорт и хранение газа?

Кто-то назвал кандидатуру первого заместителя Кортунова Михаила Васильевича Сидоренко.

Сидоренко был одним из старейших и самых опытных газовиков Советского Союза. Он окончил Азербайджанский индустриальный институт, почти 20 лет проработал в нефтяной промышленности, пройдя путь от рядового инженера до заместителя министра. При создании в 1956 году Главгаза СССР стал первым бессменным заместителем его начальника. Производство знал превосходно. Казалось бы, лучшей кандидатуры не найти.

Но ни Косыгин, ни Байбаков не спешили с выводами. Оба хорошо знали Сидоренко как прекрасного практика, способного организовать решение любой технической задачи. Не зря Михаил Васильевич неделями пропадал на пусковых объектах. Но для комплексного руководства отраслью требовался несколько другой человек.

Просмотрели кандидатуры других заместителей министра газовой промышленности. Среди них выделялась личность Юрия Петровича Баталина. Молодой, умный, энергичный. Но по специальности Баталин тоже строитель и с добычей газа знаком очень мало...

— Нужно поискать среди нефтяников, — предложил Байбаков. — Я достаточно долго проработал в этой отрасли. Добыча нефти мало чем отличается от добычи газа. Хорошо знаю многих нефтяников.

Так впервые было названо имя Сабита Атаевича Оруджева. По всем показателям он подходил. Но был нужен целый ряд согласований. Кроме того, Косыгин не хотел обидеть Кортуну.

Сегодня уже мало кто помнит, что собой представлял ранг министра СССР. Это была фигура хозяйственника поистине огромного значения, которому подчинялись министерства и ведомства пятнадцати союзных республик. В структуре министерств работали сотни тысяч людей, были собственные поселки, детские сады, школы, профессионально-технические училища, техникумы, институты, поликлиники, больницы, дома отдыха, санатории. Хозяйственная деятельность министерств тесно переплеталась с политической и социальной жизнью страны, а точнее, была ее составной частью. Поэтому назначение любого руководителя министерства, кроме согласования на уровне правительства, требовало также согласования и на уровне ЦК КПСС, и на уровне политбюро.

Позже некоторые авторы будут утверждать, что о своем назначении Оруджев узнал едва ли не случайно, во время его визита в Болгарию. Безусловно, это не совсем так. В Болгарии он узнал о том, что принят соответствующий указ. Но вся процедура одобрения его кандидатуры прошла заранее, и он получил соответствующее «добро».

Оставался один болезненный вопрос. Решение о выдвижении Оруджева на должность министра газовой промышленности нужно было сообщить Кортуну. Ни Косыгин, ни Байбаков точно не знали, как Алексей Кириллович отреагирует на это.

Алексей Кортуну

Алексей Кириллович Кортуну был легендарной личностью не только в отечественной газовой промышленности. Инженер-строитель с довоенным стажем, в годы Великой Отечественной войны три года командовал полком, который довел от Москвы до Берлина. Стал Героем Советского Союза, кавалером орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова 3-й степени, Александра Невского. Боевое знамя его полка, пробитое многими осколками, хранится в Центральном музее Вооруженных сил России.

После окончания войны Алексей Кириллович возвращается к мирной профессии и возглавляет крупные строительные организации в структуре Министерства нефтяной промышленности, а в 1950 году назначается заместителем министра нефтяной промышленности СССР по строительству. Некоторое время он тесно работает с Н. К. Байбаковым, а в 1955 году назначается министром строительства предприятий нефтяной промышленности СССР. Под его руководством строится крупнейший на то время магистральный газопровод Ставрополь — Москва протяженностью 1255 километров из труб диаметром 720 миллиметров. За успехи в строительстве этой магистрали он был награжден орденом Ленина.

В начале 1957 года Н. К. Байбаков был назначен председателем Госплана СССР, его заместителем по топливной энергетике и химии стал также в прошлом нефтяник В. А. Каламбаров. С приходом этих людей в Госплан резко изменилось отношение к нефти и газу. По их инициативе при Совете министров СССР в 1956 году создается Главгаз, а в 1957 году эту структуру возглавляет А. К. Кортунوف.

Под руководством Алексея Кирилловича начинается бурное развитие газовой промышленности. Вводятся в строй Березовское месторождение и месторождения Краснодарского края, строятся магистральные газопроводы, в том числе такие гиганты, как Дашава — Минск (662 километра), Джаркак — Бухара — Самарканд — Ташкент (767 километров), Белоусово — Ленинград (875 километров), Бухара — Урал (1961 километр). Начинается газовое освоение Западной Сибири. Создаются первые подземные хранилища газа.

В 1965 году на базе Главгаза СССР развертывается Министерство газовой промышленности СССР и первым его руководителем становится А. К. Кортунوف.

Вводится в строй Оренбургское месторождение газа.

Строятся первые северные газопроводы Игрим — Серов (497 километров), Вуктыл — Ухта — Торжок, Мессояха — Норильск, гигантский газопровод Средняя Азия — Центр (3,4 тысячи километров), первый экспортный газопровод «Братство» (СССР — ЧССР).

За годы руководства газовой отраслью А. К. Кортуновым добыча природного газа в стране увеличилась в 12 раз: с 18,6 миллиарда кубометров в 1957 году до 221 миллиарда в 1972 году. Было построено и введено в эксплуатацию почти 100 тысяч километров магистральных трубопроводов. За эти годы, по существу, была сформирована основная газопроводная сеть Единой системы газоснабжения страны. Доля газа в общесоюзном топливном балансе достигла 19,5 процента.

Безусловно, Алексей Кириллович КОРТУНОВ участвовал в проработке решений, связанных с разделом министерства, но до самого последнего времени ему не говорили, какое министерство останется за ним. Но так продолжаться долго не могло — по «тихим» коридорам ЦК КПСС и Совета министров СССР упорно ползали самые различные слухи. Косыгин, который был с КОРТУНОВЫМ почти «на дружеской ноге», очень опасался, что Алексей Кириллович обо всем узнает от случайных источников и обвинит его в интриганстве. В то же время он почему-то всячески оттягивал решающий разговор.

Наконец КОРТУНОВ был приглашен на беседу к секретарю ЦК КПСС Андрею Павловичу Кириленко. Когда он вошел в его просторный кабинет, там уже был Байбаков, приглашенный ранее. На столе лежали какие-то бумаги, которые, как видно, просматривали совсем недавно.

Кириленко пригласил Алексея Кирилловича присаживаться и практически сразу же перешел к делу.

— Вы знаете, что ЦК имеет мнение о разделе ныне существующего Мингазпрома на два министерства с целью укрупнения строительной части нефтегазовой отрасли, — сказал он. — Настало время поставить окончательную точку в этом деле. Кого вы, Алексей Кириллович, видите в должности газового министра?

КОРТУНОВ молчал. Теперь, когда вопрос, по сути, был решен и он понял, что должен будет официально отказаться от той должности, с которой ассоциировал себя последние десять лет, непонятно откуда накотившийся ком обиды сдавил его горло.

— Конечно, вопрос непростой, нужно хорошо подумать, — попытался разрядить обстановку Кириленко. — В этой пятилетке вам придется решать огромные строительные задачи в интересах газовиков, и очень важно иметь во главе отрасли не только хорошего специалиста, но и масштабно мыслящего человека...

В кабинет, видимо по команде хозяина, вошла секретарь с подносом. Пока она расставляла чашки с чаем, Байбаков положил перед Алексеем Кирилловичем небольшой листок бумаги, на котором было написано всего несколько слов: «Алексей, поддержи Сабита!»

КОРТУНОВ прочитал записку, медленно сложил ее вдвое, затем вчетверо. Секретарша налила в чашки чай и вышла за дверь. Кириленко делал вид, что просматривает одну из лежащих перед ним бумаг. Байбаков молчал, и молчание явно затягивалось.

— Я бы рекомендовал Сабита Атаевича Оруджева, — наконец произнес Корунов, и по лицу Кириленко скользнула едва заметная улыбка.

— В Центральном комитете партии считают так же, — сказал он. — Вас, Алексей Кириллович, ЦК будет рекомендовать на сессии Верховного Совета утвердить министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Министерство придется формировать заново, дело сложное, но Центральный комитет не сомневается, что вы справитесь с этим делом.

Нужно признать, что в то время Сабит Атаевич был довольно поверхностно знаком с газовой отраслью. По разным вопросам ему неоднократно приходилось встречаться с газовиками, бывать на совместных совещаниях, иногда даже выезжать на газовые промыслы. Но напрямую с вопросами добычи и транспорта газа он не сталкивался. Поэтому вскоре после беседы в ЦК Оруджев решил лично посмотреть одно из крупнейших газотранспортных предприятий и выбрал для этого Московское управление магистральных газопроводов.

Данный выбор был не случайным. Московское управление было создано в 1956 году для обслуживания первого в СССР магистрального газопровода Саратов — Москва. Именно по нему природный газ Поволжья впервые дошел до столицы, на нем были отработаны многие вопросы, связанные с транспортом газа на большие расстояния. Затем в состав этого газопровода были введены газотранспортные предприятия газопроводов Дашава — Киев — Москва и Ставрополь — Москва. На базе Московского управления была создана первая в стране школа подготовки кадров газовиков-транспортников, в стенах которой выросли такие специалисты, как А. В. Александров, Д. Г. Аликов, С. Ф. Бармин, П. Т. Буряк, С. Р. Дерезов, Ю. А. Зайцев, В. Г. Курченков, В. П. Петренко, В. П. Перерва, А. Н. Козаченко, А. М. Бойко, А. И. Сафронов, А. Д. Седых, В. И. Халатин, Ф. А. Чеченев, С. И. Юдин, Е. И. Лихтенштейн и многие другие.

В одну из пятниц в сентябре 1972 года главному инженеру Московского управления магистральных газопроводов В. С. Меншутину позвонил М. В. Сидоренко и поручил встретить Оруджева. В субботу утром, ровно в девять часов, Сабит Атаевич был уже в Большом Черкасском переулке, где также находились Московское управление магистральных газопроводов и объединенное диспетчерское управление Мингазпрома. Это было за несколько дней до официального представления Оруджева аппарату министерства, но некоторые ответственные работники уже знали о его назначении.

В тот день Оруджев провел в управлениях Мингазпрома более двух часов. Он задавал вопросы, внимательно выслушивал ответы, иногда просил дополнительных разъяснений. Он интересовался структурой министерства, отношениями между людьми, между коллективами добытчиков и транспортников, просил четко пояснить, какие имеются трудности в транспорте газа. По этим вопросам стало ясно, что он решил как следует ознакомиться с новой для него отраслью — транспортом газа. Получился довольно обстоятельный разговор, в ходе которого у руководителей Моострансгаза сложилось хорошее впечатление о будущем министре.

Глава вторая

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Команда

В начале октября 1972 года Сабит Атаевич Оруджев приехал в старинное здание на улице Кирова, 13, где располагался Мингазпром, уже в качестве руководителя министерства. С ним вместе был первый заместитель председателя Совета министров И. В. Архипов. К тому времени костяк его руководящего аппарата в основном был уже сформирован. Для этого кадровикам пришлось проделать большую работу, основательно «прошерстить» кадры промыслов, газотранспортных управлений и научно-исследовательских институтов.

У входа в министерство Архипова и Оруджева встречал его первый заместитель М. В. Сидоренко, и они сразу же прошли в зал заседаний коллегии, где кроме заместителей находились начальники ведущих управлений. Архипов представил Оруджева аппарату министерства как министра газовой промышленности СССР. Сабит Атаевич коротко рассказал о себе, после чего Архипов уехал. После небольшого перерыва собрались снова. Состоялось не только знакомство, но и первый принципиальный разговор по организации работ по выполнению поставленных перед министерством задач.

22 октября 1972 года министр провел селекторное совещание с повесткой «Об огромных недостатках в работе газопроводной сети» и строго указал на ошибки руководящих специалистов строительных подразделений. Резкие обвинения сделали свое дело. Большинство работников центрального аппарата Мингазпрома, в первую очередь имевшие отношение к строительству, демонстрируя солидарность с А. К. Кортуновым,

перешли в новое Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. Ушло практически все руководство центрального аппарата — А. И. Сорокин, Ю. П. Баталин, К. К. Смирнов, Н. В. Грозов, А. А. Будагян и др. Произошел раскол среди работников, которые на протяжении многих лет хорошо и слаженно трудились, были единомышленниками и с большим уважением относились друг к другу. Поэтому для каждого расставание было определенной травмой.

Формирование нового центрального аппарата Министерства газовой промышленности прошло довольно быстро, чему способствовал жесткий контроль за деятельностью министерства со стороны Госснаба, Госплана и правительства. Все, кто решил остаться, заняли соответствующие должности, морального и материального ущемления при этом не было. Руководящий состав отрасли возглавили высококвалифицированные специалисты. Вновь назначенными заместителями министра стали Е. В. Щепкин, В. А. Динков, Ю. В. Зайцев — из Миннефти, Е. С. Коршунов — из ЦК КПСС, В. К. Лаптев — из Госснаба СССР, М. И. Агапчев — из Мингео. В состав коллегии вошли А. Г. Гудзь, В. И. Халатин, И. П. Жабрев, Г. Д. Маргулов, А. В. Демьянович, А. Н. Колотилин. Кроме того, в штабе отрасли трудились такие высококвалифицированные специалисты, как Э. Г. Одинцова, М. В. Головцов, Е. К. Селихова, В. А. Дубакин, В. Г. Васильев, А. Ф. Шкута, А. Д. Седых, Д. А. Сидоров, В. Г. Семичев, Н. И. Белый и многие другие.

В центральном аппарате министерства были организованы управления. Управление по добыче газа и газового конденсата возглавил А. Г. Гудзь, по транспорту и поставкам газа — В. И. Халатин, по бурению скважин — В. И. Авилов, по переработке природного газа — М. В. Головцов, по распределению и использованию газа в народном хозяйстве — Д. А. Сидоров, капитального строительства — А. Н. Колотилин, комплектации — Э. Г. Одинцова, материально-технического снабжения — И. И. Агаев, планово-экономическое — Г. Д. Маргулов, техническое — А. Д. Седых, геологическое — И. П. Жабрев, внешних связей — С. Р. Дерезов, экспертизы проектов и смет — А. П. Ефимова, финансовое — А. В. Барсуков, труда и заработной платы — В. Н. Нехаев, рабочего снабжения — Д. А. Мадьяров, хозяйственное — Д. А. Синяков, транспортное — В. И. Савченко, кадров — П. М. Тонконогов, государственную газовую инспекцию — Д. П. Бабенко. На правах отделов функционировали отдел главного энергетика — А. Ф. Шкута, первый отдел — В. А. Дубакин, второй отдел — Д. Е. Русанов, отдел техники безопасности — П. В. Куцын, отдел главного механика — В. Г. Семичев и отдел связи — В. И. Леонов.

В начале деятельности обновленного министерства в его управленческом аппарате стала просматриваться разница в стилях работы газовиков и перешедших в эту отрасль нефтяников. В первые месяцы министр часто возвращал материалы, подготовленные мингазпромовцами для заседаний коллегии или принципиальных совещаний. Это создавало определенные трудности в подготовке решений коллегии в подведении итогов ряда совещаний.

Первого заседания коллегии Мингазпрома с участием Оруджева старые работники ждали с особенным нетерпением и определенной настороженностью. Новый министр в газовой отрасли был человек «со стороны», а проблем накопилось немало. Следовательно, при активном включении в работу ему трудно было избежать ошибок и просчетов, что могло повредить делу. Занять же выжидательную позицию, переложив ответственность на плечи заместителей, значило признаться в своей некомпетентности перед людьми, с которыми ему предстояло решать в будущем объемные и сложные задачи и для которых профессионализм работника любого ранга всегда стоял на первом месте.

Нужно признать, что все газовики, десятилетиями работавшие под руководством Картунова, приняли назначение Оруджева с прохладцей, посчитав это решение неудачным. Профессионально каждый был на голову выше нового министра. Некоторые не раз демонстрировали свое превосходство, к месту и не к месту. Но его богатейший жизненный опыт, богатая трудовая практика, начавшаяся с работы учителем в глухом армянском селе, превзошли профессиональные знания новых коллег. Он умел учиться у своих подчиненных.

Незаметно для каждого из старых сотрудников Оруджев всех «обогнал». Вдобавок он стал «выше» тогдашних догматических партийных и правительственных законов. В Министерстве газовой промышленности воцарились живой дух и созидательная сила по развитию газовой промышленности страны.

Оруджев был волевым, даже жестким, но осмотрительным руководителем. Его стиль работы никогда не переходил в жестокость. Он оказал на сотрудников громаднейшее влияние, он умел ценить человека за добросовестный труд и преданность делу. Он верил в работников своего министерства, и все газовики верили в него. Если он давал обещания, то у него не было ни одного случая, чтобы он их не выполнил.

По воспоминаниям коллег, Сабит Атаевич сделал все возможное, чтобы избежать просчетов и не подорвать свой авто-

ритет. Он сколько мог по объективным причинам откладывал проведение коллегии, стремясь максимально разобраться в делах. С раннего утра до позднего вечера министр изучал служебную документацию, заслушивал отдельных работников и лишь затем формировал свое мнение по какому-либо вопросу.

И все же в начале новой работы избежать недочетов Оруджеву не удалось. Из-за недопонимания сложности газового дела, особенностей работы газотранспортной системы и значения подземных хранилищ газа в топливно-энергетическом балансе страны случались ошибки.

Владимир Иванович Халатин вспоминает:

«Самым обидным для нас, работников транспорта газа, стала недооценка министром роли транспортников в газоснабжении страны. Это объяснялось тем, что главным показателем работы отрасли был и остается объем добычи газа, хотя равнозначным показателем было и есть удовлетворение потребностей в газе народного хозяйства и населения страны, а также выполнение контрактных обязательств по поставкам газа на экспорт. Но поначалу Сабит Атаевич сосредоточился на первой части решавшейся задачи. Для него главным вопросом стала добыча газа, а все остальное он считал вторичным. “Если не выполняется план добычи газа, такое министерство никому не нужно”, — говорил Сабит Атаевич. Он считал, что условия работы на компрессорных станциях в десять раз легче, чем на буровых, а все недостатки в добыче он относил на транспорт газа».

В ноябре 1972 года С. А. Оруджев впервые участвовал в заседании Научно-технического совета Мингазпрома, на котором он по своему положению председательствовал. Повестка заседания совета была утверждена еще в начале этого года А. К. Кортуновым. Доклад с повесткой «Увеличение объемов бурения на подземных хранилищах газа, увеличение объемов закачки и отбора» делал главный геолог министерства В. Г. Васильев.

Первым после докладчика выступил министр.

— Газ — это аналогия с нефтью, — заявил он. — В нефти хранилищ не создают, надо создавать мощности. У вас столько газовых месторождений, а вы что-то выдумываете. Сделайте Шебелинское месторождение хранилищем, и проблема будет решена.

Начались прения. Кто-то согласился с министром, кто-то осторожно высказал сомнения, но большинство промолчали. А в заседании участвовали все члены коллегии и начальники управлений, то есть люди, хорошо знавшие дело. Тогда попросил слово В. И. Халатин и прямо заявил:

— Вы не правы, Сабит Атаевич. Газовая промышленность не может развиваться без подземных хранилищ. Они нужны

для того, чтобы не только хранить газ, но и для того, чтобы обеспечить бесперебойность снабжения потребителей, прежде всего в зимних условиях, когда дальний транспорт газа сильно затрудняется из-за низких температур.

Оруджев покраснел и опустил голову.

— Возможно, я еще не понимаю всего в газовом деле, — тихо, но отчетливо произнес он. — Но в добыче и транспорте я никак не могу считаться новичком. Думаю, это вам многим нужно менять установившиеся подходы...

«Мне тяжело обошлось это первое выступление, — признается В. И. Халатин. — На протяжении двух лет в мой адрес от министра было столько много критики, что я даже хотел перейти из министерства на другую работу. И только поддержка со стороны М. В. Сидоренко, В. К. Лаптева, других заместителей министров и почти всех начальников управлений центрального аппарата, а также руководителей газотранспортных подразделений давала силы продолжать работу».

Последний год невыполнения плана

И все же к концу 1972 года газовикам удалось сделать немало.

В том году был торжественно зажжен факел самого крупного в стране газового месторождения Медвежье — первого газоконденсатного месторождения в стране, которое разбуривали для промышленной разработки. Еще не было ни опыта работы, ни технологии бурения в условиях вечной мерзлоты, ни фонтанной арматуры под такое высокое давление. Не было труб и газовых станций по сбору и переработке газа. Все необходимое закупили за границей (фонтанную арматуру — в Италии, газовые трубы — в Германии). Первые установки комплексной переработки газа строили французы. Тем не менее началась промышленная подача газа с месторождения Медвежье в поселок Пангоды на электростанцию ПАЭС-1600.

Для подачи тюменского газа до потребителей в центральные районы страны было завершено строительство первой и второй очереди магистрального газопровода Медвежье — Надым — Пунга из труб диаметром 1420 миллиметров протяженностью 792,3 километра, который должен был стать частью газотранспортной системы Северные районы Тюменской области — Центр.

Для обслуживания этого газопровода создается Тюменское управление магистральных газопроводов (УМГ), начальником которого назначается Евгений Николаевич Яковлев. В структуре Тюменского управления были созданы три новых газо-

транспортных предприятия — Линейные производственно-диспетчерские службы (ЛПДС): Казымская (начальник Ю. Н. Ратьков), Надымская (начальник И. М. Ефремов) и Лонг-Юганская (начальник Б. И. Климов).

Активно ведется строительство третьей (диаметром 1220 миллиметров) и четвертой (диаметром 1220 и 1420 миллиметров) ниток газопровода Средняя Азия — Центр. Магистральный газопровод «Сияние Севера» (Вуктыл — Ухта — Торжок) доведен до Инчукулинского подземного хранилища газа в Латвии. Протяженность нового отрезка составила 567 километров.

На Оренбургском месторождении вступил в строй новый газовый промысел ГП-2 Оренбургского газового комплекса и было завершено сооружение первой очереди Мубарекского газоперерабатывающего завода.

Разведанные запасы природного газа на территории СССР к концу года составляли 17,7 триллиона кубометров, а годовой объем его добычи достиг 221,4 миллиарда кубометров. Общая протяженность магистральных газопроводов, обслуживаемых Мингазпромом, достигла 78,7 тысячи километров, на них работало 150 компрессорных станций общей мощностью 4346 киловатт.

К тому времени в СССР имелось 16 подземных хранилищ газа общей емкостью почти 16 миллиардов кубометров газа, позволявших ежедневно отбирать из них до 51 миллиона кубометров газа. Суммарная мощность установленных на них компрессорных станций достигала 103,3 киловатта.

В конце года состоялся VI съезд Научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности им. академика И. М. Губкина. Сабит Атаевич выступает на этом съезде, демонстрируя знания обстановки в отрасли, делает ряд конструктивных предложений. Многие работники и ученые отрасли впервые видят его в качестве ее руководителя, про себя отмечая сильные и слабые стороны выступления министра. Председателем центрального правления НТО по нефтяной и газовой промышленности избирается начальник управления Ю. В. Зайцев, который затем становится заместителем министра.

По воспоминаниям старых газовиков, в вопросах налаживания рабочих связей между газовеками и нефтяниками в первые месяцы их совместной работы в Мингазпроме большую роль сыграл Николай Иванович Белый, который пришел вместе с другими из Миннефти и был назначен начальником Управления делами министерства. Он готовил документы и предварительно докладывал о них министру и очень многое сделал для того, чтобы сблизить позиции пришедших в аппарат нефтяников и оставшихся в аппарате газовеков. Своим мудрым

поведением Николай Иванович создал обстановку взаимного уважения, что в начальный период работы нового министерства было очень важно. Благодаря совместным усилиям непонимание между специалистами других отраслей продолжалось недолго.

Но вот подошел конец 1972 года. Выяснилось, что этот год был очень трудным для отрасли — прирост добычи газа в 1972 году был самым низким за последние 12 лет. Данное явление волновало не только министра, но и все руководство страны, которое постоянно ориентировалось на повышение показателей. По этому вопросу в конце года Оруджев был приглашен в Совет министров СССР, где имел обстоятельную беседу с А. Н. Косыгиным и Н. К. Байбаковым. Об этой встрече Николай Константинович позже вспоминал как об одной из самых напряженных за все многолетнее их знакомство с Сабитом Атаевичем.

— Планы на следующий год уже подготовлены, согласованы на всех уровнях и, в целом, утверждены руководством страны, — сказал тогда Байбаков. — Газовикам, и прежде всего тебе, Сабит, как министру, остается одно — либо доказать свою состоятельность, как отдельная отрасль, либо стать в ряд с отстающими. Но тебя не для того назначили на эту отрасль, чтобы она числилась отстающей. Времени для раскочки нет. Нужно мобилизовать все силы и начать работать.

Не трудно предположить, как воспринял Оруджев этот наказ Байбакова. В канун Нового года им было проведено селективное совещание, в заключение которого он поздравил всех с наступающим новым годом, пожелал здоровья и сказал: «Пусть последний день этого года будет последним днем невыполнения государственного плана нашей отрасли».

Это был не пустой лозунг или пожелание. Это была цель, которую поставил Сабит Атаевич перед отраслью, каждым ее работником и прежде всего перед собой. В последующем он неотступно следовал этому.

Глава третья

БОЛЬШОЙ ГАЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Сложности добычи тюменского газа

К моменту назначения С. А. Оруджева министром газовой промышленности СССР эта отрасль уже была сориентирована на интенсивную разработку газоконденсатных и газовых месторождений Западной Сибири, большинство из которых

находилось на территории Тюменской области и, в частности, Ямало-Ненецкого округа. Но по природно-климатическим условиям сделать это было непросто.

Ямало-Ненецкий округ расположен в северной части Тюменской области на берегу Северного Ледовитого океана. Более половины территории округа, способной вместить три таких государства, как Великобритания, занимают тундра и лесотундра. Среднегодовая температура ниже минус 10 градусов. Зимой очень часты метели и бураны, снегопадов не бывает только в июле и августе. Широко распространена многолетняя мерзлота, отчего заболачивается почва и скапливаются поверхностные воды. Средняя плотность населения 0,1 на квадратный километр. Практически полное отсутствие населенных пунктов и транспортных коммуникаций. Было очень непросто решиться на освоение этого региона.

Тем не менее первые шаги были сделаны. В начале января 1968 года Тюменскую область посетил председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин с группой руководителей, которые наметили основные направления развития этого края. В конце этого года первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина доложил о начале строительства магистрального газопровода Мессояха — Норильск.

В 1969 году принимается специальное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по развитию нефтегазовой промышленности в Западной Сибири» и вводится в строй газопровод Мессояха — Норильск. Начинается строительство магистрального газопровода Надым — Пунга. Для освоения Западной Сибири постановлением Государственного комитета по науке и технике при Совете министров СССР в Тюмени открывается филиал московского НИИгипрогаза.

В 1970 году принимается новое постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению развития нефтедобывающей и газовой промышленности Западной Сибири». К тому времени в Тюменской области уже были разведаны запасы природного газа в объеме 12 триллионов кубометров, притом что на то время запасы газа США составляли всего 8,3 триллиона кубометров. Для ускорения освоения месторождений Западной Сибири и строительства магистральных газопроводов создаются новые строительные организации.

Вскоре после XXIV съезда КПСС, утвердившего директивы девятого пятилетнего плана, приказом министра газовой промышленности СССР в Тюмени создается Сибирский научно-исследовательский и проектный институт газопромыслового строительства (СибНИИгазстрой).

1970-е годы стали периодом бурного развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое началось еще при А. К. Кортунове. Для нефтяников, как и для газовиков, эта область становилась главным регионом добычи минерального топлива. Поэтому еще до назначения на пост министра газовой промышленности СССР С. А. Оруджев хорошо изучил Тюменскую область, освоение которой он начинал еще как нефтяник. К тому времени из Тюмени уже было проложено несколько нефтепроводов. Сам Сабит Атаевич возглавлял проект разработки крупнейшего в мире Самотлорского месторождения, хорошо знал местные условия, руководителей предприятий и партийно-хозяйственный актив области.

Месторождения Западной Сибири имеют свои особенности, с которыми газодобытчики впервые встретились в своей практике. С одной стороны, эти месторождения характеризуются рядом благоприятных геологических факторов. Так, значительные размеры газоносных районов и высокая концентрация запасов в небольшом числе месторождений позволили осуществлять концентрированный отбор больших объемов газа с относительно малых площадей. Хорошие коллекторские свойства обусловили возможность получения высоких дебитов скважин и сооружения мощных установок комплексной подготовки газа производительностью 8—15 миллиардов кубометров в год.

С другой стороны, эти месторождения расположены в районе с крайне тяжелыми природно-климатическими условиями. Практически вся территория района характеризуется наличием многолетне-мерзлых пород. При строительстве и эксплуатации скважин и других промысловых объектов лед постепенно таял, что приводило к потере устойчивости сооружений и нарушению равновесного состояния окружающей среды. Все это требовало принципиально новых подходов к подготовке месторождений к эксплуатации, методам их разработки, технике и технологии добычи газа в целом.

После зажжения факела крупнейшего в стране газового месторождения Медвежье намечалось освоение и других месторождений, открытых в Ямало-Ненецком автономном округе.

Сознавая это, для решения столь сложной комплексной задачи Оруджев привлек широкий круг ученых и специалистов не только Мингазпрома, но и других министерств, ведомств и научно-исследовательских институтов. На тюменские проблемы были нацелены лучшие силы Миннефтегазстроя, Минхиммаша, ВНИИгаза, ТюменНИИгипрогаза, ЮжНИИгипрогаза, ЦКБН Минхиммаша, объединений «Тюменгазпром», «Надымгазпром» и «Уренгойгаздобыча». Усилиями их коллек-

тивов был разработан и внедрен ряд новых технико-технологических решений по добыче, сбору и промысловой подготовке газа на тюменских месторождениях, которые обеспечили заданные темпы роста добычи голубого топлива при максимальной экономии капитальных вложений.

Важнейшим шагом в освоении газового Севера стало создание и укрепление производственных структур, насыщение их кадрами хороших специалистов, обеспечение нормальных условий для жизни и работы людей. К моменту назначения С. А. Оруджева руководителем Мингазпрома определенные задачи в этой области уже были решены его предшественником А. К. Кортуновым. Так, для координации деятельности всех газовых предприятий региона в июне 1966 года в структуре Министерства газовой промышленности было образовано производственное управление по добыче газа в Западной Сибири («Тюменгазпром») с размещением в областном центре — Тюмени.

К началу освоения более северных месторождений газа это управление выросло и окрепло. В сентябре 1970 года оно было реорганизовано в объединение «Тюменгазпром». В нем работали такие опытные специалисты, как Г. Л. Диадимов — главный инженер управления, опытный технолог-газодобытчик, прошедший школу в Краснодарнефтегазе и Игримгазе; Л. А. Строгальщиков — начальник производственного отдела по бурению, с богатым опытом работы в конторе Туймазыбурнефти и Игримской конторе бурения треста «Тюменнефтегазразведка»; В. М. Поляков — начальник технического отдела, получивший опыт работы на Степновском газонефтепромысле и объединении «Саратовнефтегаз»; Н. В. Денисенко — начальник производственно-технического отдела, прошедший опыт освоения Березовского, Игримского и Пунгинского промыслов; Л. Д. Косухин — главный геолог, с богатейшим опытом работы на предприятиях Мингеологии; Г. Ф. Деев, возглавивший капитальное строительство, и многие другие.

С приходом в Мингазпром СССР С. А. Оруджева в тюменском объединении произошли новые перемены. В декабре 1972 года оно было реорганизовано в Главвостокгаздобычу, в январе 1973 года — в Главное тюменское производственное управление газовой промышленности (Главтюменгазпром), а в июле главк был переименован во Всесоюзное промышленное объединение «Тюменгазпром». Бессменным руководителем предприятия с момента его основания был Евгений Никифорович Алтунин. К тому времени в аппарат Тюменгазпрома пришли новые специалисты, с новыми взглядами, с новым уровнем знаний, с новым опытом. Среди них: Г. П. Сулименков,

М. Т. Шатохин, Э. Г. Бегляров, Ю. Г. Разницын, М. М. Шаляпин, А. Н. Устьянцев, М. Ф. Яковлева, В. В. Минаков, Г. П. Иоанидис и многие другие.

Меняется и структура самого Тюменгазпрома. В его составе уже два производственных объединения — Северо-Уральское управление магистральных газопроводов (УМГ) и «Надымгазпром», а также Управление автомобильного и водного транспорта, УРС, УПТОиК, трест «Тюменстройгаздобыча», управление «Тюменгазсвязь» и ТюменНИИгипрогаз.

Были сделаны определенные шаги и в формировании газотранспортной системы на территории Западной Сибири. К моменту назначения С. А. Оруджева министром газовой промышленности природный газ с Западной Сибири на предприятия Урала поступал из Пунгинского, Игримского и Медвежьего месторождений. Главной газотранспортной артерией был газопровод Медвежье — Надым — Пунга, соединенный с ранее построенным газопроводом Игрим — Серов, которые обслуживались Тюменским управлением магистральных газопроводов, администрация и центральная база которого размещались в поселке Комсомольском Ханты-Мансийского национального округа. В его подчинении находилось восемь линейных производственных диспетчерских служб, получивших названия по местам своей дислокации: Пунгинская, Комсомольская, Ивдельская, Краснотурьинская и Нижне-Турьинская, Казымская, Надымская, Лонг-Юганская.

На этой магистрали были отработаны решения по прокладке газопроводов большого диаметра в условиях сильнообводненной местности, при слабонесущих грунтах, накапливался опыт эксплуатации в северных условиях. В целом опыт эксплуатации показал достаточную надежность проектных решений по прокладке линейной части, оборудованию и системам КС. В то же время было выявлено много вопросов, требовавших дополнительной проработки для условий Севера.

В Северо-Уральском УМГ под руководством Евгения Николаевича Яковлева к тому времени сложился коллектив хороших специалистов, в числе которых были Н. В. Веселовский, В. М. Духнин, Н. В. Раков, Ю. Н. Шумилин, Н. К. Ширназанов, В. Я. Колоярский, О. Г. Олейников, В. С. Зелеранский, В. С. Гагарин, П. П. Конопелько и многие другие.

Месторождение Медвежье

Экспериментальным полигоном для научных испытаний газовых месторождений Западной Сибири в 1970-е годы стало месторождение Медвежье. Оно было открыто в северной час-

ти Ямало-Ненецкого национального округа, в 80 километрах северо-восточнее города Надым, в 1967 году. Первая промышленная скважина на этом месторождении была пробурена в 1971 году. Для координации всех работ по обустройству месторождения в ноябре 1971 года приказом Мингазпрома СССР было создано Надымское газопромысловое управление, начальником которого был назначен Владислав Владимирович Стрижов.

Начали с малого. Создали группу из операторов по добыче газа, слесарей, электриков и других специалистов для проведения ревизии оборудования и выполнения пусконаладочных работ на первой на месторождении установке комплексной подготовки газа — УКПГ-2, которая была введена в строй в марте 1972 года. Ее руководителями стали В. М. Михайлов, А. А. Сапельников и А. А. Покрасов. Позже приехали другие специалисты: А. Ф. Слепухин, А. И. Слепухина, Ю. С. Сергиенко, В. Х. Аралбаева, В. И. Попова, С. Н. Кривецкая, Т. И. Шумилина, А. Н. Печеркин, В. Д. Степаненко. Были организованы необходимые службы и отделы предприятия.

Промышленная эксплуатация месторождения началась в мае 1972 года, когда газ по трубопроводу Надым — Пунга — Серов стал поступать на Урал, пополнив слабеющий поток игримского газа. К тому времени работало много молодых специалистов, в числе которых были В. В. Ремизов, В. И. Самойлов, С. Т. Пашин, А. Р. Маргулов, З. С. Салихов, Р. Мусин, В. Ф. Семерянко и другие, чьи имена сегодня хорошо известны в отрасли. К концу того года с месторождения были поданы первые 1,9 миллиарда кубометров голубого топлива.

С. А. Оруджев впервые посетил Медвежье в мае 1973 года. Он внимательно осмотрел все основные объекты и был удивлен молодостью местных руководителей и значимостью совершенных ими дел. Это была эпоха смелых и дерзких, эпоха созидателей, за спиной которых стояла не только отрасль, но и вся страна.

Ошутимая роль Медвежьего, большие перспективы месторождения обусловили принятие в ноябре 1973 года Сабитом Атаевичем решения о преобразовании Надымского газопромыслового управления в производственное объединение «Надымгазпром». Ему была подчинена полярная экспедиция глубокого бурения, что позволило объединению наращивать проходку горных пород и довести строительство скважин до 40—50 стволов в год.

Оправдала себя и ликвидация Оруджевым дирекции по обустройству северных промыслов и газопроводов. Созданный вместо нее отдел стал более эффективно решать вопросы

капитального строительства. И уже в октябре 1974 года природный газ Медвежьего поступил в Москву.

Развитие месторождения продолжалось. После дебатов о проведении эксперимента с кустовым бурением решили пробурить первый куст в районе УКПГ-1. Впервые на широтах Крайнего Севера коллектив 8-го специализированного строительного управления подготовил кустовое основание для проводки пяти скважин, расстояние между устьями которых было не два километра, как ранее, а всего 70 метров.

Северная природа основательно проверила на прочность строительные подразделения еще на одном непростом объекте — возведении УКПГ-4. Болота, морозы, вечную мерзлоту — все это сполна испытали северные строители. Тем не менее к концу 1974 года Государственная комиссия приняла «четверку» с оценкой «хорошо».

Набранные темпы строители сохранили и на следующий год, когда была введена в эксплуатацию УКПГ-5 и началось строительство УКПГ-6, были запущены в работу десятки новых скважин. Объединение по суточной добыче газа, составлявшей 100 миллионов кубометров, в 1975 году вышло на третье место в стране после Туркмении и Узбекистана. В связи с этим объединению «Надымгазпром» впервые были присуждены переходящие красные знамена Мингазпрома и ЦК профсоюза отрасли, а также ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Не забывал Сабит Атаевич и о людях. С 1973 по 1975 год правительственными наградами были отмечены десятки работников объединения. В числе награжденных были Г. Г. Шван, А. А. Бобылев, Н. Н. Десяткин, В. М. Симулин, В. М. Михайлов, П. С. Шухно и В. В. Корнилов. Первыми кавалерами ордена Трудовой славы 3-й степени стали Н. Н. Павлов и Ф. Л. Паньков.

24 декабря 1976 года «медвежатники» извлекли из недр сотый миллиард газа, увеличив добычу по сравнению с 1972 годом в 50 раз. Ни один район страны не знал таких темпов освоения.

Конец 1970-х стал горячей порой в обустройстве Медвежьего. Были выведены на проектную мощность УКПГ-8 и УКПГ-9.

От газовиков Медвежьего Оруджев не только требовал высоких трудовых показателей, но, в свою очередь, делал все возможное, чтобы они имели достойную оплату труда и хорошие бытовые условия. В 1970-е годы интенсивно ведется строительство Надыма и Пангод, постепенно превращавшихся из глухих сибирских поселков в благоустроенные населенные пункты с развитой инфраструктурой. В 1979 году в Надыме вводятся в эксплуатацию первая очередь очистных канализа-

ционных сооружений, баня на 100 мест, торговый центр и другие важные объекты. Вырос и поселок Пангоды, где построили три новых дома общей площадью 3,5 тысячи квадратных метров, магазин, школу на 392 учащихся.

Суммарная добыча газа с начала разработки месторождения Медвежье по январь 1980 года составила 305 миллиардов кубометров. Опыт освоения Медвежьего был широко использован при разработке других месторождений Западной Сибири.

Заслуги коллектива предприятия не остались незамеченными. 4 марта 1981 года по представлению Оруджева за досрочное выполнение заданий десятой пятилетки и достижение высоких технико-экономических показателей в работе Надымское производственное объединение по добыче газа («Надымгазпром») Министерства газовой промышленности СССР было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

Не были забыты и люди. Кавалером ордена Ленина стал В. А. Чентемиров, ордена Трудового Красного Знамени — П. А. Востриков. Орден «Знак Почета» получил В. Н. Колесников, а орден Трудовой славы 3-й степени — В. Н. Иванов, В. А. Копылов, В. Л. Седов, Л. М. Середа, А. М. Филимончук, Н. П. Хохотва и А. П. Шевченко.

Уренгойское месторождение

Наиболее ярким результатом сибирской деятельности С. А. Оруджева стало освоение Уренгойского месторождения. Став руководителем Мингазпрома СССР, Сабит Атаевич сразу же заинтересовался этим месторождением, в котором видел главную перспективу развития большого газа Тюменского Севера. Уже во время поездки в Надым в мае 1973 года он детально расспрашивал местных специалистов об Уренгое, его геологических и климатических особенностях.

Тогда же Сабит Атаевич узнал необычную историю открытия этого месторождения. Слово «Уренгой» большинством знатоков топонимики переводится как «холм», «бугор», «высокий берег», в одном случае — обдуваемый со всех сторон ветрами, пургой, в другом — примыкающий к реке Пур. Вот к такому высокому песчаному берегу Пура, на котором стоял поселок Уренгой — несколько недостроенных бараков, оставшихся от строителей незаконченной железной дороги Салехард — Игарка, в сентябре 1964 года причалил небольшой катер. В нем находился десант из пяти работников ямало-ненецкой геолого-разведочной экспедиции.

Об Уренгойском уникальном месторождении — «гиганте из гигантов» — никто тогда и не помышлял. Задача геологов была более скромная. Жаркое лето 1964 года превратило мелководный Пур в цепочку озер, поэтому близ поселка Уренгой застряло два лихтера с грузом для немногочисленного отряда таркосалинских нефтеразведчиков. Среди груза числилось сейсморазведочное оборудование. Чтобы оно не простаивало целый полевой сезон, несколько отчаянных голов предложили использовать его на месте: отстрелять профиль от поселка в сторону Ныды.

По тем временам это была настоящая авантюра, так как база экспедиции находилась в Салехарде. Топливо, взрывчатку, продукты и все остальное можно было доставить только на авиатранспорте. Но молодых сейсморазведчиков поддержали Юрий Георгиевич Эрвье и Вадим Дмитриевич Бованенко. За зиму 1964/65 года сейсмоотряд, возглавляемый Владимиром Лаврентьевичем Цыбенко, прошел 139 километров. Обработанный сейсмический материал показал куполовидное поднятие. Так было положено начало планомерной разведке и детализации будущего супергигантского месторождения газа и газового конденсата.

В начале 1966 года в целях ускорения разведки обнаруженных структур и поиска новых было решено перебазировать в Пуровский район нарыкарскую нефтегазоразведочную экспедицию. Первым в поселок Уренгой прибыли буровая и монтажная бригады В. Б. Полупанова и В. И. Погадаева. Забурились в 70 километров от поселка, построили первую скважину, которая 6 июня 1966 года дала мощный фонтан газа, суточный дебит которого достигал семи миллионов кубометров. Потом были скважины с еще большим дебитом.

Все это блестяще подтвердило предположения геологов о том, что за Обью, в тундровой зоне в отложениях мелового возраста находится месторождение-гигант. Его протяженность с севера на юг достигала 250 километров, а ширина с востока на запад колебалась от 30 до 60 километров, общая площадь газоносности составляла более шести тысяч квадратных километров.

В разрезе месторождения выделялось три этажа газоносности. Самый сложный в геологическом отношении — нижний с пятью газонефтеконденсатными залежами ачимовской свиты на глубинах от 3,55 до 4 тысяч метров. Средний слой состоит из 22 пластов неокомских газонефтеконденсатных залежей на глубинах от 1,7 до 3,1 тысячи метров. Наиболее изучен верхний этаж — сеноманская газовая залежь.

Но до начала 1970-х годов, пока газовая отрасль осваивала Медвежье, Уренгойское месторождение оставалось в резерве.

Оруджев решил, что настала очередь этого гиганта поделиться с людьми своими богатствами, и взялся за его освоение.

Уже в сентябре 1973 года он с группой работников Мингазпрома СССР, руководителей Тюменской области и строителей посетил месторождение и лично определил место для закладки будущего города Новый Уренгой.

О том, как происходило это историческое событие, рассказал В. Г. Чирсков, который в то время работал начальником Главного территориального производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири Миннефтегазстроя СССР:

«В сентябре 1973 года состоялась моя первая поездка совместно с Оруджевым. Летели на вертолете, на борту которого находились также секретарь Тюменского обкома Г. П. Богомяков, начальник газового главка Е. Н. Алтунин и другие.

25 сентября наш вертолет опустился в излучине реки Ево-Яхи недалеко от домика линейного обходчика телефонной связи Москва — Игарка. Хотя стояла осень, но снега было по щиколотку. Достали карту, начали определять место для закладки нового города.

Оруджев раньше других понял значимость этого момента. Он позвонил к себе своего помощника Н. И. Белого:

— Послушай, Николай Иванович, возьми ягель с этого места и положи мне в кабинете. Пусть напоминает о том, что было на месте города, который мы, несомненно, построим. Но нужно еще и по-другому отметить это необычное событие. Давайте ракетницу.

Из вертолета принесли ракетницу, и Оруджев сделал из нее несколько выстрелов вверх, дал выстрелить Богомякову.

— Чего-то не хватает. Видимо, нужно “обмыть” это событие, — решил Сабит Атаевич. — Принесите коньяк.

Коньяк принесли, всем налили понемногу. Но выпить не успели.

— Как можно такое большое дело, как начало освоения крупного месторождения и закладку города, начинать без женщины, — продолжал рассуждать Оруджев. — Позовите стюардессу.

Пошли за стюардессой. А она в туфельках. Пришлось нести ее на руках. Расчистили место, поставили на землю, поднесли бокал.

— Вот теперь все в порядке. Так давайте же выпьем за рождение нового города на карте нашей страны! — торжественно провозгласил Сабит Атаевич. Это и было начало Нового Уренгоя и Уренгойского производственного объединения по добыче газа, которому затем присвоили имя С. А. Оруджева».

Час Уренгоя пробил 17 декабря 1973 года, когда по решению Оруджева директор объединения «Надымгазпром» Владислав Владимирович Стрижов подписал приказ, в котором говорилось: «Для начала организационных работ по обустройству Уренгойского месторождения откомандировать первую колонну для ведения подготовительных работ...» И уже на следующий день из поселка Пангоды вышел первый автотракторный десант на Уренгой, ответственным за подготовку которого был Анатолий Дмитриевич Марковин.

По тундре шли тягачи, тракторы, бензовозы, мощные «ура-лы», везли строительные материалы. 120 трудных километров преодолели за семь суток, и только 24 декабря автоколонна прибыла на место. На площадке, расчищенной бульдозерами, встали в каре четыре вагончика, над которыми был установлен плакат: «Мы пришли к тебе, Уренгой!» Так началось обустройство месторождения и строительство города.

В составе первого уренгойского десанта была и буровая бригада мастера Н. Д. Терещенко со всем необходимым оборудованием и материалами. Через три месяца на месторождении появились вышкомонтажники И. Сафиуллина из заполярной экспедиции глубокого бурения. Но первая эксплуатационная скважина далась нелегко. Только 17 июня 1975 года бригадой Н. Д. Терещенко было завершено ее бурение.

Правда, первые кубометры уренгойского газа были поставлены задолго до пуска в эксплуатацию первого промысла. 29 декабря 1974 года голубое топливо стало поступать в котельную поселка первопроходцев со скважины Р-3. Для этого был сооружен первый уренгойский газопровод длиной шесть километров. Первым участком по добыче газа тогда руководил мастер Ю. Б. Салихов.

Вместе с промышленным освоением месторождения началось строительство поселка Новый Уренгой. 1 мая 1974 года газодобытчики справили новоселье в первом жилом бараке, затем появилась первая улица — Оптимистов. А 18 августа 1975 года официально был зарегистрирован поселок, который лег в основу будущего города Новый Уренгой. Так начали сбываться слова Сабита Атаевича, произнесенные им в пустынном месте посадки вертолета менее двух лет назад.

В январе 1977 года в поселке Новый Уренгой создается Уренгойское газопромысловое управление, начальником которого назначается Юрий Иванович Топчев. 22 апреля началась эксплуатация первой установки комплексной подготовки газа. Голубое топливо с месторождения начало поступать в промышленные районы страны.

5 декабря того же года Оруджев подписывает приказ об организации на базе Уренгойского газопромыслового управления Уренгойского производственного объединения по добыче газа (Уренгойгаздобыча). Директором объединения назначается Иван Спиридонович Никоненко. Вместе с ним на новое месторождение с Надымгазпрома выехала небольшая команда специалистов. Среди них были Р. С. Сулейманов, В. Л. Сливнев, Г. Е. Чернова, Р. В. Хворостянова, А. Р. Маргулов, С. Т. Пашин и др. К концу того же года месторождение было пушено в промышленную эксплуатацию, а через два года уже дало около 50 миллиардов кубометров природного газа.

Дальнейшее развитие предприятия происходило весьма бурно и продуктивно. К 30 мая 1978 года народное хозяйство СССР получило первый миллиард кубометров уренгойского газа. К концу года были введены в эксплуатацию УКПГ-2 и опытная установка получения дизельного топлива. В 1979 году был введен в строй газопровод Уренгой — Челябинск. В тот и следующий год на промысле заработали еще две УКПГ. А 1981 год стал знаменателен вводом в строй УКПГ-5, УКПГ-6, а также газопроводов Уренгой — Грязовец, Уренгой — Петровск и Уренгой — Новопсков. В том же году с начала освоения месторождения был добыт сотый миллиард кубометров газа.

На Уренгойском месторождении выросли многие специалисты, которые стали «золотым фондом» газовой отрасли. За самоотверженный труд государственными и ведомственными наградами были удостоены более 600 тружеников объединения. Среди них Р. С. Сулейманов, Г. А. Ланчаков, А. Ф. Цуркан, А. В. Соха, Б. Н. Бондарев, Н. Л. Лешенко, В. В. Пазиняк, Н. И. Дубина, Н. А. Локтионов, В. М. Ефимов, К. А. Горюнов, П. Ф. Тягульская, П. С. Лях, Ю. Б. Салихов, Г. Г. Кучеров, И. М. Подовжний и многие другие.

Правительственные делегации в Тюменскую область

1973 год начался для Оруджева достаточно сложно. В первой половине января член Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин совершил очередную поездку по Тюменской области. Он побывал на Самотлорском и Медвежьем месторождениях, посетил Нижневартовск, Надым, Сургут. В поездке Косыгина сопровождали заместитель председателя Совета министров СССР Вениамин Эммануилович Дымшиц, министры СССР Петр Степанович Непорожний, Валентин Дмитриевич Шашин,

первый секретарь Тюменского обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина и конечно же Сабит Атаевич Оруджев. Министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Картунов на этот раз из-за болезни поехать не смог — министерство представлял его заместитель Юрий Петрович Баталин.

Во время этой поездки в очередной раз и исключительно остро был поставлен вопрос освоения газовых месторождений севера Тюменской области. Оказалось, что строители уже предприняли некоторые меры в этом направлении. Так, Баталин доложил, что еще 2 января 1973 года был издан приказ Картунова «О мерах по обеспечению строительства и ввода в эксплуатацию предусмотренных народнохозяйственным планом 1973 года объектов газового месторождения Медвежье, газопроводов Надым — Пунга (вторая очередь) и СРТО — Урал (вторая очередь)». В нем отмечалось, что государственным планом на 1973 год предусматривается прирост добычи и транспорта газа с северных месторождений Западной Сибири по системе газопроводов Тюменская область — Урал в объеме не менее семи миллиардов кубометров в год.

Развитие газовой промышленности Тюменской области требовало реализации многоплановых решений. Наряду с обустройством месторождений и вводом в строй новых газопроводов требовалась научная разработка все новых и новых проектов. Относительно маломощный СибНИПИгаз, размещавшийся в Тюмени, по решению коллегии Мингазпрома был переименован в ТюменНИИгипрогаз. Численность сотрудников увеличилась до 850 человек. Коллектив института активно включился в решение новых проблем освоения газовых месторождений севера Тюменской области. В частности, под руководством заместителя директора института Родиона Ивановича Медведского получило развитие направление бурения, добычи и транспорта газа в условиях вечной мерзлоты. По решению Оруджева в ТюменНИИгипрогазе начали внедряться первые в отрасли ЭВМ и была организована Школа молодого рационализатора и изобретателя.

Затем по совместному решению Картунова и Оруджева в июне 1973 года с целью совершенствования организации и управления трубопроводным строительством на территории Западной Сибири было создано Главное производственное управление по строительству магистральных трубопроводов, насосных и компрессорных станций в районах Севера и Западной Сибири — Главсибтрубопроводстрой, управление которого также разместилось в городе Тюмени. Начальником главка (в состав главка вошло четыре строительных треста) был

назначен В. Г. Чирсков, а главным инженером стал Н. И. Курбатов.

В начале марта 1975 года для проверки выполнения ранее поставленных правительственных заданий в Тюменскую область вновь выехал А. Н. Косыгин с группой министров и работников Госплана и Госснаба СССР. В поездке участвовали министр газовой промышленности С. А. Оруджев, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Е. Щербина, министр нефтяной промышленности В. Д. Шашин, заместитель председателя Госплана СССР А. М. Лалаянц, первый заместитель Госснаба СССР Н. В. Мартынов и др.

Делегация побывала в Лонг-Югане, где посетила компрессорную станцию газопровода Северные районы Тюменской области — Центр. Затем она побывала в Надыме и Тюмени. 6 марта Косыгин в Тюменском обкоме КПСС провел расширенное совещание партийных и хозяйственных руководителей, специалистов нефтегазовых предприятий и строек Западной Сибири. Сабит Атаевич, выступая на этом совещании, подтвердил повышенные обязательства газовиков. Но при этом он заметил, что их выполнение будет возможным только в том случае, если отрасль получит дополнительные ассигнования.

Это очень не понравилось Лалаянцу, который считал своим долгом твердо стоять на позиции государственного плана развития народного хозяйства СССР на текущий год.

— Нужно лучше организовывать людей на перевыполнение планов, а не просить дополнительных денег из бюджета, — заметил он.

Сабит Атаевич тут же довольно смело отреагировал на это замечание.

— Если корове не давать дополнительных кормов и при этом требовать от нее больше молока, едва ли получится что-то хорошее, — сказал он. — Работников мало мобилизовать. Их нужно заинтересовать и обеспечить всем необходимым для работы. А в трудовом энтузиазме сибирских газовиков я не сомневаюсь.

Это было первое принципиальное выступление руководителя Мингазпрома в интересах своей отрасли, которое в определенной мере шло вразрез с решениями Госплана. Но выступившие затем другие министры и руководители добывающих и транспортных предприятий Тюменской области поддержали Оруджева, а Косыгин тоже сделал соответствующие выводы. Вскоре после этого газовая отрасль получила для своего развития дополнительные капиталовложения.

В целом же посещение Западной Сибири столь представительной делегацией позволило не только осуществить контроль уже выполненной работы, скоординировать планы на будущее, но и оперативно решить ряд неотложных проблем этого региона, в том числе и в газовой области.

Ощутимые шаги .

Министр Оруджев сделал ряд конкретных шагов в освоении Западно-Сибирского региона.

В 1974 году была запущена в эксплуатацию мощная газотранспортная система Северные районы Тюменской области — Урал — Поволжье — Центр, по которой тюменский газ впервые поступил к потребителям центральных районов европейской части страны и в Москву. В связи с этим в январе 1975 года Северо-Уральское УМГ было реорганизовано в производственное объединение по транспортировке и поставке газа — «Тюментрансгаз».

В следующем году к системе газопроводов объединения было подключено Уренгойское газоконденсатное месторождение. В том же году в составе объединения были образованы Сорумское и Уральское линейно-производственные управления магистральных газопроводов (ЛПУ МГ), а в 1977 году — Пангодинское, в 1978 году — Перегребенское ЛПУ МГ. Новые структуры возглавили В. И. Кожин, С. Н. Квитко, В. Г. Муравлев, А. И. Слукин, Э. С. Будковский, В. В. Иванько.

К концу 1980 года объединение сформировалось как мощное газотранспортное предприятие, способное принимать от промыслов более 100 миллиардов кубометров природного газа в год. За пятилетие по сравнению с прошлым периодом протяженность газопроводов увеличилась на 43 процента, количество газоперекачивающих агрегатов (ГПА) удвоилось, их мощность утроилась. Строились жилье, объекты соцкультбыта, интенсивно развивалось сельское хозяйство.

Эти годы для производственного объединения «Тюментрансгаз» отмечены знаменательными событиями. Так, за досрочное выполнение плана 1976—1981 годов, ускоренный ввод в действие мощностей по транспортировке газа указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1981 года объединение было награждено орденом «Знак Почета».

На опыте освоения первых месторождений севера Тюменской области Оруджев обратил внимание на то, что 20—25 процентов капиталовложений и 30—40 процентов металлозатрат приходится на сооружение скважин. Поэтому курс был

взят на повышение рабочих дебитов и сокращение числа скважин. Применение скважин увеличенного диаметра позволило получить высокие рабочие дебиты и продлить срок их бескомпрессорной эксплуатации. Внедрение скважин высокой производительности только на месторождении Медвежье позволило сократить капитальные вложения более чем на 60 миллионов рублей.

Крупным шагом в достижении высоких темпов проходки стало внедрение батарейно-кустового бурения, когда от трех до пяти скважин одного «куста» находились друг от друга на расстоянии 70 метров. По сравнению с равномерным расположением скважин на площади кустовое бурение позволило сократить протяженность подъездных дорог к скважине в 3—5 раз, уменьшить длину водоводов, число накопителей для воды, расстояние передвижения бурового оборудования при повторном монтаже, количество вертолетных площадок и затраты на материалы и транспортные расходы за счет повторного использования промывочной жидкости.

Метод батарейно-кустового бурения позволил монтаж буровых установок во всех экспедициях Тюменгазпрома осуществлять укрупненными комплексно-звеньевыми вышкомонтажными бригадами, которые работали одновременно на двух-трех объектах. Такая организация труда наряду с применением крупных блоков позволила значительно повысить маневренность вышкомонтажных бригад и более эффективно использовать их рабочее время.

Сравнительно небольшие глубины скважин в районах ведения буровых работ позволили использовать в объединении эффективный для северных условий турбинный способ бурения, на долю которого приходилось до 75 процентов объема буровых работ. Широко внедрялись буровые установки с электроприводами и новые типы долот.

Применение кустового бурения на Медвежьем и Уренгойском месторождениях обеспечило опережающее строительство необходимого фонда эксплуатационных скважин и получение высоких показателей буровых работ. Достигнутые успехи в совершенствовании техники, технологии, уровня организации буровых и вышкомонтажных работ положительно отразились на стоимости эксплуатационного бурения. С 1972 по 1979 год сметная стоимость одного метра проходки снизилась на 66 процентов, а себестоимость — на 52 процента.

В 1980 году объединение завершило разбуривание Вынгапуровского месторождения и сконцентрировало свои мощности на Уренгойском месторождении. Посетив его, Оруджев поставил задачу в 1981 году осуществить эксплуатационное

бурение в объеме 160 тысяч метров и закончить строительство 131 скважины. Кроме того, предусматривалось завершить строительство в Новом Уренгое базы производственного обслуживания объединения «Тюменбургаз».

В 1968 году было открыто Вынгапуровское месторождение, запасы газа которого были определены в объеме 291 миллиарда кубометров. Но для освоения этого месторождения требовалось строительство нового мощного газопровода.

В 1976 году по предложению Оруджева правительством страны было принято решение о строительстве газопровода, который должен был подать газ с Вынгапуровского месторождения через Сургут на Тобольск и далее на Челябинск. Он должен был снабдить «голубым топливом» крупнейший в стране нефтехимический комплекс, возводимый на берегу Иртыша в Тобольске, а также поставить природный газ Среднему Уралу для компенсации уменьшающегося потока системы Бухара — Урал.

Для координации строительства этого газопровода и последующей его эксплуатации приказом С. А. Оруджева в структуре Всесоюзного промышленного объединения «Тюменгазпром» 9 декабря 1976 года было создано производственное объединение «Сургуттрансгаз». Его директором стал Михаил Константинович Чумаков, главным инженером — Эдуард Антонович Клиновский. Вместе с ними в объединение пришли такие прекрасные специалисты, как Л. А. Лисицын, В. Г. Мамчур, В. Н. Назаров, Д. А. Абанасьян, Н. И. Стрелец, В. И. Кононов, А. А. Пушкин, А. М. Кострыкин, Л. М. Ишук, В. П. Ивашкеев и многие другие. Сам Сабит Атаевич постоянно интересовался деятельностью этого объединения, оказывал ему всяческую поддержку и помощь.

Газопровод Уренгой — Сургут — Челябинск строился всей страной. К работам на линейной части были привлечены десятки генподрядных трестов. На трассе, кроме треста «Сургуттрубопроводстрой», работали организации трестов «Мосгазпромстрой», «Приобьтрубопроводстрой», «Шекингазстрой», «Севертрубопроводстрой», «Ленгазспецстрой» и др.

В 1978 году газ с Вынгапуровского месторождения поступил в магистральный газопровод Вынгапур — Челябинск. Начались испытания магистрали, которые продолжались до конца года. А в 1979 году газ с Вынгапуровского месторождения пришел на Урал.

В том году директором объединения «Сургутгазпром» назначается Леонард Гильязович Рафиков. К 1981 году протяженность трассы, обслуживаемой этим объединением, составила 3,5 тысячи километров, по которой транспортировалось

до 65 миллиардов кубометров в год. В списке лучших работников предприятия значились А. Н. Куянов, А. И. Самыков, Р. М. Хасанов, Е. Е. Грибков, Е. Ф. Буторина, О. К. Кошанов, В. С. Тернавский, В. В. Щевлюк, В. Д. Сидоров и многие другие.

При освоении месторождений Западной Сибири коллективу газовиков под руководством С. А. Оруджева приходилось также решать и ряд несвойственных для отрасли проблем. Одна из них была связана с дефицитом моторного топлива, который постоянно возникал из-за трудностей его транспортирования и хранения в условиях лесисто-болотистой местности.

Сабит Атаевич нацелил специалистов на использование собственных ресурсов. В результате проведенных исследований была доказана возможность применения добываемого на месторождении Медвежье газового конденсата в качестве добавки к дизельному топливу для автотракторной техники. Затем, по данным исследований ВНИИгаза, ТюменНИИгипрогаза, Челябинского политехнического института и других организаций, было сделано заключение, что из газового конденсата Уренгойского месторождения можно получать дизельное топливо, по качеству не уступающее, а по некоторым показателям и превосходившее топливо, получаемое из нефти.

На основе проведенных исследований началось широкое использование газового конденсата в качестве моторного топлива на севере Тюменской области. Для этого ВНИИгазом была разработана малогабаритная технологическая установка, на которой можно было получать дизельное топливо различных марок и компоненты бензина из газового конденсата. Экономическая эффективность от внедрения этих установок была огромной.

С особым вниманием и заботой Оруджев относился к людям, трудившимся над развитием газового комплекса Западной Сибири. Сабит Атаевич внимательно следил за тем, чтобы трудовые заслуги каждого работника не оставались без внимания. В 1978 году по его инициативе группе специалистов Тюменгазпрома за комплекс научно-технических решений по ускоренному вводу в разработку газового месторождения Медвежье была присуждена Государственная премия СССР в области техники. Ее лауреатами стали бывший начальник объединения, в то время уже работавший секретарем Тюменского обкома Е. Н. Алтунин, директор объединения «Уренгойгаздобыча» И. С. Никоненко, директор ТюменНИИгипрогаза П. Т. Шмыгля, буровой мастер Ф. Я. Юсупов.

В 1978 году по инициативе Оруджева и министров нефтегазостроя, нефтяной промышленности и геологии была учреждена медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового ком-

плекса Западной Сибири». Этой медалью были отмечены десятки тысяч передовых работников отрасли.

Непрерывно росла добыча газа на месторождениях Западной Сибири. Если в 1972 году в Тюменской области ежегодно добывалось 11,6 миллиарда кубических метров голубого топлива, то в 1979 году этот показатель составил 121,4, а в 1980 году — 144 миллиарда кубометров. В этом была огромная заслуга отечественных газовиков и в том числе министра газовой промышленности С. А. Оруджева. При его непосредственном участии к началу 1980-х годов в Западной Сибири сформировалась крупнейшая в истории отечественной газовой промышленности сеть освоенных месторождений и разветвленная система мощных магистральных газопроводов, обеспечивавшая поставки газа практически во все основные потребляющие центры страны и на экспорт.

Глава четвертая

ГАЗОВАЯ ЭПОПЕЯ ОРЕНБУРГА

Пробуждение оренбургского газа

С приходом Сабита Атаевича Оруджева к руководству Мингазпромом СССР одной из важнейших его задач стал ввод в строй Оренбургского газодобывающего и газоперерабатывающего комплекса, создание которого началось еще при Алексее Кирилловиче Кортунове.

Предположения о возможности наличия запасов нефти, а затем и запасов газа на обширной территории от Волги до Урала высказывались неоднократно. Академик Александр Евгеньевич Ферсман писал: «Нет во всем мире земли, где бы хранилось столько богатств, где бы так могучи были силы недр, грандиозны перспективы, зовущие и манящие к труду и борьбе... Изучение этого громадного района принесет еще много неожиданностей, раскроет исключительную картину огромной области большого промышленного будущего».

Начавшиеся изыскательские работы подтвердили его правоту. Первые нефтяные скважины, пробуренные в 1937 году, дали обнадеживающие результаты. В ноябре 1937 года на базе скважин, пробуренных существовавшей в Бугуруслане конторой нефтеразведки, был создан первый в Оренбургской области нефтепромысел. И уже в следующем году на Бугурусланской нефтяной площади из шести эксплуатационных скважин было получено 2246 тонн нефти.

Летом 1938 года Бугуруслан посетил академик И. М. Губкин. Ознакомившись с результатами добычи нефти, он посоветовал геологам не ограничивать поиски только пермскими отложениями, а искать большую нефть глубже, в более древних, каменноугольных и девонских отложениях. Советовал он также расширить объем поисковых работ. Предложения академика были поняты правильно. Объем разведочных и изыскательских работ в этом районе возрос, что привело к новым открытиям. Но южные районы области еще долгое время оставались неисследованными.

Одновременно с нефтедобычей начала развиваться в Оренбургской области и газовая промышленность. Первый газ в этом районе был получен в декабре 1942 года из скважины Бугурусланского месторождения. Тогда же были переведены на газовое отопление хлебозавод, мельница, другие предприятия Бугуруслана. Отсюда же был сооружен первый в Советском Союзе газопровод в город Куйбышев. Этот газопровод был предшественником будущего крупнейшего в Европе магистрального газопровода Оренбург — Новопсков — Западная граница СССР, получившего символическое название «Союз».

Геологическая разведка в южных районах Оренбургской области началась в 1960 году, когда было создано Оренбургское территориальное геологическое управление под руководством И. А. Шпильмана. Вот тогда и началось планомерное, но интенсивное разведочное бурение на большой площади. В ноябре 1966 года оно дало положительные результаты — на левом берегу реки Урал, неподалеку от Оренбурга, из разведочной скважины № 13, пробуренной бригадой С. Д. Иванова, ударил мощный фонтан газа. Так было открыто уникальное Оренбургское газоконденсатное месторождение.

Проведенное оконтуривание месторождения показало, что оно протянулось вдоль левого берега реки Урал более чем на 120 километров, а его ширина 20 километров. Толщина газового пласта превышала 500 метров. Давление газа достигало 200 атмосфер. Государственный комитет СССР по запасам в 1970 году оценил запасы месторождения в два триллиона кубометров природного газа и 120 миллионов тонн конденсата. В мире подобных месторождений имеются считанные единицы. В Европе оно было крупнейшим.

Менее чем за десять лет Оренбургская область выдвинулась на одно из видных мест среди газоносных районов страны. И первопричина этого не только в количественных запасах углеводородного сырья, но и в уникальности самого месторождения. Оренбургский газ содержит много ценнейших компонентов, при его переработке получают серу, конденсат, гелий,

этан и другие ценные, очень нужные народному хозяйству вещества.

Для разработки и эксплуатации открытого месторождения в марте 1966 года приказом Министерства газовой промышленности СССР было организовано Управление по обустройству и эксплуатации Оренбургского газоконденсатного месторождения и строительству газопровода. Его первым начальником стал В. А. Швец. Это управление выполняло функции заказчика по строительству завода по сероочистке и производству серы, магистральных газопроводов, конденсатопровода, объектов жилья и соцкультбыта.

В 1969 году началась опытно-промышленная эксплуатация месторождения. Но это были начальные шаги. В июне того же года Совет министров СССР принял постановление «О мерах по обеспечению освоения Оренбургского газоконденсатного месторождения в 1969—1975 годах». В свете этого решения было образовано управление по строительству Оренбургского газоперерабатывающего завода и магистральных газопроводов — «Оренбурггаззаводы», руководителем которого стал Г. С. Янковский, а главным инженером — Б. В. Лукоянов. Продолжительность строительства определялась в 49 месяцев.

В течение этого года интенсивно велось эксплуатационное бурение в районах сел Нижняя Павловка и Дедуровка. В августе 1969 года было образовано Дедуровское газопромысловое управление во главе с Р. И. Вяхиревым, главным инженером был назначен В. Д. Шугорев. А в декабре следующего года бригада бурового мастера И. Б. Киреева сдала в эксплуатацию первую скважину.

В начале 1971 года Временная научно-техническая комиссия под руководством академика Николая Николаевича Некрасова представила правительству предложения по развитию Оренбургского газохимического комплекса. XXIV съезд партии, состоявшийся в начале апреля того же года, принял решение «о создании в Оренбургской области крупного района по добыче и переработке газа». И уже 12 апреля в Оренбурге создается производственное управление «Оренбурггазпром».

Оренбургский газ и конденсат были крайне необходимы народному хозяйству страны. Для его транспорта 22 июня 1971 года в составе управления «Оренбурггаззаводы» было создано Управление магистральных газопроводов. Его начальником был назначен П. Ф. Зелинский, главным инженером А. Г. Глупак.

28 сентября 1971 года завершилось строительство газопровода Оренбург — Заинская ГРЭС и потоки оренбургского газа влились в систему газоснабжения страны. В конце года был

принят в опытную эксплуатацию конденсатопровод Оренбург — Салават, после чего газовый конденсат с месторождения стал поступать на Салаватский нефтехимический комбинат в Башкирию.

Но освоение месторождения проходило не совсем гладко, случались аварии. Крайне медленно велись работы на строительстве газоперерабатывающего завода, монтаж технологического оборудования которого начался только в июле 1972 года.

Запустили установку, она поработала короткое время, а затем, в марте 1972 года, произошел разрыв аппарата с тяжелыми последствиями, связанными с гибелью людей.

Обстановка сложилась напряженная, среди части руководителей возникли панические настроения. Прилетевший из Москвы министр в короткий срок разобрался в причинах аварии, не стал искать правых и виноватых, безо всяких колебаний взял на себя руководство ликвидацией ее последствий, определил порядок и продолжительность необходимых восстановительных работ, заставил всех работать так, чтобы сроки ввода объекта были выдержаны точно. Он принял решение: пуск прекратить, установку демонтировать и закупить для нее оборудование за границей. Это решение было принято без предварительного согласования с правительством, без создания специальной комиссии, что в то время считалось недопустимым.

Таким образом, к моменту назначения С. А. Оруджева министром газовой промышленности Оренбургское газоконденсатное месторождение уже мощно заявило о себе, но с вводом в строй его объектов существовало много проблем. Решать их предстояло новому министерству и его сотрудникам.

Первые решения

В январе 1973 года на строительную площадку Оренбургского газохимического комплекса прибыли председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, С. А. Оруджев и большая группа специалистов Мингазпрома СССР. Ознакомившись с положением дел, они наметили ряд мероприятий по ускорению освоения месторождения и организации более рационального управления.

Уже 2 февраля 1973 года приказом С. А. Оруджева Управление по строительству Оренбургского газоперерабатывающего завода (ОГПЗ) и магистральных газопроводов было реорганизовано в производственное объединение «Оренбурггаззаводы». Исполняющим обязанности директора был назначен Б. В. Лу-

коянов. В апреле того же года директором стал Юрий Федорович Вышеславцев, который до этого работал в Башкирии на Салаватском нефтехимическом комбинате.

Сабит Атаевич сразу понял, что, руководя из Москвы, быстро решить поставленные задачи будет сложно из-за существовавшей организационной структуры оренбургского объединения: в нем имелось несколько разобщенных предприятий, подчиненных различным отраслевым подразделениям министерства. Поэтому курировать освоение месторождения и строительство газоперерабатывающего комплекса было поручено заместителю министра Ю. В. Зайцеву, который ради этого в течение нескольких лет практически безвыездно находился в Оренбурге.

Оруджев решительно сломал бывшую систему и уже в августе 1973 года соединил почти все подразделения Оренбурггазпрома по добыче, переработке и транспортированию газа под единым руководством Вышеславцева. При этом Сабит Атаевич исходил из того, что если основной целью создаваемого объединения будет выдача готовой продукции, то и руководить им должен человек, хорошо в этом процессе разбирающийся.

И министр не ошибся. Юрий Федорович Вышеславцев после окончания в 1957 году Московского института тонкой химической технологии на Салаватском нефтехимическом комбинате прошел путь от старшего оператора до заместителя главного инженера. Оруджев оценил его высокую профессиональную подготовку, умение квалифицированно и быстро решать сложные производственные вопросы, требовательность к себе и подчиненным.

С приходом Вышеславцева дела на стройке стали продвигаться более быстрыми темпами. Конечно, это была заслуга не только начальника объединения. Воедино сложились усилия трудового коллектива, его руководства, помощь всей страны и постоянное внимание министра. В сентябре 1973 года был введен в эксплуатацию 250-километровый газопровод Оренбург — Куйбышев (теперь Самара).

На столь огромной стройке не обходилось без проблем. Уже в середине 1973 года стало ясно, что по ряду уважительных причин первая очередь Оренбургского газового комплекса не может быть пущена в установленный правительством срок — к концу этого года. В столь сложной ситуации Сабит Атаевич взял на себя всю полноту ответственности и продлил время пусконаладочных работ на целый месяц.

В то же время министр всячески торопил своих подчиненных с выполнением графика работ. Ежедневно он подолгу по

телефону беседовал с Вышеславцевым, интересовался ходом работ, возникавшими проблемами. Не забывал Сабит Атаевич и о простых рабочих. По его ходатайству в декабре 1973 года машинисту экскаватора Н. И. Рыбакову, работавшему на строительстве ОГПЗ, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Много неординарных решений министр принимал единолично. Некоторые из них сыграли решающую роль в развитии газовой промышленности.

Одно из таких решений было связано с освоением ОГПЗ. Первая очередь этого завода по переработке сернистого газа была запроектирована и построена на оборудовании советского производства.

Несмотря на сбои, строительство Оренбургского газоперерабатывающего завода шло высокими темпами. В феврале 1974 года вступила в строй первая технологическая линия газоперерабатывающего завода и очищенный газ был подан в магистральный газопровод Оренбург — Куйбышев.

Сабит Атаевич не выпускал оренбургский комплекс из-под своего контроля. Его присутствие ощущалось на стройке не только тогда, когда он прилетал из Москвы, но и тогда, когда его не было в Оренбурге. Постоянная телефонная связь, своевременные доклады с мест, личное общение на различных собраниях и совещаниях позволяли министру ясно представлять положение дел на местах.

Освоение месторождения и ввод в эксплуатацию газоперерабатывающего завода стали событием государственного значения. За достигнутые успехи большая группа оренбургских газовиков была награждена орденами и медалями. В частности, Р. И. Вяхирев был удостоен ордена Ленина. В следующем году начальнику ПО «Оренбурггаз» Ивану Игнатьевичу Лисову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Межправительственное соглашение

Важной вехой в истории оренбургского газа стало 21 июня 1974 года. В тот день на очередной сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), проходившей в Софии, было подписано Генеральное соглашение между Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией о совместном освоении Оренбургского ГКМ и строительстве магистрального газопровода «Союз» (Оренбург — Западная граница СССР). Для страны и ее газовой промышленности это соглашение было важно тем, что зарубежные страны в счет будущих

поставок газа для строительства должны были выделить трубы, технику, рабочую силу и значительные денежные средства.

9 июля 1974 года Государственная комиссия приняла в эксплуатацию пусковой комплекс первой очереди Оренбургского газохимического комплекса с производительностью по переработке сырого газа 15 миллиардов кубометров, нестабильного конденсата 1,13 миллиона тонн в год.

Сабит Атаевич первым поздравил трудовой коллектив объединения с победой. В его составе трудились такие специалисты, как начальники цехов Г. С. Чернов, В. Я. Климов и Н. Т. Климов, их заместители — А. И. Шкоряпкин, М. А. Кабанов и В. К. Мазанов, механики — В. В. Лютик, В. А. Корнеев и А. С. Гордеев, начальники установок А. И. Лавриненко, В. И. Крайков, С. А. Слющенко, Р. Э. Гунь, А. В. Мельников. Большую роль в обеспечении успешного пуска установок сыграли В. И. Козлов, А. И. Барабанов, В. А. Мазанов, П. А. Космынин, Г. П. Рыжков, Н. А. Крупков, М. П. Кубатов, В. Л. Лаптев, И. Д. Добромильский, М. П. Михайлов, А. М. Сисин, А. И. Рыбаков и многие другие.

7 марта Сабит Атаевич прибыл в Оренбург, сопровождая председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Они, а также большая группа сопровождавших их работников Мингазпрома внимательно осмотрели все объекты, заслушали доклады Ю. Ф. Вышеславцева и других руководителей. Тут же принимались необходимые решения, строителям и эксплуатационникам оказывалась всяческая помощь. Приезд руководителей для оренбуржцев стал мощным стимулом к повышению производственных показателей.

9 сентября Сабит Атаевич с группой специалистов Мингазпрома в очередной раз прибыл в Оренбург. Спустя два дня возглавляемая им Государственная комиссия приняла в эксплуатацию вторую очередь Оренбургского газоперерабатывающего завода мощностью 15 миллиардов кубометров газа в год. Если на строительство первой очереди потребовалось 37 месяцев, то вторая очередь была построена за 24 месяца.

В сентябре—октябре того же года были введены в строй действующих магистральные газопроводы Оренбург — Новопсков и Оренбург — Александров Гай, подключенный к магистральному газопроводу Средняя Азия — Центр.

Нарастала добыча газа на оренбургских промыслах, которые в 1975 году приказом Оруджева были сведены в производственное объединение «Оренбурггаздобыча», директором которого стал Рем Иванович Вяхирев. К концу года это объединение вышло на уровень добычи 30 миллиардов кубометров «голубого топлива» в год.

К началу 1976 года оренбургский газ по маршруту Оренбург — Александров Гай — Воскресенск пришел в Москву. Тогда же по двум трубопроводам общей протяженностью более 400 километров Салаватский нефтехимический комбинат стал снабжаться конденсатом и другими легкими углеводородами.

В 1976 году началось строительство первой и второй очереди Оренбургского гелиевого завода. 12 декабря 1977 года пусковой комплекс первой очереди завода был сдан в эксплуатацию, а 15 марта 1978 года дирекция строящегося завода реорганизуется в Оренбургский гелиевый завод. Тогда же была получена первая партия продукции с этого предприятия. Гелиевый завод по установленной мощности был единственным в стране, к тому же укомплектован уникальным отечественным оборудованием, отвечающим всем современным требованиям производства.

В октябре 1978 года третья, завершающая очередь Оренбургского газоперерабатывающего комплекса, гиганта, раскинувшегося по обоим берегам реки Урал, вступила в строй действующих. На третьей очереди комбината оборудования было установлено столько же, сколько на первых двух вместе взятых — 67 объектов, 12 отдельных производственных корпусов. По существу был построен еще один мощный завод.

И технология здесь была более совершенной, продукция выходила максимально очищенной. Значительно расширился и спектр извлекаемых из природного газа ценных продуктов — исходного сырья многих промышленных производств. В их числе конденсат, более чем на 90 процентов состоящий из бензиновых компонентов, что позволило на Салаватском комбинате перерабатывать его на жидкое топливо. Сюда же в Салават стал поступать так называемый нестабильный газовый бензин — насыщенная смесь пропана, бутана, пентана и жидких углеводородов.

К концу января 1978 года с Оренбургского месторождения было добыто 100 миллиардов кубометров газа, который полностью перерабатывался на местном заводе.

В марте того года в Оренбург на строительство третьей очереди газохимического комплекса прибыли А. Н. Косыгин, председатель Госплана Н. К. Байбаков, министры С. А. Оруджев, Е. А. Козловский, Б. Е. Щербина и Н. С. Непорожний. Сабит Атаевич в качестве хозяина показал высоким гостям основные объекты строительства, познакомил с людьми. Он прекрасно знал обстановку, легко ориентировался среди многочисленных объектов предприятия. По всему было видно, что Оренбургский газовый гигант за последние годы стал его

любимым детищем, за успехами и неудачами которого он пристально следил и сопереживал.

В конце 1978 года было завершено строительство газопровода «Союз» (Оренбург — Западная граница СССР), который 11 ноября 1980 года был принят в промышленную эксплуатацию. Газ с Оренбургского месторождения стал предметом экспорта, принося стране немалую прибыль.

С 1974 по 1979 год Оренбургское газоконденсатное месторождение находилось в стадии нарастающей добычи. Максимальный годовой уровень добычи газа составил 48,7 миллиарда кубометров.

12 апреля 1980 года в ПО «Оренбурггаздобыча» был получен двухсотый миллиард кубометров газа, значительная часть которого перерабатывалась на местных предприятиях. Стабильно, с высокой производительностью работали гелиевый и газоперерабатывающий заводы.

17 мая 1980 года оператору последнего — Владимиру Федоровичу Мальцеву — было присвоено звание Героя Социалистического Труда, другой оператор — А. Г. Зибарев — был награжден орденом Ленина. Большая группа работников Оренбурггазпрома также удостоилась правительственных наград. М. Д. Соковину и Х. Н. Ясавееву была присуждена Государственная премия СССР, Ю. В. Воробьев и В. В. Ефимов стали лауреатами премии Ленинского комсомола. Сабит Атаевич от души радовался успехам оренбургских газовиков, считая себя непосредственно причастным к их трудовым успехам.

Параллельно с заботой о росте производственных показателей С. А. Оруджев требовал от руководства объединения постоянно заботиться о росте благосостояния тружеников отрасли. Для трудовых коллективов предприятий Оренбурггазпрома в 1970-е годы было построено более 1,2 миллиона квадратных метров жилья, 28 детских садов, 13 школ, 2 пионерских лагеря на 180 мест, Дворец культуры, одна из крупнейших на Южном Урале медико-санитарная часть. Безусловно, в этом была большая заслуга начальника объединения «Оренбурггазпром» Ю. Ф. Вышеславцева. Но ему многого не удалось бы сделать, если бы не министр газовой промышленности. Создание и устойчивая работа такого комплекса невозможна без развитых связей со смежниками, заводами-поставщиками оборудования и еще многими другими организациями.

В своих отношениях с оренбуржцами министр многое позволял решать руководителям на местах, не связывая их инициативу. В то же время решение целого ряда вопросов, согласованных Сабит Атаевич брал на себя, освобождая таким образом

своих подчиненных от излишней работы, давая им простор для руководства непосредственно производством. Огромный размах строительно-монтажных и эксплуатационных работ требовал, с одной стороны, подготовки новых специалистов, а с другой — усовершенствования старых. С. А. Оруджев решил эту проблему со свойственным ему размахом. При его поддержке в Оренбурге был создан вечерний факультет Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина.

Таким образом, в 1970-е годы Оренбург стал одним из крупнейших в стране и мире производственным комплексом, осуществлявшим добычу, переработку и транспортировку природного газа. Роль Оруджева в его становлении и развитии была огромной. Сабит Атаевич не просто контролировал работу огромного коллектива, но всячески помогал ему решать сложные производственные и бытовые проблемы. По его ходатайству 4 марта 1981 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Всесоюзное производственное объединение «Оренбурггазпром» орденом Ленина.

Глава пятая

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МАГИСТРАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА ГАЗА

Первые магистральные трубопроводы

Массовая добыча нефти сразу же поставила задачу ее транспортировки. В первое время нефть перевозилась в огромных емкостях по железной дороге и на судах. Но по мере возрастания объемов ее добычи перевозка нефти стала нерентабельной. В 1920-е годы в Советском Союзе был построен первый магистральный трубопровод от нефтяных промыслов до Баку общей протяженностью до 16 километров. С тех пор доставка нефти с промысла к потребителю (переработчику) с помощью трубопровода становится главным видом ее транспорта.

Еще сложнее было дело, связанное с транспортировкой природного газа. Вывоз его с месторождения к потребителям в емкостях оказался нерентабельным, и практически сразу же встал вопрос о строительстве и эксплуатации дальних трубопроводов. В 1928 году в СССР был проложен первый газопровод от месторождения Кара-Чухур до Фабрично-заводского района Баку протяженностью 3,4 километра из труб диамет-

ром 44 миллиметра. Еще будучи школьником, Сабит Оруджев вместе с другими мальчишками наблюдал за этой стройкой, которая в то время поражала его своими размерами. Но прошло время, и магистральные трубопроводы также стали основными артериями для транспорта природного газа на большие расстояния.

В последующем, работая в должности заместителя министра нефтяной промышленности СССР, Оруджев постоянно сталкивался с проблемой обеспечения транспорта нефти по магистральным трубопроводам. С работой нефтепроводов и расположенных на них насосных станций он знакомился во время его частых поездок по Западной Сибири и другим нефтедобывающим регионам страны, значительно удаленным от ее промышленных и административных центров. Но в то время перед ним данная проблема не стояла так остро, как после того, как Сабит Атаевич был назначен министром газовой промышленности СССР. Дело было в простом — если потребителям и переработчикам нефть можно было подавать порционно, то газоснабжение всегда рассматривалось как единый и непрерывный процесс, в котором были недопустимы не только сбои, но и резкое изменение давления. Вследствие этого газопроводы должны были обладать необходимой пропускной способностью для обеспечения непрерывности их работы в случае ремонта или других непредвиденных обстоятельств.

Строительство первых магистральных газопроводов в СССР было начато в годы Великой Отечественной войны. В 1942 году был построен газопровод Елшанка — Саратов протяженностью 16 километров из труб диаметром 300 миллиметров, в 1943 году — газопровод Бугуруслан — Куйбышев общей протяженностью 200 километров. В 1946 году в строй вступает 788-километровый газопровод Саратов — Москва из труб диаметром 300 миллиметров, на котором для поддержки давления производится строительство нескольких компрессорных станций, а для общего управления всей этой сложной системой создается первое в стране газотранспортное объединение. В последующем такая практика стала обычной.

Исключительно большое значение магистральному транспорту газа придавал начальник Главгаза при Совете министров СССР и первый министр газовой промышленности СССР А. К. Кортунов. Под его руководством в период с 1957 по 1972 год было проложено более 78 тысяч километров магистральных газопроводов и возведено 150 компрессорных станций общей мощностью свыше 4,3 миллиона киловатт. Так было положено начало созданию единой газотранспортной системы страны, но довести этот процесс до конца предстояло С. А. Оруджеву.

Сразу же нужно оговориться, что с 1972 года, то есть с момента назначения Сабита Атаевича министром газовой промышленности, строительство магистральных газопроводов и компрессорных станций на них, чем раньше занимался Мингазпром СССР, было возложено на Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, которое вначале возглавлял А. К. Картунов, а с 1973 года — Б. Е. Щербина. Перед Мингазпромом стояла задача приема и качественной эксплуатации этих объектов. Но, как оказалось на практике, она была достаточно сложной. Каждый магистральный газопровод представлял собой сложную и многокилометровую газотранспортную систему, которая проходила через различные климатические пояса и на своем пути пересекала различные естественные и искусственные препятствия (реки, болота, овраги, горы, железные и автомобильные дороги, леса и т. п.). Компрессорные станции с установленным на них оборудованием охлаждения, регенерации и поддержания давления газа представляли собой целые заводы. С. А. Оруджеву предстояло обеспечить не только качественную приемку объектов, но и бесперебойную работу всей этой системы, включение ее в Единую систему газоснабжения СССР.

Русла новых газовых рек

В 1973 году отдельными участками вводится в строй четвертая очередь газопровода Средняя Азия — Центр (Шатлык — Острогоск), производительностью 35 миллиардов кубометров газа в год. Эта трасса была построена из труб, диаметр которых колебался в пределах 1420—1220 миллиметров, и рассчитана на рабочее давление, соответственно, 75 и 55 атмосфер. Для поддержания такого давления на трассе было установлено 20 компрессорных станций установленной мощностью агрегатов 1,4 миллиона киловатт. Кроме того, в систему газопроводов Средняя Азия — Центр (САЦ) входили расширение участков Шатлык — Хива, Советабод — Шатлык — Хива, Хива — Бейнеу — Александров Гай и Учаджи — САЦ-4.

Кроме того, следовало учитывать, что при проектировании и строительстве четырехниточного газопровода Средняя Азия — Центр советскими инженерами и конструкторами был применен целый ряд новых инженерно-технических решений. Так, впервые в истории создания газопроводов такой производительности на компрессорных станциях были широко применены отечественные газоперекачивающие агрегаты ГТ-750-6 и ГТК-10-4 мощностью 6 и 10 тысяч киловатт. На то

время в стране специалистов по обслуживанию таких агрегатов было крайне мало.

Ввод в строй четвертой очереди газопровода Средняя Азия — Центр и обеспечение бесперебойности его работы стали первым серьезным испытанием для С. А. Оруджева в качестве главного руководителя, отвечающего за работу всей газотранспортной системы страны.

В том же году Мингазпрому СССР пришлось принимать на свой баланс и налаживать работу и других магистральных газопроводов. В частности, был сдан в эксплуатацию 192-километровый газопровод от Мастахского месторождения до магистрали Таас-Тумус — Якутск из труб диаметром 529 миллиметров. По этому северному газопроводу природный газ с Мастахского месторождения должен был поступить в ранее построенный газопровод Таас-Тумус — Якутск — Покровск. С учетом климатических условий на нем в качестве изоляционного материала использовалась морозостойкая полихлорвиниловая пленка.

В сентябре 1973 года было завершено строительство магистрального газопровода Оренбург — Куйбышев протяженностью 380 километров, построенного из труб диаметром 1020 миллиметров. Для обеспечения работы этого газопровода на Оренбургском месторождении были введены в строй три установки комплексной подготовки газа общей мощностью пять миллиардов кубических метров в год и проложено более тысячи километров промысловых трубопроводов, которые также должно было принять на свой баланс Министерство газовой промышленности СССР.

В 1973 году на Украине было завершено строительство 522-километровой первой и второй очереди газопровода Шебелинка — Диканька — Киев из труб диаметром 1020 и 1220 миллиметров, рассчитанных на рабочее давление 55 атмосфер. Начальной точкой этого газопровода стала Глазновская дожимная компрессорная станция, находящаяся на Шебелинском газовом месторождении, конечная — компрессорная станция в Боярке, неподалеку от Киева. На своем маршруте трасса газопровода прошла по территории Харьковской, Полтавской и Киевской областей и пересекла такие крупные реки, как Днепр, Ворскла, Псел, Хорол, Сула и др. Всего на трассе этого газопровода были построены четыре компрессорные станции. Причем компрессорная станция в Диканьке оборудована агрегатами ГПА-5000, характеризующимися широким диапазоном степеней сжатия, большой производительностью и высоким КПД.

Кроме того, в том году были введены в строй магистральный газопровод Ленинград — Выборг — Госграница протяженностью 162 километра и вторая очередь газопровода Мессояха — Норильск. В связи с этим общая протяженность магистральных газопроводов достигла 83,9 тысячи километров. На конец года на них работало 158 компрессорных станций общей мощностью около 5,3 миллиона киловатт. В стране имелось 18 подземных хранилищ газа общей емкостью до 20 миллиардов кубометров, позволявших ежедневно отбирать из них до 63 кубометров «голубого топлива».

Для управления столь сложным хозяйством, в интересах бесперебойного обеспечения потребителей природным газом по предложению С. А. Оруджева 1 июня 1973 года в соответствии с распоряжением Совета министров СССР на базе Объединенного диспетчерского управления Мингазпрома СССР было создано Центральное диспетчерское управление, начальником которого был назначен А. Ф. Букреев, которого сменил В. А. Коновалов. Так было положено начало работе Единой системы газоснабжения СССР, которая в своей основе функционирует и поныне.

Стремительный рывок

В связи с тем, что это отрасль Советского Союза продолжает наращивать свои возможности, перед Сабитом Атаевичем постоянно стоит задача, связанная с вводом в строй новых магистральных газопроводов, которые после завершения их строительства для эксплуатации и обслуживания передаются на баланс Министерства газовой промышленности СССР. Оруджев внимательно отслеживает этот процесс, а зачастую и принимает непосредственное участие в мероприятиях его завершающей фазы.

25 октября 1974 года вступил в строй газопровод Северные районы Тюменской области — Урал — Поволжье — Центр. Это был гигант общей протяженностью до 3,6 тысячи километров, построенный из труб диаметром 1020, 1220 и 1420 миллиметров, с производительностью до 14 миллиардов кубометров газа в год. По этому газопроводу природный газ с месторождения Медвежье на севере Тюменской области начал поступать в центральные районы страны.

По случаю ввода в строй этого газопровода состоялся митинг, на котором выступил С. А. Оруджев. Он сказал, что приход сибирского газа в столицу — начало больших качественных перемен в топливном балансе страны.

— В дело вступила газоносная провинция севера Тюменской области, подземные «кладовые» которой хранят три четверти всех газовых запасов Советского Союза, — отметил он. — Наша задача обеспечить поступление этого газа к потребителям, и я верю, что она будет решена успешно.

После этого с приветствием строителям выступил Б. Е. Щербина, а начальник Главзападтрубопроводостроя Герой Социалистического Труда Н. Воробьев вручил символический ключ от сибирского газа секретарю МГК КПСС Л. А. Борисову.

Для обеспечения природным газом Белоруссии вводится в строй новый отрезок магистрального газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок через Минск до Иванцевичей. Этот отрезок газопровода протяженностью около 900 километров, построенный из труб диаметром 1220 миллиметров, на своем пути пересек реки Волгу, Днепр, Березину, Неман, а также многочисленные железные и автомобильные дороги, заболоченные участки, лесные массивы, обогнул крупные населенные пункты. 6 ноября 1974 года в Минске на центральной площади в торжественной обстановке был зажжен традиционный факел.

В том же году были завершены работы первой очереди по освоению Шатлыкского газового месторождения, находившегося в Туркмении, и строительству газопровода Шатлык — Хива. Вводится в строй газопровод Вологда — Череповец из труб диаметром 720 миллиметров.

Но одно строительство трубопроводных систем не могло полностью решить проблему с транспортом газа. Для его перекачки по магистральным трубопроводам требовались новые, более мощные газоперекачивающие агрегаты, и Сабит Атаевич постоянно отслеживает процессы и разработки испытаний и внедрения в производство.

В самом начале года, 8 января, он проводит совещание по вопросам повышения надежности осевых компрессоров агрегатов ГТК-10, установленных на компрессорных станциях магистральных газопроводов Мингазпрома. Затем обсуждаются вопросы, связанные с надежностью работы газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом ГПА-Ц-6,3, установленных на трех компрессорных станциях магистральных газопроводов Оренбург — Куйбышев и Нижняя Тура — Центр.

Это дело было новое и еще недостаточно проверенное на практике. Идея использования на компрессорных станциях выработавших свой ресурс авиационных двигателей принадлежала генеральному конструктору, дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственной премий академику Николаю Дмитриевичу Кузнецову. Изготавливать

новые агрегаты было поручено Сумскому машиностроительному производственному объединению Минхиммаша СССР (директор В. М. Лукьяненко). За авиапривод к этим агрегатам отвечало Куйбышевское моторостроительное производственное объединение Минавиапрома СССР (директор Л. С. Чеченя). Перед Мингазпромом стояла задача обеспечить качественную эксплуатацию этих агрегатов, с тем чтобы объективно оценить их возможности.

Комиссия под председательством С. А. Оруджева качественно выполнила эту задачу. Путем многократных испытаний и проверок было установлено, что эти агрегаты способны работать при температуре от +45 до -57 градусов, управлять процессами можно дистанционно с пультовой, а для их обслуживания требуется всего пять специалистов: сменный инженер, два машиниста, оператор и связист.

Таким образом, создание и ввод в строй газоперекачивающего агрегата ГПА-Ц-6,3 определили качественно новый этап в деле строительства и эксплуатации магистральных газопроводов. Достоинства этих агрегатов предоставили Миннефтегазстрою СССР возможность после выполнения необходимого комплекса проектно-конструкторских и монтажных работ перейти к комплектно-блочному исполнению всех наземных сооружений компрессорных станций, значительно сократив сроки ввода их в строй.

В последующем за создание принципиально новых блочно-контейнерных газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом и внедрение их в газовой промышленности ряду работников различных министерств и ведомств была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники. От Мингазпрома ее были удостоены начальник специализированного управления «Оргэнергогаз» Б. Л. Кутаркин, заместитель главного инженера НИИ по разработке газопромыслового оборудования Л. Л. Поляков и заместитель министра газовой промышленности СССР В. А. Динков.

Сам Сабит Атаевич, который подписывал ходатайства о премировании своих сотрудников, не считал возможным дописать там и свою фамилию.

В конце 1974 года общая протяженность магистральных газопроводов, обслуживаемых Мингазпромом, достигла 91,5 тысячи километров. На этих газопроводах работало 173 компрессорные станции общей мощностью около 6,7 миллиона киловатт. К тому времени в СССР имелось 25 подземных хранилищ газа общей емкостью до 30,8 миллиарда кубометров, позволявших ежедневно отбирать из них до 62 миллионов кубометров газа.

В канун XXV съезда КПСС

Летом 1975 года на страну надвигается сильная засуха. Из-за неблагоприятных климатических условий в стране катастрофический неурожай. Было собрано всего 140 миллионов тонн зерна, показатели сбора другой сельскохозяйственной продукции тоже были низкими. В то же время на всех уровнях усиливается идеологическая работа, направленная на достижение высоких трудовых показателей в последний год девятой пятилетки, в канун очередного XXV съезда КПСС. Все трудовые коллективы страны принимают повышенные социалистические обязательства, разгорается соревнование.

В связи с этим в газовой промышленности планируется ввести в действие объекты по добыче и подготовке газа к транспорту общей мощностью 49 миллиардов кубометров. В частности, для увеличения объемов транспорта газа намечается досрочный ввод в строй участка газопровода СРТО — Центр общей протяженностью 1053 километра и Оренбург — Новопсков на участке Оренбург — Александров Гай протяженностью 505 километров. Это ставило перед С. А. Оруджевым и отраслью большие задачи, выполнение которых требовало максимального использования всех имеющихся сил и средств, но, несмотря на трудности, коллективы Мингазпрома СССР и Минстройнефтегаза СССР с ними справились.

К исходу этого года были введены в строй действующих магистральные газопроводы Оренбург — Новопсков и Оренбург — Александров Гай. На трассе газопровода Оренбург — Новопсков на компрессорных станциях впервые были установлены газоперекачивающие агрегаты ГТК-10и. Газопровод Оренбург — Александров Гай был подключен к магистральному газопроводу Средняя Азия — Центр, и по нему оренбургский газ впервые пришел в Москву. Сдается в эксплуатацию первый Нижневартовский газоперерабатывающий завод, с которого осушенный газ по 194-километровому газопроводу пошел в топку Сургутской ГРЭС. Вводятся в эксплуатацию газопровод Вологда — Череповец из труб диаметром 720 миллиметров и третья нитка газопровода Средняя Азия — Центр протяженностью 3,6 тысячи километров, построенного из труб диаметром 1220 миллиметров.

Для усиления материально-технической базы газотранспортных предприятий Мингазпрома в 1975 году по заказу Мингазпрома Уральский турбомоторный завод им. Ворошилова приступил к серийному производству газоперекачивающих агрегатов с газотурбинным приводом мощностью шесть тысяч киловатт (ГТН-6). Эти агрегаты были оснащены полно-

напорными нагнетателями со сменными рабочими узлами, позволявшими получать оптимальные для компрессорных станций степени сжатия.

Сабит Атаевич лично курировал начало выпуска этих агрегатов и установку первых образцов на компрессорных станциях. В одной из своих статей, опубликованных в это время в журнале «Газовая промышленность», доказывая перспективность новых агрегатов, он отмечал, что, по подсчетам специалистов, при сооружении блочно-комплексной компрессорной станции с этими ГПА по сравнению с КС в обычном исполнении, оборудованной агрегатами ГТ-750-6, достигалось снижение капитальных вложений на 19 процентов, сокращение объема строительно-монтажных работ на площадке в 1,8 раза и уменьшение сроков строительства более чем в два раза.

Перевооружение компрессорных станций новыми газоперекачивающими агрегатами становится одним из главных направлений деятельности Сабита Атаевича. Эффективность этой работы была весьма ощутимой. Уже в конце 1975 года из всех агрегатов, работавших на компрессорных станциях страны, центробежные нагнетатели с приводом от газовых турбин составляли 66 процентов. По официальным данным, на конец 1975 года общая протяженность магистральных газопроводов достигла 98,7 тысячи километров и на ней работало 209 компрессорных станций, суммарная мощность газоперекачивающих агрегатов которых приблизилась к двум тысячам киловатт.

Первый год десятой пятилетки

С 24 февраля по 5 марта 1976 года проходил XXV съезд партии. На нем был принят десятый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы, предусматривающий неуклонное повышение жизненного уровня советских людей. На съезде были подведены итоги выполнения девятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, при этом особой строкой отмечаются огромные достижения в развитии газовой промышленности. В докладе генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева отмечается, что за годы девятой пятилетки в СССР было введено в строй свыше 20 тысяч километров магистральных газопроводов. В частности, за это время только на системе Средняя Азия — Центр было проложено более 8 тысяч километров трубопроводов, на системе Медвежье — Центр — свыше 5 тысяч, на Украинской системе — около 2,5 тысячи километров, на трассе Оренбург — Новопсков введено в эксплуатацию более 800 километров га-

зопровода, на трассе Ухта — Торжок (вторая очередь) — свыше 600 километров.

Вводится в строй первая нитка газопровода Пунга — Вуктыл — Ухта протяженностью 570 километров и производительностью 15 миллиардов кубометров газа в год. Этот газопровод пролег от третьей нитки газопровода Надым — Ухта — Нижняя Тура до перехода газопровода Вуктыл — Ухта (вторая очередь) через реку Ижму. На своем пути трасса газопровода прошла через Тюменскую область (292 километра) и Коми АССР (278 километров). Она пересекла 1809 рек и ручьев, 564 километра залесенных и 163 километра заболоченных участков. На участке с 396-го по 570-й километр газопровод проходил параллельно ранее проложенной линии газопровода Вуктыл — Ухта.

К системе газопроводов объединения «Тюментрансгаз» было подключено Уренгойское газоконденсатное месторождение. Для его обустройства был создан трест «Уренгойгазпромстрой». В том же году в составе объединения были созданы Сорумское (начальник В. И. Кожин), Уральское (начальник С. Н. Квитко) и Пангодинское ЛПУ МГ (начальник А. И. Слукин).

Вводятся в строй магистральный газопровод Бухарский район — Ташкент — Фрунзе — Алма-Ата протяженностью 1456 километров и четвертая нитка магистрального газопровода Средняя Азия — Центр из труб диаметром 1220 и 1420 миллиметров. Общая протяженность труб всей четырехниточной системы этого газопровода составила 13,7 тысячи километров.

Однако не обошлось без чрезвычайных ситуаций. Летом 1976 года в Кызылкуме произошло сильное землетрясение, в результате чего пострадала дожимная компрессорная станция в Газли. Земля буквально разломилась под крупным зданием станции. Подача газа на Урал и в Центр прекратилась.

Для определения масштабов и ликвидации этой аварии министр газовой промышленности приказал направить в Газли специальную комиссию, доверив возглавить ее своему первому заместителю Михаилу Васильевичу Сидоренко — крупнейшему специалисту в области транспорта газа. Сидоренко и сотрудники комиссии, разобравшись в обстановке на месте, пришли к выводу о восстановлении разрушенной компрессорной станции.

Оруджев, выслушав этот доклад, немедленно по телефону связался с Косыгиным и Щербиной. обстоятельно доложив обстановку, он предложил на месте разрушенной построить новую современную станцию, оснастив ее газоперекачивающими агрегатами с авиационным приводом ГПА-Ц-6,3.

— Все необходимые средства для этого будут выделены, — сказал Алексей Николаевич. — Но учтите, что строители должны выполнить эту задачу к концу ноября этого года. Газовикам придется оказывать максимальную помощь им в этом деле.

Вначале ни Оруджев, ни Щербина не поняли, почему председателем Совета министров названа именно эта дата — в СССР обычно все задачи ставились с 7 ноября. Но вскоре все стало понятно. 18 декабря планировалось с большой помпой отметить 70-летие генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Работы в Газли начались немедленно. Туда были брошены лучшие кадры специалистов Минстройнефтегаза и Мингазпрома. Поставленная задача была выполнена, и агрегаты начали действовать уже на пятом месяце после аварии.

18 декабря Оруджев, составляя поздравительный адрес в честь семидесятилетия, указал, что объем добычи природного газа в этом году составил 921 миллиард кубометров, а общая протяженность магистральных газопроводов достигла 103 тысяч километров. В конце рапорта имелась небольшая приписка о том, что именно к этой дате газовики ввели в строй второй Нижневартовский газоперерабатывающий завод производительностью два миллиарда кубометров газа в год и полностью ликвидировали последствия землетрясения в Узбекистане.

Пуск внеплановой компрессорной

В конце 1976 года Миннефтегазстрой СССР закончил строительство нитки газопровода Надым — Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок. Однако существенно увеличить объем поставок газа можно было только с пуском в работу Приполярной компрессорной станции в Тюменской области, построенной перед Уральскими горами. Ее ввод в эксплуатацию намечался на январь 1977 года. Однако случилось непредвиденное. 18 января при морозе около 30 градусов во время испытания воздухом технологических трубопроводов высокой стороны станции произошло лавинное разрушение практически всех трубопроводов. К сожалению, не обошлось и без человеческих жертв.

Безусловно, о случившемся сразу же было доложено по всем инстанциям и стало известно Оруджеву. Для обсуждения проблемы и принятия неотложных мер он немедленно связался с Б. Е. Щербиной, министерство которого непосредственно отвечало за выполнение всех строительных работ на трассе газопровода. И уже на следующее утро заместитель министра

Миннефтегазстроя СССР В. Г. Чирсков с группой строителей прилетел на станцию из Тюмени.

Разобравшись в случившемся на месте, он немедленно доложил обо всем Щербине. Борис Евдокимович, переживая за своевременную подачу газа в Центр, посоветовал подумать о досрочном вводе в строй компрессорной станции Перегребная, и строители активно начали подготовку к осуществлению этого проекта.

Но, как оказалось, Оруджев постоянно и самым внимательным образом отслеживал выполнение работ на трассе газопровода Надым — Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок. Когда подготовительные работы с пуском компрессорной станции Перегребная практически были завершены, в конце января он позвонил Чирскову в Тюмень и спросил, каким образом строители собираются испытывать эту станцию.

Чирсков ответил, что, как и предусматривалось ранее, по всей видимости, воздухом.

— Имей в виду, ты уже взорвал Приполярную, и я не позволю взорвать другую, — предупредил он Чирскова и положил трубку.

Создавалась крайне сложная ситуация. С одной стороны, нужно было поскорее запустить новую компрессорную станцию, с другой — все понимали свою ответственность в случае неудачи. Тем более что всесторонне оценив ситуацию, строители пришли к выводу, что и в самом деле повторение было возможно. Испытание воздухом при низких температурах вполне могло оказаться причиной лавинного разрушения технологических трубопроводов на компрессорной станции Приполярная. Ученые никаких гарантий не давали, и Сабит Атаевич хорошо об этом знал.

Поразмыслив и еще раз оценив ситуацию, строители отказались от испытаний трубопровода воздухом и решили испытывать его водой. Но этого на подобных объектах, да еще при столь низких температурах наружного воздуха никто, никогда и нигде не делал. К тому же эта рискованная операция требовала тысячи кубометров воды.

Но Сабит Атаевич постоянно требовал ускорения работ.

— Стране нужен газ, а поставить его мы можем только по трубопроводам, которые вы строите, — заметил он. — Для нормальной работы газопровода нужны компрессорные станции, и ваше дело вовремя ввести их в строй.

Комиссия строителей в очередной раз вылетела на компрессорную. Она еще раз просчитала все на месте и пришла к выводу — шанс на успех есть. После этого Чирсков дал команду приступить к делу.

В разгар подготовительных работ прозвучал новый звонок от Оруджева.

— Сколько у тебя партийных билетов? — поинтересовался он у Чирскова. — По-видимому, вы вторую станцию решили если не взорвать, так разморозить. Имей в виду, что этого я так не оставлю.

И не оставил. Оруджев дал распоряжение начальнику объединения «Тюменгазпром» не врезать линию, позволяющую подавать газ для последующего вытеснения воды...

Но строители все же смогли до конца довести начатое ими дело. Испытания компрессорной станции прошли успешно, о чем немедленно было доложено Щербине и Оруджеву. Сабит Атаевич благосклонно выслушал доклад и поздравил строителей с успехом. Затем, при очередной встрече с Чирсковым, он доверительно признался:

— Я только пугал вас, а сам отдал все распоряжения о том, как помочь вам с пуском новой компрессорной станции. О выполнении работ мне докладывали каждый час. Все силы Мингазпрома, расположенные в том районе, готовы были в любую минуту прийти на помощь строителям.

В том году также было завершено строительство и проведены испытания всех объектов магистрального газопровода Нижневартовск — Парабель — Кузбасс. И с ноября того же года газ с Нижневартовского газоперерабатывающего завода начал поступать на Кемеровскую ТЭЦ. По приказу Оруджева для обслуживания этого газопровода 28 июня 1977 года в составе Всесоюзного производственного объединения «Тюменгазпром» было создано производственное объединение «Томсктрансгаз», директором которого был назначен Вячеслав Емельянович Толмачев, а главным инженером В. А. Махонин.

В связи с подготовкой к празднованию шестидесятилетия Октябрьской революции разворачивается социалистическое соревнование за досрочное выполнение и перевыполнение планов этого года. В русле выполнения этих лозунгов вводится в строй первая нитка газопровода Ухта — Грязовец протяженностью 600 километров, пропускной способностью 10 миллиардов кубометров газа в год, для обслуживания которого было построено четыре компрессорные станции.

27 сентября 1977 года на границе СССР и ЧССР был сварен «красный стык» 2750-километрового магистрального газопровода «Союз» (Оренбург — Новопсков — Западная граница СССР), построенного из труб диаметром 1420 миллиметров, рассчитанных на рабочее давление 75 атм. Этот газопровод представлял собой очень сложную конструкцию. На своем пути он пересекал с востока на запад территории трех республик —

России, Казахстана и Украины, где равнинные участки сменяются лесостепью, а затем горными отрогами Восточных Карпат. На его пути было более тысячи естественных и искусственных преград, в том числе 240 автомобильных и железных дорог, 168 водных рубежей (среди них Волга, Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр и др.). Для обеспечения работы газопровода были введены в строй 20 компрессорных станций суммарной мощностью 1,58 миллиона киловатт, системы управления и телемеханики, центры ремонтно-восстановительных служб, здания жилого и культурно-бытового назначения.

На конец года общая протяженность магистральных газопроводов, эксплуатируемых Мингазпромом, достигла 111,3 тысячи километров.

На пульсе времени

На 1978 год для организаций Мингазпрома были определены повышенные задачи. Они были связаны главным образом с вовлечением в народно-хозяйственный оборот газовых запасов Уренгойского месторождения и с созданием нового направления транспорта газа — из Тюменской области в районы Челябинска, Уфы, Куйбышева. Кроме того, в чрезвычайно короткие сроки предстояло обустроить Вынгапуровский газовый промысел, создать объекты добычи и промысловой подготовки газа на Уренгое, проложить магистральный газопровод протяженностью 1,4 тысячи километров из труб диаметром 1420 миллиметров, рассчитанный на давление 75 атмосфер. На трассе этого газопровода предстояло разработать более 50 миллионов кубометров грунта.

В качестве реализации этих заданий к концу года было введено в строй 1102 километра первой нитки газопровода Уренгой — Сургут — Челябинск, а 325-километровый участок от Вынгапуровского месторождения до Оби уже выдержал проектную перегрузку и был готов к сдаче. Длина трассы между двумя крайними точками составила 1750 километров. Газопровод был сооружен из труб диаметром 1420 миллиметров (основная нитка) и 1220 миллиметров (подводящий газопровод от Вынгапуровского месторождения). Всего таких труб было проложено две. Для переходов через крупные реки использовались трубы диаметром 1020 миллиметров и 1220 миллиметров.

Трасса газопровода прошла по районам сложного рельефа местности и трудных климатических условий. Более 1,4 тысячи километров этой трассы пролегло в пределах северной климатической зоны, 1242 километра — среди лесов, 639 километ-

ров — в необжитых районах, 992 километра — в обводненной местности и на болотах, 320 километров — на вечномёрзлых грунтах. На своем пути трасса пересекла 120 рек, в том числе Обь и Иртыш. Для обслуживания этого газопровода на его магистрали сооружено 32 компрессорные станции.

В ноябре 1978 года было объявлено о вводе в эксплуатацию газопровода «Союз». Протяженность этой магистрали достигла 2750 километров. Он был построен из труб диаметром 1420 миллиметров, рассчитанных на рабочее давление 75 атм. Для обслуживания этой магистрали на ней были построены 22 компрессорные станции суммарной мощностью агрегатов около двух миллионов киловатт. Уже в конце года этот газопровод обеспечил транспорт советского природного газа за рубеж в объеме, предусмотренном генеральным соглашением.

Ввод в строй новых газотранспортных мощностей требовал постоянного совершенствования оборудования компрессорных станций. Работы по повышению их мощностей велись постоянно. Так, осенью 1978 года Государственная комиссия подписала акт о завершении испытаний и вводе в эксплуатацию в Невинномысском ЛПУ МГ (ПО «Ставропольгазпром») первого образца газомотокомпрессора марки ДР-12.

Первый образец этого компрессора был изготовлен в 1976 году на горьковском заводе «Двигатель революции» по лицензии, купленной у американской фирмы «Купер Бессемер», и являлся базовым образцом отечественного компрессоростроения. Данная машина на тот период была самой мощной в Европе и обладала передовыми показателями КПД, производительности, экономичности и воздействия на окружающую среду.

В доводке компрессора участвовали ведущие конструкторы завода П. Л. Шнейдман и К. А. Котылев, а также работники Невинномысского ЛПУ МГ инженеры И. М. Коклин, А. Г. Кравцов, Н. А. Серегин и А. А. Скрынников.

В последующие годы газомотокомпрессор ДР-12 успешно использовался для оснащения крупнейших подземных хранилищ газа, таких как Касимовское, Инчукалинское, Кончуринское и др.

В 1978 году осень выдалась необычно холодной. В это же время в Иране произошла революция и поставки газа из этой страны в наши закавказские республики прекратились. Создалась угроза дефицита газа. Правительством СССР было принято решение ускорить его подачу по магистральному трубопроводу Уренгой — Челябинск. К моменту возникновения проблемы уже были испытаны головной и конечный участки этого газопровода. Но на среднем участке протяженностью более 700 километров еще продолжались сварочные и изоля-

ционные работы. В. Г. Чирсков руководил окончанием этой стройки и постоянно находился в Тюменской области.

Но время не ждало. От газовиков постоянно требовали увеличения поставок газа. Поставка газа в закавказские республики была взята под особый контроль ЦК КПСС. Строители делали все, от них зависящее, но существенно ускорить выполнение работ имевшимися силами и средствами было невозможно.

В Тюмень Чирскову вновь начали поступать грозные звонки из Москвы от Оруджева. Он требовал, исходя из государственных интересов, немедленно пустить газ по трубопроводу. Владимир Григорьевич пытался объяснить, что газопровод нужно еще заизолировать, пригрузить и засыпать на отдельных участках, называл реальные сроки. Но Сабит Атаевич словно не слышал его.

— Ты что, не понимаешь, в какой ситуации оказалась страна? — почти кричал он. — Сейчас нужно ее спасать, пустить газ по трубопроводу. Окончишь строительство второй нитки, первую остановишь и тогда все доделаешь.

Чирсков, который прекрасно знал возможности строителей и состояние газопровода, решил не подчиняться воли Оруджева. Позвонив министру строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б. Е. Щербине, он изложил доводы и попросил не давать согласие на предложения Сабита Атаевича. Это означало конфликт между министрами, но Владимир Григорьевич рассчитывал на мудрость Оруджева, который мог добиться соответствующей директивы из высшей инстанции. Как видно, он не ошибся, так как такой директивы не последовало. Сабит Атаевич, несмотря на огромный нажим на него со стороны политбюро и правительства, не стал подставлять строителей под административный удар, а наоборот, приказал газовикам всячески оказывать им помощь при вводе в строй нового газопровода. Благодаря совместным усилиям в 23 часа 31 декабря 1978 года уренгойский газ пошел в Челябинск.

По этому случаю в адрес строителей поступила масса поздравительных телеграмм, но одной из первых была телеграмма за подписью С. А. Оруджева, который от души их благодарил за своевременное выполнение правительственного задания.

Артерии жизни

К концу 1970-х годов были газифицированы все основные промышленные районы Советского Союза, природный газ получил ряд союзных республик. Были введены в строй тыся-

чи километров магистральных газовых и газопроводов-отводов. Природный газ прочно вошел в жизнь и быт огромного количества людей, и трубопроводы, по которым он подавался от месторождений к потребителям, по праву начинают называться артериями жизни.

В конце 1970-х годов мощности газотранспортной системы постоянно возрастают. В 1979 году вводятся в строй вторая нитка магистрального газопровода Пунга — Вуктыл и линейная часть газопровода Пермь — Казань — Горький протяженностью более 900 километров. По Оренбургскому соглашению 1974 года начались поставки советского природного газа в Румынию в объеме 1,5 миллиарда кубометров в год. Общая протяженность магистральных газопроводов Советского Союза достигла 124,4 тысячи кубометров.

В ночь с 26 на 27 декабря 1979 года советские войска вводятся в Афганистан и начинается изнурительная и разорительная для СССР десятилетняя война, которая в последующем оказалась непосильной ни для страны, ни для ее руководства. В связи с этим перед всеми министерствами СССР, в том числе и перед Мингазпромом, были поставлены сложнейшие задачи. 21 февраля ЦК КПСС и Совет министров СССР принимает постановление «О мерах по ускорению строительства и обеспечению ввода в действие объектов системы магистрального газопровода Уренгой — Надым — Пунга — Ухта — Грязовец, Грязовец — Московское областное кольцо и Грязовец — Торжок — Минск — Иванцевичи, с тем чтобы начать по ним транспортировку газа на участке Уренгой — Грязовец не позднее мая 1981 года. 14 апреля в ЦК КПСС проходит совещание, посвященное ускорению широкомасштабных работ по развитию нефтедобывающего комплекса в Западной Сибири. В стране разворачивается социалистическое соревнование за достойную встречу XXVI съезда КПСС.

Но выполнять директивы в условиях наметившегося общего спада уровня производства становится крайне сложно. С. А. Оруджев и Б. Е. Щербина по этому вопросу составили специальную записку в адрес ЦК КПСС, содержание которой согласовали с Н. К. Байбаковым. Предлагалось решительно повысить темпы газификации страны и получить средства для создания отечественных мощностей по производству оборудования для нефтяной и газовой промышленности. Но так как для этого нужны были дополнительные средства и материальные ресурсы, а принятие окончательного решения затягивалось, требовалось вмешательство высшего руководства страны.

Записку Брежневу взялся передать Щербина. Борис Евдокимович, используя свое близкое знакомство с одним из руко-

водителей Управления ЦК КПСС, направил ее в Крым, где в то время отдыхал Леонид Ильич. Тот, ознакомившись с этим документом, наложил на нем четкую и категоричную резолюцию. В соответствии с ней начало готовиться новое постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, начали формироваться новые программы.

К сожалению, в конце этого года на экономической и политической арене Советского Союза появляются новые силы. 21 октября членом политбюро становится М. С. Горбачев. 23 октября объявляется об отставке по болезни председателя Совета министров А. Н. Косыгина. Новым руководителем правительства Советского Союза стал один из ближайших соратников Л. И. Брежнева 75-летний Николай Александрович Тихонов.

В декабре С. А. Оруджев на отчетно-выборном собрании коммунистов центрального аппарата Мингазпрома, а затем и на едином политдне перед делегатами XVIII областной партийной конференции в Тюмени выступает с докладом по проекту ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». В этих выступлениях он дает краткую оценку достижениям газовой промышленности, но основной упор делает на стоящих перед ней задачах. В частности, он отмечает, что только в 1980 году были введены в строй конденсатопровод Оренбургский ГПЗ — Салаватский нефтегазосинтез — Уфимский НПЗ протяженностью 416 километров и магистральный газопровод Челябинск — Петровск — Новопсков. Общая протяженность магистральных газопроводов достигла 132,4 тысячи километров.

Таким образом, во время руководства газовой отраслью С. А. Оруджевым мощности ее газотранспортной системы значительно выросли, в результате чего была значительно расширена Единая система газоснабжения страны.

Глава шестая

ПОДЗЕМНОЕ ХРАНЕНИЕ ГАЗА

Первый опыт

Первые подземные хранилища газа (ПХГ) были созданы в США и Канаде и использовались для отопления и работы электростанций.

Уже в 1915 году появилось небольшое хранилище в выработанном месторождении Канады, в 1916 году в США на базе

истощенного газового месторождения вблизи Конкорда для покрытия пикового газопотребления было построено подземное хранилище газа, которое работает и поныне. В 1953 году труды американских газовиков по созданию ПХГ в водоносном пласте (Хершер) увенчались успехом. В этот же период в США начали строить хранилища в каменных солях преимущественно для хранения жидких углеводородов. В Европе первое ПХГ было введено в эксплуатацию компанией «Рургаз» в 1952 году в пористых отложениях вблизи Ганновера.

История подземного хранения газа в России ведет свою летопись с середины 1950-х годов, практически с начала интенсивного развития в СССР добычи газа. Проблема создания резервов газа возникла с вводом в эксплуатацию газопровода Саратов — Москва. Подача газа только из газопровода полностью не могла обеспечить нужд потребителей, так как промышленность и быт расходовали газ неравномерно, в основном в зависимости от сезона, а также времени суток. Для сглаживания неравномерности газопотребления в 1946—1955 годах в Москве были построены семь газгольдерных станций, в которых были установлены цилиндрические резервуары диаметром 3 метра и длиной 17 метров, с рабочим давлением до 6 атм. Их общая активная емкость составляла около 1,1 миллиона кубометров. В регулировании суточной неравномерности газоснабжения столицы они играли определяющую роль вплоть до 1960-х годов, когда потребление газа Москвой составляло менее 10 миллиардов кубометров в год.

Для покрытия и сглаживания неравномерности возрастающих объемов газопотребления требовались хранилища газа большой емкости. Такие газохранилища могли быть созданы в выработанных нефтяных и газовых месторождениях, в водоносных геологических структурах или в емкостях, построенных при помощи размыва мощных соляных отложений и отвечающих требованиям герметизации хранимого в них газа.

История становления и развития отечественного подземного хранения газа неразрывно связана с легендарной личностью газовой промышленности — М. В. Сидоренко, в то время первого заместителя начальника Главгаза СССР. Энтузиазм, энергия, а главное аналитический ум государственного деятеля позволили ему, наряду с решением проблем по наращиванию добычи, созданию Единой системы газоснабжения, поиску оптимального диаметра магистральных газопроводов, выводу страны на мировую газовую арену, воплотить в реальность решение проблемы надежности газоснабжения за счет подземного хранения газа. Наиболее доступным ее решением могло стать создание ПХГ в истощенных нефтяных или газо-

вых месторождениях. Но их не было в центре и на северо-западе европейской части страны, там, где были расположены крупные потребители газа. В этой ситуации единственным выходом стало создание хранилищ газа в водоносных пластах. Это было новое решение, совершенно неизведанное в стране, наукоемкое и сложное, требующее совместной работы научных, проектных, машиностроительных, строительных, геолого-разведочных и буровых коллективов. Для руководства этим процессом нужна была мощная организующая и координирующая сила, располагающая необходимыми административными, финансовыми, материальными и кадровыми ресурсами.

По заданию М. В. Сидоренко для разработки теоретической базы этого направления подключились ВНИИгаз, Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, Институт механики Академии наук СССР и ряд других организаций.

Решением Главгаза СССР ведение поисково-разведочных работ было возложено на Союзную геолого-поисковую контору (впоследствии — геологический трест «Союзбургаз», ОАО «Бургазгеотерм»), первым управляющим которой стал И. И. Афанасенков, а главным геологом — И. Г. Лоджевский.

Во ВНИИгазе (директор — А. К. Иванов) научное обеспечение работ по созданию ПХГ было возложено на заместителя директора института В. Н. Раабена и А. Л. Хейна — заведующего вновь организованной лабораторией подземного хранения газа. В. Н. Раабен на долгие годы становится одним из научных консультантов М. В. Сидоренко по этому вопросу.

В Московском институте нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина группой отечественных ученых во главе с И. А. Парным проводятся научно-исследовательские работы в области подземного хранения газа.

В качестве генерального проектного института определяется киевский институт «Укргазпроект» (директор — Б. В. Барабаш, главный инженер — В. И. Городецкий), в котором создается отдел технико-экономических исследований (И. П. Ларшин, С. Т. Габелко). Главным инженером проектов ПХГ назначается А. Д. Андреев — один из самых опытных и квалифицированных проектировщиков, ранее работавший в должности главного инженера на строительстве системы газопроводов Ставрополь — Москва и Краснодарский край — Серпухов. Генеральным подрядчиком по сооружению ПХГ определяется строительный трест № 1 (начальник — С. И. Гинзбург, главный инженер — Е. М. Пеньковский), входивший в состав Главгаза СССР.

В самом аппарате Главгаза СССР кроме М. В. Сидоренко вопросами создания ПХГ ведал также главный геолог Н. С. Ерофеев, который отвечал за проведение геологических работ по поиску структур, пригодных для создания в них объектов подземного хранения газа. Сидоренко и Ерофеев хорошо знали друг друга много лет по прежней совместной работе в Министерстве нефтяной промышленности, между ними была атмосфера глубокого взаимного уважения, ставшая одним из решающих факторов их успешной совместной деятельности.

В Главгазе был сформирован оперативный штаб по строительству в стране подземных хранилищ газа во главе с М. В. Сидоренко, в который вошли Н. С. Ерофеев, И. И. Афанасенков, В. Н. Раабен, С. Н. Бузинов, А. Л. Хейн, И. А. Парный, Г. И. Солдаткин, Б. В. Барабаш, И. Я. Фурман, С. И. Гинзбург, М. Н. Гавриленко. Позже в состав этой группы были также включены начальник Московского управления магистральных газопроводов А. В. Александров, начальник Щелковского ПХГ, а затем главный инженер Московского управления магистральных газопроводов В. И. Халатин, начальник Объединенного диспетчерского управления Д. Г. Аликов, а также А. М. Мастерков, В. А. Кайгородов, В. П. Квасов, Г. А. Шишкин, В. И. Дуболазов, Н. П. Снегирев и др.

12 сентября 1955 года вышло постановление Совета министров СССР «О постановке геолого-разведочных работ для создания ПХГ».

Геолого-разведочные работы по созданию ПХГ на территории центральных районов России были начаты в конце 1950-х годов. Они были сосредоточены в районах, непосредственно прилегающих к Москве, и первоначально ориентировались на изучение локальных поднятий, выявленных здесь ранее при проведении геологической съемки, нефтепоисковых и других видов геологических исследований. Однако достаточно быстро фонд таких структур оказался исчерпанным. При этом только две — Калужская и Щелковская — оказались пригодными для создания ПХГ. В остальных случаях наличие таких перспективных для ПХГ поднятий не подтвердилось.

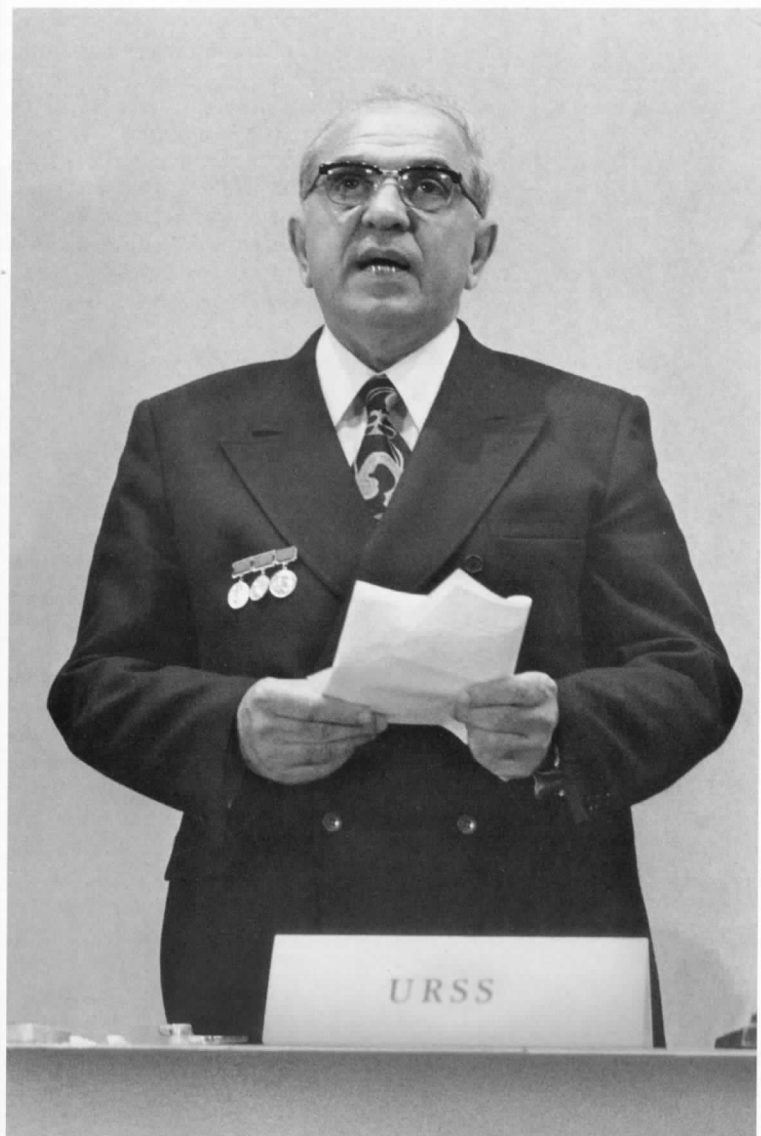
В геологическом отношении Центральный регион приурочен к юго-восточному склону Московской синеклизы. К моменту начала геолого-поисковых работ на ПХГ ее геологическое строение было изучено крайне слабо даже на региональном уровне. Поэтому для выявления новых поднятий на последующем этапе пришлось осуществить большой объем площадных и детальных буровых и сейсмических работ, что позволило достаточно объективно оценить перспективы создания хранилищ на указанной территории. При этом было установ-

лено, что в районах, непосредственно приближенных к Москве, имеют развитие главным образом малоамплитудные, значительные по площади структуры с плоским сводом, неблагоприятные для создания ПХГ.

За четыре года было пробурено около 750 мелких структурно-поисковых и 187 разведочных скважин. Первые скважины на будущих Калужском и Щелковском подземных хранилищах газа были построены в 1957—1958 годах. Начальник Главгаза СССР А. К. Картунов принимает предложение штаба об организации Калужской опытной станции подземного хранения газа и 8 июля 1958 года подписывает об этом приказ. Но для опытной закачки газа в пласт следует сделать еще очень многое. Нужно пробурить эксплуатационные скважины и их обустроить, построить компрессорную станцию и газораспределительный пункт, установку очистки и осушки газа, соорудить промысловые и газосборные сети, а также подводящий магистральный газопровод.

Но интересы дела требуют ускоренной постановки эксперимента в промышленных условиях по изучению продвижения газа в пласте при его закачке и отборе, распределения пластовых давлений в границах создания искусственной залежи и по многим другим вопросам. Крайне необходимо было провести эти работы для подтверждения теоретических исследований Л. С. Лейбензона, И. А. Парного, В. Н. Щелкачева, М. Маскета, Г. Д. Розенберга, Б. Б. Лапука, А. Л. Хейна, И. Н. Стрижова, И. Е. Ходановича, В. Н. Раабена, С. Н. Бузинова, Е. В. Левыкина, Г. И. Солдаткина, А. И. Ширковского.

Понимая остроту вопроса, М. В. Сидоренко организует проведение первых работ по закачке газа в Башкатовскую и Елшано-Курдюмскую истощенные газовые залежи. Башкатовское месторождение расположено в семи километрах от Бугуруслана. Работы выполнялись трестом «Куйбышевгаз» в мае 1958 года. Залечь разрабатывалась с августа 1953-го по апрель 1958 года, за это время из нее было добыто 18,4 миллиона кубометров газа. Но затем по причине падения пластового давления было решено превратить газовое месторождение в подземное хранилище газа. Для этого с 5 мая по 21 октября 1958 года в хранилище было закачено 9,3 миллиона кубометров газа, в результате чего давление в залежи повысилось с 16,5 до 32,7 атм. В 1958—1959 годах хранилище обслуживало Бугуруслан, которому за это время было подано более 5 миллионов кубометров газа. Параллельно на базе Башкатовского ПХГ проводились исследовательские работы по определению неустановившихся процессов перераспределения давления в хранилище, герметичности резервуара, изучению закономернос-

Выступление министра газовой промышленности СССР. 1974 г.

Алексей Кириллович Кортунов

Михаил Васильевич Сидоренко

Лидеры отечественной газовой промышленности: А. К. Кортунов, С. А. Оруджев, Б. Е. Щербина, М. В. Сидоренко. 1970-е гг.

С. А. Оруджев,
В. Э. Дымшиц
и В. И. Ярмуш.
1970-е гг.

Доклад
С. А. Оруджева
у карты.
Сидят:
Н. К. Байбаков
и К. К. Смирнов.
1975 г.

«Только вертолетом можно долететь...» 1970-е гг.

На месте закладки Нового Уренгоя: П. С. Иванов, В. В. Стрижов,
В. Г. Чирсков, Е. Н. Алтунин, Г. П. Богомяков, С. А. Оруджев,
А. Н. Гурьев, В. Н. Тюрин, Е. Ф. Козлов, Н. И. Белый,
В. Д. Батазовский, Г. А. Шемраев

С. А. Оруджев, В. Г. Курамин, И. С. Никоненко и В. В. Стрижов в Надыме

Визит А. Н. Косыгина на Тюменскую землю. 1970-е гг.

Строгий разговор С. А. Оруджева с А. Т. Шаталовым
в объединении «Оренбурггаздобыча». 1970-е гг.

Приезд А. Н. Косыгина в Оренбург. 1970-е гг.

На строящемся промышленном объекте. 1970-е гг.

На газоконденсатном заводе в Оренбурге.

Слева направо в первом ряду: П. И. Суров, Ю. В. Зайцев,
С. А. Оруджев, В. С. Черномырдин, В. Д. Шмарев, И. П. Жабрев.
Август 1975 г.

С. А. Оруджев
(в центре)
и Н. И. Белый
(крайний справа)
на газовом конгрессе
в Торонто.
Канада. 1970-е гг.

Торжество в Риме
по случаю начала
поставок
советского газа
в Италию.
У микрофона —
премьер-министр
Италии
Альдо Моро.
1974 г.

Беседа за столом

В. Э. Дымшиц (второй слева), С. А. Оруджев (четвертый справа),
П. А. Арушанов (третий справа) во время поездки в Индию. 1970-е гг.

По маршруту будущей газовой магистрали. 1970-е гг.

На трассе строящегося газопровода

Укладка труб

С. А. Оруджев, А. К. Картунов, В. И. Муравленко в Западной Сибири.
1972 г.

У истоков
газового флота.
1970-е гг.

А. Хаммер,
С. А. Оруджев
и А. И. Сорокин.
1970-е гг.

З. Х. Горелик
и С. А. Оруджев
у карты
газовой связи.
Конец 1970-х гг.

Сабит Атаевич
с супругой.
1980 г.

Заседание
коллегии
Мингазпрома
СССР.
Конец 1970-х гг.

Богатый улов

На даче
у С. А. Оруджева
по случаю
присвоения ему
звания Героя
Социалистического
Труда.
1980 г.

Сбор урожая

Легендарный министр Сабит Атаевич Оруджев

тей распределения закачанного газа в пласте. В августе 1959 года при объеме активного газа, равном 5 миллионам кубометров, Башкатовское газохранилище вводится в промышленную эксплуатацию.

В 1958 году была выполнена опытная закачка газа при давлении нагнетания 35 атм в четыре скважины тульского горизонта Елшано-Курдюмского месторождения в Саратовской области.

Эксперименты первопроходцев дали положительный результат, позитивно сказавшийся на всей политике дальнейшего развития ПХГ.

По предложению Главгаза СССР Совет министров СССР 2 июля 1959 года принимает постановление «Об организации подземного хранения газа в СССР». В такой правительственной поддержке Главгаз крайне нуждался. Этим постановлением Совет министров СССР поднял проблему создания в стране подземных хранилищ газа на правительственный уровень. И уже в 1959 году началась опытная закачка газа в Калужское ПХГ, а в 1960-м — в Щелковское ПХГ.

В 1960 году А. Л. Хейн, С. Н. Бузинов, П. Я. Алтухов в журнале «Газовая промышленность» опубликовали статью «Экспериментальные исследования коэффициента вытеснения воды газом в связи с подземным хранением газа в водоносных структурах». Статья основывалась на результатах экспериментальных исследований на специальной установке, моделирующей условия пласта. Эти работы проводились во ВНИИгазе в целях разработки технологических регламентов создания хранилищ газа в водоносных структурах. Авторами были получены научные результаты, которые затем были положены в основу разработки Калужского и Щелковского подземных хранилищ газа. В частности, была установлена зависимость коэффициента вытеснения воды газом от скорости ее фильтрации и скорости движения границы газовой смеси. В результате этих исследований были разработаны методы расчета вытеснения воды газом в пологих и крутопадающих куполообразных водоносных структурах; получены простые рабочие формулы и разработана методика определения геолого-физических параметров коллектора по распределению давления в пласте. Было установлено, что поршневого вытеснения воды газом не происходит, а образуются «блокированные» водонасыщенные зоны. Эти выводы имели большое практическое значение при создании подземных хранилищ газа.

Важнейшие результаты, во многом повлиявшие на дальнейшее развитие ПХГ, были получены отделом технико-эко-

номических обоснований проектного института «Укргазпроект» (ВНИПИТрансгаз).

В 1960 году начался опытный отбор газа из Калужского ПХГ, а в 1961 году — из Щелковского ПХГ.

В течение 1960-х годов в Главгазе действовал оперативный штаб во главе с М. В. Сидоренко по закачке газа в ПХГ. Ежедневно составлялись оперативные сведения о суточной закачке в каждое хранилище и об общем объеме закачанного газа во все подземные хранилища. Для координации действий на местах ответственными за работу ПХГ назначаются руководители управлений магистральных газопроводов. Вводится строжайшая дисциплина выполнения установленного графика работ по заполнению хранилищ газа до наступления отопительного сезона. Проводятся различные мероприятия по изысканию резервов газа для закачки в ПХГ, в том числе перевод некоторых электростанций на мазут и уголь, сокращение расхода газа на топливные нужды на магистральных газопроводах. Реализуются мероприятия по сокращению потерь газа при транспортировке и повышению его добычи на некоторых месторождениях.

В целом можно сказать, что при создании первых двух ПХГ был проведен широкомасштабный эксперимент, в процессе которого в короткие сроки были отработаны принципы поисков ловушек и их геологическое изучение, технологии закачки и отбора газа, методы интенсификации притока газа к забоям скважин, решен ряд экологических вопросов и многое другое. Это явилось платформой для развития важнейшей подотрасли газовой промышленности — подземного хранения газа.

В этой работе принимала участие большая группа специалистов: В. Г. Васильев, И. П. Жабрев, А. М. Мастерков, А. Д. Поликарпова, С. П. Омель, М. С. Кистенбойм, Б. А. Резник, А. В. Кацман, С. Г. Адибеков, И. И. Агаев, А. Н. Снегирев, А. Е. Леонтьев, В. Д. Логачев, Л. В. Василевский, Ф. А. Суханов, М. Н. Овчинников, Р. И. Андрющенко, П. А. Кошелев, А. Г. Литвинов, С. Н. Стражгородский, А. И. Постников, Г. А. Шишкин, В. И. Дуболазов, Е. В. Штейнова, Г. И. Вольпин, С. А. Мосинян, А. А. Белубеков, Ю. В. Ковган, Ф. Ш. Дашкин, В. И. Халатин, Н. И. Белый, А. Д. Седых, В. А. Кайгородов, В. П. Квасов, В. И. Парфенов, Г. П. Гук, А. Н. Соловьев, И. В. Арбузов, Л. А. Генкина, Г. И. Либерман, О. М. Карабельников, М. Ф. Каримов и многие другие. Благодаря работе Щелковского и Калужского газохранилищ в осенне-зимние периоды начиная с 1969 года в дни похолоданий Москва получала дополнительно до 40 процентов газа.

Расширение фронта работ

После Калуги и Щелкова геолого-разведочные работы по созданию ПХГ начали производиться широким фронтом на территории многих областей и республик бывшего СССР. На основании полученных при разведке геологических данных были спроектированы, а потом и созданы Гатчинское (Россия), Полторацкое (Узбекистан), Инчукалнское (Латвия), Осиповичское (Белоруссия), Олишевское, Червонопартизанское (Украина) и другие ПХГ.

К концу 1972 года, когда С. А. Оруджев становится министром газовой промышленности, объем активного газа в созданных ПХГ составлял более 7 миллиардов кубометров природного газа. Максимальный суточный отбор из них в максимальные дни похолодания осенне-зимнего сезона составлял более 50 миллионов кубометров. Все эти хранилища газа созданы в основном в водоносных горизонтах. В начале 1970-х годов основной политикой создания ПХГ становится использование для этих целей выработанных нефтяных и газовых месторождений.

Самое крупное в мире

Касимовское газохранилище, созданное в Центральном районе, стало самым крупным газохранилищем в мире в водоносном пласте, его активный объем составил 7,5 миллиарда кубометров газа. В настоящее время это хранилище обеспечивает до 25 процентов потребности Москвы и Московской области в топливном балансе зимнего времени.

При проектировании и анализе условий создания и эксплуатации Касимовского хранилища был разработан ряд уникальных методов прогнозирования и расчетов технологических параметров процесса, широко использующих современные математические методы и вычислительную технику. Методы нашли применение при работах по проектированию и освоению других объектов хранения газа в водоносных пластах, которые строились в Увязовском, Даньковском, Беднодемьяновском, Ургинском и других районах.

Создание мощностей по подаче газа потребителям центра России из Касимовского ПХГ в пять раз эффективнее, чем создание аналогичных мощностей в системе транспорта газа. Работа по созданию этого уникального объекта была проведена специалистами ВНИИгаза, Союзбургаза и Мострансгаза — С. Н. Бузиновым, О. Г. Семеновым, Б. А. Резником, О. М. Ка-

рабельниковым, Г. И. Либерманом, И. В. Арбузовым, Б. В. Манукьяном, М. Г. Гейхманом, В. П. Казарян и др. За создание Касимовского ПХГ им была присуждена премия Правительства РФ.

Бурное развитие газовой промышленности в 1960—1970-х годах вызвало необходимость создания сети подземных хранилищ газа для обеспечения надежности функционирования газотранспортных систем, которые с этого периода времени начали строиться из основных газовых регионов в центральную часть страны: Средняя Азия — Центр, Бухара — Урал, Оренбург — Центр и от месторождений севера Тюменской области.

Сотрудники бывшего института «Востокгазпрогаз» (ныне — ВНИПИгаздобыча) — Р. П. Муравьев, В. В. Каменский и Б. В. Смирнов — в середине 1960-х годов обосновали возможность создания газохранилищ в Песчано-Умётском истощенном газовом месторождении и Елшано-Курдюмском газонефтяном месторождении Саратовской области и Канчуринском истощенном газоконденсатном месторождении в Башкортостане. Под руководством В. В. Каменского были выполнены первые в стране технологические схемы создания газохранилищ в этих месторождениях.

В начале 1970-х годов были построены Дмитриевское, Михайловское, Кирюшкинское газохранилища в Самарской области, Базайское газохранилище в Казахстане на трассе газопровода Бухара — Урал. С этих пор создание газохранилищ в истощенных месторождениях приняло широкий размах: начали строиться Северо-Ставропольское газохранилище, Кушевское газохранилище на юге России, Совхозное на Урале, целая группа газохранилищ в Западной Украине.

Неиссякаемые резервы

Мы помним, как негативно отнесся С. А. Оруджев в начале своей работы министром к идее подземного хранения газа. Но прошло совсем немного времени, и он сам стал активным сторонником, защитником, а нередко и инициатором создания подземных хранилищ в различных регионах нашей страны. «Газ надо качать под землю день и ночь» — его любимое выражение. Он грамотно доказывал необходимость создания новых хранилищ в Госплане и Совете министров. При нем подземные хранилища создавались в разных регионах страны, что позволяло поддерживать технологический режим работы Единой системы газоснабжения СССР.

Сабит Атаевич вскоре хорошо понял, что подземное хранение представляет собой универсальный метод регулирования и резервирования. Только оно позволяет решить весь комплекс задач, связанных с неравномерностью газопотребления и необходимостью создания системы резервов на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, чего нельзя сказать о других перечисленных ранее методах. Использование буферных потребителей, в роли которых в основном выступают электростанции, хотя и позволяет более равномерно загрузить газотранспортную систему, но и также дает возможность уменьшить потребность в газе в периоды зимних похолоданий, не обеспечивает надежности газоснабжения промышленного узла или района в целом в случае возникновения нарушений в подаче газа.

Оруджев утверждал, что значительным преимуществом подземных хранилищ является то, что это одно из звеньев в комплексе объектов ЕСГ, технологически связанное, с одной стороны, с газотранспортной системой, а с другой — с потребителями. В силу этого создается возможность оперативного управления режимом эксплуатации ПХГ исходя из задачи оптимизации режима газотранспортной системы данного района, а также связанных с ним других газотранспортных систем, чего нельзя сделать при использовании буферных потребителей.

Использование подземных хранилищ позволяет обеспечить наиболее рациональную структуру потребления газа. Закачивая в летнее время газ на подземное хранение, имеется возможность подать его в отопительный сезон в первую очередь на коммунально-бытовые нужды.

Подземное хранение в ряде случаев наиболее экономичный метод обеспечения системной надежности в странах с развитой газовой промышленностью, так как здесь имеется возможность в короткие сроки и с минимальными затратами создавать ПХГ в выработанных газовых месторождениях по мере их истощения.

В условиях жесткой связи в системе промысел — газопровод — потребитель и при наличии значительных сезонных колебаний в потреблении газа, превышающих в зимнее время на 30—35 процентов среднегодовые показатели, достичь запроектированного коэффициента использования пропускной способности газопровода без включения в систему газоснабжения подземных хранилищ газа невозможно. При отсутствии хранилищ коэффициент использования пропускной способности газопроводов снижается и, соответственно, ухудшается фондоотдача. Поскольку в себестоимости транспорта газа высокие удельные веса занимают затраты, не зависящие от объ-

ема его перекачки, снижение показателя загрузки газопроводов приводит также к росту себестоимости перекачки газа.

С 1974 года началось создание крупного ПХГ в истощенном газовом месторождении Урало-Волжского региона — Совхозном. «Палочка-выручалочка», «Жемчужина Урала» называли специалисты Совхозную залежь. Безводный режим эксплуатации, карбонатный пласт-коллектор, удобное географическое расположение послужили основными критериями создания подземного хранения газа. Большая заслуга в получении горного отвода для этого ПХГ, его технического переоснащения принадлежит главному геологу управления И. А. Поварову. Несмотря на сложности эксплуатации этого объекта (перетоки газа в вышележащие отложения, которые были в основном ликвидированы) хранилище успешно функционирует, к настоящему времени выведено на активный объем 3,6 миллиарда кубометров газа. Большую роль в успешном создании и эксплуатации этого хранилища сыграли и работники станции ПХГ, и сотрудники ВНИИгаза: О. Мальцев, Ю. Н. Попов, Н. Г. Фадина, Н. А. Егурцов, В. Н. Аулова и др.

На Северном Кавказе вопрос о необходимости создания подземных хранилищ газа в выработанных месторождениях был поднят первым заместителем министра газовой промышленности М. В. Сидоренко в начале 1970-х годов. Однако в то время вопрос о необходимости создания хранилищ воспринимался не всеми с пониманием. Большую роль в решении этого вопроса сыграли бывший генеральный директор объединения «Ставропольгазпром» Д. З. Маркаров, главный инженер Б. И. Фуки и директор СевКавНИИгаза Н. Р. Акопян.

Ряд специалистов в Министерстве газовой промышленности и в Госплане СССР были против создания ПХГ. Но уже тогда основные газовые месторождения находились на завершающей стадии разработки, а перспективы открытия новых крупных месторождений были небольшие. Порой создавались критические ситуации с обеспечением газом в зимнее время ряда городов Ставропольского края. Только после рассмотрения этого вопроса на уровне председателя Госплана Н. К. Байбакова было принято решение о создании подземного хранилища.

По технологическим схемам, разработанным в СевКавНИИгазе совместно с ВНИИгазом и Кавказтрансгазом, на базе двух истощенных залежей в двух горизонтах создано одно из крупнейших подземных хранилищ газа — Северо-Ставропольское, предназначенное для обеспечения надежного газоснабжения регионов юга и Центрально-Черноземной зоны России. В качестве первоочередного объекта была выбрана ис-

тощенная залежь, эксплуатация которой в качестве хранилища началась с 1979 года. ВНИИгаз и СевКавНИИгаз была разработана технология проведения подконтактной закачки, использование которой, вместе с регулированием объемов закачки и отбора газа по площади хранилища, позволило сформировать газонасыщенный объем необходимой конфигурации и создать эффективно работающее хранилище.

Сабит Атаевич лично постоянно отслеживал процессы создания и расходования запасов газа в подземных хранилищах. Так, в частности, в начале сентября 1977 года, вернувшись из очередного отпуска, Сабит Атаевич узнал, что закачка газа в подземные хранилища отстает примерно на три недели от запланированных сроков. Надвигались холода, и потребление газа вот-вот должно было начать расти.

Оруджев тут же собрал совещание. В министерстве нашлись люди, которые попытались объяснить случившееся тем, что нет свободных ресурсов газа и все месторождения выведены на максимально возможный уровень добычи. Повысить этот уровень — значит нарушить установленный режим их разработки, последствием чего может стать обводнение залежей, вынос пластовой породы и выход из строя оборудования в зимний, наиболее трудный период добычи. Были и такие, кто пытался свалить вину на транспортников.

Но Сабит Атаевич словно и не слышит эти доводы.

— Газовые резервы должны быть неиссякаемые, — не уставал повторять он. — Кто этого не понимает, тот не понимает генеральных задач нашей отрасли. Мы не имеем права на перебои, тем более на сбои. В хранилища газ нужно закачивать постоянно до предела их емкости, а отбирать — по мере необходимости.

Сабит Атаевич смело берет на себя функции главного разработчика месторождений и главного диспетчера. Для каждого месторождения он устанавливает повышенные нормы отбора газа и при этом лично контролирует пластовые параметры для них. Транспортные предприятия получают задачу обеспечить своевременную подачу газа по магистральным трубопроводам. Затем он устанавливает для каждого подземного хранилища повышенные темпы закачки газа и следит за графиком.

Такая работа дала положительные результаты. К началу отопительного сезона все подземные хранилища газа оказались заполненными до предела. К концу 1970-х годов в газовой отрасли уже были подготовлены качественные кадры специалистов в области подземного хранения газа. В их числе были В. А. Кайгородов, В. П. Квасов, М. И. Тринога, В. Н. Костю-

нин, И. Н. Натыпа, Я. С. Кривко, В. И. Парфенов, И. В. Арбузов, И. Т. Танасевич, Э. Л. Вольский, А. Е. Арутюнов, О. М. Карабельников, Г. И. Либерман, Б. И. Фуки, В. Г. Левжинский, О. Л. Безверхов, В. И. Дуболазов, В. П. Максимов, Н. Я. Фурман, Е. В. Левыткин, Ю. П. Коротаяев, В. А. Динков, С. Ерофеев, В. Н. Раабен, С. И. Бузинов и многие другие. Следует особо отметить, что руководство всеми научно-техническими разработками в области создания ПХГ осуществлял лично первый замминистра М. В. Сидоренко.

Но работы по созданию новых подземных хранилищ газа продолжались. В начале 1981 года, по поручению С. А. Оруджева под непосредственным руководством первого заместителя министра газовой промышленности В. А. Динкова, ВНИИгаз приступил к проектированию Краснодарского ПХГ на базе истощенного Александровского газоконденсатного месторождения. К сожалению, Сабиту Атаевичу уже не пришлось увидеть это хранилище, которое было введено в строй в 1984 году.

Глава седьмая

ЭКСПОРТ СОВЕТСКОГО ГАЗА

Начало экспорта

Ко времени прихода Сабита Атаевича Оруджева к руководству газовой отраслью она уже перешагнула границы СССР. Огромной в этом была заслуга его предшественника А. К. Кортунова, «прорубившего окно» для советской газовой промышленности во внешний мир. Он первым выдвинул идею и обосновал возможность поставок отечественного природного газа за рубеж, импорта зарубежного газа в СССР, а также оказания помощи специалистами в создании газовой промышленности зарубежным странам. Именно при Кортунове в 1958 году СССР вошел в Международный газовый союз. Во второй половине 1960-х годов советские специалисты оказали помощь Афганистану в освоении газовых промыслов и строительстве газопровода Афганистан — СССР, по которому газ из этой страны начал поступать в Таджикистан и Узбекистан. В 1971 году по газопроводу, построенному с помощью СССР в Иране, газ из этой страны пришел в республики советского Закавказья.

Параллельно создавалась система поставок советского газа за рубеж. Определенный опыт в этом деле имелся: еще в

1944 году первые поставки природного газа с Западной Украины были осуществлены в Польшу. Но объем поставок по этому каналу был не велик. К 1967 году в общей сложности он не превысил 5,6 миллиарда кубометров.

В 1968 году был введен в строй газопровод «Братство», по которому начались поставки «голубого топлива» из СССР в Чехословакию. В следующем году от этого газопровода был построен отвод, по которому природный газ начал поступать в Австрию. Всего в 1970 году трем зарубежным странам было поставлено 3,3 миллиарда кубометров газа.

Перспективы сотрудничества с СССР в области поставок газа стали очевидными. В 1970 году был подписан первый контракт на поставку газа в Германию с компанией «Рургаз».

Начало международных отношений Мингазпрома потребовало создания специальной структуры, способной координировать эту деятельность. По инициативе Кортунова в аппарате министерства было организовано специальное Управление внешнеэкономических связей, которое возглавил С. Р. Дерезов. Усилиями этого управления в 1968 году были подписаны контракты по поставкам советского газа в ГДР, в 1969-м — в Италию, в 1970-м — в ФРГ, в 1971 году — в Финляндию и Францию. Новому министру оставалось продолжать и развивать дело, начатое его предшественником.

Долгосрочные контракты

Заметное повышение роли и значения природного газа в национальном экспорте обусловило необходимость создания специализированной внешнеторговой организации. В апреле 1973 года в системе Министерства внешней торговли СССР было учреждено Всесоюзное объединение «Союзгазэкспорт» во главе с Ю. В. Барановским, в функции которого вошло осуществление внешнеторговых операций с природным газом.

В 1973 году начались поставки газа для западногерманской фирмы «Рургаз» с годовым объемом 2,6 миллиарда кубометров, которые к концу года увеличились еще на 5 миллиардов. С того же времени начинается отсчет поставок отечественного газа и в ГДР в объеме 3 миллиардов кубометров. В 1974 году впервые природный газ из СССР в объеме 6,4 миллиарда кубометров пришел в Италию и в объеме 1,5 миллиарда кубометров в Финляндию. Таким образом, к концу 1974 года СССР экспортировал 19,7 миллиарда кубометров газа, то есть в 6 раз больше, чем в 1972 году.

Главным событием для экспорта советского газа за рубеж стало Генеральное соглашение между СССР и правительствами Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Польши о сотрудничестве в освоении Ямбургского газового месторождения и строительстве магистрального газопровода Ямбург — Западная граница СССР для поставок советского газа в эти страны. Кроме того, 21 июня 1974 года было подписано Генеральное соглашение между СССР и правительствами Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии о строительстве магистрального газопровода Оренбург — Западная граница СССР и также заключены контракты о поставке газа в эти страны. Оренбургское соглашение на протяжении длительного периода времени стало основным межгосударственным документом, регулирующим поставку российского газа в страны Центральной Европы.

По Оренбургскому соглашению с августа 1974 года начался экспорт российского природного газа в Болгарию в объеме 2,8 миллиарда кубометров в год. С октября того же года до 2,8 миллиарда кубометров возросли поставки газа в Польшу. В следующем году по 2,8 миллиарда кубометров газа начала ежегодно получать Венгрия. В 1976 году первые 2,6 миллиарда кубометров советского природного газа пришли во Францию.

В 1978 году Мингазпромом был заключен с Рургазом третий контракт на поставку в ФРГ 3,1 миллиарда кубометров газа, который начал выполняться с 1978 года. С того же времени были начаты поставки газа в Австрию общим объемом 1,9 миллиарда кубометров в год, в Италию в объеме 1 миллиарда кубометров, в Югославию в объеме 1,5 миллиарда кубометров с последующим ежегодным увеличением объема на 0,1 миллиарда кубометров. В 1980 году по Оренбургскому соглашению 1974 года начались поставки газа в Румынию в объеме 1,6 миллиарда кубометров в год.

Кроме того, в 1975 году было заключено соглашение с Ираном о перекачке иранского газа в страны Западной Европы через территорию СССР. Однако после революции в Иране реализация этого проекта стала невозможна.

Следует отметить, что зарубежные страны охотно шли на заключение договоров на поставку газа из СССР потому, что хорошо знали объемы его запасов в нашей стране. Это позволяло рассчитывать на долгосрочные контракты, в ходе которых с лихвой окупались все капиталовложения. Кроме того, оплачивая будущие поставки газа не валютой, а готовой продукцией, они способствовали развитию собственной промышленности. Это всегда высоко ценилось правительством и на-

селением этих стран. Так, например, в Западную Европу поступал частично природный газ из Голландии. Но запасы его были весьма ограничены, цены высокие, а оплата требовалась в валюте. Преимущество голландского газа состояло в близости мест его добычи от потребителей, что не требовало строительства сверхдальних магистральных газопроводов. Но западные страны производили это оборудование и искали на него покупателя. Таким образом, в экспорте советского газа проявлялась заинтересованность разных сторон, что и позволяло находить взаимовыгодные решения.

Газовая дипломатия

Сабит Атаевич Оруджев очень ответственно отнесся к внешнеэкономическим связям отрасли. Он понимал, что от прочности этих связей во многом зависят темпы развития газовой промышленности страны, которой, к сожалению, не хватало многих наименований комплектующих и агрегатов, строительной и другой техники. Получали кредиты под поставки газа в виде оборудования, например труб. Но часть кредитов направлялась и в другие отрасли народного хозяйства страны. Таким образом, газовая промышленность помогала развитию и других министерств и ведомств, но прежде всего она обеспечивала и собственное развитие. Ведь кредиты давались на несколько лет вперед, и когда наступало время платить по этим кредитам, Мингазпром уже окупал большую часть предстоящих расходов.

Вести переговоры по вопросам поставок советского газа за рубежом Оруджеву приходилось очень часто. Первый опыт он получил еще будучи заместителем министра нефтяной промышленности СССР.

Так, Н. И. Белый вспоминал, что впервые в роли международного переговорщика ему довелось увидеть Сабита Атаевича во время Всесоюзного совещания нефтяников, проходившего в Минске в 1967 году. Тогда Оруджеву было 55 лет, его неиссякаемая энергия передавалась всему залу. Вопросы обсуждались острые, дискуссионные. Он блестяще умел находить компромиссы и достаточно настойчиво проводил необходимые решения. При принятии решений голосованием его любимым вопросом был «кто против?». Он не спрашивал «кто “за”?» или «кто воздержался?». Понимал, что мало найдется желающих открыто выступить против мнения первого заместителя министра нефтяной промышленности. Но уж если такие люди находились, это означало, что вопрос требовал до-

полнительного обсуждения, и он готов был выслушать любые аргументы.

Однако личное знакомство Белого с Оруджевым состоялось в марте 1968 года. Тогда правительство Индии обратилось к Правительству Советского Союза с просьбой направить делегацию для оказания помощи руководству Индии в разработке очередного пятилетнего плана развития нефтяной промышленности. Делегацию поручено было возглавить Оруджеву. В состав делегации входили специалисты Министерства нефтяной промышленности СССР, научные работники. Белого включили в делегацию в связи с тем, что он работал в Индии с 1961 по 1965 год старшим геологом, а затем советником по геологии в западном районе Индии в Камбейском нефтегазоносном бассейне и достаточно хорошо знал возможности нефтяной промышленности этой страны.

Работа советской делегации во главе с Оруджевым в районах разведки и добычи нефти, ее отчеты и практические рекомендации, составленные по результатам поездки, получили высокую оценку премьер-министра правительства Индии, госпожи Индиры Ганди. При личной встрече с Сабитом Атаевичем она отметила, что советские нефтяники посетили все основные нефтегазоносные районы страны и даже побывали на острове Алиабед, расположенном в устье реки Нарбады, притом что министр ее правительства там до сих пор не был.

В Дели Сабит Атаевич был представлен директору института астрологии. На встрече были несколько человек, включая посла Советского Союза в Индии Н. М. Пегова, и несколько специалистов-нефтяников. Посол предложил астрологу предсказать судьбу С. А. Оруджеву. Тот согласился. Осмотрев руку Сабита Атаевича, он отметил, что это рука миллионера. Оруджев на это скептически улыбнулся. Затем астролог взял лист белой бумаги, посыпал его углем и положил сверху ладонь Сабита Атаевича. Изучив отпечаток, астролог сказал, что Оруджев вскоре получит большое повышение по службе и проживет до восьмидесяти лет.

Сабит Атаевич, выслушав это предсказание, заметил:

— Я не против того, чтобы прожить до восьмидесяти лет, но дело моего повышения по службе зависит не от меня, а от правительства нашей страны и качества работы той отрасли, ради которой мы и приехали в Индию. Предскажите ее будущее, и вы приблизите меня к новой должности. Мы же со своей стороны сделаем все возможное, чтобы нефтяная промышленность Индии получила новый виток в своем развитии.

Как мы знаем, первое предсказание индийского астролога сбылось — в 1972 году Сабит Атаевич был назначен минист-

ром газовой промышленности СССР. Второе, к сожалению, не подтвердилось — С. А. Оруджев ушел из жизни в возрасте шестидесяти девяти лет.

С. А. Оруджев был участником многих нефтяных и газовых мировых конгрессов и выступал там с докладами. По воспоминаниям современников, его доклады всегда были наполнены глубоким содержанием, и их слушали с большим вниманием и интересом.

В 1970-е годы экспорт российского природного газа проби-вал дорогу на рынки Западной Европы. Поэтому выполнение экспортных обязательств считалось одной из важнейших задач работников газовой промышленности. При этом требовалось обеспечивать не только объемы поставок, но и выдерживать контрактные качественные характеристики поставляемого газа.

Во время работы Мирового газового конгресса в Торонто (Канада) произошел такой случай. Незадолго до того был введен в эксплуатацию газопровод Оренбург — Западная граница СССР и оренбургский газ начал поступать в Германию. Однако очистка этого газа еще не была налажена должным образом и газ отличался достаточно резким запахом. Поэтому в немецкой прессе поднялся шум, что русские поставляют некачественный газ. Председатель правления компании «Рургаз» доктор Лизен довел это до сведения Оруджева.

Сабит Атаевич вначале попытался отшутиться, заявив, что на газопроводе в Германии, видимо, есть утечки газа, поэтому и запах. Но когда доктор Лизен показал Оруджеву огромную пачку вырезок из газет, Сабит Атаевич сразу стал серьезным и очень озабоченным. Видя это, генеральный директор Оренбурггазпрома Юрий Федорович Вышеславцев решил принять критику на себя, но Оруджев не позволил ему этого. От своего имени он заверил партнеров, что примет все необходимые меры для того, чтобы в ближайшее время урегулировать этот вопрос. При этом советский министр разволновался так, что уже доктору Лизену пришлось его успокаивать. В итоге пришлось тогда приостановить подачу оренбургского газа в Германию.

В переговорах с иностранными компаниями С. А. Оруджев умел убедительно отстаивать интересы своей страны, доказывать необходимость принятия нужных и выгодных ей решений. Зачастую жесткие переговоры с его стороны чередовались остроумными шутками, что снимало общее напряжение и располагало участников к поиску взаимоприемлемых решений. Авторитет Сабита Атаевича среди иностранных партнеров был достаточно высоким.

С. А. Оруджев был по-настоящему талантливым организатором, человеком широкой души. Тот огромный прогресс

в развитии газовой промышленности, осуществленный в 1970-е годы, в значительной степени связан с его именем.

Крупнейшим событием 1970-х годов стало строительство газопровода «Союз». Для СССР этот проект означал не только вывод Оренбургского комплекса на полную проектную мощность — 45 миллиардов кубометров в год, но и сопутное ежегодное производство 1 миллиона тонн товарной серы и 2,5 миллиона тонн газового конденсата — по существу того же бензина марки А-76. В осуществлении этого грандиозного строительства принимали участие страны СЭВ: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. Общая протяженность трубопровода была поделена между ними на примерно равные 400-километровые участки, на паевых началах осуществлялись финансирование, закупки строительной техники, изоляционных материалов и др. Кроме того, за счет средств партнеров закупалось оборудование для третьей очереди Оренбургского газоконденсатного комплекса.

Вполне естественно, что проблемы, связанные с проектированием газопровода «Союз», оказались в центре внимания Мингазпрома и его министра. И Сабит Атаевич сделал все возможное, чтобы эти работы были выполнены качественно и в срок.

С. Р. Дерезов утверждал, что С. А. Оруджев умел держать марку министра газовой промышленности великой страны, каким был СССР, и его международный авторитет был высок. Если случались срывы каких-либо поставок, Сабит Атаевич лично звонил руководителям крупных зарубежных фирм и быстро решал возникшие проблемы. На международных газовых конгрессах он был фигурой номер один.

Сабит Атаевич уделял серьезное внимание подготовке к подписанию каждого нового контракта. В наиболее ответственных переговорах участвовал лично. Он был исключительно гибким и талантливым переговорщиком. Обладая восточным тактом, тонким юмором, Оруджев мог увлечь собеседников разговором. Знал наизусть множество произведений Омара Хайяма, часто и обязательно к месту цитировал этого поэта, что разряжало напряженность обстановки переговоров, делало ее менее официальной и более человеческой. В такой атмосфере стороны легче шли на компромиссы и быстрее принимались ответственные решения.

В то же время Оруджев лично участвовал только в переговорах с президентами компаний или членами правительства зарубежных стран. При этом он мог расположить к себе этих людей не только глубоким знанием проблемы и конкретностью разговора, но и той душевностью и вниманием к собесед-

нику, которая была присуща Сабиту Атаевичу. Он обязательно приглашал их посетить СССР вместе с семьями, обещал показать не только предприятия отрасли, но и страну, познакомить с ее культурой, людьми. И если эти визиты случались, Оруджев всегда лично и очень хлебосольно принимал зарубежных гостей.

Так, во время приема в Тюменской области делегации Австрии, среди ночи один из иностранных гостей почувствовал себя плохо. В то время делегация находилась в 40 километрах от Тюмени. Несмотря на это, Оруджев смог организовать нужную медицинскую помощь и в течение нескольких часов поставить больного на ноги. Глава австрийской делегации господин Бауэр позже признался, что у себя в Австрии в подобной ситуации он не смог бы сделать в столь короткие сроки то, что сделал Сабит Атаевич.

Во время зарубежных визитов Оруджев умел разрядить обстановку и тем самым сблизить позиции сторон. Он мог доказать выгодность партнерства для обеих сторон и иногда приводил примеры результатов этого партнерства в очень наглядной форме.

Так, в начале сотрудничества Мингазпрома с западногерманской компанией «Рургаз» эта компания имела весьма скромный офис в Эссене. Но затем, когда начались поставки газа из СССР, дела компании резко улучшились. Это позволило руководству Рургаза построить шикарный офис. Когда этот новый офис увидел Сабит Атаевич, он сказал: «Господин Лизен, это ты построил на наши деньги. Одна твоя люстра стоит, наверное, дороже, чем стоил весь старый офис. Видишь, как выгодно наше сотрудничество!»

Но были случаи, когда Оруджев занимал очень жесткую позицию, особенно по ценам или невыгодным для страны кредитным условиям. Тогда он стоял насмерть. Особенно трудно шли переговоры с французами. Но именно благодаря четкости позиции министра они завершились успешно.

В 1977 году, когда в связи со строительством новых мощных магистральных газопроводов резко увеличилась потребность отрасли в передовом на то время зарубежном оборудовании, Сабит Атаевич поставил вопрос о введении в штат должности заместителя министра по внешнеэкономическим связям. ЦК пошел ему навстречу в этом вопросе. Эту должность занял С. Р. Дерезов. До этого времени при Совете министров была специальная Комиссия по внешнеэкономическим вопросам, заседания которой должен был посещать лично министр газовой промышленности СССР. Но Сабит Атаевич считал, что у него достаточно других дел в министерстве. Став заместите-

лем, Дерезов взял на себя эту функцию, освободив тем самым Сабита Атаевича для решения других важных дел.

Таким образом, можно сказать, что в 1970-е годы Газпром уже делал первые попытки даже в условиях жесткой централизации экономической политики СССР вести свою собственную экономическую политику. Он добился того, что при заключениях международных контрактов на поставки газа вводились в оборот именно те средства платежа, в которых была заинтересована отрасль. За проданный газ он получал материальные средства, крайне необходимые для быстрейшего развития собственной инфраструктуры. Но так как в этих средствах были заинтересованы и другие ведомства, то они и правительство страны были вынуждены всячески способствовать развитию газовой отрасли. Можно сказать, что именно через международные экономические связи укреплялся авторитет газовой промышленности как в мире, так и в самой стране.

За то время, пока отраслью руководил С. А. Оруджев, продвижение отечественного газа на внешний рынок было стремительным. Если в 1970 году он экспортировался только в три страны (Чехословакию, Польшу и Австрию) в объеме 3,3 миллиарда кубометров в год, то уже в 1975 году советский газ поставлялся в восемь стран мира (ФРГ, Италию, Чехословакию, Польшу, Венгрию, Австрию, Румынию и Болгарию) в объеме 19,3 миллиарда кубометров. К концу 1980 года советский газ экспортировался в десять стран (дополнительно Франция и Румыния) общим объемом 54,8 миллиарда кубометров в год. За это время крупнейшими импортерами советского газа стали ФРГ, объем поставок для которой за 10 лет увеличился более чем в три раза (с 3,1 до 10,1 миллиарда кубометров), и Чехословакия (с 3,7 до 10,5 миллиарда кубометров). Кроме того, в число крупных покупателей советского газа вышли Франция (7,3 миллиарда кубометров) и Италия (6,6 миллиарда кубометров газа в год).

В результате к началу 1980-х годов СССР стал одним из ведущих экспортеров природного газа в страны Центральной Европы. В 1980 году в знак особого признания вклада в развитие международного сотрудничества ВО «Союзгазэкспорт» было награждено международной премией «Золотой Меркурий». На основании этого можно сказать, что если А. К. Кортунов прорубил для газовой отрасли «окно» во внешний мир, то С. А. Оруджев распахнул «дверь» для широкого международного сотрудничества отрасли, значительно ускорив тем самым ее развитие.

НАЧАЛО РАЗРАБОТОК МОРСКИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ГАЗА

Министр в тельняшке

Добыча нефти и природного газа с морского дна, как известно, интересовала Сабита Атаевича еще с 1940-х годов. Идея частично была реализована на Каспии на месторождении Нефтяные Камни. С началом работы Оруджева в качестве министра газовой промышленности СССР эта идея его не покидала. Сабит Атаевич даже хотел создать отдельное министерство по добыче нефти и газа с морского дна и достаточно много работал в этом направлении. Но в то время такие важные решения принимались только после их детального обсуждения на разных уровнях и согласования с ЦК КПСС. Рассказывают, что, придя к секретарю ЦК КПСС, Оруджев просил ускорить решение данного вопроса, полагая, что он будет назначен руководителем вновь создаваемого министерства.

Однако, когда он узнал, что у этой идеи много противников и что ему не поручат возглавлять это министерство, он сделал совершенно неожиданное для всех предложение по данному вопросу. Буквально за два-три дня до заседания Совета министров он подготовил новые документы о создании в системе Мингазпрома Главного управления по разработкам морских нефтяных и газовых месторождений и даже каким-то образом успел доложить об этом Косыгину.

Когда на совещании Совета министров А. Н. Косыгин по вопросу разработки морских месторождений предоставил первое слово Оруджеву, все присутствующие были удивлены, почему по данному вопросу не докладывают В. Э. Дымшиц или Н. К. Байбаков.

Но А. Н. Косыгин объяснил свои действия тем, что Оруджеву есть что сказать по этому вопросу.

— Он всю ночь не спал, обдумывая этот вопрос и готовя новые предложения, — сказал Алексей Николаевич. — Мы должны уважать такое рвение, тем более что Сабит Атаевич у нас «моряк» с большим стажем.

В своем выступлении Оруджев аргументированно доказал, что необходимой базы для создания отдельного морского министерства в стране нет. При этом, если у нефтяников и геологоразведчиков есть свои морские предприятия, то у газовиков они только организуются. Поэтому он предложил в рамках

Мингазпрома создать морской главк, а через несколько лет, подведя соответствующую базу и подготовив кадры, вернуться к вопросу создания отдельного министерства.

Доклад Оруджева был настолько убедительным и аргументированным, что правительство приняло решение вместо создания морского министерства нефтяной и газовой промышленности учредить Главное управление по морской нефтегазовой промышленности при Мингазпроме. Доработка этого вопроса была поручена группе специалистов во главе с заместителем председателя Совета министров СССР В. Э. Дымшицем.

Когда началось это рабочее совещание, Дымшиц неожиданно поинтересовался:

— Сабит Атаевич, почему ты так резко поменял свое мнение в отношении создания нового министерства?

Оруджев поначалу смутился. Но затем, расстегнув верхние пуговицы рубашки, показал тельняшку и ответил:

— Вы посмотрите, я же морской нефтяник и хочу руководить этим министерством! Я даже тельняшку не снимаю, буквально сплю в ней. Но в настоящее время для создания такого министерства нет ни базы, ни соответствующих кадров. Кому буду нужен я в своей тельняшке, если дело не пойдет?

Других провокационных вопросов ему больше не задавали.

Конкретные дела

В 1978 году по инициативе Оруджева было принято решение правительства о передаче морской добычи нефти и всего связанного с ней из Министерства нефтяной промышленности СССР в Министерство газовой промышленности СССР. В связи с этим в аппарате Мингазпрома было создано Главное управление по разведке и разработке морских месторождений нефти и газа (Главморнефтегаз), начальником которого стал С. И. Юдин. Были организованы всесоюзные промышленные объединения «Каспморнефтегазпром» (А. Б. Сулейманов) и «Сахалинморнефтегазпром» (Н. П. Зарудный), производственные объединения «Калининградморнефтегазпром» (В. С. Закутский), «Кубаньморнефтегазпром» (В. Я. Шевчук) и «Челекенморнефтегазпром» (О. М. Одаев), а также Всесоюзное научно-производственное объединение «Союзморгео» (Я. Н. Протас). Подведомственные ему предприятия и организации функционировали в Баку, Геленджике, Калининграде, Краснодаре, Мурманске, Охе, Симферополе, Челекене, Южно-Сахалинске. Общее руководство всеми морскими база-

ми и плавсредствами Мингазпрома было возложено на Николая Михайловича Немчинова, возведенного в ранг заместителя министра.

Оруджев лично следил за комплектованием нового главка. На работу туда были приглашены специалисты по морской добыче нефти из Миннефтепрома. Когда же Сабит Атаевич узнал, что руководители главка взяли на работу некоторых недостаточно компетентных людей, он сам побывал в отделах, побеседовал с работниками, после чего некоторые из них были понижены в должности, а кое-кто даже отстранен от работы.

В Москве Оруджев организовал специальное проектно-конструкторское бюро, которое позже было преобразовано в проектно-исследовательский институт. Была значительно усилена специалистами по морским сооружениям кафедра в Московском строительном институте, руководителем которой являлся сам Сабит Атаевич. Мингазпрому из Миннефтепрома и Мингеологии были переданы предприятия и экспедиции, связанные с добычей нефти и газа на континентальных шельфах. Кроме того, для производства специальных судов, плавучих буровых установок, стальных конструкций и другого необходимого оборудования были налажены тесные деловые связи с Минсудпромом, Минмонтажспецстроем, другими министерствами и ведомствами.

В конце 1970-х годов под непосредственным контролем Оруджева для нормального функционирования Главморнефтегаза были построены в СССР и приобретены за рубежом научно-исследовательские суда, плавучие буровые установки, крановые и транспортно-буксирные суда, подводно-водолазные комплексы. Появились и предприятия для строительства стационарных морских платформ. Все это позволило начать поисково-разведывательные работы, вести обустройство и ввод в эксплуатацию обнаруженных месторождений на Каспийском, Черном и Азовском морях.

Под напором Сабита Атаевича в несколько раз увеличились объемы геолого-разведочных работ на шельфе острова Сахалин и начались эти работы на шельфе арктических морей — Баренцевом и Карском. В то же время концепция и конкретная программа освоения морских месторождений строились прежде всего в расчете на южные, наиболее благоприятные в климатическом отношении и хорошо обустроенные водоемы. Основное внимание уделялось акватории Каспийского и частично Черного и Азовского морей, куда и направлялась основная часть материально-технических и финансовых ресурсов.

Ликвидация морской аварии

Но дело освоения морских месторождений газа не обошлось без происшествий. В результате подводных буровых работ мощный горящий газонефтяной фонтан возник на морской стационарной платформе месторождения Бахар в Каспийском море, где пластовое давление на глубине 5,8 тысячи метров составляло порядка 860 атмосфер.

Для ликвидации этой аварии Оруджеву пришлось принимать неординарные на то время решения. В срочном порядке на предприятиях Мингазпрома был изготовлен специальный комплекс технических средств, посредством которых деформированная огнем колонная головка была герметизирована. После этого поврежденная фонтанная арматура была отстрелена специально доставленным для этого на платформу боевым танком, заменена другой и опрессована. Эти работы успешно выполнили специалисты Каспийской и Оренбургской военизированных частей под общим руководством Р. Ш. Тугушева, который о каждом шаге проводимой операции докладывал непосредственно Оруджеву.

— Учти, ты отвечаешь не только за тушение пожара, но и за то, чтобы эта скважина в кратчайшее время была снова введена в эксплуатацию, — предупредил он Тугушева. — Стране нужно топливо, а не наше геройство при ликвидации аварии, которая возникла отчасти и по нашей вине.

Операция прошла успешно. Спустя некоторое время скважина была введена в эксплуатацию, Р. Ш. Тугушев по ходатайству Оруджева был награжден орденом.

На Выставке достижений народного хозяйства

В мае 1966 года в Москве открывалась выставка в нефтяном павильоне ВДНХ, на которой должно было демонстрироваться одно из изобретений Сабита Атаевича. Незадолго до ее открытия он вызвал к себе главного инженера по добыче нефти — заместителя начальника технического управления Миннефтепрома СССР Александра Андрониковича Джавадяна:

— Александр Андроникович! На Выставке достижений народного хозяйства будет демонстрироваться наш с Давидом Константиновичем Мзариуловым проект «пятинного» нефтяного основания, предназначенного для добычи нефти на море. Я прошу вас посетить эту выставку, послушать, что по этому поводу говорят специалисты. Кроме того, нужно проконтролировать, правильно ли сделан макет этого основания.

По тем временам это считалось грандиозным изобретением, равного которому в нефтяной отрасли не было. У Джавадяна к тому времени уже был накоплен определенный опыт работы по созданию установок для морской добычи нефти.

Он начал с последнего — внимательно проверил правильность выполнения макета и обнаружил в нем 11 ошибок. Их надо было срочно исправлять, в противном случае макет нельзя было демонстрировать на ВДНХ. Джавадян немедленно доложил об этом Оруджеву.

Тот сильно возмутился, считая это клеветой на всю его работу.

— Как это так?! Я, морской нефтяник номер один, давно уже занимаюсь морскими основаниями! А у меня нашли существенные ошибки! Этого не может быть!

Оруджев предупредил, что лично поедет на выставку и спросит с клеветника по всей строгости, если не увидит этих ошибок.

Оказалось, что с выставки Джавадян прислал неверную записку. В основании было не 11 конструктивных ошибок, а 11 замечаний по выполнению проекта. Таким образом, ошибки допустил не Сабит Атаевич, а тот человек, который делал макет этого основания. И Оруджев, приехав на выставку, действительно согласился с тем, что все 11 замечаний, сделанные Джавадяном, верны.

Вернувшись в министерство, он вызвал Александра Андрониковича в свой кабинет и сказал:

— Я рад, что в министерстве, кроме меня, есть человек, который понимает, что такое морская добыча и как надо делать морские основания.

Оруджев заставил макетчика исправить все ошибки. В итоге исправленный макет получил хорошие отзывы специалистов, посетивших нефтяной павильон ВДНХ.

Большая мечта

Владимир Николаевич Шелкачев вспоминал, что Сабит Атаевич, будучи министром газовой промышленности СССР, мечтал о создании единого органа (комитета), который координировал бы и осуществлял программу работ по освоению нефтяных и газовых месторождений континентального шельфа. Он внес в ЦК КПСС и Совет министров СССР обоснованные предложения по этому вопросу с конкретными расчетами. Как всегда, предложения эти были направлены в Госплан СССР с поручением дать технико-экономическое обоснова-

ние. Проверка выявила, что расчеты Оруджева верны, и была начата работа по созданию соответствующего постановления. Сабит Атаевич активно принимал участие в этой работе, так как он надеялся возглавить этот орган, о чем открыто говорил со своими друзьями.

Но от отдельного министерства пришлось отказаться. На основании подготовленного Госпланом СССР технико-экономического обоснования было принято решение о создании Главного управления по разработке морских месторождений нефти и газа. Но тогда остро встал другой вопрос — где оно будет создано? Все думали, что главк будет при Миннефтепроме, где были сосредоточены все дела, связанные с освоением континентального шельфа, имелся морской отдел и небольшая группа специалистов как в аппарате министерства, так и в его институтах. Но, к всеобщему удивлению, его образовали в Мингазпроме. Причиной было то, что в правительственных верхах Оруджева считали самым компетентным специалистом в области организации комплекса работ по освоению континентального шельфа. Личный авторитет Сабита Атаевича перевесил рассуждения о ведомственной целесообразности.

И следует признать, что правительство не ошиблось, доверив министру газовой промышленности столь сложное новое дело. Сабит Атаевич со всей присущей ему энергией взялся за организацию главка. Он быстро добился решения необходимых организационных и кадровых вопросов. В штат управленческого аппарата министерства была введена должность заместителя министра по морскому флоту, которую занял бывший начальник Главной морской инспекции Н. М. Немчинов.

Мундир адмирала

Владимир Григорьевич Чирсков вспоминал, что даже после того, как в Министерстве газовой промышленности был образован морской главк, по инициативе Сабита Атаевича продолжали вестись предварительные проработки вопроса о создании отдельного министерства по добыче нефти и газа с морских акваторий. С. А. Оруджева в этом поддерживал А. Н. Косыгин, который также данное направление считал весьма перспективным. Поэтому многие вопросы, связанные с созданием нового министерства, решались довольно быстро.

Сабит Атаевич настолько был уверен в благополучном исходе этого дела, что даже начал подбирать кадры. Так, однажды при встрече с Чирсковым он предложил ему стать его заме-

стителем в этом новом министерстве. Владимир Григорьевич обещал подумать по этому вопросу.

Проработка велась очень активно, но после ухода Косыгина в 1979 году с поста председателя Совета министров СССР работы по созданию нового министерства были свернуты. Но специалисты считают, что идеей объединения усилий при добыче нефти и газа со дна морей и океанов Сабит Атаевич положил начало тому, к чему отечественные газовики и нефтяники пришли в последующие годы.

Правда, Оруджев не обошелся без чудачества. Имеется информация, что едва начав проработку идеи с созданием министерства по добыче нефти и газа с морского дна, Сабит Атаевич пошил себе мундир адмирала со всеми регалиями и даже как-то в нем появился на каком-то торжестве в Баку. Туда же на это торжество прилетели Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян и еще несколько высших военачальников, в том числе и адмиралов. Самозванство Оруджева вызвало недовольство военных и особенно моряков, о чем они возмущенно потом рассказывали московским коллегам. Вскоре данный факт стал известен довольно многим. Но Сабит Атаевич словно не замечал этого.

Оруджев любил адмиральский мундир и иногда надевал его в торжественных случаях. В этом мундире его и похоронили...

Глава девятая

РАЗВИТИЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Создание научной базы отрасли

Интенсивная разработка месторождений европейской части страны в 1960-е годы и неготовность страны к вводу в строй месторождений Западной Сибири, Оренбурга и Коми АССР привели к значительному сокращению добычи газа. В то же время потребности страны в «голубом топливе» постоянно росли. Это привело к тому, что правительством перед газовой промышленностью и лично перед С. А. Оруджевым постоянно ставились новые, все возрастающие в объеме и сложности задачи.

Постановка этих задач, как правило, происходила в весьма жесткой форме. Так, уже на второй день работы Сабита Атаевича в качестве министра газовой промышленности ему позвонил председатель Совета министров Косыгин и строго попросил отчитаться за допущенные нарушения газоснабжения

одного крупного военного потребителя. Оруджев попытался оправдаться тем, что он руководит министерством всего 24 часа. Но в ответ услышал, что является лично ответственным за успешную работу газовой промышленности с первой минуты назначения на пост министра. Позже Сабит Атаевич часто приводил в пример этот разговор, особенно тем руководителям, которые искали оправдания в непродолжительности пребывания в занимаемой должности. Тот разговор с Косыгиным сформировал у самого Оруджева особый склад характера на всю последующую жизнь.

Когда Сабит Атаевич приступил к руководству министерством, он, по сути, был поставлен перед выбором — либо, не жалея сил и нервов, завершить свою трудовую биографию триумфальной победой отечественной газовой промышленности, либо незаметно уйти со «сцены», получив персональную пенсию в размере 150 рублей. Сабит Атаевич, не колеблясь, выбрал первое. С его приходом в министерство установленные правительственные задания выполняются точно и, как правило, досрочно.

Будучи мудрым политиком, грамотным ученым и опытным руководителем, Оруджев понимал, что одной только требовательностью к подчиненным и лозунгами о необходимости повышения производительности труда задачу не выполнить. Нужны были продуманный научный подход к стратегии и тактике развития отрасли, ее полное техническое перевооружение на базе новейших достижений отечественной и зарубежной промышленности, интенсивное внедрение передовых технологий.

Решение этой задачи требовало прежде всего создания мощной отраслевой научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы. Сабит Атаевич начал с реорганизации Технического управления, которое было разделено на два: Техническое управление и Управление проектных работ. Затем Сабит Атаевич упраздняет Первое главное управление, в функции которого входила разработка проектов сверхмощных газовых промыслов и сверхмощных магистральных газопроводов. Отныне формирование всей технической политики министерства было сконцентрировано в одном Техническом управлении.

ВНИИгаз и ВНИИЭгазпром назначаются главными научно-исследовательскими институтами по разработке научно-технических и экономических проблем освоения западно-сибирских месторождений природного газа. На базе Азербайджанского филиала ВНИИгаза, находившегося в Баку, был создан Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт по подготовке и переработке природного газа

(ВНИПИгаз), ставший специализированным головным институтом по этим важнейшим для отрасли направлениям.

На базе подразделений УкрНИИгаза было создано СКБ «Турбогазмашина» — специализированная головная организация отрасли в области разработки газоперекачивающих агрегатов с приводом от авиационных и судовых газотурбинных установок и турбодетандеров для промышленной подготовки газа. В конце 1975 года это СКБ реорганизовано во Всесоюзное научно-производственное объединение турбохолодильной, газоперекачивающей и газотурбинной техники (ВНПО «Союзтурбогаз»), в состав которого передан ряд существующих и строящихся машиностроительных заводов. На это объединение возлагались функции не только по разработке и испытанию нового оборудования, но и по освоению его промышленного производства.

На базе головного специального конструкторско-технологического бюро «Газоаппарат» и Донецкого экспериментального завода газовой аппаратуры было организовано НПО «Газоаппарат».

С целью усиления научно-исследовательских и опытных работ в области транспорта газа были созданы два комплексных отдела ВНИИгаза. Один из них, находившийся в Свердловске, предназначался для совместной работы с Уральским им. К. Е. Ворошилова и другими турбомоторными заводами страны. Его коллектив трудился над совершенствованием существующих и созданием новых типов газотурбинных приводов для газоперекачивающих агрегатов, соответствующих лучшим достижениям мировой техники. Второй, расположенный в Волгограде, был предназначен для совместной работы с Волжским трубным заводом им. Петрова. Он работал над повышением качества и расширением сортамента газопроводных труб, а также над совершенствованием существующего и освоением выпуска нового промышленного оборудования и аппаратуры для газовой промышленности.

На головные институты министерством были возложены следующие основные функции: прогнозирование генеральных направлений технического развития отрасли, изучение, обобщение и использование опыта и достижений мировой техники; координация научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для обеспечения концентрации основных научных и конструкторских сил отрасли на решении узловых проблемных вопросов ее дальнейшего ускоренного развития; методическое руководство научными исследованиями и конструкторскими работами; контроль за сроками выполнения и оценка качества научно-технических разработок; учет за-

конченных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и подготовка планов их внедрения и использования в производстве.

В 1970-е годы большое внимание уделяется развитию опытно-экспериментальной базы. Институты и КБ отрасли располагали пятью опытными и экспериментальными заводами, восемью опытными участками и полигонами. Всего на опытно-экспериментальных базах было размещено более 70 опытных установок и испытательных стендов.

Создается Всесоюзное научно-производственное объединение «Союзгазавтоматика». Оно стало головной организацией отрасли в области разработки и внедрения средств автоматизации, телемеханики, автоматизированных систем управления с обеспечением законченного цикла — от проведения исследований и конструкторских разработок до освоения серийного производства, монтажа, наладки и сдачи в эксплуатацию новых технических средств, систем и приборов.

В результате проведенных реорганизаций в отрасли была осуществлена четкая специализация научно-исследовательских и конструкторских организаций как по основным направлениям научно-технической деятельности, так и по обслуживавшимся ими регионам.

Параллельно успешно решалась и кадровая проблема. Только за период с 1973 по 1975 год численность работников научных и конструкторских организаций отрасли увеличилась более чем на 2,2 тысячи человек и достигла 10,5 тысячи человек. Среди них было более 30 докторов и 600 кандидатов наук. За этот же период затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы возросли на 11 миллионов рублей и достигли 42 миллионов рублей в год.

Отбор газа с месторождений

Главнейшей стратегической проблемой для Сабита Атаевича стало определение оптимальных объемов добычи газа из тех месторождений, которые могли дать эти объемы в ближайшее время.

Интенсивное истощение запасов газа в районах Украины и Северного Кавказа, с одной стороны, и задержка с вводом новых мощностей для более быстрого развития добычи газа в районах Туркмении, Тюменской области и Коми АССР — с другой, привели к резкому снижению прироста добычи газа в целом по стране.

К тому времени в правительственных и некоторых научных кругах существовало мнение, что прирост добычи природного

газа в стране можно довести до 100 миллиардов кубометров в год. Теоретически это было возможно на ранее открытых месторождениях Западной Сибири.

На практике дело обстояло иначе. Освоенные к этому времени технологии добычи газа на месторождениях Ставропольского и Краснодарского краев, на Украине, методы и средства строительства магистральных газопроводов из труб диаметром до 1020 миллиметров и компрессорные станции на них не могли обеспечить ускоренное освоение газовых месторождений в Западной Сибири. Были необходимы адекватная новая научно-техническая политика и новые подходы в разработке газовых месторождений, отличавшихся своими крупными залежами, в строительстве магистральных газопроводов, протяженность которых нередко достигала 3,5 тысячи километров.

Так, на одном расширенном заседании коллегии Мингазпрома, состоявшемся в 1974 году, научный руководитель О. Ф. Худяков представил первый проект разработки Уренгойского месторождения, способный, по его расчетам, обеспечить добычу 120 миллиардов кубометров газа в год. Для этого предлагалось по типу месторождения Медвежье создать большое количество промыслов производительностью до 5—7 миллиардов кубометров газа в год.

Обсуждение этого предложения носило бурный характер, так как у него были и сторонники, и противники. Но Оруджев на протяжении всего доклада и дискуссии не проронил ни слова. Он внимательно изучал содержание десятка вывешенных плакатов, насыщенных графическими материалами, расчетами, схемами, рисунками, и молчал.

Отсутствие видимой реакции со стороны министра настожило присутствующих. Никто не мог определить, одобряет или отвергает он предложения докладчика. Все знали, что Сабит Атаевич много лет возглавлял комиссию по разработке нефтяных месторождений и имел большой опыт. Но в данном случае речь шла о проекте разработки самого крупного Уренгойского газового месторождения, которое по большинству своих параметров резко отличается от нефтяных месторождений. Предлагаемый вариант был нацелен на интенсивное освоение месторождения с учетом больших капиталовложений и выполнения объемных строительных работ. Это требовало детального обсуждения и поддержки со стороны министра, но Оруджев молчал.

Настороженный поведением Сабита Атаевича, Худяков быстро завершил доклад и замолчал. В зале установилась гробовая тишина. Все напряженно ждали слова Оруджева.

Наконец Сабит Атаевич поднялся со своего места и объявил, что хочет выступить по данному вопросу в качестве содокладчика. В своем выступлении он определил основные принципы добычи газа в стране. Опираясь на конкретные расчеты, Оруджев отметил, что максимальный прирост добычи газа может достигать 30—40 миллиардов кубометров газа в год. И, хотя сторонники сверхмощных промыслов и магистральных газопроводов не сдаются и выдвигают новую идею контейнерной транспортировки газа в гидратном состоянии по трубопроводам, Оруджев, опираясь в докладе на результаты научных исследований, методично, шаг за шагом приходит к единственно правильному и реально достижимому решению: на крупнейших газовых месторождениях в Западной Сибири надо строить промыслы с производительностью не более 25—30 миллиардов кубометров газа в год. Это были не «сверхмощные», но и не те слабые сооружения, которыми обустроивались ранее введенные в строй месторождения и промыслы, дававшие по 5—7 миллиардов кубометров газа в год. Аналогичной производительности, по мнению Сабита Атаевича, должен был строиться и однопоточный газопровод с диаметром труб 1420 миллиметров, рассчитанный на давление 75 атмосфер. В последующем Оруджев упорно защищал эти положения, которые стали основными во всем процессе дальнейшего развития газоснабжения страны.

Анализ особенностей развития газовой промышленности позволил Сабиту Атаевичу распределить основные задачи научно-технического прогресса для крупномасштабного освоения месторождений газа в Западной Сибири. Научное обеспечение становится главным фактором освоения североюменских месторождений, расположенных в суровых климатических зонах с распространением в них вечномерзлых пород и удаленных от основных центров потребления природного газа на три и более тысячи километров.

Новые газоперекачивающие агрегаты

Сделав упор на создание развитой, четко специализированной, обеспеченной достаточной экспериментальной базой сети научно-исследовательских и конструкторских организаций, министерство провело значительную работу по внедрению новой техники и прогрессивных технологических процессов, автоматизации и телемеханизации производства, техническому переоснащению газовой промышленности новым высокоэффективным технологическим оборудованием.

Газовые промыслы были оснащены установками комплексной подготовки газа (УКПГ), мощность которых постоянно повышалась. Так, если на месторождении Медвежье первые УКПГ проектировались на производительность 7—8 миллиардов кубометров газа в год, то на Уренгойском и Вынгапуровском месторождениях стали сооружать УКПГ с годовой производительностью 15 и 30 миллиардов кубометров.

Под непосредственным руководством С. А. Оруджева были осуществлены разработка и внедрение в производство новых газоперекачивающих агрегатов. До середины 1970-х годов компрессорные станции оснащались исключительно стационарными газотурбинными установками ГТ-6-750 и ГТК-10. Строительство одной очереди компрессорной станции мощностью 80 тысяч киловатт с такими агрегатами продолжалось 16—19 месяцев.

Сабит Атаевич развернул научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы с целью переоснащения отрасли новым высокоэффективным технологическим оборудованием, позволявшим кардинально ускорить строительство компрессорных станций и одновременно значительно повысить надежность их работы.

Прохождение газовых магистралей в условиях сурового климата усложнило сооружение и ввод в эксплуатацию магистральных газопроводов и особенно компрессорных станций. Стало ясно, что в этих условиях, чтобы увеличить добычу газа, необходимо применить новые технические решения и более прогрессивное оборудование, позволяющее значительно сократить сроки строительства компрессорных станций и тем самым повысить производительность газопроводов. Поэтому одним из таких прогрессивных технических направлений было определено создание впервые в стране и внедрение в газовую промышленность легких, мобильных, компактных газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом в блочно-контейнерном исполнении.

Преимущества этих агрегатов перед стационарными — блочно-контейнерная конструкция, обеспечивающая поставку блоков в полной заводской готовности и минимальные строительные-монтажные работы на компрессорной станции; небольшие габариты и относительно малая масса, позволяющие осуществлять транспортировку агрегатов на место монтажа любым видом транспорта, в том числе и воздушным.

В Советском Союзе первые работы по созданию авиационного привода для газоперекачивающего агрегата стали проводиться в начале 1970-х годов. Немалую долю труда в это дело вложили коллективы конструкторских бюро, институтов и

предприятий Минавиапрома, Минхиммаца и Мингазпрома, создав в сжатые сроки принципиально новый прогрессивный газоперекачивающий агрегат ГПА-Ц-6,3 в блочно-контейнерном исполнении с авиационным приводом мощностью 6,3 тысячи киловатт. Этими министерствами совместно с Госпланом СССР были разработаны мероприятия, позволившие в короткие сроки осуществить доводку, организовать серийное производство авиаприводов и агрегатов в целом и внедрить их в народное хозяйство страны. Так, в 1972 году газоперекачивающий агрегат ГПА-Ц-6,3 был создан, в 1973 году — испытан на природном газе, а уже в 1974 году — пущен в эксплуатацию на компрессорных станциях магистральных газопроводов страны.

Эксплуатация газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом на магистральных газопроводах СССР, начатая в сентябре 1974 года, показала значительные их преимущества перед стационарными агрегатами. Высокая эксплуатационная надежность агрегатов с авиаприводом, быстрота сооружения компрессорных станций с этими агрегатами, простота обслуживания и значительный экономический эффект (более 1,5 миллиарда рублей за пятилетие) от их внедрения в народное хозяйство определили их интенсивный ввод в эксплуатацию и новые направления использования в газовой промышленности. К 1980 году на магистральных газопроводах страны было введено в действие свыше 200 ГПА-Ц-6,3, что составило около девяти процентов общей мощности всех газоперекачивающих агрегатов, установленных на компрессорных станциях.

Так, если в 1974 году в эксплуатации находились три компрессорные станции с 13 агрегатами, то в 1981 году число компрессорных станций достигло 46, на которых работало 250 агрегатов.

Конструктивные особенности агрегатов с авиационным приводом позволили эксплуатировать их в различных климатических зонах СССР (от Крайнего Севера до южных пустынных районов и в горных высотных областях). Также очень важным было то, что эти агрегаты не требуют организации их производства по полному циклу, так как в качестве привода используются авиационные двигатели, выработавшие ресурс на самолетах Ту-114, Ту-154 и Ил-62.

В 1978 году на компрессорной станции в Торжке впервые в отечественной практике были введены в опытно-промышленную эксплуатацию три агрегата ГПА-10 с судовым газотурбинным приводом. Уже в следующем году на газопроводе Уренгой — Челябинск — Петровск — Новопсков было начато

строительство пяти компрессорных станций, оснащенных ГПА-10.

В конце 1970-х годов были начаты работы по созданию газоперекачивающих агрегатов мощностью 16 и 25 тысяч киловатт с полнонапорными нагнетателями. Опытные образцы были установлены на компрессорных станциях в Новгороде и Сысерти. Эти агрегаты предназначались для газопроводов на рабочее давление до 100 атмосфер.

Таким образом, в деле совершенствования технологии компримирования газа на магистралях большой протяженности Оруджев делал упор на широкое внедрение газоперекачивающих агрегатов повышенной мощности, в том числе с авиационным и судовым приводом. Все агрегаты создавались с двухступенчатыми нагнетателями, что позволяло ускорять технологическую обвязку компрессорных станций, до 40 процентов сокращать трудовые затраты на их монтаж и экономить до 50 процентов запорной арматуры при значительном повышении эксплуатационной надежности станций.

Буровые работы

Под руководством Сабита Атаевича Оруджева произошли позитивные изменения и в области производства буровых работ. Все началось с того, что в 1972 году нефтяные буровые предприятия были переподчинены вновь созданному Министерству газовой промышленности СССР. В структуре этого министерства отдел бурения газовых и газоконденсатных скважин получил статус управления, в которое вошли отделы: производственный, технологический, использования глубинного топлива Земли, морского бурения, а также служба материально-технического обеспечения.

Ведущим звеном этой цепи стал отдел по бурению газовых и газоконденсатных скважин, ставший настоящей кузницей кадров буровиков. Здесь получили свой первый опыт и стали настоящими профессионалами газового дела такие специалисты, как В. А. Динков, М. И. Агапчев, В. И. Авилов, А. Г. Гудзь, В. А. Нуршанов, В. Т. Хромов, А. А. Васильев, Ф. Г. Харахашьян и многие другие.

Для разработки месторождений Тюменского Севера была создана Полярная экспедиция глубокого бурения, которая в августе 1973 года начала буровые работы на месторождении Юбилейное, а ровно через год — на Уренгойском месторождении. В апреле 1975 года для ускорения буровых работ на этой площади была создана Уренгойская экспедиция глубокого

бурения. Ее начальником был назначен А. Г. Подберезный. 16 января приказом министра газовой промышленности СССР создается Вынгапуровская экспедиция глубокого бурения во главе с Юрием Тимофеевичем Ивченко. В 1979 году по приказу С. А. Оруджева все три экспедиции глубокого бурения слились в мощное объединение по бурению газовых скважин — «Тюменбургаз», управление которого находилось в поселке Новый Уренгой. Первым директором этого объединения был назначен Ю. Т. Ивченко. И уже в том году буровыми бригадами этого объединения было пройдено около 150 километров горных пород.

В 1976 году Краснодарское управление буровых работ по приказу С. А. Оруджева начало работы по бурению скважин в акватории Черного и Азовского морей. Активные буровые работы велись в Республике Коми, в Астраханской и Оренбургской областях. При этом бригадами Оренбургского управления работ только за годы десятой пятилетки было пробурено более 510 километров горных пород, построено и сдано в эксплуатацию 242 скважины. При этом коллектив буровой бригады В. А. Липатова достиг рекордной скорости бурения — 2370 метров на станок в месяц, ее коллективу было присуждено звание «Лучшая буровая бригада Мингазпрома СССР».

Хорошо понимая значение скорости и качества выполнения буровых работ, Сабит Атаевич добился того, что на оснащение буровых предприятий постоянно поступали новая техника и более совершенное оборудование. Только внедрение новых типов долот, изготовленных из сталей электролакового и вакуумно-дугового переплава, привело к увеличению проходки на долото на 80 процентов, а скорости бурения — на 50 процентов.

Важную роль в достижении высоких темпов проходки сыграло внедрение батарейно-кустового бурения скважин, за которое активно ратовал Сабит Атаевич. Оно позволяло существенно сокращать протяженность подъездных дорог к скважине, длину водоводов, расстояние передвижения бурового оборудования, затраты на материалы и транспортные расходы.

Благодаря качественной организации, внедрению новой техники и технологии к 1980 году объем буровых работ в отрасли по сравнению с 1972 годом увеличился более чем в десять раз. За этот же период коммерческая скорость бурения возросла в 1,3 раза, производительность труда — в 2,6 раза, проходка на одну бригаду — в 1,7 раза, а себестоимость одного метра проходки снизилась на 48 процентов.

Автоматизация управления

В 1970-е годы произошло бурное развитие системы автоматизированного управления газовой промышленностью. Этому вопросу Сабит Атаевич Оруджев уделял особое внимание. Благодаря этому к 1980 году функционировала отраслевая система управления газовой промышленностью (ОАСУгазпром), включавшая подсистему автоматизированного диспетчерского управления (АСДУ ЕСГ), автоматизированные системы управления предприятиями (АСУП). В подотраслях бурения, добычи, переработки и транспортировки газа действовало 30 автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП).

В 1975 году была произведена комплексная автоматизация 37 процентов газовых промыслов (УКПГ), автоматизировано 88 процентов компрессорных станций (цехов), имелось 24 процента централизованно управляемых компрессорных станций и телемеханизировано до 22 процентов линейной части газопроводов.

Таким образом, к концу девятой пятилетки производственные показатели по Мингазпрому были весьма красноречивы. К тому времени более 75 процентов прироста добычи газа приходилось на долю Тюменской области и Туркменской ССР и 20 процентов на Оренбургскую область. В это время были вовлечены в разработку новые крупные запасы газа (более четырех триллионов кубометров) на Медвежьем, Шатлыкском, Наипском и Оренбургском месторождениях.

Были разработаны комплексные программы технического перевооружения газовой промышленности, расширения сети подземных хранилищ газа и создания отраслевой ремонтно-машиностроительной базы. Все они воплощались на практике.

Природный газ во всё возрастающих масштабах внедрялся в металлургию, заменяя другие энергоносители, в химическую промышленность (и в качестве топлива, и в качестве сырья), в быт населения СССР. Он также шел и на экспорт, принося государству твердую валюту.

К концу 1970-х годов в системе газоснабжения страны эксплуатировалось 69 автоматизированных установок комплексной подготовки газа на промыслах (55 процентов от всех действующих), 440 автоматизированных компрессорных цехов (86 процентов общей численности), имелось 52,3 тысячи километров телемеханизированных магистральных газопроводов (42 процента общей протяженности).

Наряду с постоянным улучшением научно-технической базы отрасли Сабит Атаевич постоянно боролся за повышение эффективности использования природного газа, снижение его нерациональных потерь. Он подсчитал, что широкое применение в газовом деле прогрессивных научных разработок, а также ликвидация нерациональных потерь дадут годовую экономию газа в объеме 15 миллиардов кубометров, что было эквивалентно годовой производительности такой крупной газотранспортной системы, как Бухара — Урал.

Начало астраханского газа

Сабит Атаевич Оруджев в бытность министром газовой промышленности СССР делал много для начала добычи газа с Астраханского месторождения, которое считал одним из перспективнейших на то время. Дело в том, что первый фонтан газа из подсолевых нижнекаменноугольных отложений был получен в январе 1973 года на скважине № 3 Заволжской в пределах левобережной части Астраханского свода. Это было самое начало работы Сабита Атаевича в должности газового министра, и он с готовностью воспринял информацию об этом.

Затем 13 августа 1976 года скважина № 5, пробуренная на Ширяевском поднятии, дала промышленный приток газа. Так было заявлено о рождении новой газоносной провинции.

Астраханское месторождение географически находится в придельтовой части реки Волги в 50—80 километрах севернее Астрахани. Ученые подсчитали, что ориентировочно 60 процентов площади и запасов находится в левобережной части, 5 — в правобережной и 35 процентов — в пойменной зоне (поймы Волги и Ахтубы). По длинной оси месторождение тянется на 110 километров. Основная, наиболее изученная, часть месторождения расположена в левобережной степной зоне на территории Красноярского и Харабалинского районов. Запасы газа правобережной части (Енотаевский и Наримановский районы) были оценены в 200 миллиардов кубометров. Кроме того, имелась еще и пойменная часть площадью 800 квадратных метров, оценочно содержащая до 2 триллионов кубометров газа. Таким образом, разведанные до промышленных категорий запасы месторождения достигают 4 триллионов кубометров газа, около 1 миллиарда тонн конденсата. Запасы серы в сероводородном газе превышают 1 миллиард тонн, а запасы каменной соли не ограничены, самые верхние ее пласты встречаются на глубинах 300—500 метров.

История открытия Астраханского газового месторождения началась весной 1946 года, когда первый секретарь Астраханского обкома партии Ф. Н. Муратов доложил правительству о возможности открытия на территории Астраханской области нефтяных и газовых месторождений. В апреле того же года решением Главгазотпрома при Совете министров СССР была создана Астраханская геолого-разведочная контора (АГК) «Газразведка», которая уже в ноябре приступила к бурению первой скважины в центре города в районе Морского сада. С 1952 года поисковые работы переместились на юг области, в район села Промысловка, где геофизиками треста были проведены подготовительные работы к бурению.

6 сентября 1954 года был получен первый управляемый газовый фонтан, возвестивший об открытии нового газового месторождения. К 1963 году были открыты и переданы в эксплуатацию еще шесть месторождений нефти и газа: Олейниковское, Межевое, Цубукское, Каспийское, Тенгутинское и Бешкульское. Таким образом, в Астраханской области родилась новая отрасль экономики — нефтегазовая.

К середине 1960-х годов район поисковых работ перемещается на север от Астрахани в область солянокупольной тектоники. Поисково-разведочные работы здесь увенчались открытием Бугринского, Шаджинского и Халганского месторождений.

Успех нефтегазоразведчиков способствовал дальнейшему развитию исследовательских работ. В соответствии с приказом по Главному управлению геологии и охраны недр при Совете министров СССР от 1 января 1958 года была образована Астраханская геофизическая экспедиция, начальником которой стал Н. Д. Кулаков. С 1960 года эта организация начала целенаправленные исследования в пределах Астраханского выступа. К 1966 году была оконтурена правобережная часть Астраханского свода, и на втором этапе изучения геологического строения территории работы велись уже по всему Астраханскому своду одновременно.

К 1968 году АГК выполнила значительный объем опытно-методических исследований, в результате которых впервые в СССР была выработана методика картирования кровли подсолевых отложений методом отраженных волн. На основе этой методики были подготовлены Долгожданное, Воложковское, Аксарайское и Ширяевское локальные поднятия, в пределах которых было начато разведочное бурение.

Учитывая важность работы по обоснованию перспектив нефтегазоносности Нижней Волги, Нижне-Волжский научно-исследовательский институт геологии и геофизики Мини-

стерства геологии РСФСР организовал в 1966 году Прикаспийское отделение Нижневолжского НИИ (до 1981 года — отдел геологии Астраханского Поволжья и Калмыкии Нижневолжского НИИ геологии и геофизики), который вначале возглавил В. И. Мальцев, а с 1971 года — Н. И. Воронин. В 1973 и 1976 годах коллективом этого института были разработаны две Генеральные схемы поисково-разведочных работ на нефть и газ, которые привели к открытию Астраханского газоконденсатного месторождения.

Открытие Астраханского месторождения создало предпосылки к строительству крупнейшего и уникального газохимического комплекса в Нижнем Поволжье. В начале 1978 года по распоряжению С. А. Оруджева комиссией, созданной Мингазпромом и Астраханским облисполкомом, был осуществлен выбор площадок для строительства объектов промышленного и жилищно-гражданского назначения. Основным заказчиком на строительство было Министерство газовой промышленности. Генеральным проектировщиком выступал Донецкий ЮжНИИгазпрогаз, а всего научным обоснованием, проектированием объектов занималось более 50 научно-исследовательских и проектных организаций.

Как только было принято решение о предстоящем обустройстве и промышленной эксплуатации Астраханского месторождения, первыми на Аксарайскую площадь прибыли строители из СМУ-3 треста «Оренбургремгазстрой» (руководитель — В. П. Никотин) и чуть позже — специалисты ПМК этого же треста. Они начали готовить базу Управления буровых работ: котельную с компрессорной станцией и тепловыми сетями, насосную станцию, канализацию, водопровод, шесть километров линий электропередачи, многоквартирные дома. Здесь же на пионерной базе буровиков были возведены две ремонтно-механические мастерские, гараж на 40 машин, контора УБР, столовая, склад горюче-смазочных материалов. Для обеспечения строительных работ 3 апреля 1978 года в Астрахани было создано автотракторное предприятие № 4.

В конце 1980 года в Аксарайске начала работать бригада Волгоградского мобильного специализированного СМУ треста «Центрпромэкскавация» (руководитель — И. Е. Елисеев), задача которой заключалась в вертикальной планировке площадок под различные объекты на строительстве газового комплекса.

Таким образом, в 1970-е годы также произошло открытие и было начато обустройство нового и очень перспективного Астраханского газоконденсатного месторождения. В целом же, С. А. Оруджев, возглавляя Министерство газовой промышленности СССР, внес существенный вклад в развитие науки

и техническое перевооружение отрасли. Под его руководством и с его непосредственным участием была выработана стратегия развития газовой промышленности страны, создана ее мощная научная база и выработаны четкие подходы к решению многих актуальных проблем. Многие результаты той плодотворной работы успешно используются в отечественном газовом деле и в настоящее время.

Глава десятая

УПРАВЛЕНИЕ ОТРАСЛЮ

Реорганизация управления

В 1973 и 1974 годах в Мингазпроме постоянно шли разговоры об изменении его структуры. Был выработан ряд предложений, порой противоречащих друг другу. Одни предлагали отдельные инстанции передать в главгазы республик, другие убеждали в необходимости ввести областные управления газа в подчинение Мингазпрому.

Чтобы окончательно решить этот важный вопрос, в январе 1974 года Оруджев созвал расширенное совещание, на которое были приглашены руководители главгазов республик и облгазов. Он терпеливо выслушал различные мнения и пришел к выводу, что включение в состав Мингазпрома такого большого числа организаций создаст трудности в его работе. После этого данный вопрос был снят с повестки дня.

В то же время с приходом Оруджева был принят ряд организационных мер по структурной перестройке управления как в центральном аппарате, так и в производственных подразделениях. Все они были учтены при подготовке генеральной схемы управления газовой промышленностью, которая разрабатывалась под руководством и при непосредственном участии Сабита Атаевича в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 марта 1973 года «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью».

Оруджев возглавил Мингазпром в период, когда во всех отраслях производства велись интенсивные поиски резервов роста, снижения себестоимости продукции, удешевления аппарата управления и т. д. Поэтому не случайно, что его внимание было сосредоточено на этих же проблемах.

Одним из приоритетных направлений развития отрасли Оруджев избрал совершенствование управления газовой про-

мышленностью страны. Своей целью он ставил повышение степени специализации и концентрации производства и установление оптимальных размеров предприятий, уменьшение звеньев управления, упразднение звеньев, дублирующих функции управления на различных уровнях, централизацию ремонтного и другого обслуживания, размещение аппарата объединений с учетом оптимального радиуса рассредоточенности производственных единиц и предприятий, создание информационной нормативной базы и условий для ускоренного внедрения автоматизированных систем управления. В качестве конечной цели работы по совершенствованию управления отраслью министр определил создание условий для своевременного принятия оптимальных решений в конкретных ситуациях управленческой деятельности.

Начали с формирования центрального аппарата Министерства газовой промышленности, которое прошло довольно быстро. Все специалисты центрального аппарата министерства, кто решил остаться, заняли соответствующие должности, и ущемления морального или материального не было.

На пути реформирования управления газовой промышленностью имелось немало трудностей как объективного, так и субъективного характера. Руководство хозяйством в системе Министерства газовой промышленности осуществлялось ранее в основном через главные управления по трех-, четырех- и пятизвенным системам. Степень концентрации производства была недостаточной. Объединения и предприятия существенно различались по размерам, видам деятельности и организационным формам. Вспомогательные производства и обслуживающие хозяйства имели низкую степень централизации функций. Такая многозвенная организационная структура не позволяла создать оптимальные условия для ускоренного внедрения в производство передовых достижений отечественной науки и техники, дальнейшей специализации и кооперирования производства, применения ЭВМ в управлении производством.

В 1974 году в Министерстве газовой промышленности по решению Оруджева начали переход к так называемой двухзвенной структуре управления. Были созданы всесоюзные промышленные объединения (ВПО), всесоюзные научно-производственные объединения (ВНПО) и производственные объединения (ПО). Несмотря на то, что все объединения подчинялись непосредственно аппарату министерства, значительно возросла их самостоятельность.

К числу ВПО отнесли «Союзгазмашаппарат» (А. В. Демьянович), «Союззарубежгаз» (В. В. Колоярский), «Союзгазмаш-

ремонт» (Л. Е. Дорофеев), «Союзинтергазпром» (В. А. Мысякин), «Союзгазификация» (И. Н. Радчик), а также территориальные ВПО — «Укргазпром» (А. Г. Туманов), «Оренбурггазпром» (Ю. В. Вышеславцев), «Тюменгазпром» (Е. Н. Алтунин), «Комигазпром» (С. И. Юдин), «Узбекгазпром» (А. С. Мельштин), «Туркменгазпром» (В. А. Талдай).

По предложению Мингазпрома в добыче газа по производственно-территориальному принципу было организовано шесть всесоюзных промышленных объединений, представлявших собой промышленно-хозяйственные комплексы, в состав которых вошли предприятия по добыче, транспорту, переработке и хранению газа, буровые, строительно-монтажные, ремонтно-строительные, научно-исследовательские и проектные организации, обслуживающие и подсобно-вспомогательные хозяйства. Лишь в отдельных небольших газодобывающих районах были созданы производственные объединения, подчиненные непосредственно министерству.

Всесоюзные промышленные объединения осуществляли управление добычей природного газа через газодобывающие (газопромысловые) управления и оперативно-производственные службы, которые практически представляли собой бригады по обслуживанию скважин и установок комплексной подготовки газа. Во всех всесоюзных промышленных и производственных объединениях осуществлена централизация работ по подземному и капитальному ремонтам скважин, а также по производственно-техническому обслуживанию и комплектации оборудования.

Создание всесоюзных промышленных объединений по добыче газа повысило ответственность руководителей и оперативность взаимодействия предприятий и организаций, так как исключалась необходимость решения многих вопросов непосредственно в министерстве. В свою очередь, это значительно улучшило маневренность в использовании технических, материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Централизация функций управления в едином органе мобилизовала аппарат на более оперативную реакцию на деятельность производства.

Реорганизация коснулась и предприятий более низкого звена, связанных с транспортом газа. Ранг производственных объединений получили подчиненные непосредственно министерству управления магистральных газопроводов: «Мострансгаз» (А. И. Сафронов), «Уралтрансгаз» (Л. И. Щеголев), «Западтрансгаз» (П. М. Лискевич), «Саратовтрансгаз» (В. Я. Чумаков), «Волгоградтрансгаз» (А. А. Каспаров), «Горькийтрансгаз» (В. Н. Лузянин), «Закаспийсктрансгаз» (В. И. Конкин), «Средазтрансгаз» (А. С. Афлятонов), «Кавказтрансгаз»

(Х. И. Исаев), «Азтрансгаз» (А. М. Абдулаев), «Грузтрансгаз» (К. М. Николайшвили), «Армтрансгаз» (Э. Г. Варданян), «Таттрансгаз» (Г. Х. Газизов), «Баштрансгаз» (Ф. Г. Исхаков). Однако самостоятельность этих объединений оказалась недолгой, в мае 1975 года их передали в состав созданного ВПО «Союзтрансгаз», руководителем которого стал В. И. Халатин. Путем образования этого Всесоюзного промышленного объединения и крупных производственных объединений, упразднения управлений магистральных газопроводов в межрайонных системах транспорта и поставки газа был осуществлен переход с четырехзвенной системы управления на трехзвенную. Было проведено также укрупнение цехов и участков.

Производственные объединения стали осуществлять управление непосредственно через цехи, которые были освобождены от ряда функций, переданных аппарату объединения. В производственном объединении централизована работа по электрохимзащите, контролю за стыками газопроводов, обеспечению производственной связи, комплектации и материально-техническому снабжению, телемеханике, ремонтно-восстановительным работам, финансовой деятельности, планированию, организации труда и заработной платы, бухгалтерскому учету, наблюдению и контролю за проектированием, строительством объектов и т. д.

Другие управления (объединения) по транспорту газа — «Ухаттрансгаз» (Б. И. Василенко), «Тюментрансгаз» (Е. Н. Яковлев), «Харьковтрансгаз» (Р. И. Белобров), «Киевтрансгаз» (Н. Ю. Щерба), «Львовтрансгаз» (Я. С. Кривко), «Оренбургтрансгаз» (Л. С. Должиков), «Ташкенттрансгаз» (В. А. Гермашев), «Туркментрансгаз» (Р. А. Юзбашев) вошли в состав территориальных промышленных объединений.

Объединенное диспетчерское управление было преобразовано в Центральное диспетчерское управление Министерства газовой промышленности, начальниками которого стали А. С. Букреев, а затем — В. А. Коновалов.

Проведенная реорганизация министерства привела к качественным и количественным сдвигам в структуре управления газовой промышленностью. Это позволило осуществить расширение объемов буровых работ собственными силами при довольно разносторонней целевой их направленности (эксплуатационное и разведочное бурение газовых и газоконденсатных скважин, разведочное и эксплуатационное бурение скважин на подземных хранилищах газа); повысить удельный вес переработки природного газа в отрасли и укрепить ее связи с газодобывающими районами в рамках ЕСГ СССР; локализовать ряд газотранспортных систем, действующих в тради-

ционных районах добычи газа (Украина, Северный Кавказ), и превратить их, по сути дела, во внутрирайонные системы транспорта газа в связи с переориентацией центров добычи газа в районы Севера европейской части страны, Западной Сибири и Средней Азии.

В то же время в связи с тем, что подавляющее большинство строительных и монтажных организаций вошло в состав Миннефтегазстроя, в газовой промышленности возникла потребность в создании собственной ремонтно-строительной базы для обеспечения отрасли всеми видами строительных работ по ремонту в бурении скважин, добыче, переработке и транспорте газа, а также отраслевой базы по производству запасных частей и нестандартного оборудования.

В среднем звене газовой промышленности были упразднены управления магистральных газопроводов, тресты по газификации и бурению скважин. Число организаций, относящихся к среднему звену в добыче природного газа, сокращено с 35 до 10. Во всех всесоюзных промышленных объединениях по добыче газа осуществлена централизация строительно-монтажных, ремонтно-строительных работ, автотракторных хозяйств, производственно-технического обслуживания и комплектации оборудования, научно-исследовательских и частично проектно-изыскательских работ.

Руководство буровыми организациями стало осуществляться непосредственно всесоюзными промышленными объединениями по добыче газа. В свою очередь, буровые организации стали управлять буровыми работами через районные инженерно-технологические службы.

В порядке эксперимента было организовано производственное объединение «Союзбургаз» на базе одноименного треста, подчиненное непосредственно министерству. Оно было призвано осуществлять комплекс работ по поиску, разведочному и эксплуатационному бурению скважин на подземные хранилища газа и термальные воды. Это определило специфику и масштабы деятельности объединения.

До реорганизации в состав треста входили 15 самостоятельных подразделений, в том числе 10 экспедиций глубокого бурения и геолого-разведочных работ, которым подчинялись буровые партии, база по ремонту и комплектации оборудования и строительное управление. В соответствии с положением о производственном объединении и в виде исключения пяти экспедициям была сохранена самостоятельность с учетом их удаленности более чем на тысячу километров от объединения. В результате ступенчатость управления этим видом деятельности с четырех- и пятизвенной была доведена до трехзвенной.

Переход на новую систему

Усиление роли промышленных объединений как среднего звена управления бурением, добычей, переработкой и локальным транспортом газа обеспечило комплексное решение задач по ускорению развития газовой промышленности в районе их деятельности.

В газоаппаратоснабжении были централизованы проектные, конструкторские, экспериментальные работы, научно-технические разработки по стандартизации и качеству продукции. Для этого в структуре Всесоюзного промышленного объединения «Союзгазмашаппарат» было создано научно-производственное объединение «Газоаппарат» на базе головной организации — специализированного конструкторского бюро и экспериментального завода в Донецке. Это позволило углубить специализацию производства, расширить межзаводскую кооперацию, повысить уровень унификации конструкций, улучшить качество газовой аппаратуры и снизить затраты на ее производство.

В области газификации осуществлен переход с пятизвенной на трехзвенную систему управления путем создания в составе Всесоюзного промышленного объединения «Союзгазификация» крупных производственных объединений и ликвидации трестов как среднего звена и аппарата управления подчиненных им организаций — баз, контор, управлений.

В производственных объединениях по газификации были централизованы управленческие функции по планированию, финансированию, расчетам, учету, материально-техническому снабжению, капитальному строительству и т. д. Проведено также укрупнение мелких самостоятельных хозяйств в производственные единицы, через которые объединения осуществляли управление производством.

На предприятиях по добыче и переработке газа, в бурении скважин и частично на заводах по выпуску газовой аппаратуры была внедрена безцеховая структура управления основным производством.

Создание законченных многоцелевых систем в виде всесоюзных промышленных и производственных объединений обеспечило выполнение задач по ускоренному развитию газовой промышленности, приблизило руководство к производству, повысило гибкость и оперативность управления.

В основу структуры центрального аппарата министерства был положен функциональный принцип, аналогичный для структуры всесоюзных промышленных и производственных объединений. Такая структура обусловила единую в Мингаз-

проме систему специализации и разделения управленческого труда, повысила персональную ответственность работников за своевременное и качественное принятие решений на всех уровнях управления производством и действенность контроля за производственно-финансовой деятельностью предприятий и объединений отрасли.

С внедрением генеральной схемы управления газовой промышленностью были обеспечены условия для ускоренной разработки и внедрения автоматизированных систем управления. С этой целью в составе объединения «Союзавтоматика» были централизованы научно-исследовательские, опытно-конструкторские, проектные, монтажно-наладочные и другие виды работ по созданию, испытанию и промышленному внедрению АСУ. В этом же объединении централизованы изготовление средств автоматизации, телемеханизации объектов управления и работы в области метрологии отрасли.

Осуществление мероприятий по внедрению генеральной схемы управления газовой промышленностью уже в 1974 году позволило получить экономический эффект в сумме 113 миллионов рублей, уменьшить численность работников предприятий и организаций министерства на 9852 человека, в том числе работников аппарата управления на 2057 человек.

Научная основательность, глубокая продуманность и практическая направленность генеральной схемы управления газовой промышленностью, предложенная Оруджевым, способствовали тому, что она одна из первых была одобрена правительством страны и рекомендована в качестве образца для других министерств и ведомств. Реализация этой схемы позволила Мингазпрому уже в 1974 году успешно завершить переход на управление отраслью по двух- и трехзвенной системе. В плане ее осуществления было создано 50 объединений: 10 всесоюзных промышленных, 37 производственных и 3 научно-производственных. Из 40 производственных и научно-производственных объединений 7 объединений (18 процентов) управлялись по двухзвенной и 33 (82 процента) по трехзвенной системе.

Переход на новую схему управления позволил Мингазпрому СССР упразднить 211 предприятий и организаций с включением их в качестве производственных единиц и цехов в состав вновь созданных производственных объединений. В связи с этим уровень концентрации производства в промышленности повысился на 46 процентов (в добыче — на 72 процента, в машиностроении — на 9 процентов, в бурении — на 40 процентов), в транспорте газа он возрос в 7,7 раза, в системе газификации — в 8 раз.

Правда, поиск оптимальных структур управления продолжался и в последующие годы. Так, в 1978 году ВПО «Союз-трансподземгаз» было ликвидировано, а входившие в его состав производственные объединения по транспорту и поставкам газа укрупнены. В центральном аппарате вновь создали управление по транспорту и поставкам газа, которое возглавил В. Г. Курченков.

В целом же структура управления, созданная под руководством С. А. Оруджева, оставалась без особых изменений до 1989 года, то есть до времени, когда был образован Государственный газовый концерн «Газпром». Это подтверждает в основном правильность схемы управления отраслью, выбранной С. А. Оруджевым и его заместителями при реорганизации министерства. Удачной, в целом, была и кадровая политика руководства Мингазпрома того периода. Состав центрального аппарата управления и все руководители объединений в большинстве своем работали до 1989 года, то есть на протяжении 17 лет.

Государственный подход

В основе министерской деятельности Оруджева был государственный подход, который проявлялся в правильном видении роли и места газовой промышленности в экономике страны. Здесь было важно как сохранить свою значимость, так и не «выпячивать» ее в ущерб другим отраслям. Сабит Атаевич умел добиться этого, что чаще всего проявлялось в отношениях Мингазпрома с другими министерствами.

Особенно крупные межведомственные баталии разыгрывались при формировании плана на следующий год. Они обычно проходили в Госплане. Там собирались предложения всех министерств. При этом не секрет, что каждое министерство вело свою экономическую политику, которая не всегда сочеталась с политикой других министерств. Поэтому были случаи, когда выдвигались не совсем рациональные проекты, так сказать, с большим запасом прочности.

Для окончательного «проталкивания» или отклонения этих проектов на завершающем этапе планирования собиралось все руководство министерств. Дискуссия велась по принципу «стенка на стенку». Спорили между собой главным образом заместители министров, но при этом последнее слово всегда было за министрами.

Оруджев понимал вредность ведомственности, не любил излишних споров и всегда был готов пойти на разумный ком-

промисс. Владимир Григорьевич Чирсков вспоминал об одном из таких совещаний, когда первый заместитель министра газовой промышленности СССР Василий Александрович Динков начал требовать от Миннефтегазстроя СССР увеличения ввода новых компрессорных станций на газопроводах.

Оруджев хорошо понимал, что Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности работает на пределе своих возможностей и что доклад его заместителя на таком высоком уровне может вылиться в то, что дружеская отрасль получит директивные указания, которые будет очень трудно выполнить. Поэтому, внимательно выслушав Динкова, Сабит Атаевич решил вмешаться.

— Ты, Борис Евдокимович, извини, — обратился он к Щербине. — Наш Василий Александрович был бы не против в первый раз после завершения строительства газопровода иметь все проектные компрессорные станции. Но ваше министерство не может пока обеспечивать такой график работы. Поэтому хватит спорить и давайте запишем в план так, как сказал Щербина. Я уверен, что выполнение Миннефтегазстроем этих обязательств решит все наши ближайшие проблемы, но затем будем думать и на перспективу.

План на новый год был сверстан на основании взаимных договоренностей, без административного нажима.

Оруджев всегда по возможности охотно помогал Миннефтегазстрою решать многие хозяйственные вопросы. Средств у Миннефтегазстроя СССР было меньше, чем у газовиков, поэтому Б. Е. Щербина и В. Г. Чирсков неоднократно обращались к ним за помощью. Особенно это касалось строительства жилых домов и других объектов социально-культурного назначения на месторождениях и на трубопроводах. Оруджев понимал, что все строится для работающих там людей, и не жалел на это денег своего министерства. Также он помогал Минтяжмашу, Минэнерго и другим министерствам, которые так или иначе участвовали в программах Мингазпрома. Он видел, что за решением каждого частного вопроса стоит реализация большой государственной программы, связанной с освоением новых регионов, увеличением добычи, хранения, переработки и транспортировки газа. Ради реализации этой программы Оруджев шел на дополнительные расходы даже ценой отсрочки решения некоторых частных вопросов своего министерства. На это в то время были способны немногие советские руководители.

Сабит Атаевич во всем был государственным человеком, он умел беречь деньги и в полной мере «выжимать» из своей отрасли прибыль для народного хозяйства. Если он видел, что

благодаря дополнительным капиталовложениям можно дать стране больше газа, то, не задумываясь, шел на это. От подчиненных он требовал самоотдачи и безукоризненной дисциплины. Сам он постоянно двигался, бывал на местах, вникал во все вопросы, принимал оперативные решения. Свое дело он считал главным и требовал такого же к нему отношения не только со стороны подчиненных, но и от руководителей страны. Он был твердо убежден, что делает большое государственное дело, и неотступно следовал этому убеждению.

Стиль управления

В начале 1974 года Сабит Атаевич Оруджев проводил заседание коллегии по установлению плана добычи газа объединению «Укргазпром» на текущий год. Сабит Атаевич заслушал сначала начальника объединения, а потом по каждому региону выступили начальники управлений.

Первое слово дали начальнику Укргазпрома Александру Георгиевичу Туманову. Он начал доказывать, что план добычи газа для его объединения установлен нереальный, так как добыча газа на Шебелинском месторождении начала падать, а строители компрессорной станции задерживали с вводом ее в эксплуатацию.

Сабит Атаевич все время прерывал Туманова, не соглашаясь с ним.

Затем слово взял Н. В. Петличенко. Он также сказал, что вопрос по установлению плана по Украине требует дополнительного изучения и его следует пересмотреть в сторону уменьшения добычи газа.

Сабит Атаевич не выдержал и прервал его выступление.

— Мне все понятно! — воскликнул он. — Петличенко только недавно назначен начальником управления и еще не совсем понимает поставленную задачу. Но мы ему поможем, подскажем, он все поймет. Это дело будущего. Но как вы, товарищ Туманов, могли решиться требовать уменьшения добычи газа? Ведь вы прекрасно знаете, как он нужен стране, каждому предприятию, каждой семье. Все они надеются на нас, на наше министерство. Не оправдать этих надежд мы не можем и вам не позволим! Поэтому давайте немедленно прекратим всякие разговоры о завышенности плана, а будем думать, как его выполнить. А кто не желает об этом думать, тому не место в газовой промышленности.

После этого заседание начало приобретать несколько иной характер. Появились предложения, началось их обсуждение.

В результате были найдены варианты решения поставленной задачи.

— Вот видите, стоит захотеть, и вы все можете, — заметил Оруджев и, немного подумав, добавил: — Я, конечно, понимаю ваши трудности, они существуют, и сбрасывать их со счетов никак нельзя. Нужно постоянно помнить о них и думать, как преодолевать. Я тоже буду постоянно думать, как помогать вам в вашей работе. Но я не хочу больше слышать пораженческих речей.

Р. Г. Маргулов утверждает, что у Оруджева был свой стиль работы. Будучи крупным специалистом нефтегазового производства и мудрым человеком, он хватал идею, что называется, на лету, и интуитивно чувствуя ее перспективность, сразу же приступал к реализации, внося коррективы уже в ходе самой работы. Решение частных задач он целиком доверял своим подчиненным. Технические совещания при его участии были редкостью. Но его вмешательство всегда было своевременным и давало положительный результат.

Оруджев мало кому известен как крупнейший прогнозист развития энергетики в будущем. Особенно это проявлялось в периоды «нефтяных шоков». Тогда появлялось множество пессимистов, ратовавших за то, что необходимо свернуть поисковые и геолого-разведочные работы на нефть и газ. Оруджев же и в этих условиях свято верил в будущее нефтяной и газовой отрасли.

Будучи сторонником роста вовлечения в хозяйственный оборот нефтегазовых ресурсов, он в то же время не раз говорил о возрастающей ответственности перед обществом, перед нынешним и будущим поколениями. Он увязывал качество использования органических топлив с изменениями таких базисных факторов развития, как демографический и экологический. К сожалению, в те годы идеи Сабита Атаевича об экологической защите людей считались одними из самых бесполезных в практическом отношении разделов энергетики. Не жаловали их ни политики, ни ученые.

Многие работники отрасли вспоминают о том, как интересно и поучительно Сабит Атаевич проводил селекторные совещания и коллегии Мингазпрома. На этих мероприятиях он, как правило, вначале создавал такое напряжение, что у некоторых ответственных работников буквально нервы не выдерживали. Но, нагнав таким образом страха, министр, желая разрядить обстановку, вдруг переходил на лирические отступления. Он начинал рассуждать о том, что кто-то, взяв повышенные обязательства, их не выполняет. При этом его любимой поговоркой была: «Сколько ни говори “кишмиш”, во рту

слаще не станет». Или начнет рассказывать о том, как однажды у него свело руку и как он ее реанимировал. И все это с юмором, под аплодисменты слушателей. Разрядив обстановку, Сабит Атаевич опять возвращался к производственным вопросам.

Назначение работников на новые должности Сабит Атаевич нередко осуществлял весьма оригинальным способом. Об одном из таких эпизодов вспоминал Николай Васильевич Петличенко. Это произошло во время его отпуска. Вечером неожиданно позвонил Оруджев.

— Ты дома? — поинтересовался министр.

— Дома, — ответил Петличенко.

— А почему ты дома сидишь? — удивился Оруджев.

— У меня еще неделя отпуска, поэтому занимаюсь домашним хозяйством.

— Это хорошо, но утром завтра позвони мне из кабинета начальника управления капитального строительства.

— Зачем мне звонить из его кабинета, когда у меня свой есть? — удивился Николай Васильевич.

— Я говорю — позвони оттуда! — потребовал Оруджев.

На следующий день Петличенко взял ключи от нужного помещения и позвонил Сабиту Атаевичу. Поздоровавшись, Оруджев пригласил Петличенко зайти в его кабинет. Когда тот вошел, Сабит Атаевич сказал:

— Ты назначаешься начальником управления капитального строительства вместо Колотилина, уезжающего в Афганистан. При этом мы вводим тебя в состав коллегии Мингазпрома. Поэтому хватит отдыхать. Принимай дела и начинай работать.

О стиле руководства Оруджева оставил свои воспоминания и Константин Анатольевич Демидов, который с 1973 по 1977 год был начальником инспекции при Министерстве газовой промышленности СССР. По его утверждению, все заседания коллегии Оруджев вел по-деловому, четко, умело. При этом он рассматривал самые актуальные вопросы и принимал конкретные решения.

Проблемы, связанные с крупными авариями, повлекшими человеческие жертвы, как правило, обсуждались только на закрытых заседаниях коллегии. Эти сведения нигде не сообщались и не печатались. Но Сабит Атаевич считал, что о ходе этих заседаний и их результатах должны знать многие руководители газовой отрасли, с тем чтобы своевременно проводить профилактические меры.

Но на одном из таких заседаний начальник первого отдела напомнил министру:

— Сабит Атаевич, вы, наверное, забыли, что этот вопрос необходимо рассматривать на закрытом заседании.

Оруджев встал и, вспыхнув, «осадил» поборника правил:

— Как может быть заседание коллегии закрытым, когда это касается всех! Сегодня у одних авария, завтра она может быть у других. Мы должны сообща принимать меры по их предотвращению!

После этого случаи аварий хотя и обсуждались на закрытых коллегиях, но на них начали приглашать и некоторых других руководителей, которые были напрямую связаны с подобного рода производством.

По утверждению хорошо знавших его людей, Оруджев каким-то внутренним, интуитивным путем чувствовал людей, составляя о них мнение уже после первой беседы. Он не любил ловкачей, не терпел бесчестных и лживых.

По воспоминаниям Демидова, однажды он позвонил чиновнику, гораздо выше его рангом, и попросил объяснить ситуацию на газопроводе, предварительно выслушав об этом информацию начальника инспекции. Тот, желая снять с себя вину, начал излагать события в другом ключе, но, естественно, был уличен во лжи.

Оруджев внимательно относился ко всем письменным жалобам сотрудников, поступавшим в его адрес. Если жалобы, изложенные в письмах, подтверждались, то Оруджев был беспощаден и сам принимал решение по каждому вопросу. Но при этом кляузы и анонимки Сабит Атаевич попросту рвал и не брал их во внимание.

Министра очень раздражали невыдержанность, поспешность и несоблюдение элементарного этикета. Однажды на одном из совещаний по вопросам развития газового комплекса Западной Сибири, которое проходило в правительстве, слово было предоставлено Оруджеву. В это время заместитель министра по капитальному строительству, только что вернувшийся из северной командировки, желая «помочь» Сабиту Атаевичу, предложил:

— Разрешите, доложу я, так как лучше знаю этот вопрос!

Ему дали слово, и он обстоятельно все доложил. Но этим поступком он себя скомпрометировал в глазах Оруджева. После заседания Сабит Атаевич вызвал его и сказал:

— Заместитель министра, который знает лучше, чем я, мне не нужен.

После этого инцидента провинившийся вынужден был написать заявление об уходе.

Не нравились Сабиту Атаевичу специалисты, переведенные с периферии в Москву и начинающие свою деятельность

с просьб о хорошей квартире в центре, о телефоне и прочих удобствах. Оруджев считал, что он должен сам позаботиться о работнике, когда лично убедится в полезности его труда.

Неординарные приемы

У Оруджева были и свои личные приемы управления, которые строились на сочетании доверия специалистам отрасли, коллегиальности принимавшихся решений и единоличной воли министра. У него существовала четкая система взаимоотношений с руководством страны, республик, областей и других ведомств. Несмотря на то, что даже на первых порах работы он на всех уровнях защищал и отстаивал интересы отрасли, другие руководители к нему относились с пониманием и уважением. В их числе были А. Н. Косыгин, В. Э. Дымшиц, В. И. Долгих, А. К. Картунов, Б. Е. Щербина и многие другие.

Однако много неординарных решений принимал Сабит Атаевич единолично. Некоторые из них сыграли решающую роль в развитии газовой промышленности.

Одно из них связано с освоением Оренбургского газового промысла и строительством завода, работавшего с сернистым газом. Первая очередь этого завода по переработке сернистого газа была запроектирована и построена на оборудовании советского производства. Запустили установку, она проработала короткое время, пока не произошел разрыв аппарата с тяжелыми последствиями. Министр вылетел на аварию и на месте принял решение: пуск завода прекратить, установку демонтировать, а необходимое оборудование закупить за границей.

Это решение было принято без предварительного согласования с правительством, без создания специальной комиссии, что в те времена считалось грубым нарушением. Но Сабит Атаевич добился реализации своего решения. Закупили оборудование, и первую очередь завода в 1974 году уже пустили в эксплуатацию и в этом же году вывели на проектную мощность — 15 миллиардов кубометров по переработке сернистого газа. Страна начала получать газ, конденсат и чистую серу, а также другие продукты.

Второе смелое решение государственной значимости, принадлежащее Оруджеву, связано со строительством двенадцати переходов газопроводов через Куйбышевское водохранилище. До этого Мингазпром и Миннефтегазстрой совместно с проектантами и учеными долго обсуждали маршрут прохождения трассы газопроводов с севера Тюменской области в центр страны. Мнения разошлись принципиально. Мингазпром до-

казывал рациональность прохождения трассы через Куйбышевскую область с переходом через Куйбышевское водохранилище. Миннефтегазстрой считал необходимым вести ее через Оренбургскую область с выходом на Александров Гай.

Специалисты Мингазпрома возражали по той причине, что трасса, проходя через Оренбургскую область, имела на большой протяженности активно коррозионные грунты, что со временем грозило авариями и прекращением поставок газа. Это подтверждал и опыт работы газопроводов в коррозионных грунтах систем Бухара — Урал и Средняя Азия — Центр. Миннефтегазстрой настаивал на своем направлении, мотивируя тем, что там сосредоточена строительная техника — трубоукладчики, бульдозеры и другая техника, которая была задействована на строительстве газопровода Оренбург — Александров Гай. Отказ от переброски ее на новое направление сулил большую экономию средств и времени, чему в те времена придавалось особое значение. Понимая это, заместитель министра Миннефтегазстроя Ю. П. Баталин на одном из совещаний доложил, что с учетом переброски техники и строительства перехода через Куйбышевское водохранилище ввод в строй газопровода придется перенести на год.

Оруджев принял беспрецедентное решение — построить все переходы через Куйбышевское водохранилище (протяженностью более 20 километров каждый) своими силами. Но в Мингазпроме не было необходимых для этого строительных организаций. Сабит Атаевич отдает приказ перебазировать трубоукладочное морское судно из Каспийского моря в Куйбышевское водохранилище. В итоге строительство двенадцати переходов завершается досрочно, дав дорогу потокам тюменского газа по новому направлению на год раньше, чем предлагал Миннефтегазстрой. Это решение было настолько неожиданным и революционным, что ввергло в шок многих специалистов, а затем вызвало бурю одобрительных отзывов.

Методы управления Оруджева сочетали в себе глубокие знания, научный подход и эмоциональные проявления, свойственные его натуре. В. Г. Чирсков вспоминает, что в середине 1960-х годов в Башкирию, в Нефтекамск, где он в то время работал, на проверку прилетел С. А. Оруджев, в то время первый заместитель министра нефтяной промышленности СССР. Тогда старые башкирские месторождения стали постепенно затухать, но появлялись новые, в том числе и Арланское. Нефтекамск был его центром, и обустройством этого промысла и города активно занимались руководители всех уровней. Там находилось нефтепромысловое объединение «Арланнефть», посещение которого и стало целью приезда Сабита Атаевича.

Внимательно изучив организацию учета добычи нефти на новом промысле, Оруджев остался очень недоволен состоянием документации. После обстоятельного разговора с руководством этого промысла на самолете Ан-2 он улетел на Таймазинское месторождение. Там, посмотрев архивы, он обнаружил старую документацию по учету добычи нефти и прихватил ее с собой.

Несколько дней спустя над поселком вновь появился самолет Оруджева. Описав несколько кругов, он снизился и в это время с него был сброшен небольшой сверток. Местные мальчишки быстро нашли посылку, адресованную Лаптеву. Начальника Арланнефти знали все, и вскоре сверток был уже в его кабинете. В нем лежали старые книги учета и записка, написанная рукой Оруджева: «Если ничего лучше придумать не можешь, делай так, как люди раньше изобрели. Даю тебе месяц на устранение недостатков, а затем снова приеду и все основательно проверю».

Этот случай стал известен не только среди руководителей Нефтекамска, но и на других промыслах. В короткие сроки была тщательно и в соответствии с требованиями Сабита Атаевича проверена вся документация нефтедобывающих предприятий Башкирии, сделаны соответствующие выводы, устранены недостатки. А Оруджев, как и обещал, вскоре приехал снова, выборочно проверил документацию на нескольких промыслах и остался доволен.

— Что толку было собирать руководителей и чинить общий разнос, — сказал он. — Этим только людей обидишь. А мне нужно, чтобы они, не обижаясь, грамотно делали свое дело.

В то же время бывали случаи, когда при решении отдельных спорных вопросов, когда ученые и руководители долгое время не могли достичь согласия, Сабит Атаевич решительно вмешивался в дискуссию и лично ставил «точку».

Во второй половине 1970-х годов в Тюменской области начиналась масштабная нефтегазовая эпопея. Большая нефть была найдена на Самотлоре. Самотлор — что-то среднее между озером и болотом: в зимнее время на ряде участков нет проезда из-за незамерзающего торфа, глубина которого достигала 12 метров, летом — из-за воды и жижи. Вполне понятно, что в таких условиях освоить месторождение было очень трудно.

Появилось два варианта решения этой проблемы. Одна группа специалистов, в том числе и сам Сабит Атаевич, считала, что необходимо поднять уровень воды на Самотлоре и организовать подводную добычу нефти, как на Каспийском море. Другие ратовали за осушение болота. Следствием научной дискуссии стало создание двух экспериментальных участков.

И на том участке, где ради осушения спустили воду в речку Вах, стало невозможно ездить даже зимой. Льда не было, машины проваливались в торф...

Дискуссии и поиски путей решения проблемы продолжались достаточно долго, хотя министр нефтяной промышленности Валентин Дмитриевич Шашин, очень настойчивый человек, за ходом дел следил лично. В конце концов все же был принят второй вариант: начались осушение болот и насыпка оснований под буровые.

То, что не восторжествовала идея затопления, видимо, в какой-то мере задевало самолюбие Сабита Атаевича. В этом он видел главную причину медленного освоения Самотлорского месторождения и все время говорил об этом. В то же время он буквально с первых дней начала реализации избранного проекта делал все возможное для его ускорения.

Когда первый вопрос был решен, встал другой, связанный с построением сетки разбуривания. Опять начались научные дискуссии и споры: одни предлагали бурить скважины через 200 метров, другие — через 400. Уже нужно было приступать к работе, а вместо этого все новые проекты ложились на стол Оруджева.

Не вытерпев, Сабит Атаевич лично прибыл на Самотлор и собрал совещание. Даже не выслушав до конца все мнения и доводы специалистов, он вдруг решительно прервал дискуссию.

— Кузоваткин, у тебя есть красный карандаш? — спросил он начальника нефтепромыслового управления.

Взяв карандаш, Оруджев склонился над картой, нанес на нее сетку бурения, расписался, поставил дату и произнес:

— Пусть теперь кто-либо попробует сделать по-другому. Наука закончилась. Делать, как сказал я — Оруджев.

Все поняли, что спорить бессмысленно, если первый заместитель министра лично взял на себя ответственность за принятое решение. Начались работы, в процессе которых произошли некоторые уточнения. Но Самотлор был освоен в запланированные сроки.

Конструктивные решения

Министр ценил коллективный разум, но требовал безусловного выполнения принятых решений, независимо от того, были ли они приняты коллективно или им единолично. В работе на первое место он ставил дисциплину, исполнительность и правдивость. Но исполнительность была на первом месте, и это касалось в первую очередь работников аппарата минис-

терства. Причем требования были одинаковыми как к заместителям министра и членам коллегии, так и к начальникам управлений и отделов.

Уже в 1972 году С. А. Оруджев, по предложению В. А. Динкова, передает главные (первые после газового промысла) компрессорные станции на Украине, в Ставрополе, Краснодаре, Газли в состав объединений по добыче газа. Это позволило руководителям газодобывающих объединений более оперативно влиять на объем добычи газа, который во многом зависел от работы головных компрессорных станций. Положение, введенное в жизнь при Оруджеве, остается в силе и в настоящее время.

В министерстве приступили к созданию новых подразделений по строительству заводов, по изготовлению запасных частей для оборудования промыслов и компрессорных станций, ремонту оборудования, созданию баз комплектации и других производственных подразделений, обеспечивающих потребности эксплуатации.

Министерство по инициативе его руководителя расширило задачи и функции научно-исследовательских и проектных институтов. Позже во всех газовых регионах были созданы научно-исследовательские институты, их филиалы, а также институты по проектированию газовых объектов. Новые научные центры отрасли появились в Узбекистане, Туркмении, Азербайджане, в Тюменской области, Оренбурге и Северном Кавказе.

В 1977 году В. И. Халатин был назначен на должность руководителя Центрального диспетчерского управления (ЦДУ) Мингазпрома СССР. При этом были значительно расширены права и обязанности ЦДУ, вплоть до прогнозирования перспективного развития всей газопроводной системы страны. В его ведение было передано подземное хранение газа и согласование с руководством республик и областей вопросов строительства отводов на магистральных газопроводах. Все это дало возможность грамотно и оперативно, минуя многочисленные согласования внутри министерства, решать вопросы газификации районов страны, обеспечивать добычу, транспорт и надежное газоснабжение во все времена года за счет подземных хранилищ газа и буферных потребителей.

На страже интересов отрасли

У Оруджева была четкая система взаимоотношений с руководством страны, республик, областей, всех ведомств. Даже на первых порах работы он на всех уровнях защищал и отстаивал

интересы отрасли. В. И. Халатин отмечает случай, когда утром 31 декабря 1978 года температура воздуха в Москве была —5 градусов, а к утру 1 января упала до —30 градусов. Похолодало и во многих южных районах европейской части страны, в результате чего резко возрос расход газа. Встала необходимость ограничить потребление «голубого топлива», и начинать приходилось со столицы.

Оруджев с утра праздничного дня находился на своем рабочем месте. Ему доложили о произошедшем, и он тут же позвонил первому секретарю Московского городского комитета партии, члену Политбюро ЦК КПСС Виктору Васильевичу Гришину с просьбой ввести ограничение газопотребления электростанциями Москвы.

— К чему вы призываете?! — возмутился Гришин. — Я не намерен прикрывать ваши промахи и морозить людей.

— Никаких промахов у нас нет, — возразил министр. — Сложилась чрезвычайные обстоятельства. Вы, Виктор Васильевич, как член Президиума Верховного Совета СССР на этот случай сами принимали постановление, и теперь я прошу вас его выполнять. Иначе я сам дам распоряжение о принудительном ограничении города в газе.

Гришин ничего не ответил и положил трубку. Но через полчаса уже начали поступать первые доклады об ограничении потребления газа Москвой. К вечеру того же дня Москва вошла в план газопотребления. А через три дня Сабит Атаевич позвонил Гришину и поблагодарил его за помощь в трудной ситуации.

Вопросы комплектации объектов строительства после разделения министерств всегда вставали с особой остротой. Управление комплектации в аппарате возглавляла Э. Г. Одинцова — крупный специалист, хороший руководитель, с чьим мнением считались в Госнабе СССР и в комплекующих министерствах. Она умела себя вести и держать слово. Министр Оруджев часто участвовал в совещаниях у председателя Госнаба СССР В. Э. Дымщица, который почти всегда защищал строителей в их требованиях по своевременной постановке оборудования на газовые объекты.

При строительстве четвертой нитки газопровода Средняя Азия — Центр из труб диаметром 1420 миллиметров не поступили в нужном количестве импортные краны. Создалось положение, требовавшее принятия неотложных решений. Э. Г. Одинцова предложила монтировать краны на большом расстоянии друг от друга, что было чревато тяжелыми последствиями в случае аварии. На это В. И. Халатин согласия не дал. Тогда она обратилась непосредственно к Оруджеву.

Министр вызвал Халатина и предложил решить этот вопрос положительно, но тот снова отказался. На другой день выходит распоряжение министра устанавливать краны исходя из наличия, а по прибытии смонтировать по проекту. Так был достигнут компромисс двух решений одной проблемы, ответственность за которую министр взял на себя лично. Газопровод был введен в эксплуатацию в срок, а затем в течение примерно пяти лет краны установили по проекту.

На всех этапах работы Мингазпрома министр очень внимательно относился к выполнению плана обеспечения газом потребителей. Центральное диспетчерское управление через свои территориальные филиалы вело ежедневный учет поставки газа коммунально-бытовым потребителям, поименно предприятиям черной и цветной металлургии, производства стройматериалов, Минэнерго СССР. К сожалению, многие из этих предприятий часто нарушали дисциплину газопотребления, что создавало дополнительные трудности в работе Министерства газовой промышленности.

Истина рождалась в спорах

Сабит Атаевич Оруджев умел перспективно мыслить и ценил это качество в других работниках. Нередко, будучи резким и несговорчивым в мелочах, он становился терпеливым слушателем различных мнений, когда решалась большая и сложная проблема, значимая в масштабах всей страны. Тогда он забывал о ведомственных интересах и личных амбициях и становился на сторону того, кого считал правым и более полезным общему делу. Даже в самом жарком споре, как правило, побеждала логика. В доказательство этого Юрий Петрович Баталин приводит такой пример.

В конце 1970-х годов остро встал вопрос о маршруте строительства «экспортного» газопровода от Уренгоя к западной границе СССР. Одни предлагали строить его по северному маршруту: Уренгой — Ухта — Торжок — Минск — госграница, другие — по южному: Уренгой — Урал — Центр — госграница. Северный маршрут был несколько короче, дешевле и обходил стороной основных внутренних потребителей, что особенно привлекало Госплан, нацеленный прежде всего на валютные поступления. Южный маршрут хотя и был длиннее и дороже, но давал отрасли неоспоримые стратегические преимущества. Кроме западноевропейских он был ориентирован также и на отечественных потребителей. Отпадала необходимость в двух перебазировках, на каждую из которых требова-

лось не менее полугода. Были и другие причины технического характера, понятные специалистам, но с которыми мало считались в Госплане.

Сам Баталин был ярким сторонником южного варианта, но пока он «мотался» по тюменским трассам, в Госплане было подписано решение о прокладке газопровода по северному маршруту. Этот документ был одобрен Мингазпромом, и уже началась подготовка к его реализации.

Вернувшись из командировки, Юрий Петрович, посоветовавшись с Щербиной и другими ведущими специалистами Миннефтегазстроя, решил вмешаться в это дело. При этом он прекрасно понимал всю сложность: нужно было доказывать и переубеждать многих людей, многие из которых, приняв решение, морально не были готовы от него отказаться.

Первым делом Баталин направился к Василию Александровичу Динкову и изложил ему все свои доводы. Динков с ними согласился, но заметил, что дело зашло слишком далеко, чтобы его менять столь коренным образом.

— Нужно посоветоваться с Оруджевым, — сказал он.

Пошли к министру. Сабит Атаевич внимательно выслушал соображения Баталина, задал ряд вопросов, проявив при этом хорошее понимание проблемы. Баталин отвечал обстоятельно.

— А тебя, Василий Александрович, Баталин убедил? — спросил Оруджев у Динкова. Было видно, как трудно Динкову, косвенно причастному к принятию прежнего решения, менять свое мнение. Не прошло это и мимо внимания министра.

— Успокойтесь, Василий Александрович, — обратился Оруджев к своему заместителю. — Теперь мне ясно, что подписать данный документ действительно поторопились. Но, как известно, окончательное решение пока не принято, в план стройка не включена. Поэтому изменить все еще не поздно. И хорошо, что вы, а не кто-то другой, подняли этот вопрос.

Оруджев тут же позвонил Байбакову и коротко доложил вопрос. Затем все вместе, Оруджев, Динков и Баталин, составили и подписали общую записку. Позднее к их подписям прибавилась и подпись Щербины. Записка была направлена «наверх», и южный вариант стал реальностью.

Сабит Атаевич был человеком с перманентным мышлением, способным преодолеть «зацикленность» на какой-то идее при наличии веских доказательств ее неправильности.

Однажды Александр Дмитриевич Седых стал не просто свидетелем, а непосредственным участником одного из таких случаев.

Все началось с того, что ему было поручено возглавить комиссию, результатом работы которой должно было стать повышение на 10 миллионов кубометров в сутки подачи газа с высоким содержанием сероводорода из Оренбургского газового промысла на местный газоперерабатывающий завод. Сабит Атаевич был настолько уверен в возможности этого, что даже запретил комиссии возвращаться без успешного решения проблемы. Но, изучив вопрос на месте, члены комиссии пришли к отрицательному решению, с чем и вернулись в Москву.

Узнав об этом, Оруджев был сильно рассержен. Просмотрев протокол заключения, подписанный всеми членами комиссии, он сказал Седых:

— За такими результатами я мог бы послать менее опытного человека, чем вы. Жаль, доверив дело вам, я только зря потерял время. Теперь мне придется лично показать вам, как следует вырабатывать правильные решения. Правда, после этого нам вместе больше работать не придется. Готовьтесь к переводу в другое место...

Александр Дмитриевич не чувствовал за собой вины, так как был уверен, что комиссия качественно выполнила порученную работу. Но он, конечно, не знал, что о проекте Оруджева уже известно Косыгину, который также был сторонником повышения производительности в добыче и транспортировке газа. В то время это было одним из направлений экономической политики страны, проведение в жизнь которого контролировалось на самом высшем уровне. Конкретный случай по ряду технических причин не вписывался в большую общую программу, но министр газовой промышленности не хотел признаваться главе правительства в своей ошибке, считая, что ошибся его подчиненный.

Оставалось только доказать это. Сабит Атаевич подобрал группу из известных ему по прежней работе специалистов, которые хорошо знали проблему взаимодействия сероводородо-содержащих газов с металлом. Им объяснили суть вопроса, ознакомили с отчетом работы нашей комиссии. При этом не скрывалось, что министр ждет положительных выводов. С таким настроением новая комиссия снова направилась в Оренбург.

Однако заключения и этой комиссии для Оруджева были неутешительными. Министр лично проводил новое совещание. Оно длилось более трех часов и закончилось тем, что ни один из приглашенных специалистов не поддержал Оруджева. Более того, все дружно высказались против немедленной реализации его проекта.

Сабит Атаевич был ошеломлен столь категоричной позицией ученых. Он не мог себе даже представить, чтобы министр-

ру не пошел навстречу ни один специалист. Но угроза безопасности целого промышленного комплекса не допускала компромиссов, и это стало решающим аргументом в научном споре. Все выступили в пользу того заключения, которое было выработано нашей комиссией.

Седых сильно переживал случившееся. Видя отношение Оруджева к решаемому вопросу, он после окончания первого совещания продолжал поиски положительного решения данной проблемы. До начала второго совещания он переговорил со многими его участниками и просил их поддержать хотя бы саму идею Сабита Атаевича, с тем чтобы позже все же найти возможности для ее реализации. Но лично ему не хотелось конфликтовать с министром, проще было уйти на другую работу, и Александр Дмитриевич даже начал осторожно готовить для этого почву.

После окончания совещания, когда гости разошлись, он подошел к министру и спросил:

— Где мне теперь работать?

Оруджев некоторое время внимательно смотрел ему в глаза, а затем сказал:

— Мы, Александр Дмитриевич, будем вместе работать! В нашем деле неизбежны просчеты на любом уровне. Это хорошо, что вы смогли обнаружить их в самом начале, а еще лучше то, что настояли на своем решении.

Так решилась судьба многих других людей, которые доказывали Сабиту Атаевичу правоту своих мнений или решений. Он всегда мог подняться выше собственных амбиций, если видел, что от этого выиграет дело.

Оруджев требовал, чтобы к каждому заседанию коллегии все ее члены хорошо готовились. Кроме того, он очень не любил, когда во время обсуждения каких-либо вопросов кто-то отвлекался. Заметив такого, Сабит Атаевич мог поднять его с места и сказать:

— Ты приготовься, следующим заслушаем твой доклад. А то я вижу, что у тебя рот не закрывается. Тебе, как видно, надо выговориться или есть что нам всем сказать.

— Но сегодня нет моего вопроса, — пытался оправдаться провинившийся.

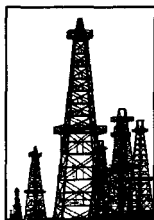
— Тогда расскажешь что-нибудь другое, — продолжал Оруджев. — Например, про жизнь свою или хороший анекдот. А мы тебя послушаем и, может быть, примем нужное решение в интересах всей нашей отрасли.

Провинившегося приглашали на трибуну, и горе было тому, кто даже в таком экстремальном случае не мог четко доложить проблему по работе своего управления или сформулиро-

вать какие-либо другие выводы по теме основного доклада. Сабит Атаевич задавал наводящие вопросы, и никому не хотелось выглядеть со стороны всеобщим посмешищем. Этот прием срабатывал безоговорочно, дисциплинировал слушателей, помогал добиться полного их внимания к произносимым докладам, требовал постоянной готовности к выступлениям. В результате этого каждая коллегия постепенно превращалась в чуткий и действенный орган управления отраслью, на которой не только ставились, но и решались многие важные вопросы.

Таким образом, Оруджев смог за годы своего руководства Министерством газовой промышленности осуществить реформирование органов управления отраслью, поднять ее авторитет на государственном уровне и добиться того, чтобы каждый работник болел за интересы своего дела. Его стиль и неординарные приемы управления позволяли принимать многие неординарные решения и добиваться их реализации. Безусловно, большая заслуга в этом была самого Сабита Атаевича и тех людей, которые в то время возглавляли Совет министров СССР и другие высшие органы государственной власти.

Часть третья
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ФАКТОР

Глава первая
НА УРОВНЕ СОВМИНА СССР

Феномен Алексея Косыгина

Процесс развития экономики Советского государства в 1960—1970-е годы был неразрывно связан с именем председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, который, обладая глубокими знаниями, исключительными организаторскими качествами и огромным опытом руководящей работы, делал все возможное, чтобы обеспечить нарастание в ней позитивных тенденций. По его требованию ежегодно перед страной ставились емкие задачи, и он добивался их выполнения. Год от года в Советском Союзе вводились в строй новые заводы, фабрики, электростанции, нефтяные и газовые месторождения, прокладывались магистральные трубопроводы...

Безусловно, это была заслуга не только Косыгина. Над решением этих задач под его руководством работали десятки министерств, трудились миллионы людей. Но Алексей Николаевич решал, куда и как направлять основные ресурсы и трудовые потоки. Поэтому работа и отношения Косыгина с каждым из подчиненных ему министров заслуживают особого изучения и описания.

В процессе работы в Госплане СССР, Министерстве нефтяной промышленности СССР и Министерстве газовой промышленности СССР у С. А. Оруджева с А. Н. Косыгиным сложились особые, не только деловые, но и доверительно-дружеские отношения. Сабит Атаевич мог высказать Косыгину свое личное мнение по актуальному вопросу, а при необходимости и выразить несогласие с главой правительства по отдельным позициям. Алексей Николаевич, как правило, прислушивался к его мнению и делал нужные выводы.

Правда, по свидетельству коллег, обращения Оруджева к руководству страны, как правило, были следствием каких-либо чрезвычайных обстоятельств. В частности, когда на одной из компрессорных станций возник пожар, Оруджев приказал С. Р. Дерезову немедленно выехать в Англию для закупки оборудования взамен сгоревшего. Организовать такую команди-

ровку было в то время очень непросто. Нужно было прежде получить разрешения и пройти несколько инстанций, что занимало много времени.

Но время не могло ждать. Сабит Атаевич позвонил непосредственно Алексею Николаевичу Косыгину, изложил ему суть проблемы и попросил содействия в ее решении. Косыгин хорошо знал, что министр газовой промышленности не станет его беспокоить по пустякам, немедленно дал распоряжение министру иностранных дел СССР Андрею Андреевичу Громыко, и уже через несколько часов Дерезов получил из МИДа загранпаспорт и все необходимые документы для ведения переговоров. Благодаря вмешательству высоких должностных лиц проблема была решена оперативно и вскоре сгоревшая компрессорная станция была восстановлена.

Со временем отношения между А. Н. Косыгиным и С. А. Оруджевым становились все более и более теплыми. Не редкими были случаи, когда их разговоры выходили за рамки сугубо официальных отношений, приобретая дружеский оттенок. Р. С. Дерезов вспоминает, как случайно стал свидетелем такого разговора.

В то время за окном стояла холодная зима, требования к газовикам были большие и сыпались они отовсюду, в том числе и из самих верхов. Оруджев старался всячески успокоить звонивших в том, что перебоев с газом не будет. Заверил он в этом и Алексея Николаевича, заявив, что отрасль сделает все возможное, чтобы удовлетворить потребности страны. Но под конец беседы он не выдержал и пошутил:

— Я предлагаю на зиму назначать двух министров газовой промышленности: один из них отвечал бы на постоянные звонки высоких должностных лиц, требующих увеличить поставки газа в какие-либо города или на предприятия, а другой бы в это время руководил отраслью, чтобы добиться от нее добычи и поставки необходимых объемов газа. Одному человеку одновременно это делать очень трудно. Но летом, когда потребность в газе резко снижается, с делами может справиться и один человек. Вот и ходили бы эти два министра в отпуск по очереди. И им хорошо, и дело бы не страдало...

Свидетелем подобного случая стал и А. Д. Седых, который по своей должности довольно часто и плотно общался с министром газовой промышленности СССР. Когда он по служебным делам находился в кабинете министра, Оруджеву позвонил Косыгин. Сабит Атаевич, выслушав, что ему было сказано, к удивлению Седых, начал упрекать Алексея Николаевича, говоря, что накануне тот очень плохо провел заседание Совета министров.

— Лучше бы вы его не проводили, — сказал он. — Таким заседанием вы не решили ни одной проблемы, а только дезорганизовали работников.

Когда Косыгин постарался уяснить, в чем его обвиняют, Сабит Атаевич ответил, что вместо выслушивания успокоительных хвалебных речей следовало присутствовавшим министрам нацелить на решение новых задач, и прежде всего связанных со строительством нового газопровода.

— Все министры уходили после совещания довольные, кроме меня, — констатировал он. — Но, Алексей Николаевич, вы вспомните мои слова на следующий год, когда все они начнут жаловаться на нехватку газа. С кого тогда будет спрос? Или вы сядете в моем кабинете и ответите на все поступающие претензии? Кому как не вам известно, что такой вопрос, как строительство нового газопровода, не решается одним днем и одним министерством. Обо всем нужно думать заранее и ставить объемные перспективные задачи всем исполнителям. А вы ограничились заслушиванием парадных отчетов о проделанной ранее работе, и ни одной задачи на будущее. Такой подход только ослабил людей вместо того, чтобы мобилизовать их на работу.

Косыгин внимательно выслушал строптивного министра и согласился с его предложением подготовить соответствующее постановление.

— Слышали? — завершив телефонный разговор, спросил у Седых Оруджев довольным тоном. — Вот для этого я и пригласил вас к себе. Немедленно займитесь подготовкой проекта такого постановления.

Хорошо обдумав все, что видел и слышал, Седых пришел к убеждению, что готовясь к разговору с Косыгиным, Сабит Атаевич заранее был уверен в его результате.

Вскоре после этого Оруджев добился того, чтобы Алексей Николаевич Косыгин лично провел совещание в Министерстве газовой промышленности с целью рассмотрения основных проблем отрасли. И небывалый случай — Косыгин приезжает в министерство. Он формулирует задачи и тут же называет пути их решения. В результате получается так, что Косыгин также становится ответственным за выполнение другими министерствами тех мероприятий, которые должны быть проведены в интересах газовой отрасли.

Эффект достигается весьма результативный: усилилось финансирование, принимались решения по закупке нового строительного оборудования, изоляционных материалов, которые не выпускались отечественной промышленностью. В небывало короткий срок предприятия Минтяжмаша, Минэнергомаша, Минатоммаша, Минавиапрома, Минсудпрома, внешнеторго-

вые объединения выполняют заказы Мингазпрома, который по статусу приравнивается к оборонному. Они создают сотни образцов нового технологического оборудования, использование которого позволяло в отдельные годы строить по 10—12 тысяч километров магистральных газопроводов и отводов от них, новые промыслы с годовой производительностью до 50 миллиардов кубометров газа, компрессорные станции.

У Оруджева был один особый прием, который он применял в отношениях со старшими руководителями, когда хотел от них добиться положительного решения какого-либо вопроса. Он приглашал их приехать в министерство и присутствовать на заседании коллегии. Оторванные от своих кабинетов, окруженные специалистами и поставленные перед необходимостью отвечать на конкретные вопросы чиновники самого высокого ранга становились доступнее и стоворчивее. Таким образом, Сабит Атаевич навязывал им «игру на своем поле», что способствовало оперативному решению многих проблем отрасли.

В то же время в отношениях между А. Н. Косыгиным и С. А. Оруджевым были и другие моменты. В. Г. Чирсков вспоминал, как в начале 1976 года в Тюмень прилетел А. Н. Косыгин, которого от Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности сопровождали Б. Е. Щербина и он сам, от Министерства газовой промышленности — С. А. Оруджев и несколько ответственных работников этой отрасли.

После посещения Тюменского завода блочных конструкций Алексей Николаевич, который в свое время работал в текстильной промышленности, поехал на местный камвольный комбинат, предоставив возможность строителям и газовикам посетить подчиненные им объединения. Щербина и Чирсков направились в свой главк, а Оруджев — в свой. Но так как дальше правительственная делегация направлялась в Оренбург и до вылета оставалось мало времени, то было организовано радиооповещение о передвижении Косыгина, чтобы никому не опоздать.

Как оказалось, мера эта была не лишней. Алексей Николаевич не очень долго задержался на текстильном комбинате и направился в аэропорт. Щербина и Чирсков, предупредив по телефону Оруджева, поспешили туда же и успели с большим трудом. А Сабит Атаевич опоздал, приехав на аэродром, когда уже убрали трап от самолета.

В то время происходило интенсивное освоение оренбургского газового месторождения, и, естественно, у Косыгина к Оруджеву было множество вопросов. Но к счастью, у председателя Совета министров в Оренбурге были и другие вопросы,

адресованные первому секретарю Оренбургского обкома ЦК КПСС. Поэтому Косыгин сразу же после прибытия поехал в областной комитет партии, где и провел более часа.

Это и спасло Сабита Атаевича. Вылетев на втором самолете и прибыв в Оренбург немного позже, чем Косыгин, Оруджев сразу же поехал на газоперерабатывающий завод, который должен был посетить и председатель Совета министров. Там он и встретил Косыгина со словами: «Алексей Николаевич, а я уже давно вас здесь жду». Тот конечно же знал об опоздании министра газовой промышленности на самолет, но ничего не сказал ему по этому поводу, отдавая должное находчивости Сабита Атаевича. Кроме того, состоянием газоперерабатывающего завода и планами по его развитию после знакомства с делами на месте он остался очень доволен.

Н. И. Белый вспоминал, как однажды, вернувшись после очередного заседания правительства, Оруджев рассказывал, что, пытаясь «протолкнуть» какой-то вопрос, при докладе повысил голос. На это последовала реплика Косыгина: «Говоришь громко, но неубедительно. Прежде, чем повышать голос, нужно детально разобраться во всех вопросах».

Взаимоотношения Сабита Атаевича с непосредственным куратором отрасли, заместителем председателя Совета министров СССР Вениамином Эммануиловичем Дымшицем были сложными. Дымшиц, будучи крупным специалистом в области строительства и материально-технического обеспечения народного хозяйства, естественно, не мог знать всех деталей в газовой отрасли, но любил вмешиваться в мелочи. Оруджева это злило, и он немедленно возражал.

Однажды на заседании Совета министров СССР рассматривался план по добыче газа на очередной год. Цифру, которую защищал Мингазпром СССР, А. Н. Косыгин увеличил на 1 миллиард кубометров газа. Оруджев был вынужден согласиться. После чего В. Э. Дымшиц заметил, что план следует увеличить еще на 1 миллиард кубометров. В ответ последовало категорическое заявление министра: «Алексей Николаевич, вы назначьте Вениамина Эммануиловича Дымшица министром газовой промышленности. Уверен, он этот план и без добавки не выполнит». Тогда Алексей Николаевич поддержал Оруджева, а не своего первого заместителя.

Отставка Косыгина

Во второй половине 1970-х годов положение председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина стало крайне сложным, и в конце этого десятилетия он был вы-

нужден уйти в отставку. Его отставка была вызвана двумя факторами: во-первых, плохим состоянием здоровья; во-вторых, разногласиями с некоторыми членами Политбюро. Последнее также имело свою историю.

К середине 1970-х годов А. Н. Косыгин и группа его сторонников в Правительстве СССР (заместитель председателя Совета министров СССР К. Ф. Катушев, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков, первый секретарь ЦК КП Белоруссии и член Политбюро ЦК КПСС П. М. Машеров) начали понимать, что политика, проводимая КПСС в области социалистической интеграции, во многом ущербна для самого СССР. Получалось так — Советский Союз своими мощностями поднимал экономику стран СЭВ, которые, благодаря этому, основные свои усилия направляли на производство средств потребления для собственного народа. В результате этого быстро обозначился существенный разрыв уровней жизни населения СССР и братских стран, а их доля в развитии базовой промышленности в рамках СЭВ была неоправданно мала.

Алексей Николаевич Косыгин со своим первым заместителем — руководителем советской делегации в СЭВ Константином Федоровичем Катушевым подготовили проект постепенного реформирования СЭВ, предусматривающий, в частности, поэтапную отмену завышенных цен на восточноевропейские товары и низких, по сути, символических цен на советский экспорт в Восточную Европу.

Косыгинцы также предлагали расширение рамок СЭВ с изменениями в его уставе для вхождения в него Югославии, других политически влиятельных и экономически развитых государств — членов движения неприсоединения. Как утверждал Алексей Николаевич, «это перспективный рынок для всех стран — членов СЭВ, не говоря уже о политических преимуществах взаимодействия с движением неприсоединения».

Однако тогда это не понравилось очень многим руководителям «дружеских» государств и партий. Лавиной в Москву полетели делегации и письма, предупреждающие о возможном ослаблении влияния КПСС на развитие политических тенденций в Европе. В самом Советском Союзе косыгинские идеи не поддерживали брежневцы, считавшие приоритетным военно-политическое сотрудничество с просоветскими режимами в бедных развивающихся странах.

Ошибки брежневского руководства начали ощущаться после ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года, когда ряд «дружественных» стран социалистического лагеря высказал негативное отношение к этому акту. В то же время война в Афганистане сразу же потребовала от СССР новых

больших инвестиций, которые приходилось изымать из экономики собственного государства. Это неизбежно приводило к замораживанию ряда перспективных проектов.

В сентябре 1980 года Косыгин направил в адрес Брежнева и Суслова письмо. Он утверждал, что проводимая со второй половины 1970-х годов социально-экономическая и внешне-торговая — почти исключительно экспортно-сырьевая — политика государства вскоре приведет его к катастрофе, к распаду СЭВа и, возможно, к развалу самого Советского Союза. Резко осуждалось Косыгиным и вторжение в Афганистан. По его мнению, это решение было «непродуманное, авантюрное, лишенное надежной политической и экономической базы, а поэтому дискредитирующее СССР, усугубляющее конфронтацию с Китаем и Албанией...». Резюме премьеры было однозначным: «В сложившихся условиях, в отсутствие коллективного понимания ситуации и тенденций ее развития, я прошу освободить меня от должности председателя Совета министров СССР».

Случилось так, что информация об этом письме каким-то образом вырвалась за пределы кремлевских коридоров. Письмо Косыгина Брежневу и Суслову неоднократно цитировалось в западных, а также югославских, китайских, албанских, да и в эмигрантских средствах массовой информации. Советская сторона хранила традиционное молчание, не подтверждая существования этого письма (его официальная публикация появилась только в 1988 году).

Однако реакция последовала незамедлительно. 22 октября 1980 года Суслов зачитывал на сессии Верховного Совета СССР косыгинскую просьбу об отставке. Вполне понятно, что она была принята. А через месяц после этого А. Н. Косыгина не стало: по свидетельствам очевидцев, он скончался сразу после первого блюда в подмосковном пансионате.

С похоронами А. Н. Косыгина, тело которого быстро перевезли в Москву, также было связано много кривотолков. Прощание с Алексеем Николаевичем проходило не в Колонном зале Дома союзов, а в Центральном доме Вооруженных сил СССР. Иностранным делегациям было отказано в участии в траурных мероприятиях. Свободного доступа к праху Косыгина не было: все пути между станцией метро «Новослободская» и Театром Советской армии, вблизи которого расположен ЦДВС, перегородили конная милиция и кордоны сотрудников органов внутренних дел. Траур длился всего два дня, после чего тело Косыгина кремировали, что не требовало установки бюста на могиле у Кремлевской стены.

В 1977—1981 годах «скоропостижно скончались» косыгинские единомышленники и выдвиженцы Кулаков и Машеров.

Первый неожиданно умер от «сердечной недостаточности», второй погиб в результате автомобильной аварии.

На последнем году работы А. Н. Косыгина в должности председателя Совета министров СССР его отношения с С. А. Оруджев были особенно теплыми и конструктивными. Результатом этих отношений стало присвоение Сабиту Атаевичу звания Героя Социалистического Труда за успехи в руководстве газовой отрасли.

По воспоминаниям помощника министра Н. И. Белого, это «награждение также не обошлось без курьеза, о чем мне однажды поведал сам Оруджев. Когда предложение дошло до члена политбюро М. А. Суслова, тот порекомендовал приурочить присвоение звания к 70-летию Сабита Атаевича, до которого оставалось еще два года. На это предложение Алексей Николаевич ответил, что звание Героя нужно присваивать за конкретные заслуги, а к 70-летию лучше направить юбиляру теплое сердечное поздравление».

Тогда мнение Косыгина было учтено.

Сабит Атаевич, который долгие годы был близок к А. Н. Косыгину, видел и сильно переживал те неурядицы, которые происходили между Советом министров и Политбюро ЦК КПСС в конце 1970-х годов. Он видел, как бывает тяжело Алексею Николаевичу решать на высшем уровне отдельные вопросы, в которых экономика тесно переплеталась с политикой. Нередко в этом случае побеждали коммунистические идеологи даже в ущерб вопросам, связанным с развитием народного хозяйства.

В то же время Косыгин был слишком опытным политиком, чтобы как-либо высказывать свои несогласия с другими членами политбюро. Он упорно искал другие пути решения возникавших проблем. Это выражалось в частых совещаниях и поездках главы правительства по различным регионам, в том числе и нефтегазовым. Сабит Атаевич непременно сопровождал его во время таких поездок, отвечал на множество возникающих вопросов, видел стиль руководства Косыгина, часто имел возможность пообщаться с ним лично в неофициальной обстановке.

В то время стремительно развивающаяся отечественная газовая промышленность во многом была замкнута на экспорт советского газа и поступление комплектующих из-за рубежа. При этом Оруджев прекрасно знал, кому и сколько газа поставляется, от кого и по какой цене отрасль получает необходимые ей комплектующие. Соотношение этих величин, особенно внутри стран Совета экономической взаимопомощи, было далеко не самым рациональным.

Оруджев очень тяжело переживал отставку и уход из жизни Алексея Николаевича. По свидетельству хорошо знавших его людей, в эти месяцы он был необычно задумчивым и даже каким-то напряженным. В одной из бесед с Байбаковым, которая состоялась вскоре после похорон Косыгина, Сабит Атаевич, в частности, сказал:

«Катушев и Косыгин часто называли такое сотрудничество ущербным и неокOLONиальным, дискредитирующим подлинную социалистическую интеграцию. Когда, например, эта проблема обсуждалась на исполкоме СЭВа в 1975-м, Косыгин поддержал позицию Чаушеску, выступившего за продолжение практики второй половины сороковых — первой половины пятидесятых годов — то есть за долгосрочное развитие базовых, а затем и других отраслей экономики во всех социалистических странах. Тогда все поняли, что в высшем советском руководстве, по крайней мере, по вопросам политики в отношении стран — членов СЭВ, появилась глубокая трещина. На мой взгляд, Брежнев и его сторонники не простили Косыгину его “вольномудства”. Его опала была предreshена».

Николай Тихонов

Новым председателем Совета министров СССР становится 75-летний Николай Александрович Тихонов, который до этого был одним из ближайших соратников Леонида Ильича Брежнева.

Он родился в 1905 году. Многие годы его жизни были связаны с Днепропетровском. Там он до войны окончил техникум путей сообщения, а затем металлургический институт, работал на ряде заводов Днепропетровской области. Активно занимался производственной и научной деятельностью. В 1943 и 1951 годах он стал лауреатом Государственной премии СССР, в 1961 году получил степень доктора технических наук. В 1957—1960 годах был председателем областного Совета народного хозяйства.

Реальный шаг к премьерству Николай Александрович сделал осенью 1976 года, когда тогдашний председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин медленно и трудно отходил от последствий неудачного катания на байдарке-одиночке. Косыгин серьезно заболел, кто-то сознательно пустил в ход и раздувал слухи о том, что после выхода из больницы он уже якобы не сможет выполнять обязанностей председателя Совета министров. Тогда на пост первого заместителя председателя Совмина и был назначен Н. А. Тихонов.

Некоторые детали тех событий уточнил в своей книге академик Евгений Иванович Чазов, который свидетельствовал: «Он (Брежнев. — *В. Р., А. С.*) и не скрывал своих планов поставить вместо Косыгина близкого ему Тихонова, с которым работал еще в Днепропетровске. Косыгин находился еще в больнице, когда 2 сентября 1976 года появился указ о назначении Тихонова первым заместителем Предсовмина СССР, и он начал руководить Совмином, хотя продолжил работать другой первый заместитель, к тому же член политбюро, — *К. Т. Мазуров*»¹.

На пост председателя Совета министров СССР Тихонов был назначен 23 октября 1980 года. Надо отдать должное этому человеку. К тому времени он два десятилетия проработал в структурах Совмина и Госплана СССР и достаточно хорошо знал все тонкости управления экономикой огромного Советского государства.

На посту главы правительства Николай Александрович провел пять лет. За это время он принял участие в решении многих народно-хозяйственных задач, поставил свою подпись под множеством важнейших документов, произнес множество речей.

Однако самым главным выступлением периода его премьерства стал доклад на XXVI съезде КПСС, сделанный 27 февраля 1981 года. Именно он озвучил «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», которые, по сути, стали последним программным документом развития советской экономики, но которым уже не суждено было сбыться.

Тем не менее Н. А. Тихонов стал первым из глав союзного правительства, кому выпало на долю воплощать в жизнь идеи курса ускорения социально-экономического развития страны, провозглашенные М. С. Горбачевым. В мае 1985 года он отметил свое восьмидесятилетие, а через четыре месяца его ждала отставка. Горбачев заменил премьера застойных времен молодым энергичным Н. И. Рыжковым.

Уходил Тихонов из большой политики, как это было принято в то время, «по состоянию здоровья». В газетах сообщалось, что 27 сентября 1985 года в Кремле состоялось под председательством А. А. Громыко заседание Президиума Верховного Совета СССР. На нем было оглашено письмо Тихонова, в котором, в частности, говорилось: «Дорогой Михаил Сергеевич! В последнее время у меня значительно ухудшилось состояние здоровья. Консилиум врачей настоятельно ставит вопрос о прекращении моей активной работы и, следовательно, о вы-

¹ См.: *Чазов Е. И.* Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля. М., 2012.

ходе на пенсию. Как мне ни трудно обращаться к Вам с такой просьбой, вынужден просить Вас, Михаил Сергеевич, Политбюро перевести меня на пенсию по состоянию здоровья».

В официальных сообщениях о заседании Президиума Верховного Совета говорилось: «Обсудив это заявление, Президиум Верховного Совета СССР отметил крупный вклад товарища Тихонова Н. А. в дело управления экономическим и социально-культурным развитием страны, его большие заслуги перед партией и государством. Принято решение удовлетворить просьбу товарища Тихонова Н. А. об освобождении его от обязанностей председателя Совета Министров СССР».

После этого Николай Александрович прожил еще 12 лет. Он тихо скончался 1 июня 1997 года, и официальные российские власти «скромно» умолчали об этом.

Оруджев, который достаточно близок был к Косыгину, к назначению Тихонова на пост председателя Совета министров СССР, то есть своего непосредственного начальника, отнесся достаточно болезненно. Правда, проработали они вместе недолго. К тому времени Сабит Атаевич уже часто болел, и основные его силы уходили на завершение выполнения плана 1980 года и подготовку к разработке предложений по отрасли на новый пятилетний план. Кроме того, Николай Александрович, хорошо знавший об отношениях Оруджева с Косыгиным и Байбаковым, о его работе в качестве министра газовой промышленности СССР, также предпочитал в начальный период своей работы в качестве председателя Совета министров СССР как можно реже лично вторгаться в работу Оруджева. Он ограничивался периодическим заслушиванием его на заседаниях Совета министров СССР и лишь иногда тревожил телефонными звонками по неотложным вопросам.

Тем не менее нужно отметить, что со сменой руководства Совета министров СССР сложившаяся годами взаимосвязь Косыгин — Байбаков — Оруджев была частично нарушена. Перед страной, которая неудержимо втягивалась в новый виток большой мировой политики, всплывали все новые и новые политические задачи, под давлением которых экономика постепенно отходила на второй план. Война в Афганистане, события в Польше, идеи разоружения — все это требовало новых подходов и нового мышления, к которому не были готовы ни Л. И. Брежнев, ни Н. А. Тихонов, ни их ближайшее окружение. Страна по инерции продолжала двигаться ранее намеченным курсом, совершая отдельные трудовые подвиги во многих отраслях народного хозяйства, но с каждым месяцем это движение становилось все медленнее, пока в конечном счете не зашло в тупик, который в последующем назовут застоём.

Но газовикам и строителям в то время застой еще не грозил. Эти отрасли развивались динамично, с большой перспективой и их руководители С. А. Оруджев и Б. Е. Щербина хорошо знали об этом. Поэтому главной задачей Сабита Атаевича в конце 1980-х годов было укрепление газовой отрасли и поддержание позитивной динамики ее развития.

Глава вторая

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Верблюды на буровой

Практически сразу же после назначения на пост министра Сабит Атаевич Оруджев начал интересоваться, в каких условиях живут и работают газовики. По его заданию весной 1973 года В. И. Халатин совместно с начальником управления «Саратовтрансгаз» В. Н. Костюниным и главным инженером этого управления Ю. Д. Лебедевым-Цветковым, а также главным инженером управления «Средазтрансгаз» Ф. С. Афлятоновым посетили все компрессорные станции на участке от Саратова до Сазыкина и ознакомились с работой и жизнью обслуживающего их персонала. По окончании командировки Халатин представил министру подробный отчет о положении дел на газопроводе Средняя Азия — Центр. По этой докладной министр поручил подготовить предложения своим заместителям, членам коллегии, начальникам некоторых управлений. На состоявшемся совещании Оруджев сказал, что нельзя без улучшения бытовых условий работников говорить о повышении эффективности работы компрессорных станций на этой системе газопроводов.

— Подумайте только, в каких условиях работают эти люди. Купить нечего, пойти некуда. Вокруг пыль да соль. А ведь они не каторжане, — констатировал он. — Нужно приложить максимум усилий для того, чтобы улучшить бытовые условия газовиков и их семей.

Вскоре после этого совещания был принят ряд небывалых мер: закуплены мебель, телевизоры и холодильники в квартиры работников с минимальной арендной платой, сами квартиры оборудовали кондиционерами.

Другой сотрудник вспоминает, как во время поездки по трассе газопровода Бухара — Урал в жарких степях Каракалпакии министерский кортеж наткнулся на строителей, работающих недалеко от вагончиков.

Из вагончика вышла женщина и, увидев руководителей, но не зная их рангов, начала жаловаться, что молоко на жаре скисает и детей кормить нечем. Позже выяснилось, что привозимое издалека молоко на жаре делалось совершенно негодным к употреблению.

Сабит Атаевич распорядился выделить строителям десять оренбургских коров, приспособленных к жаре и пескам. Женщины доили этих коров и обеспечивали детей и свои семьи молоком.

Решая бытовые проблемы, министр не ставил вопрос, будет ли это экономически выгодно. Он ставил нужды людей выше материальных затрат.

Отвечая на запросы рабочих, Оруджев выделил на бригаду буровиков из шести человек по повару. И это нововведение возымело действие: бригада была обеспечена хорошим питанием, люди лучше чувствовали себя на рабочем месте, меньше болели. Позже по просьбе рабочих в их распоряжение выделили верблюдов. Они спокойно паслись в степях, уходя и возвращаясь на свое пастбище. Из верблюжьего молока изготавливали прекрасный напиток, утоляющий жажду, который местные жители называли «чал». Кроме того, буровики также были обеспечены и холодным кумысом.

Забота о человеке труда всегда была в центре внимания С. А. Оруджева. Он неоднократно лично защищал в Госкомтруде коэффициенты к зарплате работников, которые трудились в отдаленных районах и неблагоприятных климатических условиях. Оруджев добился того, что границы районов, приравненных к северным условиям, были перенесены на 250—300 километров южнее, на линию строительства и эксплуатации магистральных газопроводов, проходящих от северотюменских месторождений. Одновременно ему удалось расширить на север границу районов, приравненных к пустынным, и установить особую зону благоприятствования вдоль газопроводной системы Средняя Азия — Центр, где люди работали и жили в сложных климатических условиях.

Иногда решения принимались на основании одной встречи или случайного разговора. Так, начальник Главного управления по рабочему снабжению М. Д. Мадьяров вспоминал такой случай.

Однажды во время очередной совместной командировки на север к Оруджеву подошел рабочий и попросил увеличить норму мяса.

— У вас ведь рыбы много, зачем вам мясо? — попытался отшутиться Оруджев.

— А нам светиться не надо! Фосфором мы уже насытились. Организм мяса требует! — ответил, не растерявшись, рабочий.

Сабит Атаевич на вечернем совещании вспомнил этот разговор и приказал под его ответственность увеличить норму мяса в дневном рационе рабочих. Так, предложенное, высказанное рабочим как бы в шутку, Оруджевым было воспринято всерьез. Он проанализировал обстановку и немедленно принял соответствующее решение.

Не ищите виноватых

Серьезным испытанием для молодой отрасли и ее руководителя стала авария на газопроводе Мессояха — Норильск, которая произошла в феврале 1978 года. Тогда в Норильске в течение двух месяцев стояла температура воздуха —56 градусов. Строители и эксплуатационщики еще не имели достаточного опыта сооружения и обслуживания газопровода в таких условиях. Из-за неправильных инженерных решений газопровод на протяжении 20 километров сполз с опор и взорвался. В результате этого остановился Норильский комбинат и создалась опасная ситуация замерзания города.

А. Н. Косыгин и С. А. Оруджев принимают решение о расследовании и немедленной ликвидации этой аварии, для чего на место аварии направляется большая группа специалистов от Мингазпрома во главе с Г. Д. Маргуловым. В последующем они ежедневно интересуются ходом восстановительных работ, оказывая всевозможную материальную и моральную помощь. Положение было критическое, но благодаря изобретательности таких первоклассных инженеров, как А. Д. Седых, В. И. Коновалов, самоотверженному труду молодежной бригады монтажников из Украины и Норильска удалось в кратчайшие сроки ликвидировать аварию и нормализовать положение на комбинате и в городе.

По приказу Оруджева было проведено детальное исследование причин этой аварии. Был выявлен ряд конструктивных ошибок, допущенных при строительстве этого газопровода в условиях Крайнего Севера и вечной мерзлоты, которые нашли немедленное отражение при разработке новых документов и инструкций. В последующем на опыте эксплуатации этого газопровода и случившейся аварии Сабит Атаевич составил особый доклад на имя Косыгина. В этом докладе основное внимание было сосредоточено на вопросах совершенствования строительства газопроводов на опорах в экстремальных условиях Севера и зоны вечной мерзлоты. Этот документ был составлен настолько обстоятельно, грамотно и убедительно, что на его основании даже было подготовлено специальное постановление правительства.

— Но почему вы ни слова не сказали о виновниках аварии? — позже поинтересовался Маргулов.

— Потому что честных людей Севера надо защищать и всячески помогать им в работе, а не наказывать, — ответил Оруджев. — А моя главная задача как министра состоит в том, чтобы члены правительства поняли всю трудность освоения Севера и постоянно помогали решать возникающие там проблемы. Кадры газовиков-северян надо растить и беречь, а не разбрасываться ими по пустыкам. Вырастить такого специалиста значительно труднее, чем его уволить.

В последующем Сабит Атаевич сделал все возможное для того, чтобы создать особую школу специалистов по транспорту газа в условиях Крайнего Севера. Аналога ей не имела ни одна страна мира.

По признанию многих коллег, с Оруджевым можно было работать с чувством, что сильный человек постоянно стоит за твоей спиной. Сабит Атаевич не давал своих работников в обиду, считая, что таким образом отстаивает и честь министерства. В то же время он не прощал профессиональных ошибок. Такие ошибки, допущенные по вине конкретных лиц, не скрывались, а детально обсуждались на совещаниях в Мингазпроме, и там виновный уже не должен был рассчитывать на снисхождение. Но бывали и исключения.

Об одном из таких случаев вспоминает Сергей Степанович Каширов.

Тогда как раз прокладывалась четвертая нитка газопровода Ухта — Торжок. По мере готовности отдельных участков проводилось их испытание путем подключения к действующей трубе методом лопинга, то есть перемычками. При этом давление в трубе на участке подключения падало в два раза, в результате чего вся грязь собиралась в строившейся трубе. Когда же трубу подключили полностью, грязь забила пылеулавливатели и система встала. Произошло чрезвычайное происшествие, и в министерстве создали специальную комиссию.

Комиссия выявила ошибки инженерного характера, которые можно было просчитать заранее. Оруджев был настроен решительно. Угроза строгого наказания нависла над генеральным директором газопровода Борисом Ивановичем Василенко, а его главный инженер Аполлинарий Иванович Чистяков должен был быть уволен.

Состоялась закрытая коллегия с приглашением виновных лиц. Разговор шел жестко, все выступавшие уже знали о намерениях министра и поддерживали их. Но в ходе заседания коллегии в настроении Сабита Атаевича начали происходить некоторые перемены. Ему явно не нравилось то единодушное, с

которым выступавшие изобличали вину Василенко и Чистякова, не говоря ни о причинах аварии, ни о других виновных.

В конце коллегии, когда настало время принимать окончательное решение, Оруджев спросил, имеются ли другие мнения по данному вопросу. Взявший слово С. С. Каширов также не стал умалять вины Василенко и Чистякова, но отметил, что в случившемся много вины и работников министерства, которые как крупные специалисты должны были предвидеть последствия столь существенного колебания давления.

— Разве мы не знали, что строим грязеулавливатели, которые неизбежно негативно проявят себя на заключительном этапе работы, — заметил он. — Но мы никаких мер не предприняли, целиком переложив ответственность на непосредственных исполнителей. Поэтому считаю, что возлагать за все ответственность только на Чистякова будет несправедливо. Предлагаю ограничиться строгим выговором и дать ему возможность работать в занимаемой должности дальше. Он лучше других знает этот газопровод и причины случившейся аварии, поэтому и быстрее других справится с ее последствиями.

К удивлению всех присутствовавших, Сабит Атаевич с готовностью поддержал это предложение. Карьера Чистякова была спасена, он остался на своей должности и еще много сделал полезного для отрасли. Оруджев же в данном случае показал свое умение объективно оценивать ситуацию и менять ранее принятое решение, если убеждался в его необъективности.

«Вам прислать валенки?»

Юрий Васильевич Зайцев отмечал, что в работе Оруджев был человеком жестким, но не жестоким. Он мог поругать и тут же быстро забыть, но иногда он отчитывал даже тех, кто сравнительно неплохо работал, ибо планка спроса была очень высока. Любил жесткую дисциплину, строгий порядок. Но при этом он не был злопамятным. Стоило недавно провинившемуся работнику чем-то отличиться, как министр менял о нем мнение. Правда, серии служебных неудач приводили к тому, что Оруджев переставал доверять этому человеку и при возможности стремился перевести его на менее ответственную работу или даже расстаться с ним.

Он был хорошим хозяином, сам работал помногу и от подчиненных требовал полной самоотдачи. Сабит Атаевич, если оставались нерешенными текущие задачи, мог приехать в министерство и в субботу, и в воскресенье. Он часто звонил диспетчерам ночью и интересовался, нет ли аварийного разрыва

трубопровода. В случае необходимости звонил и секретарям обкомов. Оруджев, чувствующий за собой огромную ответственность, старался постоянно держать все основные вопросы отрасли в поле своего зрения, чтобы оперативно реагировать на все процессы.

В то же время, решая сложные задачи в масштабах отрасли, Сабит Атаевич не забывал о конкретных людях. С. С. Каширов рассказывал о следующем эпизоде.

В 1980 году при испытании трубопровода Грязовец — Череповец произошла крупная авария. По приказу министра газовой промышленности он немедленно, без сборов, вылетел на место. Разобравшись в обстановке и посоветовавшись со специалистами, Сергей Степанович с места происшествия начал докладывать Оруджеву о причинах аварии и мерах по ее ликвидации. При этом был поставлен ряд вопросов, требующих принятия неотложных решений.

Сабит Атаевич внимательно выслушал доклад своего заместителя. А затем вдруг задал вопрос, казавшийся совершенно неожиданным в той ситуации.

— А как у вас, Сергей Степанович, с теплой одеждой? — спросил Оруджев. — Может, необходимо что-либо подвезти? Может, вам прислать валенки?

Каширов настолько был сосредоточен на теме своего доклада, что в первый момент даже не понял вопроса министра. Ведь речь шла об аварии на газопроводе, по которому страна получала ежесуточно до двух миллионов кубометров газа, и каждый день простоя мог существенно повлиять на экономику целого региона. А тут разговор о теплой одежде, о каких-то валенках...

Папка министра

Оруджеву приходилось часто бывать в командировках. В такие поездки он старался брать с собой минимальное количество помощников, но при этом требовал от каждого из них полной отдачи. Порой доходило до казусов.

Об одной из таких командировок на газопровод Уренгой — Западная граница вспоминал Николай Васильевич Петличенко. В эту поездку Сабит Атаевич поехал только с ним. Заблаговременно были подготовлены все необходимые документы, помощники проводили отъезжающих до самолета, внесли чемодан Оруджева, ответственность за который возложили на Петличенко.

Спустя несколько часов московские гости благополучно прилетели в Сургут и приехали в объединение «Сургутгазпром»,

где Оруджева уже ждали на совещании руководящих работников. Открывая это совещание, Сабит Атаевич поинтересовался:

— А где моя папка?

— Не знаю, — чистосердечно признался Петличенко. — Мне было поручено следить за чемоданом, так он здесь, а папки я не видел.

— Ну как же так, ведь папка была рядом! — возмутился Оруджев. — У меня в папке некоторые важные документы, необходимые на сегодняшнем совещании.

— Я не видел...

— Посмотри в чемодане!

Петличенко посмотрел в чемодане, но папки не нашел. Оруджев был вынужден проводить совещание по памяти, без заготовленных на этот случай документов. После окончания совещания он крепко пожурил Петличенко, обвиняя его в розтзействе.

Но на этом дело не кончилось. По просьбе Сабита Атаевича секретарь Тюменского обкома созвонился с местным управлением КГБ. По линии Комитета государственной безопасности разыскали самолет, на котором прилетел Оруджев, который к тому времени уже находился в Ленинграде. Злополучная папка нашлась, и на следующий день она была благополучно доставлена попутным рейсом в Тюмень.

Эта история стала своеобразной «притчей во языцех». В последующем сколько бы Оруджев и Петличенко ни ездили по командировкам, он на каждом совещании в качестве лирического отступления вспоминал, как Николай Васильевич ему «помогал», потеряв папку с документами, и как эту папку потом искали с помощью КГБ.

— Поймите, мне не жалко этой папки, в которой не было никаких секретных документов, — говорил Сабит Атаевич. — Но это папка министра, к которой всегда надо относиться с особой ответственностью. Вот и пришлось доказывать это Петличенко с помощью КГБ.

Еще раз об ответственности

Оруджев исключительно ответственно относился к подбору своих ближайших помощников и, отобрав, требовал от них полной отдачи в работе. Так, вскоре после создания Министерства газовой промышленности и начала его работы по управлению газовой отраслью страны остро встал вопрос о введении должности помощника министра по вопросам печати. Сразу же найти сотрудника на эту должность оказалось де-

лом непростым. В этом человеке должно было сочетаться многое: качества журналиста, способность общаться с самыми разными людьми и, главное, знание газового дела на инженерном уровне.

Наконец такой человек был найден. В июле 1975 года кандидатом на эту должность стал Михаил Павлович Геранин. Представлял его начальник канцелярии Мингазпрома Н. И. Белый, который предварительно хорошо изучил личное дело Михаила Павловича и практически не сомневался, что его кандидатура будет утверждена.

Сабит Атаевич внимательно прочитал анкетные данные Геранина. В ходе чтения он попутно делал реплики:

— Каменщиком работал! Это хорошо, нам нужны каменщики...

Затем его лицо стало более сосредоточенным.

— Здесь написано, что в настоящее время вы работаете начальником научно-исследовательской тематической партии в тресте «Союзгазгеофизика» и уже подготовили к защите кандидатскую диссертацию, — отметил Оруджев. Но, прочитав до конца анкету, он решительно сказал, как отрезал, обращаясь прежде всего к Н. И. Белому:

— Кадры нужно беречь. Зачем отрывать человека от его дела? Пусть работает, занимается наукой. Не нужно из него делать чиновника. В науке он больше принесет пользы газовой промышленности, чем на новой должности. Что, нет других подходящих людей в наших институтах? Найдите такого человека.

Назначение не состоялось. Но оказалось, что найти другого человека на эту должность совсем не просто, и в начале января следующего года Геранин снова был вызван к министру. На этот раз назначение состоялось, и он тесно проработал с Сабитом Атаевичем до конца его жизни.

Столь внимательно относясь к назначению людей на новые должности, Сабит Атаевич в то же время всегда исключительно строго спрашивал с должностных лиц за их работу, болезненно относился к допущенным ими ошибкам.

Так, накануне Нового, 1978 года он по традиции отправлял первым руководителям вышестоящих организаций письма-поздравления, в которых содержался также краткий рапорт о достижениях в газовой отрасли за прошедший год и излагались просьбы о выделении ей в будущем году тех или иных ресурсов. Развезить эти послания поручалось помощнику министра по делам печати М. П. Геранину, от которого требовалось вручить каждое послание лично адресату.

В тот раз все шло по плану. Но вдруг случилось непредвиденное осложнение. Когда Геранин зашел в приемную предсе-

дателя Госснаба СССР Николая Васильевича Мартынова, было время обеда. Затем стало известно, что Мартынов по каким-то делам отъехал в Совет министров и к себе вернется очень не скоро. И Геранин, прождав несколько часов, вручил пакет с посланием помощнику Мартынова.

На следующий день в телефонном разговоре Мартынова с Оруджевым выяснилось, что вчера было заседание коллегии Госснаба СССР, но по письму-рапорту Мингазпрома никаких решений принято не было. Видимо, помощник с опозданием вручил письмо Мартынову, и поэтому просьбы Мингазпрома СССР не прозвучали.

Что тут началось! Сабит Атаевич вызвал Геранина «на ковер» и даже не предложил сесть. Минут пятнадцать в менторском тоне он отчитывал его, не допуская, однако, нецензурной лексики. Михаил Петрович оправдывался, как мог, но тщетно.

— Вам было поручено не частное дело, а дело государственной важности, в интересах всей отрасли. Вы не должны были уезжать из Госснаба, не убедившись, что письмо попало к адресату, — твердил Оруджев. — Из-за вас мы упустили возможность в конце года, когда верстаются планы на следующий год, заявить о проблемах газовой промышленности и наметить конкретные пути их решения.

Поняв, что оправдываться бесполезно, Геранин замолчал и слушал министра, виновато опустив голову, будучи готов к любому наказанию. Но Оруджев, выговорившись, начал менять тон нравоучения.

— Хорошо, что сегодня я успел лично переговорить с Николаем Васильевичем и объяснить ему ваш промах, — заметил он. — Мартынов, добрый человек, обещал помочь отрасли и просил не наказывать вас строго. Виноватым он считает своего помощника. Я не могу отказать Мартынову. Поэтому идите, работайте дальше, но хорошо запомните этот случай. В делах государственного масштаба мелочей не бывает, а мы делаем дело государственной важности.

Гроза миновала, но прошло всего несколько дней, и Геранин снова оказался в очень тяжелом положении. К нему на просмотр и визирование из канцелярии министерства поступило письмо, адресованное в Совет министров СССР и уже подписанное Оруджевым. Видимо, кто-то из высоких руководителей Мингазпрома, имевших право свободного входа к министру, вместо того, чтобы предварительно, как это было положено, согласовать и завизировать текст письма в секретариате, воспользовавшись доверием Сабита Атаевича, зашел к нему в кабинет и подписал это письмо. Оно было небольшим, но в нем содержались такие отступления от существующих

требований, что его прохождение через канцелярию Совета министров было практически невозможным. Это означало, что письмо будет возвращено оттуда обратно на доработку, а крайним, в конце концов, окажется Геранин.

Наступили минуты тяжелых раздумий. Геранин понимал, что если он разрешит отправить это письмо, то подведет и себя, и канцелярию Мингазпрома, и лично Сабита Атаевича. Но если он подойдет к Оруджеву переподписывать уже откорректированное министром письмо, то может вызвать у того большое неудовольствие его работой. И все же Геранин решился на переподписание письма.

Когда с этим письмом он вошел в кабинет Оруджева и доложил ему суть дела, Сабит Атаевич недовольно поморщился.

— Несколько дней назад я вам говорил, что к документам, отправляемым наверх, нужно относиться особенно внимательно, — раздраженно произнес он. Но все же взял и начал читать письмо в новой редакции, затем несколько раз сверил его со старым. — И я мог это подписать? — удивился он. — Как хорошо, что вы вовремя обнаружили недостатки и задержали это письмо. Теперь я вижу, что прошлый урок вы хорошо усвоили...

Мелочей не бывает

Оруджев всегда говорил, что в отношениях между людьми мелочей не бывает. Он считал, что незаслуженно обидеть человека очень просто, намного труднее убедить его в том, что начальник хорошо знает и ценит его как работника и человека. При этом во взаимоотношениях с отдельными людьми Сабит Атаевич нередко выходил за рамки чисто служебных отношений.

Как человек восточный он большое значение придавал семье, дому. В течение дня он по несколько раз звонил жене, интересуясь различными житейскими вопросами. В праздники Сабит Атаевич звонил домой не только начальникам, но и многим из своих сотрудников, поздравлял всех членов семьи, называя многих поименно. Такое отношение в определенной степени стирало барьер, неизменно существующий между начальником и подчиненными, сближало их на обычном человеческом уровне.

Но были случаи, когда в своих отношениях Сабит Атаевич шел еще дальше. Так, В. И. Халатин вспоминал, как в июле 1978 года он обратился к Сабиту Атаевичу с просьбой разрешить отметить пятидесятилетний юбилей в столовой цент-

рального аппарата министерства, что тогда не было принято. Но министр дал согласие.

Утром в назначенный день произошла крупная авария на газовом промысле Шатлык в Туркмении, в результате чего из суточного баланса туркменского газа было утеряно две трети. Таких потерь по объему добычи газа на промыслах министерства прежде не было. По тревоге были подняты все службы, о причинах аварии и мерах по ее ликвидации нужно было несколько раз на день докладывать в Совет министров СССР...

Халатин, понимая, что министру не до его юбилея, предложил отменить торжество. Но Сабит Атаевич, подумав, не согласился с этим.

— Авария может случиться в любой день, а пятидесятилетие бывает только один раз в жизни, — сказал Сабит Атаевич. — Будем отмечать по ранее намеченному сценарию, и я тоже приду, — пообещал он.

Праздник состоялся. Оруджев пришел вместе с Анатолием Георгиевичем Гудзем, посидел немного со всеми вместе, а через несколько часов вылетел на аварию.

Даже во время напряженной работы, когда, казалось, каждая минута на счету, Оруджев мог сделать паузу, чтобы разрядить напряженную обстановку и дать людям «перевести дыхание».

Владимиру Григорьевичу Чирскову запомнился случай, произошедший на одном из совещаний в Игриме. Тогда он уже был заместителем министра Миннефтегазстроя СССР и часто сопровождал Сабита Атаевича в его поездках в Сибирь.

На указанном совещании присутствовало более полусотни местных руководителей, разговор был весьма серьезный. А в это время шел чемпионат мира по хоккею и наши спортсмены играли в финале. В Игриме в то время телевидения еще не было, но в соседней с залом заседания комнате несколько человек по приемнику слушали трансляцию матча и время от времени в записках сообщали участникам совещания о его результатах. Среди присутствовавших было много болельщиков. Чирсков, который также болел за советских спортсменов, знал об этом и, находясь в президиуме, видел движение, происходившее в зале при передаче записок и обмене мнениями. Понимая, что в конце концов это может заметить и Оруджев, он решил предупредить события и написал Сабиту Атаевичу записку.

Сабит Атаевич ее прочитал и встал со своего места.

— Товарищи, я вот что вам должен сообщить, — торжественно начал он. — Мы здесь решаем вопросы обеспечения страны газом. Это очень важный государственный вопрос. Но есть и другой не менее важный вопрос. Наши спортсмены сейчас играют в хоккей, борьба идет отчаянная, и до конца матча

остается еще десять минут. Я хорошо знаю, что в этом зале находится много болеющих за советский хоккей. Поэтому есть предложение прервать наше важное совещание и послушать, как наши спортсмены обыграют канадцев в этом ответственном матче. Принесите этот приемник сюда и поставьте на стол, пусть слушают все.

Приемник принесли, Оруджев включил его на полную мощность и поставил рядом с собой. При этом он не только слушал репортаж, но и активно реагировал на каждую фразу комментатора. После завершения репортажа, поздравив присутствующих с победой советской сборной, министр приказал убрать приемник и продолжил совещание. Существовавшая в зале в начале совещания напряженность спала, разговор вошел в нормальное деловое русло.

В министерстве Оруджева многие боялись, но по своему характеру он был чутким и отзывчивым человеком. Иван Спиридонович Никоненко вспоминал, как однажды он ехал с Оруджевым по Уренгою на машине. Трещал мороз, дул сильный ветер. Они едут и видят — на остановке стоит женщина и ждет автобуса, которого все нет. Женщина кутается в меховой воротник и переминается с ноги на ногу.

Оруджев попросил водителя остановиться.

— Не ждите, садитесь в машину, холодно ведь, — предложил он.

Женщина немного растерялась, но села.

Когда эту случайную женщину в машине министра довезли до места ее работы, Сабит Атаевич сказал:

— Нужно для доставки женщин к месту работы в зимнее время предусмотреть специальный автобус. Это не дело, когда они десятки минут мерзнут на остановках, какую после этого от них можно ждать работу.

Глава третья

ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА

Как от холода дрожит душа...

Газ с Уренгойского месторождения дался нелегко. Было очень много трудностей, в том числе и бытовых. Трескучие морозы, столовая из панельного алюминия, в гостинице холодно. На Уренгое Оруджеву приходилось бывать часто. Вполне понятно, что его всегда старались поселить в теплый гостиничный номер. Но гостиница была деревянной и продувалась ветрами со всех сторон.

В один из приездов Оруджева на Уренгой встречавшие его поинтересовались, почему у него такой большой фибровый чемодан, а носит он его легко. Тогда он открыл этот чемодан, в котором находилась всего лишь одна вещь — теплый махровый свитер.

— С сибирским холодом мне труднее бороться, чем с недостатками целой отрасли, — признался он. — Чтобы не замерзнуть, я иногда даже сплю в этом свитере.

Об одном из очередных приездов Сабита Атаевича на Уренгой рассказывал И. С. Никоненко, который в то время возглавлял там главное газодобывающее предприятие. В тот раз поселили Сабита Атаевича в самый теплый гостиничный номер. Весь вечер он проработал в управлении, поздно закончил совещание. Затем еще какое-то время разговаривал один на один с начальником объединения. Разошлись поздно.

Оруджев пошел отдыхать в гостиницу. А ночью, как назло, ветер поменялся, мороз опустился до -40 градусов. В номере министра стало холодно и неудобно, а гостиничные служащие постеснялись предложить ему переселиться в номер на противоположной стороне. Да и сам Сабит Атаевич из-за скромности или деликатности не захотел никого тревожить.

Утром Никоненко зашел в номер к Оруджеву, но не застал его на месте, заглянул в зал заседаний — там его тоже не было. Иван Спиридонович спускается вниз к умывальникам и видит Сабита Атаевича, который стоит там в свитере, натянув на уши тюбетейку, ухватившись обеими руками, держится за сушилку.

— Ну и заморозил ты министра! — пожурил Никоненко подошедший в это время Чирсков. Но сам Оруджев по этому поводу не сказал ни слова. И только когда все вместе зашли в столовую, он потребовал себе горячего чая. После того как он отогрелся чаем, Сабит Атаевич сказал:

— Представляешь, я первый раз в жизни слышал, как от холода дрожит душа! Ты, Никоненко, в следующий раз сделай так, чтобы тепло было. Я человек южный, морозы переношу трудно.

За завтраком как-то незаметно снова перевели разговор на производственную тему. Но когда уже собирались идти в управление, Сабит Атаевич поинтересовался:

— А там так же холодно, как в моем номере? Может быть, сибиряки нечувствительны к холоду? Вот мы с женой тоже не сходимся во вкусах. Я люблю тепло, а она — прохладу. Я хожу, закрываю окна, а она, наоборот, открывает. Я люблю во всех комнатах включить свет, а ей это не нравится. Бывают у нас такие разногласия, а так мы живем очень дружно. Думаю, и с вами мы все вопросы научимся решать правильно.

Оруджев был бесконечно предан своей отрасли даже в повседневной жизни, тогда, когда не приходилось решать какие-то служебные вопросы. Иногда это выражалось даже в забавных мелочах.

В. Г. Чирсков вспоминал, как однажды во время очередной поездки на Север во время многочасового полета в самолете он, Г. П. Богомяков, Е. Н. Алтунин и еще кто-то из пассажиров, желая скоротать время, играли в преферанс. Сабит Атаевич в карты не играл. Он сидел к игрокам спиной с книгой в руках, но как оказалось, прислушивался к их разговору. И когда кто-то несколько раз уличил Алтунина в нежелании рисковать, министр вдруг подал голос.

— Ты, Алтунин, если сел играть, то играй, как положено! — предупредил он.

Но игра продолжалась без особых перемен тактики со стороны Алтунина, что вызвало очередные упреки со стороны его партнеров. И тогда Оруджев не выдержал. Поднявшись со своего места, он напустился на осторожного игрока.

— Ты что, не понял, как нужно играть? Играй, рискуй! Если проиграешь — дам премию, но газовую промышленность не позорь перед строителями! — потребовал он. — Честь отрасли поддерживается не только ее трудовыми достижениями, но и поведением ее работников. Среди газовиков не должно быть трусов!

Национальный вопрос

Сабит Атаевич Оруджев, несмотря на свой советский патриотизм и интернационализм, до конца жизни оставался верным сыном азербайджанского народа. В Правительстве СССР хорошо понимали национальный патриотизм Оруджева и нередко учитывали это при общении с ним. Оруджев иногда умело использовал это обстоятельство в своих целях. При этом он умышленно говорил с подчеркнутым азербайджанским акцентом и мог позволить себе довольно острую шутку.

Однажды на одном из заседаний Совмина, на котором присутствовал и Оруджев, разгорелся жаркий спор по вопросу необходимости выделения газовой отрасли дополнительных средств. В качестве оппонента Сабита Атаевича в этот раз выступал заместитель председателя Госплана А. М. Лалаянц — по национальности армянин.

Оруджев уже понял, что практически проиграл в этом споре, и в качестве последнего аргумента трагическим голосом произнес:

— В прошлые времена азербайджанцы резали армян, затем армяне резали азербайджанцев. А сейчас вы режете меня. Не лучше ли прекратить эту резню и дать денег на развитие газовой промышленности. Тогда всем нам будет хорошо!

Все присутствующие в зале, в том числе и Лалаянц, от неожиданности рассмеялись. Общее напряжение спало, и вопрос частично был решен в интересах Министерства газовой промышленности.

В начале своей деятельности в качестве министра Оруджев стремился почаще выступать на различных совещаниях высокого уровня, в том числе и для того, чтобы представиться членам правительства и быть узнаваемым ими. Тогда от этого зависел успех решения многих проблем отрасли и, как мудрый политик, Сабит Атаевич использовал все средства, способные помочь делу. Но из-за высокого темперамента и восточного акцента оратора иногда эти выступления вызывали у слушателей совсем неожиданную реакцию.

Так, Ю. П. Баталин вспоминает, как на одном из заседаний Совета министров Сабит Атаевич стал объяснять присутствующим, что такое газ, употребляя при этом термины типа «хаотическое движение частиц». Затем, говоря о его транспортировке, для большей образности он произнес: «Весь этот хаос (имея в виду газ) под давлением подается в трубу, сжимается и перегоняется от одной компрессорной станции к другой».

Выступавший следом за ним министр торговли свою речь начал словами: «Как уже отметил “министр хаоса”...» Это вызвало смех у всех присутствовавших, и Сабит Атаевич, несколько не обидевшись, хохотал вместе с остальными.

Но главная цель была достигнута. Некоторое время после этого в Совете министров его называли не иначе как «министр хаоса», и все знали, о ком идет речь.

Сабит Атаевич традиционно поддерживал связи с Азербайджаном и всегда при возможности помогал землякам. Бывало, приезжают к нему в министерство земляки с просьбой посодействовать в устройстве на лечение кого-нибудь из их деревни. При этом зачастую эти посетители и больничные карты с диагнозами забывали привезти. Но Оруджев обязательно помогал, хлопотал, договаривался.

Сабит Атаевич трепетно чтит обычаи своего народа. Если в его кабинет входил старик-азербайджанец, по возрасту старше министра, в знак уважения по восточной традиции Сабит Атаевич всегда перед ним вставал, встречал у двери, провожал к

месту. Коллеги министра отмечали случай, что начальников главков Оруджев по разным причинам не принимал по несколько дней, но для аксакалов он всегда находил немного свободного времени.

Будучи начитанным человеком, хорошо знающим азербайджанскую и персидскую литературу, Сабит Атаевич умел украсить свою речь цитатами из произведений восточных писателей и поэтов, изречениями древних мудрецов так, что его всегда слушали с большим вниманием и даже с удовольствием. Любой разговор, даже на чисто производственные темы, он разбавлял воспоминаниями других случаев из его богатой событиями жизни, смягчал восточными шутками и поговорками. Сабит Атаевич любил рубаи Омара Хайяма и мог читать их по памяти в подходящее для этого время. Некоторые утверждали, что он даже вел особую книгу записей восточных мудростей, которые заучивал наизусть и использовал в повседневной жизни.

Сабит Атаевич любил восточную кухню, а также острые мясные блюда. Но не любил пышных банкетов в центральных ресторанах Москвы, предпочитая дружеские встречи в узком кругу хороших знакомых. Исключение Сабит Атаевич делал только для ресторана «Баку», где хорошо лично знал и его директора, и шеф-повара. В этом ресторане Оруджев всегда сам заказывал различные национальные блюда для всех гостей, сам первый пробовал каждое из них, рассказывал об особенностях азербайджанской кухни. Он любил долму, беляши и другие мясные блюда и умел рассказать о них так, что каждому хотелось непременно отведать это блюдо.

Сабит Атаевич глубоко чтит свои национальные корни и требовал этого от других. Однажды после одного из совещаний к Оруджеву подошла женщина, ответственный работник министерства, и доложила, что по обсуждаемому вопросу она уточнит детали у Алексея Алексеевича.

— А почему я не знаю этого человека? — удивился Оруджев.

Ему объяснили, что так женщины называют Эвера Агаларовича Махмудбекова.

Услышав это, Сабит Атаевич возмутился и приказал вызвать к нему Махмудбекова, и когда тот пришел, министр спросил:

— Эвер, у тебя совесть есть? Тебе при рождении отец дал имя «Эвер», а его самого звали Агалар. Почему ты переделал свое имя и отчество?

Махмудбеков покраснел и стал оправдываться. Оруджев отрицательно покачал головой.

— Неубедительно ты говоришь, — резюмировал он. — Ты за столько времени не смог объяснить женщинам, как к тебе

нужно обращаться. Так нельзя себя вести мужчине, особенно кавказской национальности. Нужно уважать себя и чтить память своего отца.

Языковой барьер

Сабит Атаевич знал несколько восточных языков, но совершенно не владел европейскими. Но при этом он умел достойно выходить из любой щепетильной ситуации, в чем ему помогали чувство юмора, находчивость и оригинальность.

Однажды Сабит Атаевич вместе с Ю. В. Зайцевым при посещении Соединенных Штатов Америки встречался в Техасе с астронавтом Нилом Армстронгом — первым американцем, высадившимся на Луну.

На одной из официальных встреч Армстронг спросил Оруджева через переводчика, владеет ли он английским, французским или немецким языком.

После того как на все вопросы последовали отрицательные ответы, американский астронавт произнес с видимым разочарованием:

— Придется общаться через переводчика...

Но Оруджев по этому поводу никакой растерянности и неловкости не испытал и в свою очередь задал Армстронгу свой вопрос:

— Знаете ли вы русский язык? Объясняетесь ли по-азербайджански? Владеете ли армянским языком?

Оказалось, что американец не знаком с этими языками.

— Тогда когда вы приедете ко мне в Москву или на Кавказ, нам также придется общаться через переводчика, — сказал Сабит Атаевич, а затем добавил: — Но я уверен, что от этого наша встреча не будет менее приятной, а шашлык — менее сочным.

Вопрос был исчерпан.

Некоторое время спустя американский астронавт прибыл с ответным визитом в Россию, а Сабит Атаевич смог принять его на высшем уровне. Позже Армстронг, который был тронут приемом, эрудицией и остроумием Сабита Атаевича, прислал ему специальные медали, выплавленные из упавшей на Землю ступени ракетного носителя своего космического корабля.

Тем не менее после посещения США Сабит Атаевич сделал для себя определенные выводы. Он хорошо понимал важность хороших, дружеских отношений с партнерами из разных стран и стал популяризировать идею необходимости знания английского языка для жен руководителей нефтяной и газовой промышленности. По его инициативе был создан «Дамский

клуб». Еженедельно его члены собирались в гостеприимной квартире Миланы Рябской, работавшей в Управлении внешних связей Мингазпрома, которая и выступала в роли преподавателя английского языка. В собраниях «Дамского клуба» активно участвовали супруга Сабита Атаевича, жена министра нефтяной промышленности Лидия Филипповна Шашина-Ильина, жена его заместителя И. Т. Мингареева, супруга председателя Госплана Н. К. Байбакова и др.

К большой радости Сабита Атаевича, его идея принесла ощутимые плоды. На очередном нефтегазовом конгрессе советские дамы заговорили по-английски.

Борьба с вредными привычками

Как истинно восточный человек, Сабит Атаевич Оруджев не курил и практически не употреблял спиртного, считая все это очень вредными привычками. И основания для этого были. Юрий Васильевич Зайцев вспоминал, как однажды Оруджев во время своей поездки в Газли, объезжая трассу газопровода, приехал на одну компрессорную станцию и зашел в строящийся цех. Посреди цеха пылал большой костер, вокруг которого на перекуре сидели люди, а на костре в канифоли «варились» запасные части к оборудованию. Костер полыхал вовсю, а люди сидели спокойные и невозмутимые. Казалось, достаточно одной искры, и пожар охватит всю компрессорную станцию.

Оруджев приказал немедленно потушить костер и отругал прораба. На обратном пути он долго угрюмо молчал. Затем, видимо, желая снять общее напряжение, заметил:

— А ведь все пожары начинаются с курения на рабочем месте! Нужно решительно искоренять эту вредную привычку!

Вскоре после этого Сабит Атаевич начал придавать особое значение запрету на курение в цехе. Все, уличенные в этом, были строго наказаны.

Но Сабит Атаевич решил идти дальше. По возвращении в Москву, на очередном заседании коллегии, он предложил Зайцеву выступить с заявлением, что он обязуется бросить курить и просит всех последовать его примеру. Но Юрий Васильевич как заядлый курильщик категорически отказался делать такое заявление. Оруджев на него обиделся и с антиникотиновой лекцией выступил сам. Безусловно, это выступление мало повлияло на курильщиков. Но с тех пор все они больше не решались дымить в присутствии министра. Курение в кабинетах министерства было категорически прекращено, и на этажах появились специально оборудованные курилки.

С подачи Оруджева курение стало рассматриваться как один из недостатков в работе сотрудников министерства. Когда обнаруживались просчеты в работе курящего сотрудника, Оруджев всегда говорил:

— Курить надо меньше, тогда и времени на работу будет больше. А вы мало того что сами прокуриваете много рабочего времени, поощряете курение и своих сотрудников. Я предлагаю вашему управлению отказаться от этой дурной привычки на время, пока не будет положительно решен данный вопрос.

После такого разговора каждому, кто не дай бог попадался на глаза министру с сигаретой, приходилось отчитываться о преодолении вредного пристрастия к курению. И на практике это оказалось более действенным, чем декларативные заявления на коллегии или коллективные обязательства.

Оруджев всегда ратовал за трезвый образ жизни и, по воспоминаниям соратников, не прощал распитие спиртных напитков на рабочем месте. Даже если он находил под столом пустую бутылку, на хозяина этого места падала тень неблагонадежности.

Правда, в отдельных случаях Сабит Атаевич делал исключения. Однажды во время поездки в Сургут по случаю ввода в строй очередной компрессорной станции некоторые из сопровождавших его инженеров изрядно выпили за ужином. На следующий день был назначен вылет в Москву, и министр не мог не видеть их состояние. Однако он решил не обсуждать этого вопроса. Пуск данной компрессорной станции был не рядовым событием, а среди инженеров было много прекрасных специалистов, отдавших много сил и времени этому делу. В последующем некоторые из них даже были удостоены Ленинской премии.

Сабит Атаевич внимательно следил за порядком на рабочих местах своих сотрудников. Он мог заглянуть в кабинет в любое время. Однажды он сделал выговор одному из чиновников за то, что весной в его кабинете было раскрыто окно.

— Разве можно так топить? — выразил он недовольство в адрес коммунальщиков. Но затем перевел разговор на тему отопления, сказав: — Ты знаешь, сколько газа на отопление мы расходует напрасно? Вместо того чтобы открывать окно, предлагаю посчитать и составить докладную о перерасходе топлива в теплое весеннее время. Я подпишу такую бумагу, и нужно довести ее до соответствующих служб.

Такая бумага была не только составлена, но и реализована на практике вначале в Мингазпроме, затем и по всей Москве. Одно не вовремя открытое окно и вмешательство Оруджева

привели к огромной экономии природного газа в период осеннего и весеннего отопительных сезонов.

Оруджев внимательно следил за чистотой и внешним видом своих сотрудников. Так, одна пожилая официантка, приносившая Оруджеву обед из спецстоловой, была уволена за то, что пришла к министру в домашних тапочках. Сабит Атаевич счел это неуважением к себе и окружающим.

Хвосты и рога

Оруджев был заядлым рыболовом. Он очень обрадовался, когда ему на день рождения подарили фирменный спиннинг, всегда собирал приманки, крючки, разнообразные снасти...

Один из заместителей Сабита Атаевича вспоминал, как однажды на Урале они ловили рыбу с катера. Накануне их предупредили, что в этом месте водятся огромные сазаны. Оруджев очень хотел поймать большую рыбу, и на этот раз ему крупно повезло.

Но вначале он не поверил в свое везение. Он решил, что крючок зацепился за корягу. На помощь позвали матроса. Тот опустил в воду и... вытянул сазана огромных размеров.

Увидев это, Оруджев напустился на матроса с упреками, почему тот не дал ему вытащить рыбку самому. Матрос вначале от неожиданности даже растерялся, но затем сделал движение, словно решил отпустить рыбу обратно в воду. Сабит Атаевич так испугался, что чуть не бросился в воду сам.

Оруджев был очень ревнив к результатам рыбалки. В частности, был такой случай, что кто-то из рыбаков простой удочкой выловил большую рыбу, в то время как у Сабита Атаевича на его шикарный спиннинг упорно не клевало. Вначале он начал нервничать, а затем предложил счастливцу поменяться удочками. Тот, видя, что обмен далеко не равен, долго отказывался, но Оруджев настаивал на своем. В конце концов сделка была завершена. И тут, как назло, клевать начало на спиннинг. Оруджев снова начал нервничать, а затем, заявив, что у него остались какие-то срочные нерешенные дела, прекратил рыбалку и уехал.

Очередной отпуск Оруджев, как правило, проводил в Крыму в санатории «Нижняя Ореанда» или в Сочи. В это время морская рыбалка была его страстью. Он специально выходил в море на рассвете, чтобы успеть наловить много рыбы, за день приготовить ее и угостить на ужин всех отдыхающих. Поэтому в столовой его появление после очередной рыбалки отдыхающие всегда встречали аплодисментами.

Но сам Сабит Атаевич рыбу есть не любил. Он был равнодушен и к ухе, и к жареной рыбе. Ему нравился сам процесс ловли и доставляло удовольствие смотреть на гостей, с аппетитом уплетающих выловленную и приготовленную им рыбу.

Оруджев также любил охоту, но очень редко пользовался ее результатами. Однажды ему подарили специальное охотничье ружье с оптическим прицелом.

Однажды группа руководителей Мингазпрома, в том числе и Сабит Атаевич, во время очередной командировки на Север, выбрав свободное время, поехала охотиться на оленей.

Оруджев занял свое место на номере и приготовил ружье с самыми решительными намерениями. Вскоре показалось стадо, и кто-то, не выдержав, выстрелил. Стадо бросилось прочь. Сабит Атаевич, видя разбегающееся стадо, опустил ружье и некоторое время стоял, любуясь оленями.

Вдруг буквально рядом с ним остановился большой самец. Оруджев вскинул ружье и выстрелил. Олень упал.

Но когда тушу разделали, Сабит Атаевич ни одного килограмма мяса себе не взял. Более того, он не хотел забирать и главный охотничий трофей — оленьи рога. Тогда присутствовавший на охоте Мадьяров сказал:

— Я возьму эти рога, повешу их у себя дома и прикреплю надпись: «Убил Оруджев, оставил на хранение Мадьярову».

Сабит Атаевич согласился, заметив:

— Пусть эти рога напоминают тебе, какой вред я нанес природе, убив этого оленя. Может быть, в следующий раз ты вспомнишь о них прежде, чем выстрелишь в незащитное животное.

Так эти рога и остались навсегда у Мадьярова.

В часы досуга

Выходные дни Сабит Атаевич любил проводить на своей подмосковной даче в Петрово-Дальнем, где часто собирались его друзья. В гости приезжали не только старые бакинцы, нефтяники и газовики, но и люди других профессий: ученые, дипломаты, общественные деятели. Нередко среди гостей были и люди искусства — в их числе актер Михаил Ульянов, оперная певица Мария Биешу.

По случаю приезда гостей всегда устраивались пикники, подавались замечательные обеды, к приготовлению которых Сабит Атаевич подходил очень серьезно. Он считал, что торжественный обед хозяин должен готовить сам. Поэтому, несмотря на свою занятость, ездил на рынок, выбирал лучшие продукты. Он бесподобно готовил азербайджанские блюда.

Всех приводил в восторг его шашлык из осетрины. Его непременно избирали тамадой, и он умело «вел стол», развлекая всех кавказскими тостами. Он был душой каждой компании, умел сплотить и развеселить людей и сам от этого получал огромное удовольствие.

Правда, обустройством дачи, как это принято понимать в настоящее время, Оруджев не занимался, и дети не помогали ему. Она представляла собой скромный деревянный дом, старый и запущенный...

В 1970-е годы на даче Сабит Атаевич увлекся выращиванием огурцов в небольшом парнике. Они были аккуратно прикреплены к опорам и вились сплошным зеленым ковром. Он знал, где какой у него сорт, как нужно за ними ухаживать. Сабит Атаевич очень радовался урожаю, который собственноручно собирал, угощая потом своих друзей.

Одно время он взялся на даче разводить розы. На участке образовался целый розарий, благоухали цветы разных сортов и оттенков.

Но однажды с одним кустом роз вышла маленькая неприятность. Недалеко от розария пасся маленький барашек, который в один прекрасный день и обглодал этот кустик.

Члены семьи не знали, что делать, им очень не хотелось расстраивать Сабита Атаевича таким известием. Поэтому по общему решению был куплен новый куст роз, который тут же посадили на место прежнего. Все очень боялись, что Сабит Атаевич заметит подмену, но он об этом не догадался. Правда позже, когда кто-то не выдержал и рассказал о подмене, Оруджев долго переживал по этому поводу. Причем больше всего его расстроил не факт гибели розового куста, а та маленькая ложь, которая родилась в связи с этим. Он не терпел неправды ни в малых, ни в больших количествах. Сердился и обижался, как ребенок, даже по поводу маленького надувательства.

Котята

Больше всего Сабит Атаевич не любил склок и доносов на любом уровне. Но были случаи, когда ему все же приходилось как-то реагировать на них и принимать соответствующие меры.

Однажды в министерство на прием к Оруджеву пришла жена его водителя Николая Ивановича Кокина. Он проработал с Сабитом Атаевичем более тридцати лет и проявил себя как скромный, тихий и исполнительный человек.

По распоряжению министра жену Кокина пригласили в его кабинет, и там она начала жаловаться на мужа.

— Николай дома дерется, — сообщила женщина. — Совсем недавно он меня снова побил.

— Чем? — поинтересовался Сабит Атаевич.

— Сквородкой, — ответила она.

Оруджев подозвал женщину поближе к себе и прошептал ей на ухо:

— Если бьет — значит любит. Я также свою жену бью каждую пятницу, а по субботам я ее ласкаю.

Мадам Кокина не ожидала такого ответа. Посмотрев на Сабита Атаевича глазами, полными недоумения, она, больше не сказав ни слова, вышла из кабинета. Казалось бы, на этом разговор был исчерпан. Но Оруджев решил строго поговорить со своим водителем. Во время этого разговора выяснилось, что таким путем женщина просто хотела за что-то отомстить мужу, посвящая министра в семейные дразги.

— Ты вот что, Николай Иванович, займись воспитанием своей жены, — порекомендовал Сабит Атаевич водителю. — Объясни ей, что это нехорошо, когда семейные разногласия или обиды выносятся за пределы дома. Чего она хотела добиться? Если я тебя накажу или уволю с работы — пострадает семья и она в том числе. А чтобы она не подумала, что я забыл о нашей встрече, я подарю ей котенка, который и будет развлекать ее в твоё отсутствие.

Сам Оруджев очень любил животных. На даче у него всегда жили собаки и кошки, за которыми он заботливо ухаживал. В короткие минуты отдыха, когда рядом не было посторонних людей, Сабит Атаевич любил посидеть в глубоком кресле с котенком на руках. И видя, как доверчиво прижимается к нему животное, наблюдавшие за этим люди понимали, что перед тобой добрый и сильный человек, способный позаботиться не только о себе, но и о других.

Однажды Сабит Атаевич привез несколько только что родившихся котят в министерство и начал раздавать их своим сотрудникам, предупреждая:

— Доверяя вам это прекрасное животное, я буду каждую неделю спрашивать, как оно растёт, а вы мне будете докладывать об этом. Личность человека формируется прежде всего в тесной гармонии с природой, и нужно уметь сохранять эту гармонию.

«Нам присвоили Героя!»

Сабит Атаевич всегда заботился о своей семье, переживал за каждого ее члена. В отличие от многих тогдашних руководителей, строивших из себя аскетов, Оруджев не считал необ-

ходимым скрывать своих чувств. Причем привязанность эта не была тайной и не скрывалась. В его кабинете на видном месте всегда красовались фотографии жены и дочерей.

— Я люблю и уважаю этих людей, поэтому мне всегда приятно их видеть, — говорил Сабит Атаевич посетителям, в том числе и иностранцам. И затем, подведя к фотографии, коротко рассказывал о каждом изображенном на ней человеке.

Юрий Петрович Баталин вспоминает случай, который произошел в середине 1960-х годов, когда он работал главным инженером Главтюменьнефтегазстроя. Тогда в Сургут с группой специалистов прилетел Оруджев, поработал первую часть дня, а затем на катере по Оби убыл в Нижневартовск. Баталин по какой-то важной причине опоздал к отходу катера и решил добраться до Нижневартовска самолетом (кроме водной и воздушной других коммуникаций в летнее время тогда в тех местах не было) и из-за этого сильно переживал. Ему хотелось обсудить с Сабитом Атаевичем ряд вопросов в спокойной обстановке, посоветоваться с ним по некоторым совместным делам, а лучших условий для этого, чем во время поездки на катере, найти было трудно. Поэтому Юрий Петрович решился на несколько неординарный шаг. Он договорился с начальником местного аэродрома о том, чтобы догнать катер Оруджева на самолете Ан-2, оснащенном поплавками.

Самолет, догнав катер, начал делать над ним круги, приглашая пристать к берегу. Он был замечен, и данная команда была выполнена. Но когда Баталин по трапу взошел на борт, к нему бросился взволнованный Оруджев.

— Говори скорее, что произошло? — потребовал он.

— Ничего особенного. Я опоздал к отходу катера и решил догнать вас таким образом, — ответил Баталин и, несколько растерянный реакцией и взволнованным видом Сабита Атаевича, начал что-то говорить о тех проблемах, которые хотел обсудить с ним во время плавания. Но Оруджев не слушал его.

— Слава богу! Слава богу, что ничего не случилось! — воскликнул он. — А я уж подумал, что либо война началась, либо с Фатимой или девочками что-то нехорошее произошло. Напугал ты меня, Баталин, не скрою. А с проблемами своими погоди. Если ничего не случилось чрезвычайного, мы их всегда спокойно обсудим и решим. А чтобы оправиться от волнений, пойдемте все вниз и выпьем по рюмке за благополучие в наших семьях, за здоровье жен и детей. Поверьте, от этого зависит не только наше душевное спокойствие, от этого во многом зависят и результаты той работы, которую мы делаем.

В тот вечер за ужином, который затянулся дольше обычно, Сабит Атаевич был весел, много говорил о своей семье, рас-

спрашивал нас о детях и внуках. И глядя на него, слушая его речи, видя его неподдельный интерес к ответам собеседников, многие открывали для себя в Оруджеве другого человека, до этого времени им неизвестного — доброго семьянина и заботливого отца. Эти человеческие качества проявлялись в нем с такой подкупающей искренностью, сомневаться в которой было невозможно.

Особое место в жизни Сабита Атаевича занимали его отношения с женой — Фатимой Алекперовной. Они были глубокими и доверительно-трогательными. В. Г. Чирсков вспоминает один яркий случай, который был связан с одной из зарубежных поездок Оруджева.

В те времена для того, чтобы министр мог выехать за границу, требовалось решение политбюро. Расписывалось все, начиная с состава делегации и заканчивая стоимостью подарков. Особо рассматривалось включение в состав делегации жены министра. Высшие чиновники почему-то на это шли весьма неохотно.

Данная проблема встала и при организации этой зарубежной поездки Оруджева. Фатима Алекперовна в состав делегации включена не была, а Сабит Атаевич без нее лететь не хотел. Он пошел в ЦК и прямо заявил об этом. Его начали уговаривать, убеждая, что надо лететь в любом случае, ссылаясь на политический характер этой поездки.

— Если надо, тогда пусть и Фатима летит со мной, — не сдавался Оруджев. — Вам хорошо известно, что во время таких поездок многие вопросы решаются не за столом переговоров, а в непринужденной домашней обстановке. Что скажу я принимающей стороне, когда будет задан вопрос о моей жене?

В конце концов Оруджев настоял на своем и в поездку отправился вместе с женой.

Еще один знаковый случай произошел в связи с присвоением Сабиту Атаевичу звания Героя Социалистического Труда. Чирскову рассказал о нем Анатолий Георгиевич Гудзь, который в тот момент находился в кабинете министра. Сабит Атаевич, услышав новость по телефону от какого-то важного чиновника из Кремля, как-то даже растерялся. Затем, наскоро поблагодарив за хорошее известие, он обратился к своему заместителю:

— Анатолий, скажи мне быстро номер моего домашнего телефона.

По всему было видно, что от нахлынувшего волнения он его забыл. Анатолий Григорьевич назвал номер, Оруджев набрал его, и когда жена подняла трубку, с сильным азербайджанским акцентом громко произнес:

— Фатима, нам с тобой присвоили звание Героя Социалистического Труда! Я поздравляю тебя с этим!

Присутствовавшим при этом стало ясно, что, выполняя ежедневно большую самостоятельную и ответственную работу, Сабит Атаевич в то же время не отделял себя от жены и поэтому в первую очередь поспешил поделиться с ней большой радостью.

Жена Оруджева Фатима Алекперовна, по воспоминаниям хорошо знавших ее людей, гармонично сочетала в себе качества жены, соратницы, друга, защитницы. По природе своей тихая и кроткая восточная женщина, она умела держать дистанцию и на людях никогда не вмешивалась в разговоры мужа. В то же время, являясь прекрасной хозяйкой, с готовностью принимала в своем доме многочисленных друзей и знакомых Сабита Атаевича, быстро и со знанием дела накрывала стол, легко общалась с другими женщинами, приходящими в их дом.

С мужем у Фатимы Алекперовны были доверительные, хорошие отношения. На ней держалось все домашнее хозяйство. Она прекрасно готовила плов и другие восточные блюда, всегда была в курсе дел Сабита Атаевича, но никогда не навязывала ему своего мнения.

Фатима Алекперовна много читала классическую и современную литературу, ненавязчиво подсказывая супругу, с чем ему не мешало бы познакомиться. Она была прекрасным хирургом, работала в Институте Вишневского, следила за здоровьем мужа, за его питанием на работе и дома. У нее был широкий круг общения, ее многие знали и ценили как хорошего доброжелательного человека. Она умерла в 1993 году, пережив мужа более чем на десять лет.

С возрастом Сабит Атаевич стал более болезненно переживать неудачи своего министерства, реакцию на них правительства страны. Так, в частности, он пережил глубокий стресс, когда на последнем в его жизни съезде партии, проходившем весной 1981 года, ему не предоставили слова для выступления. Оруджев волновался, нервничал. Правда, потом он все же высказался с трибуны. Но переживания не прошли даром и еще больше подорвали его здоровье.

21 апреля 1981 года С. А. Оруджева не стало. Скончался он скоропостижно вследствие неожиданно развившейся опухоли головного мозга. В день его похорон светило ясное апрельское солнце. На Новодевичьем кладбище огромная траурная процессия, море венков, толпа скорбящих людей. В некрологе, опубликованном в центральных газетах, подписи партийных функционеров занимали гораздо больше места, нежели само прощальное слово.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сабит Атаевич Оруджев прожил яркую и плодотворную жизнь. В раннем детстве он перенес все тяготы Гражданской войны, был у истоков строительства Советского государства в Закавказье, в нефтяную промышленность пришел в годы ее интенсивного развития. Ему довелось руководить крупными предприятиями нефтяной промышленности в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, организовывать хозяйственную деятельность Азербайджана в годы хрущевской оттепели, работать в Совете министров СССР и в Госплане СССР, быть первым заместителем министра нефтяной промышленности СССР, в течение девяти лет возглавлять газовую промышленность СССР.

Годы его руководства газовой промышленностью стали годами ее форсированного подъема. За 1970-е годы добыча газа в СССР возросла почти на 225 миллиардов кубометров, что превысило уровень, достигнутый за всю предыдущую историю развития газовой промышленности. Уже в 1980-е годы более 65 процентов промышленного газопотребления использовалось в технологических отраслях. К этому времени с применением природного газа производилось 93 процента стали и чугуна, 45 процентов проката черных металлов, 60 процентов цемента, 82 процента аммиака и 95 процентов минеральных удобрений. Число газифицированных городов и поселков достигло пяти тысяч, а количество людей, пользующихся природным и сжиженным газом, увеличилось до 200 миллионов человек. В эти чрезвычайно трудные годы Оруджев положил начало промышленному освоению крупных газовых месторождений Крайнего Севера в условиях вечной мерзлоты и месторождений с аномально высоким содержанием сероводорода, которые и в настоящее время остаются главной сырьевой базой отечественной газовой промышленности.

Но со временем память о нем начала постепенно стираться. Сегодня о Сабите Атаевиче помнят немногие. Правда, в Баку есть улица, названная именем Сабита Оруджева, в Надыме — набережная, в Нефтяных Камнях — комната-музей, в Уренгое — музей и объединение «Уренгойгаздобыча», носящее его имя. В 1980-е годы в Финляндии было построено судно, названное «Сабит Оруджев», которое затем долгое время служило для доставки морских нефтяников-вахтовиков из Баку в Нефтяные Камни и обратно.

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ С. А. ОРУДЖЕВА

Оруджев С. А. Применение метода аэризации жидкости при освоении скважин НК Орджоникидзенефти // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1940. № 6.

Оруджев С. А. Орджоникидзенефть на подъеме // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1940. № 10—11.

Оруджев С. А. Освоение глубоких нефтяных скважин аэризацией. Баку: Азнефтеиздат, 1943.

Оруджев С. А. Новый тип ротора для скоростного бурения // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1947. № 12.

Оруджев С. А. Метод поддержания пластового давления на промыслах Краснодарнефти // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1948. № 3.

Оруджев С. А., Афонский А. В. О приоритете советской техники по созданию сборно-разборных оснований для морских буровых // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1949. № 7.

Оруджев С. А. Роторный стол для вращательного бурения скважин [Авторское свидетельство] // Бюллетень изобретений. 1957. № 7.

Оруджев С. А. Морские месторождения нефти Азербайджанской ССР в пятой сталинской пятилетке // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1953. № 2.

Оруджев С. А. Развитие добычи нефти на морских месторождениях в пятой сталинской пятилетке // Нефтяное хозяйство. 1953. № 2.

Оруджев С. А. За повышение качества показателей буровых работ // Нефтяное хозяйство. 1956. № 1.

Оруджев С. А. Итоги применения методов поддержания пластового давления и задачи по дальнейшему внедрению этих методов // Опыт разработки нефтяных месторождений [Тематический сборник]. М., 1957.

Оруджев С. А. К некоторым итогам буровых работ за 1956 г. // Нефтяное хозяйство. 1957. № 1.

Оруджев С. А., Алиханов Э. Н. К некоторым итогам развития добычи нефти на морских площадях Азербайджана // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1957. № 11.

Оруджев С. А. К новому подъему промышленности Азербайджана // Технично-экономический бюллетень Азербайджанского совнархоза. 1958. № 1.

Оруджев С. А. и др. Основание под морскую буровую [Авторское свидетельство] // Бюллетень изобретений. 1958. № 1.

Оруджев С. А. За дальнейший подъем нефтяной промышленности Азербайджана // Нефтяное хозяйство. 1960. № 2.

Оруджев С. А. Глубокое основание морской буровой // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1961. № 4.

Оруджев С. А. Основание под морскую буровую [Авторское свидетельство] // Бюллетень изобретений. 1961. № 5.

Оруджев С. А. Экономическая целесообразность ускоренной разведки и разработки нефтяных месторождений Каспийского моря // Нефтяное хозяйство. 1961. № 3.

Оруджев С. А. Глубоководное крупноблочное основание морских буровых: Метод освоения новых нефтяных месторождений Каспийского моря. М.: Гостоптехиздат, 1962.

Оруджев С. А. Нефтедобывающая промышленность Японии. М.: Гостоптехиздат, 1963.

Оруджев С. А., Тимофеев Н. С., Мзареулов Д. К. О нефтедобывающей промышленности Японии // Нефтяное хозяйство. 1963. № 2.

Оруджев С. А., Асан-Нури А. А. Основание для разведочного и эксплуатационного бурения в водоемах с мощным ледовым покровом [Авторское свидетельство] // Бюллетень изобретений. 1963. № 4.

Оруджев С. А., Асан-Нури А. А., Бабаев Н. Б. Плавающая буровая установка итальянского производства // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1963. № 10.

Оруджев С. А. Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и технический прогресс в нефтедобывающей промышленности // Нефтяное хозяйство. 1963. № 1.

Оруджев С. А. Декабрьский Пленум ЦК КПСС и задачи дальнейшего развития попутного газа на промыслах // Нефтяное хозяйство. 1964. № 3.

Оруджев С. А., Каламкаров В. А. и др. Достижения советских нефтяников в разработке нефтяных месторождений // Нефтяное хозяйство. 1964. № 9.

Оруджев С. А. Задачи в области улучшения разработки и увеличения нефтеотдачи пластов по нефтяным месторождениям СССР // Вопросы интенсивной разработки и увеличения нефтеотдачи нефтяных месторождений СССР: Материалы Всесоюзного совещания в г. Баку, ноябрь 1963 г. М., 1964.

Оруджев С. А. Итоги дискуссии по статье В. Д. Шашина, Г. К. Максимовича и Д. Н. Левченко «О подготовке нефти на промыслах» // Нефтяное хозяйство. 1964. № 12; 1965. № 8.

Оруджев С. А. и др. Морская нефть СССР // Нефтяное хозяйство. 1964. № 9—10.

Оруджев С. А. Нефть из-под льда // Изобретатель и рационализатор. 1964. № 4.

Оруджев С. А. Вступительное слово на открытии совещания в г. Октябрьском // Материалы Всесоюзного совещания по обмену опытом автоматизации и организации труда на нефтепромыслах г. Октябрьский, август 1964 г. М., 1965.

Оруджев С. А. Голландская самоподнимающаяся морская плавающая установка // Бурение: Научно-технический сборник ВНИИОЭНГ. 1965. № 12.

Оруджев С. А. Нефтедобывающая промышленность Ирана. М.: Государственный комитет по нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР, 1965.

Оруджев С. А. Нефть Мангышлака // Правда. 1965. 21 мая.

Оруджев С. А., Левин С. М. К переводу предприятий нефтедобывающей промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования // Нефтяное хозяйство. 1966. № 7.

Рецензия на книгу Н. В. Мельникова «Минеральное топливо» // Нефтяное хозяйство. 1967. № 5. С. 70—71.

Оруджев С. А. Нефтегазодобывающая промышленность Нидерландов: Краткий обзор. М.: Государственный комитет по нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР, 1966.

Оруджев С. А., Тимофеев Н. С., Асан-Нури А. О. Освоение морских нефтяных месторождений СССР // Нефтяное хозяйство. 1967. № 10.

Оруджев С. А. Заключительное слово на совещании по вопросам о плотности сеток скважин при разработке нефтяных месторождений // Влияние плотности сетки скважин и их размещение на нефтеотдачу промыслов: Материалы совещания. Минск, 6—8 июля 1967 г. М.: ВНИИОЭНГ, 1968.

Оруджев С. А., Левин С. М., Арутюнов А. И. Некоторые вопросы хозяйственной реформы в нефтедобывающей промышленности // Нефтяное хозяйство. 1967. № 5.

Оруджев С. А. Прогресс в области добычи нефти в мире. М.: ВНИИОЭНГ, 1967.

Оруджев С. А. Состояние нефтедобывающей промышленности Ирана и разработка сходных по условиям залежей Чечено-Ингушской АССР. М.: Министерство нефтедобывающей промышленности СССР, 1967.

Оруджев С. А. Влияние плотности сетки скважин на разработку нефтяных месторождений (по итогам совещания в Минске) // Нефтяное хозяйство. 1968. № 1.

Оруджев С. А. и др. Современное состояние вопроса о плотности сеток скважин при разработке нефтяных месторождений // Влияние плотности сетки скважин и их размещение на нефтеотдачу промыслов: Материалы совещания. Минск, 6—8 июля 1967 г. М.: ВНИИОЭНГ, 1968.

Оруджев С. А. и др. Состояние и основные задачи совершенствования нефтяных месторождений в поздней стадии // Состояние и основные задачи совершенствования разработки нефтяных месторождений в поздней стадии: Материалы совещания. Москва, 12—14 ноября 1968 г. М.: ВНИИОЭНГ, 1970.

Oroudjev S. USSR 300 millions t. de petrol on 1968. Petrol Lubri Europe, 1968. X. Vol. 5. N 149.

Оруджев С. А. Основные задачи совершенствования разработки нефтяных месторождений, вступающих в позднюю стадию // Нефтяное хозяйство. 1969. № 2.

Оруджев С. А. Состояние и основные задачи совершенствования разработки нефтяных месторождений в поздней стадии // Нефтяная геология и геофизика: Научно-технический сборник ВНИИОЭНГ. 1969. № 1.

Оруджев С. А. Год юбилейный — свершения и планы // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1970. № 4.

Оруджев С. А. Освоение нефтегазовых ресурсов шельфов СССР — проблема государственного значения // Известия АН Азербайджанской ССР: Серия наук о Земле. 1970. № 3—4.

Оруджев С. А. и др. Проблемы освоения нефтегазовых ресурсов шельфов СССР // Нефтяное хозяйство. 1970. № 4.

Оруджев С. А. Задачи в области технологии разработки нефтяных месторождений в свете Директив XXIV съезда КПСС // Нефтяное хозяйство. 1971. № 5.

Оруджев С. А. Коллекторские свойства отложений кирмакинской свиты юго-восточной части Апшеронского архипелага // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1971. № 12.

Оруджев С. А., Борисов Ю. П. и др. Опыт разработки нефтяных месторождений СССР с применением заводнения и пути его совершенствования // Добыча углеводородов на поздней стадии развития месторождений. М., 1971.

Оруджев С. А. и др. Применение подземных ядерных взрывов для интенсивной разработки нефтяных месторождений: Специальный доклад на VIII Мировом конгрессе // Реферативный журнал «Oil and Gas Internal». 1971. IX. Vol. 11. N 9.

Оруджев С. А. Вода и нефть // Социалистическая индустрия. 1972. № 188.

Оруджев С. А. Техника добычи нефти. М.: Недра, 1973. (Ред.)

Оруджев С. А. Задачи развития газовой промышленности в 1974 г. в свете решений декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС // Газовая промышленность. 1974. № 7.

Оруджев С. А. Задачи технического переоснащения газовой промышленности // Газовая промышленность. 1975. № 6.

Оруджев С. А. Научно-технический прогресс и совершенствование управления — основа ускоренного развития газовой промышленности // Плановое хозяйство. 1975. № 1.

Оруджев С. А. Нефтяная промышленность Азербайджана в годы Великой Отечественной войны // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1975. № 5.

Оруджев С. А. Растут поставки газа в страны — члены СЭВ // Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. 1975. № 3.

Оруджев С. А. Газовая промышленность на пути прогресса. М.: Недра, 1976.

Оруджев С. А. Газовая промышленность СССР: состояние и перспектива развития // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1976. № 1.

Оруджев С. А. Новые рубежи газовой промышленности // Агитатор. 1976. № 18.

Оруджев С. А. Основные задачи развития газовой промышленности в 1976 году — первом году десятой пятилетки // Газовая промышленность. 1976. № 1.

Оруджев С. А. и др. Основные направления повышения эффективности производства газовой промышленности в свете решений XXV съезда КПСС. М.: Научно-экономический обзор ВНИИЭгазпрома, 1976.

Оруджев С. А. Основные направления повышения эффективности производства в отрасли в свете решений XXV съезда КПСС // Газовая промышленность. 1976. № 11.

Оруджев С. А. и др. Современное состояние и задачи отрасли по совершенствованию систем разработки нефтяных месторождений с заводнением // Пути дальнейшего совершенствования систем разработки нефтяных месторождений с заводнением. Альметьевск, 1976.

Оруджев С. А. Газовая промышленность к 60-летию Великого Октября // Нефтяное хозяйство. 1977. № 10.

Оруджев С. А. Газовая промышленность СССР и перспективы ее развития // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1977. № 11.

Оруджев С. А. Газовая промышленность СССР // Газовая промышленность. 1977. № 11.

Оруджев С. А. Основные направления развития газовой промышленности в юбилейном году // Газовая промышленность. 1977. № 4.

Оруджев С. А., Козловский К. А., Шашин В. Д. Журнал «Геология нефти и газа» // Геология нефти и газа. 1977. № 1.

Оруджев С. А. Бережно использовать газ // Правда. 1978. 14 июня.

Оруджев С. А. Добыча газа в северной части Сибири: Трудности добычи и транспорта газа в условиях Сибири // Gas World. 1978. XI. Vol. 183.

Оруджев С. А. Важное звено решения топливно-энергетической и сырьевой проблемы // Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. 1979. № 1.

Оруджев С. А. Задачи работников газовой промышленности в свете решений ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС // Газовая промышленность. 1979. № 4.

Оруджев С. А. Приветствие // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1979. № 9.

Оруджев С. А. Славное тридцатилетие Нефтяных Камней // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1979. № 12.

Оруджев С. А. Задачи работников газовой промышленности на 1980 год // Газовая промышленность. 1980. № 2.

Оруджев С. А. О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Газовая промышленность. 1980. № 8.

Оруджев С. А. Голубое золото Западной Сибири. М.: Недра, 1981.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. А. ОРУДЖЕВА¹

- 1912, 31 мая — родился в семье Атабабы и Месмы Оруджевых в Баку.
- 1928 — окончание средней школы.
- 1929 — работа учителем в школе села Ширазлы Армянской ССР.
- 1930 — учитель школы колхозной молодежи в селении Хизы Азербайджанской ССР. Поступление в Азербайджанский нефтяной институт в Баку.
- 1934 — женитьба на Вере Михайловне Трофимовой.
- 1936 — окончание Азербайджанского индустриального института им. М. Азизбекова (так стал называться нефтяной институт). Работа механиком компрессорного хозяйства, затем мастером по добыче нефти 5-го промысла треста «Орджоникидзенефть», город Баку.
- 1937 — заведующий отделом политучебы, второй секретарь Орджоникидзевского райкома ЛКСМ; заведующий отделом школ Бакинского райкома ЛКСМ Азербайджана.
- 1938 — секретарь Шаумяновского райкома ЛКСМ Азербайджана, заведующий 9-м промыслом треста «Орджоникидзенефть» в Баку.
- 1939 — рождение дочерей Юлианы и Поляры; назначение управляющим трестом «Орджоникидзенефть».
- 1940 — награждение орденом Трудового Красного Знамени.
- 1941 — рождение дочери Роксаны.
- 1942 — награждение орденом Ленина за образцовое выполнение правительственного распоряжения по увеличению добычи нефти, производство оборонных нефтепродуктов и боеприпасов. Работа в Баку заместителем начальника Азнефтекомбината по бурению.
- 1943 — защита диссертации кандидата технических наук. Публикация брошюры «Освоение глубоких нефтяных скважин аэризацией».
- 1944 — работа управляющим нефтяным трестом «Сталиннефть» объединения «Азнефть» в Баку. Развод с Верой Михайловной.
- 1945 — награждение медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Женитьба на Фатиме Алекперовне Дадашевой. Назначение главным инженером и заместителем начальника объединения «Азнефть» в Баку.
- 1946, февраль — назначение начальником отдела добычи нефти Главзападнефтедобычи Министерства нефтяной промышленности СССР в Москве.
- Август — перевод в Краснодар на должность главного инженера и заместителя начальника объединения «Краснодарнефть».
- Декабрь — возвращение в Баку, работа управляющим трестом «Бузовнынефть».
- 1947 — разработка метода закачки воздуха в пласт.
- 1948 — публикация брошюры «Метод поддержания давления. Опыт применения на промысле Широкая Балка Краснодарнефти». Награждение орденом Трудового Красного Знамени. Работа начальником объединения «Азнефтеразведка».
- 1949 — назначение начальником Главморнефти и заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Принятие в члены ЦК КП(б) Азербайджана и в кандидаты в члены Бюро ЦК КПСС.
- 1950 — присуждение Сталинской премии третьей степени.

¹ Сверены с документами: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Личное дело Оруджева С. А.

- 1951 — присуждение Сталинской премии первой степени, награждение медалью «За трудовое отличие».
- 1953 — избрание депутатом Верховного Совета СССР четвертого созыва. Начальник Главного управления по добыче нефти в южных и западных районах «Главзападнефтедобыча» Министерства нефтяной промышленности СССР.
- 1955 — заместитель министра нефтяной промышленности СССР.
- 1957 — назначение на должность председателя Совета народного хозяйства Азербайджанского экономического административного района в Баку. Заместитель председателя Совета министров Азербайджанской ССР.
- 1958 — избрание депутатом Верховного Совета СССР пятого созыва, членом бюджетной комиссии Совета Союза Верховного Совета СССР, членом Бюро ЦК КП Азербайджана.
- 1959 — награждение орденом Ленина за выдающиеся заслуги нефтяной и газовой промышленности. Постоянный представитель Совета министров Азербайджанской ССР при Совете министров СССР.
- 1960 — член ЦК КП Азербайджана.
- 1962 — защита докторской диссертации. Заместитель председателя Государственного комитета по топливной промышленности при Совете министров СССР.
Октябрь — поездка в Японию.
- 1963 — заместитель председателя Государственного комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР.
- 1964 — первый заместитель председателя Государственного комитета нефтедобывающей промышленности при Госплане СССР. Поездка в Иран.
- 1965 — первый заместитель министра нефтедобывающей промышленности СССР.
- 1966 — награждение орденом Трудового Красного Знамени за успешное выполнение заданий семилетнего плана по добыче нефти и заслуги в развитии нефтедобывающей промышленности. Присвоение научного звания профессора.
- 1967 — второй визит в Иран. Избрание членом-корреспондентом Академии наук Азербайджанской ССР.
Апрель — участие в работе VII конгресса нефтяников в Мексике.
- 1970 — первый заместитель министра нефтяной промышленности СССР. Присуждение Ленинской премии за разработку и внедрение высокоэффективных комплексных, технико-технологических решений, обеспечивающих ускоренное развитие добычи нефти в Тюменской области.
- 1971 — награждение орденом Октябрьской Революции за выполнение заданий пятилетнего плана по развитию промышленности, строительства, транспорта и связи.
Июнь — участие в работе VII Всемирного нефтяного конгресса в Москве.
- 1972 — назначение на должность министра газовой промышленности СССР.
- 1974 — избрание депутатом Верховного Совета девятого созыва.
- 1976 — избрание на XXV съезде партии кандидатом в члены ЦК КПСС. Награждение орденом Трудового Красного Знамени за достижение высоких показателей в выполнении задач девятой пятилетки.
- 1980 — присуждение звания Героя Социалистического Труда с вручением золотой медали «Серп и Молот» и ордена Ленина за большие заслуги перед Советским государством в развитии нефтяной и газовой промышленности.
- 1981 — избрание на XXVI съезде партии членом ЦК КПСС.
20 апреля — Сабит Атаевич Оруджев скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

ЛИТЕРАТУРА

Андриянов В. И., Чирсков В. Г. Борис Щербина. М.: Молодая гвардия, 2009.

Асриянц Э. А. От рабочего до министра: К 75-летию со дня рождения С. А. Оруджева // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1987. № 5.

Байбаков Н. К. Моя родина Азербайджан. М.: Газойл пресс, 2001.

Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М.: Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2005.

Видный деятель нефтяной промышленности СССР // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 1972. № 5.

Голубое золото Западной Сибири: Рецензия на книгу С. А. Оруджева // Газовая промышленность. 1992. № 6.

Горная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Каширов С. С. От управления отдельными объектами к управлению важнейшими подсистемами газовой промышленности // Газовая промышленность России. Исторический очерк. М.: Газойл пресс, 2000.

Нариманов А. А., Фролов А. Н. Газовая промышленность вчера, сегодня, завтра. М.: Недра, 1993.

Профессионалы нефтегазовой отрасли. М.: Нефтяник, 1996.

Рунов В. А. Михаил Сидоренко. М.: Ист-факт, 2007.

Рунов В. А. Российская газовая империя. М.: Ист-факт, 2008.

Рунов В. А., Седых А. Д. Сабит Оруджев. М.: Ист-факт, 2002.

С. А. Оруджеву 60 лет // Известия высших учебных заведений: Нефть и газ. 1972. № 5.

Сабит Атаевич Оруджев // Нефтяное хозяйство. 1992. № 9.

Сабит Атаевич Оруджев [Некролог] // Геология нефти и газа. 1981. № 9.

Халатин В. И. Проблемы функционирования и развития газотранспортной системы страны // Газовая промышленность России. Исторический очерк. М.: Газойл пресс, 2000.

Чазов Е. И. Как уходили вожди: Записки главного врача Кремля. М.: Эксмо; Алгоритм, 2012.

Чирсков В. Г. Артерии жизни: Становление и развитие Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. М.: Ист-факт, 2003.

Чирсков В. Г., Рунов В. А. Газовая промышленность Советского Союза. М.: Ист-факт, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. И. Шмаль. Человек-легенда	5
Введение	7

Часть первая. НА СЛУЖБЕ У БОЛЬШОЙ НЕФТИ

Глава первая. В НАЧАЛЕ БОЛЬШОГО ПУТИ	16
Зарождение нефтяного дела в России	16
Отец	18
В огне Гражданской войны	20
Первые шаги	22
Сельский учитель	25
На пути к профессии	25
Глава вторая. ПЕРВЫЕ ВЫСОТЫ	28
Прикосновение к нефти	28
Время больших перемен	29
Всесоюзное совещание нефтяников	30
Возвращение к нефти	32
«Второй Баку»	32
Управляющий трестом	34
Глава третья. НАКАНУНЕ БОЛЬШОЙ ГРОЗЫ	35
Железный Лазарь	35
Нарком Седин	36
Приезд Байбакова	38
Встреча со Сталиным	40
Глава четвертая. ЧЕРНАЯ «КРОВЬ» БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ	42
«Внезапное» нападение	42
Враг рвется на Кавказ	44
Секретная миссия	45
Бойцы трудового фронта	47
Башкирия в годы войны	48
Шаги в море	51
Финал наркома Седина	51
Нарком Байбаков	53
Оборотная сторона медали	54
Новые задачи	57
Долгожданная Победа	60
Глава пятая. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ	62
Главный инженер Азнефти	62
Волонтеристские решения	62
Первый магистральный	64
Конфликт с Багировым	65
Возвращение в Баку	67
Азнефтеразведка	70
Нефтяные Камни	71
Глава шестая. ХРУЩЕВСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ	79
Смерть вождя	79
Михаил Евсеев	80
Большие перемены	82
Совнархозы	84

Конфликт властей	93
Последствия конфликта	95
Представитель при Совмине СССР	97
Визит в Японию	98
Совещание в Баку	101
Новые назначения	102
Глава седьмая. НА ОСТРИЕ НЕФТЯНОЙ НАУКИ	104
Валентин Шашин	104
Первый заместитель министра нефтяной промышленности ..	105
Ликвидация аварии	106
Основание для морских буровых	108
Центральная комиссия по разработке нефтяных и газовых месторождений	111
Нефть Западной Сибири	113
Тушение пожара подземным ядерным взрывом	116
Проблемы конца 1960-х годов	120
Поездка в Нидерланды и Иран	122
Доклад на Всемирном конгрессе нефтяников	123
На службе мирного атома	123
Высокие оценки	127

Часть вторая. ВО ГЛАВЕ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Глава первая. НАЗНАЧЕНИЕ	130
Спорный план	130
Нелегкое решение	132
Алексей Кортунов	134
«Поддержи Сабита!»	136
Глава вторая. ТРУДНОЕ НАЧАЛО	138
Команда	138
Трения	140
Последний год невыполнения плана	142
Глава третья. БОЛЬШОЙ ГАЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	144
Сложности добычи тюменского газа	144
<i>Месторождение Медвежье</i>	148
<i>Уренгойское месторождение</i>	151
Правительственные делегации в Тюменскую область	155
Ощутимые шаги	158
Глава четвертая. ГАЗОВАЯ ЭПОПЕЯ ОРЕНБУРГА	162
Пробуждение оренбургского газа	162
Первые решения	165
Межправительственное соглашение	167
Глава пятая. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МАГИСТРАЛЬНОГО ТРАНСПОРТА ГАЗА	171
Первые магистральные трубопроводы	171
Русла новых газовых рек	173
Стремительный рывок	175
В канун XXV съезда КПСС	178
Первый год десятой пятилетки	179
Пуск внеплановой компрессорной	181
На пульсе времени	184
Артерии жизни	186

<i>Глава шестая.</i> ПОДЗЕМНОЕ ХРАНЕНИЕ ГАЗА	188
Первый опыт	188
Расширение фронта работ	195
<i>Самое крупное в мире</i>	195
Неиссякаемые резервы	196
<i>Глава седьмая.</i> ЭКСПОРТ СОВЕТСКОГО ГАЗА	200
Начало экспорта	200
Долгосрочные контракты	201
Газовая дипломатия	203
<i>Глава восьмая.</i> НАЧАЛО РАЗРАБОТОК МОРСКИХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ГАЗА	209
Министр в тельняшке	209
Конкретные дела	210
Ликвидация морской аварии	212
На Выставке достижений народного хозяйства	212
Большая мечта	213
Мундир адмирала	214
<i>Глава девятая.</i> РАЗВИТИЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ	215
Создание научной базы отрасли	215
Отбор газа с месторождений	218
Новые газоперекачивающие агрегаты	220
Буровые работы	223
Автоматизация управления	225
Начало астраханского газа	226
<i>Глава десятая.</i> УПРАВЛЕНИЕ ОТРАСЛЬЮ	229
Реорганизация управления	229
Переход на новую систему	234
Государственный подход	236
Стиль управления	238
Неординарные приемы	242
Конструктивные решения	245
На страже интересов отрасли	246
Истина рождалась в спорах	248

Часть третья. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

<i>Глава первая.</i> НА УРОВНЕ СОВМИНА СССР	254
Феномен Алексея Косыгина	254
Отставка Косыгина	258
Николай Тихонов	262
<i>Глава вторая.</i> ЗАБОТА О ЛЮДЯХ	265
Верблюды на буровой	265
Не ищите виноватых	267
«Вам прислать валенки?»	269
Папка министра	270
Еще раз об ответственности	271
Мелочей не бывает	274
<i>Глава третья.</i> ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА	276
Как от холода дрожит душа... ..	276
Честь отрасли	278
Национальный вопрос	278
Языковой барьер	281

Борьба с вредными привычками	282
Хвосты и рога	284
В часы досуга	285
Котята	286
«Нам присвоили Героя!»	287
Заключение	291
<i>Приложение. Печатные труды С. А. Оруджева</i>	292
Основные даты жизни и деятельности С. А. Оруджева	297
Литература	299

Рунов В. А., Седых А. Д.
Р 86 Оруджев / Валентин Рунов; Александр Седых; вступ.
ст. Г. И. Шмаля. — М.: Молодая гвардия, 2012. —
303[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. би-
огр.; вып. 1386).

ISBN 978-5-235-03557-7

Книга посвящена жизни и деятельности выдающегося руководителя нефтяной и газовой промышленности СССР, Героя Социалистического Труда Сабита Атаевича Оруджева, с именем которого связано становление и развитие топливно-энергетического комплекса страны. Как крупный ученый и государственный деятель он внес неоценимый вклад в разработку рациональных способов добычи нефти и газа, строительство морских нефтегазопромысловых сооружений, освоение месторождений нефти и газа в морских акваториях и районах Крайнего Севера с суровыми природно-климатическими условиями и многих других регионах.

УДК 622.32
ББК 65.304.13

Рунов Валентин Александрович
Седых Александр Дмитриевич
ОРУДЖЕВ

Редактор **Е. С. Писарева**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Сдано в набор 15.06.2012. Подписано в печать 09.07.2012. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
15,96+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1208700.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Суцневская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsetl@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03557-7